МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Том 13 № 4 2017

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2017

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Том 13 № 4 2017

Редакционный совет

Д. Андерсон, профессор Абердинского университета (Великобритания)
Б.В. Базаров, академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Российская Федерация)
Т. Гебел, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
К. Граф, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
В.Г. Дацышен, доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Российская Федерация)
Дж. Зайкер, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (США)
М.В. Константинов, доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Российская Федерация)
Н.Н. Крадин, член-корреспондент РАН, профессор Дальневосточного федерального университета (Российская Федерация)
Р. Лозей, профессор Университета Альберта (Канада)
Т. Номоконова, кандидат исторических наук Университета Альберта (Канада)
А.В. Олейников, доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Российская Федерация)
А.А. Тишкин, доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Российская Федерация)
Д. Эрдэнээбаатор, профессор Национального университета Монголии (Монголия)

Редакционная коллегия

Главный редактор – П.А. Новиков, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Зам. гл. редактора – А.В. Харинский, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
И.В. Наумов, доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
А.В. Тетенькин, кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
С.И. Кузнецов, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Российская Федерация)
Ю.А. Петрушин, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Российская Федерация)

Сведения о журнале можно найти на сайте: http://ildt.istu.edu/
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.
Журнал основан в 2003 г.
Периодичность издания – ежеквартально
Учредитель Иркутский национальный исследовательский технический университет
Подписной индекс в «Каталоге российской прессы» – 31987
Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», 2017

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION

IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL of ANCIENT TECHNOLOGY LABORATORY

Vol. 13 No. 4 2017

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2017

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

JOURNAL
of ANCIENT TECHNOLOGY LABORATORY

Vol. 13 No. 4 2017

Editorial council

D. Anderson, Professor, University of Aberdeen (UK)
B.V. Bazarov, Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Russian Federation)
T. Goebel, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
K. Graf, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
V.G. Datsyshen, Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Russian Federation)
J. Ziker, Professor, Boise State University (USA)
M.V. Konstantinov, Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Russian Federation)
N.N. Kradin, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Professor of Far Eastern Federal University (Russian Federation)
R. Losey, Professor, University of Alberta (Canada)
T. Nomokonova, PhD, University of Alberta (Canada)
A.V. Oleinikov, Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Russian Federation)
A.A. Tishkin., Doctor of History, Professor of Altai State University (Russian Federation)
D. Erdenebaator, Professor, National University of Mongolia (Mongolia)

Editorial board

Editor-in-Chief – P.A. Novikov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Deputy Editor-in-Chief – A.V. Kharinskiy, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
I.V. Naumov, Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
A.V. Teten'kin, Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
S.I. Kuznetsov, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russian Federation)
Yu.A. Petrushin, Doctor of History, Professor of Irkutsk State University of Railway Transport (Russian Federation)

Reference to website: http://ildt.istu.irk.ru/
The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor)
Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015
The Journal was founded in 2003
Frequency of publication – quarterly
Founder: Irkutsk National Research Technical University
Subscription index in the “Catalog of the Russian Press” – 31987
The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)
The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Publishers: 83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© FSBEIHE «INRTU», 2017

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Том 13 № 4 2017

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Тетенькин А.В. Каменный инвентарь 2Б культурного горизонта стоянки Коврижка IV на Витиме 9

Блонг Дж.С. Поселение раннеголоценового возраста в верхней части бассейна р. Саситна, Центральная Аляска..... 27

Константинов Н.А., Урбушев А.У. Потревоженное погребение пазырыкской культуры в Юго-Восточном Алтае 51

Коновалов П.Б. Средневековые погребальные памятники Монголии и вопросы раннемонгольской археологической культуры 65

ЭТНОЛОГИЯ

Миягашева С.Б. Охотничьи ритуалы бурят в шаманских рукописях..... 85

Бураева О.В. Охота как традиционная отрасль хозяйства эвенков Бурятии 98

Михалев М.С. Искусство быть неассимилированным. Стратегии шэнэхэнских бурят в контексте российско-китайской границы 108

ИСТОРИЯ

Наумова О.Е. Деятельность архиерея Вениамина Багрянского во главе Иркутской епархии 121

Гуров К.А., Серебренников И.П. Трансформация исторических смыслов понятия «террор» в 1794–1917 гг. 127

Федорова Т.В., Степанов А.В. Контрразведывательная деятельность особого отдела Иркутского губернского жандармского управления во второй половине XIX – начале XX века 134

Новиков П.А., Каркотко А.Ю. Маневр русских войск при ликвидации Свенцянского прорыва 1915 г. 145

Хипхенов Г.И. Правда и «кривда» о красных отрядах. Из военно-политической истории периода «первой Советской власти» в Восточной Сибири (1917–1918 гг.) 154

Вдовин А.С., Бобрик И.Е. Отделение церкви от государства в Енисейской губернии (1920–1923 гг.): музейный аспект..... 176

Скорикова Н.А. Корейские коммунисты в Иркутске (весна, 1921 год) 185

Горохов В.В. Особенности процесса политических репрессий командно-начальствующего состава Черноморского флота в 1937–1938 гг. и уточненные количественные и качественные показатели масштаба политической чистки 192

Мильбах В.С., Фомичев С.О. Деятельность особого отдела Главного управления государственной безопасности Уральского военного округа в 1938 г. (по материалам спецсообщений особого отдела) 199

ПЕРСОНАЛИЯ

Именохоев Н.В. Археолог, историк, монголовед… (К юбилею Прокопия Батюровича Коновалова) 206

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением. Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова

JOURNAL
of ANCIENT TECHNOLOGY LABORATORY

Vol. 13 No. 4 2017

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Tetenkin A.V. Stone Assemblage of Cultural Horizon 2B of the Site Kovrizhka IV on Vitim 9

Blong J.C. Early Holocene Settlement of the Upper Susitna River Basin, Central Alaska 27

Konstantinov N.A, Urbushev A.U. Disturbed Burial of Pazyryk Culture from South-Eastern Altai 51

Konovalov P.B. Medieval Burial Sites of Mongolia and Questions of Early Mongolian Archaeological Culture 65

ETHNOLOGY

Miyagasheva S.B. Hunting rituals of the Buryats in shamanic manuscripts 85

Buraeva O.V. Hunting as a Traditional Industry of the Evenks of Buryatia 98

Mikhalev M.S. The Art of Not Being Assimilated. Strategies of Shenehen Buryats in the Context of Russia-China Border 108

HISTORY

Naumova O.E. Activity of the Hierarch Venyamin Bagryansky at the Head of the Irkutsk Diocese 121

Gurov K.A., Serebrennikov I.P. Transformation of the Historical Meanings of the Concept of "Terror" in 1794–1917 127

Fedorova T.V., Stepanov A.V. Counterintelligence Activities of the Department of the Irkutsk Provincial Gendarmerie Management in the Second Half of XIX – Early XX Century 134

Novikov P.A., Karkotko A.Yu. Maneuver of Russian Troops at the Elimination of the Sventsyan Break in 1915 145

Hipkhenov G.I. True and "Falsehood" about the Red Detachments. From the Military-Political History of the Period of the "First Soviet Power" in Eastern Siberia (1917–1918) 154

Vdovin A.S., Bobrik I.E. The Separation of Church and State in the Yenisey Province (1920–1923): the Museum Aspect 176

Skorikova N.A. Korean Communists in Irkutsk (Spring, 1921) 185

Gorokhov V.V. Features of Process of Political Repressions of the Command Personnel of the Black Sea Fleet in 1937–1938 and Refined Quantitative and Qualitative Indicators of Scale of Political Cleaning 192

Milbach V.S., Fomichev S.O. Activities of the special Department of the Main Directorate of State Security of the Ural Military District in 1938 (According to Secret Reports to the Special Department) 199

PERSONALIA

Imenokhoev N.V. Archaeologist, Historian, Mongolist… (On the Anniversary of Prokopy Baturovich Konovalov) 206

The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age. Excavations by A.V. Kharinsky. Photo by A.B. Danilov

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Том 13 № 4 2017

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает и развивает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи специалистов различных учреждений России, а также наших зарубежных коллег. Тематика выпуска охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся далеким прошлым.

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству по научным направлениям:
– история,
– археология,
– этнология.

Редколлегия

JOURNAL
of ANCIENT TECHNOLOGY LABORATORY

Vol. 13 No. 4 2017

Dear Readers!
We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the «Journal of Ancient Technology Laboratory».

Present number is five such book of the series yearly editions devoted to research history of Baikalian Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues. Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Early Antiquity.

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration in the following fields:
– history,
– archaeology,
– ethnology.

Editorial Board

Оригинальная статья / Original article
УДК 903.01 (571.53)
http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-9-26

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ 2Б КУЛЬТУРНОГО ГОРИЗОНТА СТОЯНКИ КОВРИЖКА IV НА ВИТИМЕ

© А.В. Тетенькин
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Аннотация. В статье представлена коллекция каменных артефактов 2Б культурного горизонта Коврижки IV. Это новый культурный комплекс, раскапывавшийся в 2015–2017 гг. Он датируется возрастом около 15,3 тыс. некалиброванных л. н. и представляет собой этап позднего палеолита Нижнего Витима, предшествующий времени существования опорных стоянок Авдеиха, Большой Якорь I, Усть-Каренга и Коврижка III. Наиболее представительными являются серии клиновидных микропластинчатых нуклеусов и долотовидных орудий. 12 найденных микронуклеусов вместе с апплицированными к ним отщепами и пластинами позволили реконструировать технические приемы подготовки и подновления микронуклеуса. Большинство клиновидных микронуклеусов изготовлено из бифасов, часть из которых принесена на стоянку извне. Небольшая часть микронуклеусов изготовлена на стоянке, преформами их были отщепы и тесловидные заготовки. Ударная площадка оформлялась на узком конце преформы. Описанный комплекс приемов обозначен как «коврижкинская техника микропластинчатого нуклеуса на нижнем Витиме». Наряду с ней, в одном контексте найдены продукты техники «юбецу», широко представленной на более поздних памятниках Большой Якорь I и Усть-Каренга.

Ключевые слова: поздний палеолит, производство микропластин, клиновидные нуклеусы, финальный плейстоцен, техника юбецу, долотовидные орудия, стоянка, Витим, Байкало-Патомское нагорье, Коврижка IV.
Формат цитирования: Тетенькин А.В. Каменный инвентарь 2Б культурного горизонта стоянки Коврижка IV на Витиме // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 9–26. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-9-26

STONE ASSEMBLAGE OF CULTURAL HORIZON 2B OF THE SITE KOVRIZHKA IV ON VITIM

© A.V. Tetenkin
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation

Abstract. The article publishes a collection of stone artifacts of cultural horizon 2B of the site Kovrizhka IV. This is a new cultural complex, which was excavated in 2015-2017. It dates from a radiocarbon age of about 15.300 BP Kyr and represents a stage of the Late Paleolithic of the Lower Vitim, preceding the time of existence of the wellknown sites of Avdeyikha, Bolshoy Yakor I, Ust-Karenga and Kovrizhka III. The most representative are the series of wedge-shaped microblade cores and chisels. The 12 microcores found together with the flakes and blades refitted to them made it possible to reconstruct the technical methods for preparing and updating the microcores.

Most wedge-shaped microres are made from bifaces, some of which are brought to the site from the outside. A small part of the microcores is made on the site, their preforms were flakes and adze-haped blanks. Striking platform was formed on the narrow end of the preform. The described set of techniques is designated as “the Kovrizhka’s technique of a microblade cores on the Lower Vitim”. Along with it, in the same context, the products of the technique “ubetsu”, widely represented on the later monuments of Bolshoy Yakor I and Ust-Karenga, were found.

Keywords: Late Paleolithic, production of microblades, wedge-shaped microcores, Final Pleistocene, ubetsu technique, chisel tools, site, Vitim, Baikal-Patom Upland, Kovrizhka IV
For citation: Tetenkin A.V. Stone Assemblage of Cultural Horizon 2B of the Site Kovrizhka IV on Vitim. Journal of Ancient Technology Laboratory. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 9–26. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-9-26

Введение

Стоянка Коврижка IV находится в Бодайбинском районе Иркутской области, в центральной части Байкало-Патомского нагорья (БПН), в нижнем течении р. Витим (НВ) (рис. 1. A, B, C). Открыта автором в 2004 г. В 2015–2017 гг. на Коврижке IV велись раскопки нового культурного горизонта, получившего обозначение «2Б» (Тетенькин и др., 2016). Среди всех культурных горизонтов, выявленных на Коврижке IV, он стал одним из самых выразительных в сюжетах планиграфии, коллекции культурных остатков, органических остатков – индикаторов палеоэкологической обстановки, датирования. Исчерпывающая публикация этих результатов еще предстоит. Задача данной статьи состоит во вводе в научный оборот коллекции артефактов из камня и характеристики эпизода обитания 2Б к. г. в аспектах каменного производства, орудийной деятельности и культурно-типологической принадлежности. Помимо публикации свежих материалов актуальность данной работы состоит в характере нового для нас этапа позднего верхнего палеолита БПН–НВ. Судя по радиоуглеродной дате 15,3 тыс. л. н., эпизод стоянки 2Б к. г. предшествовал времени существования опорных витимских стоянок Авдеиха, Большой Якорь I, Усть-Каренга, Коврижка III. В паре с более ранним и также представительным 6 к. г. Коврижки IV 2Б к. г. представляет новый этап позднего верхнего палеолита БПН–НВ.

Общие сведения о местонахождении Коврижка IV

Памятник расположен на правом берегу р. Витим, на куэстовой гряде 9–11-метровой цокольной террасы, отделенной выше по течению от мыса Коврижка распадком с ручьем, ниже по течению от местонахождения Коврижка I ложбиной (рис. 1.D; 2; 3.1, 2). Рыхлые покровные отложения представлены субаэральными супесями и песками (почвенные горизонты A, B, C, мощностью до 0,5 м), аллювиальными ритмичнослоистыми песками (мощностью около 1,5 м), галечно-валунной толщей (пройденная мощность 0,8 м). Выделены 18 уровней залегания культурных остатков, большей частью (кроме 1 и 2 к. г.) в аллювиальных седиментах. В 2012, 2014–2015 гг. в 6 культурном горизонте открыт и раскопан стояночный комплекс, обладающий признаками жилища (Тетенькин, 2014; 2016; Тетенькин и др., 2017). В 2015 г. в юго-восточной, ближней к реке части террасы и раскопа выявлена ситуация размыва Витимом всей пачки культуровмещающих отложений выше уровня 6 к. г. В зоне размыва сформирована более поздняя пачка аллювиальных отложений. Она включает в себя верхний культурный горизонт, получивший обозначение «2Б» (рис. 3.3). Культурные остатки залегают на глубине около 0,65 м от дневной поверхности, в подошве прослойки темно-серого алеврита мощностью 1–4 см. В кровле этой же прослойки выделен культурный горизонт 2А. Культуровмещающие отложения разбиты криогенными морозобойными трещинами, формирующими полигональную сеть, заложенными из контакта аллювиальных отложений со склоновыми.

По углю из культурного горизонта 2Б получена дата 15320±100 л. н. (LTL-16563A) (калиброванный возраст 18795–18356 л. н.) Она согласуется с датами по 6 к. г. 15558±103 л. н. (Ua-50437) (кость), 15740±100 л. н. (LTL-16562A) (уголь), 15750±60 (Beta – 453119) (уголь).

Во 2Б к. г. раскопан очажный комплекс с прилегающими к нему культурными остатками размером до 5 м в поперечнике (Тетенькин и др., 2016). На восточной половине очага поверх углей залегали 6 валунов и плит. Подошва культурного слоя и нижние поверхности культурных остатков интенсивно окрашены охрой. Каменные артефакты локализованы, преимущественно, на СВ–С–СЗ периферии очага. К югу от него найдены почти все крупные кости, включая две челюсти снежного барана. Общая площадь 2Б к. г., раскопанная в 2015–2017 гг., составила 42 кв. м.

В 2016 г. коллекция 2Б к. г. изучалась трассологом Дж. Жакье (университет г. Ренн, Франция) (Тетенькин и др., 2016).

Коллекция каменного инвентаря

Коллекция каменных артефактов раскопок 2015–2017 гг. состоит из 7243 экземпляров. Из них изделия составляют 35 экз., фрагменты микропластин – 233 экз., технические сколы – 17 экз., отщепы – 597 экз., чешуйки – 6361 экз. В изделия входят

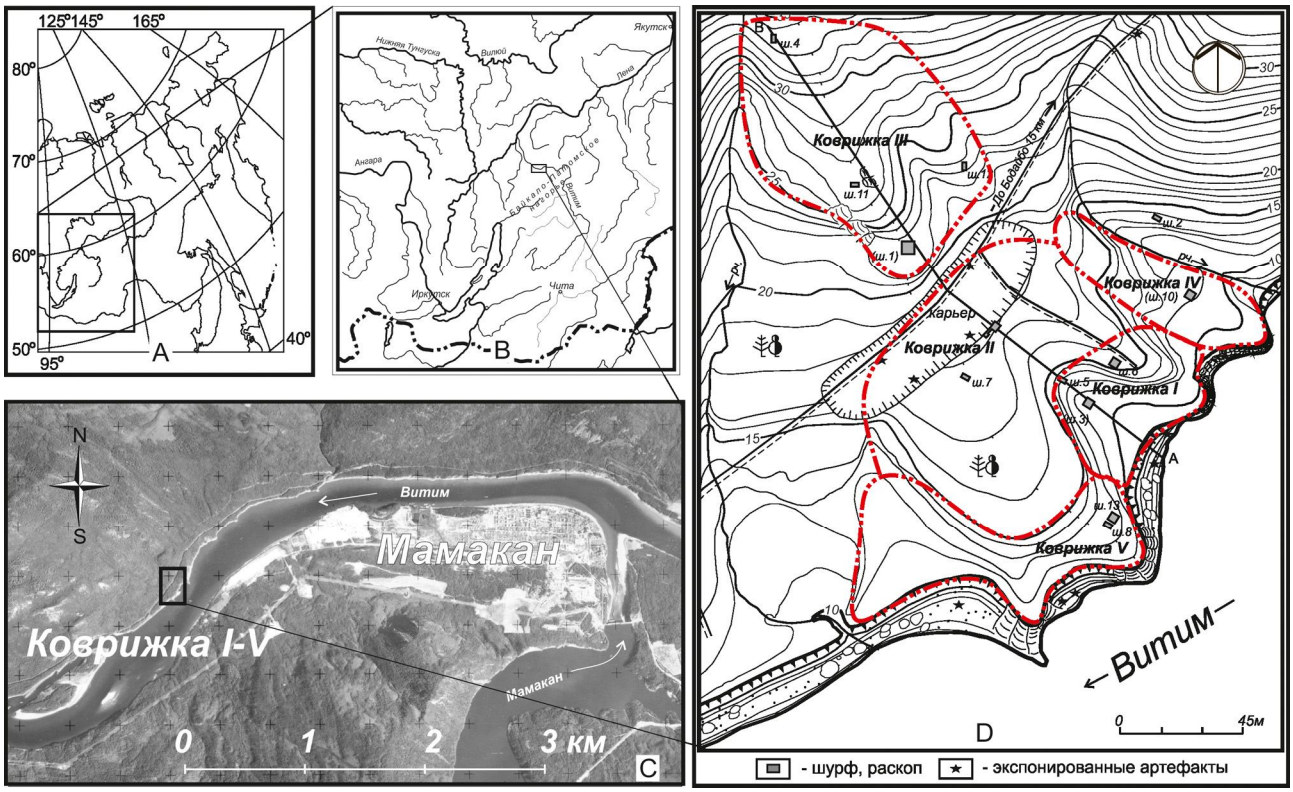


Рис. 1. Схемы местоположения ансамбля археологических памятников Коврижка I–V: *A – схема Северо-Восточной Азии; B – схема южной части Средней Сибири; C – аэрофотоснимок Мамаканского участка долины Витима; D – топоплан местонахождений Коврижка I–V*

Fig. 1. Schemas of the location of group of sites Kovrizhka I–V: *A – schema of the North-Eatern Asia; B – schema of the Southern part of Middle Siberia; C – aerophoto of the Mamakan's part of Vitim Valley; D – topographic schema of the sites Kovrizhka I–V*

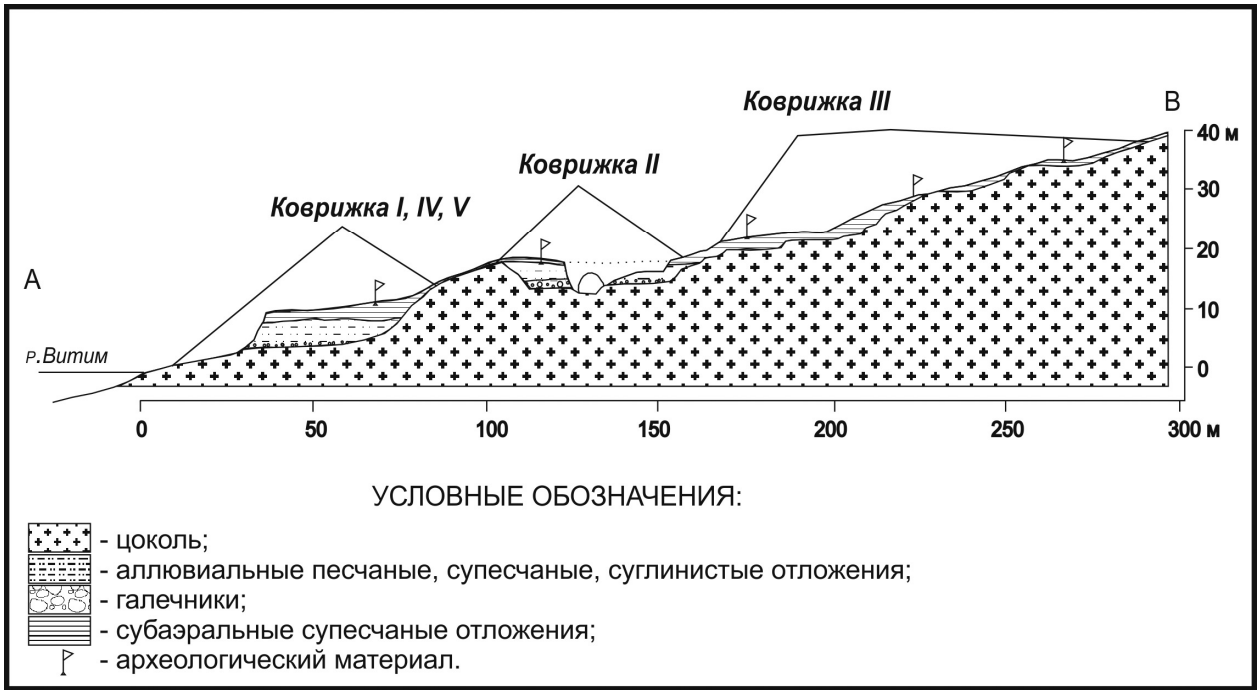
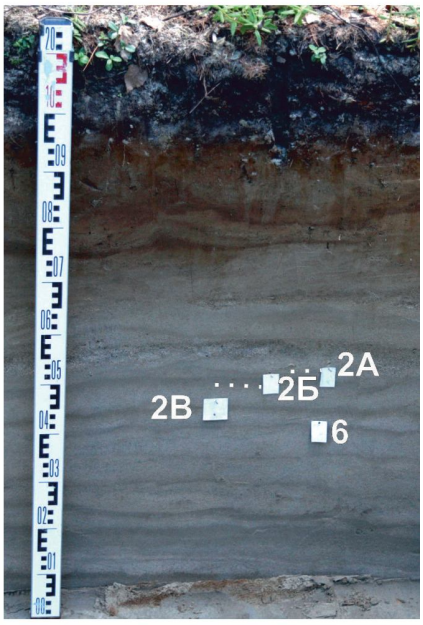


Рис. 2. Профиль правого борта долины Витима на участке местонахождений Коврижка I–V

Fig. 2. Profile of the right side of the valley of Vitim River on the locations of sites Kovrizhka I–V

1

2



3

Рис. 3. 1, 2 – виды сверху и с юго-востока на местонахождение Коврижка IV; 3 – стратиграфическая колонка: *фрагмент юго-восточной стенки раскопа 2015–2017 гг.*

Fig. 3. 1, 2 – views on the site Kovrizhka IV from the top and from the south-east, 3 – stratigraphic column: *the fragment of south-eastern wall of the excavation area 2015–2017*

12 клиновидных микропластинчатых нуклеусов, 1 отщеповый нуклеус, 7 долотовидных изделий, 6 отщепов с краевой ретушью, 3 отщепа со следами амортизации, 3 бифаса и 2 фрагмента бифаса, 1 тесловидное изделие.

Основной литоресурс, из которого состоит абсолютное большинство дебитажа, это типичное для ансамблей Авдеихи, Большого Якоря I, Коврижки II и III, а также других 2–6 к. г. Коврижки IV, местное галечное сырье эффузивных пород среднего и основного состава – порфирит, дацит, рого-

вик, диабаз. Экзоты во 2Б культурном горизонте также типичны в этой роли: кварц чистый и дымчатый (91 экз.), аргиллит (21 экз.).

Наиболее многочисленная категория изделий – торцово-клиновидные микропластинчатые нуклеусы, 12 единиц. Это самая большая серия микронуклеусов в ансамблях местонахождений Коврижка I–V. Для сравнения, 6 культурный горизонт на площади жилищного комплекса содержал 4 микронуклеуса, 2 к. г. Коврижки III – 11 микронуклеусов (Тетенькин, 2010; 2014; 2016). Общей отличительной чертой всех клиновидных нуклеусов 2Б к. г. является подготовка и подживление ударной площадки мелкими сколами с латералей и торца.

Нуклеус клиновидный № 1 имеет 4 аппликированных подживляющих скола (*a, b, c, d*) к ударной площадке и 2 отщепа к правой латерали (*e, f*) (рис. 4.1). Судя в целом по аппликационной сборке, нуклеус изготовлен из бифаса, ударная площадка трижды оформлялась поперечными сколами с левой латерали. Высота фронта изменилась с 4,3 см к 3,7 и 2,6 см. Изначально контур нуклеуса был высоким, в последней версии соотношение высоты нуклеуса к длине стало 1:1. Последовательность модификации и расщепления нуклеуса реконструируется следующая: изготовление бифаса → 1-е оформление ударной площадки (УП) → 1-й отжим микропластин → 2-е оформление УП → 2-й отжим микропластин → 3-е оформление УП и снятие отщепов с ребра правой латерали → 3-й отжим микропластин.

Нуклеус клиновидный № 2 сделан из бифаса (рис. 4.2). Под ударную площадку ударами с левой латерали сбивался узкий конец преформы (*a, b*). Далее был начат отжим микропластин, вскоре приведший к заломам на фронте. После чего у нуклеуса дистальный конец (*c*) был сбит ударом с правой латерали и тем самым оформлена полюсно-противолежащая ударная площадка и начат непродолжительный отжим микропластин с противолежащего конца (*d*).

Нуклеус клиновидный № 3 (рис. 5.1). Аппликационная сборка дала нам единственную возможность представить бифасиальную преформу в полном исходном контуре. Бифас имеет овальную форму длиной 6,5 см и шириной 4,3 см (стадия 1). Оба фаса оформлены стелющейся ретушью. Продольные слабовыпуклые края обработаны особенно тщательно, один из них имеет ретушь и микроследы утилизации: бифас использовался в качестве орудия (стадия 2). Один конец несколько заужен. Он (*a*) был сбит с того фаса, что в номенклатуре нуклеуса станет левым. Затем примыкающая к ударной площадке часть края бифаса, ставшего гребнем контрфронта, была ретушью сужена к площадке (стадия 3). Эта ретушь перекрывает микроследы утилизации продольного края. Далее следует начало нуклеарной эксплуатации (стадия 4). Первыми продольными сколами с торца или сразу после них был получен залом. После этого снят подживляющий скол с левой же латерали (*b*) (фаза 5). Новая ударная площадка подправлена короткими сколами с фронта. Новая фаза производства микропластин (стадия 6) привела к новому залому в проксимальной трети. На этом попытки были оставлены, благодаря чему нуклеус из бифаса имеет практически не израсходованную форму (*c*). Ребра бифаса на обоих фасах сглажены. По-видимому, он был принесен на стоянку уже в готовом виде.

Нуклеус клиновидный № 4 (рис. 5.2). Изготовлен из бифаса. Ребра на его фасах / латералях заглажены. К левому фасу, к гребню контрфронта аппликирован один широкий и короткий отщеп (*a*). После чего ретушированием значительный объем преформы с края был снят. Площадка оформлена с левой латерали поперечными сколами. Одна такая чешуйка аппликирована (*b*).

К фронту нуклеуса подобрано 11 микропластин (*c-1-11*). Примечательно место их находки. Нуклеус отстоял от скопления микропластин на удалении около 1,10 м к северо-западу. Подобранные микропластины демонстрируют 5 циклов челночной ротации отжима от одного края (левого) на другой. Часть пластин в этой сборке отсутствует. Следует отметить, что угол между фронтом и ударной площадкой в процессе расщепления «истощился» с 65^0 до 72^0.

Нуклеус клиновидный № 5 изготовлен из бифаса (рис. 5.3). Гребень дуги киля – дистального ребра оформлен ретушью по левой латерали. Ударная площадка образована поперечными ско-

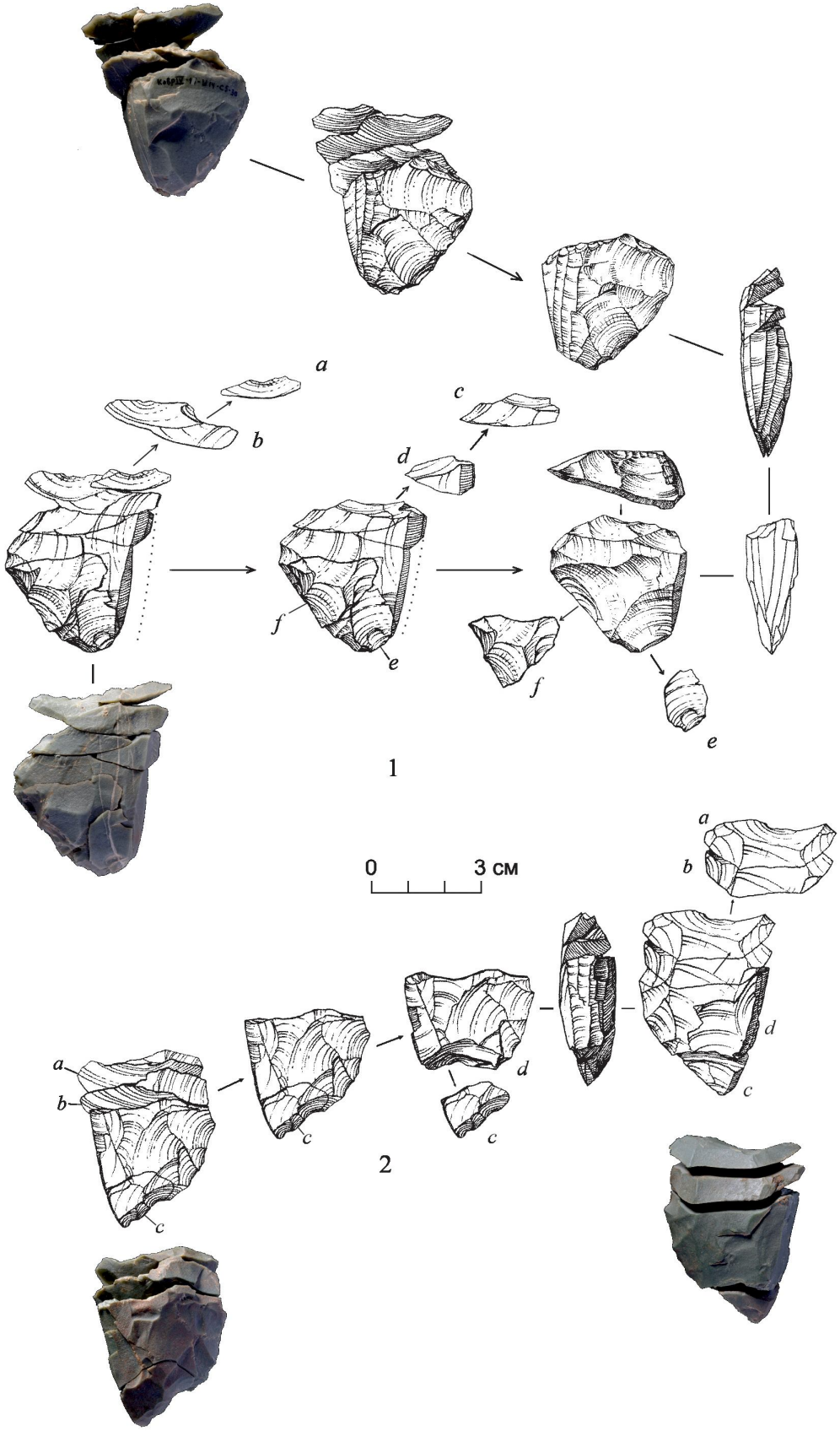


Рис. 4. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б: *1, 2 – аппликационные сборки клиновидных микропластинчатых нуклеусов*

Fig. 4. Archaeological site Kovrizhka IV, cultural horizon 2B: *1, 2 – refitting blocks of the wedge-shaped microcores*

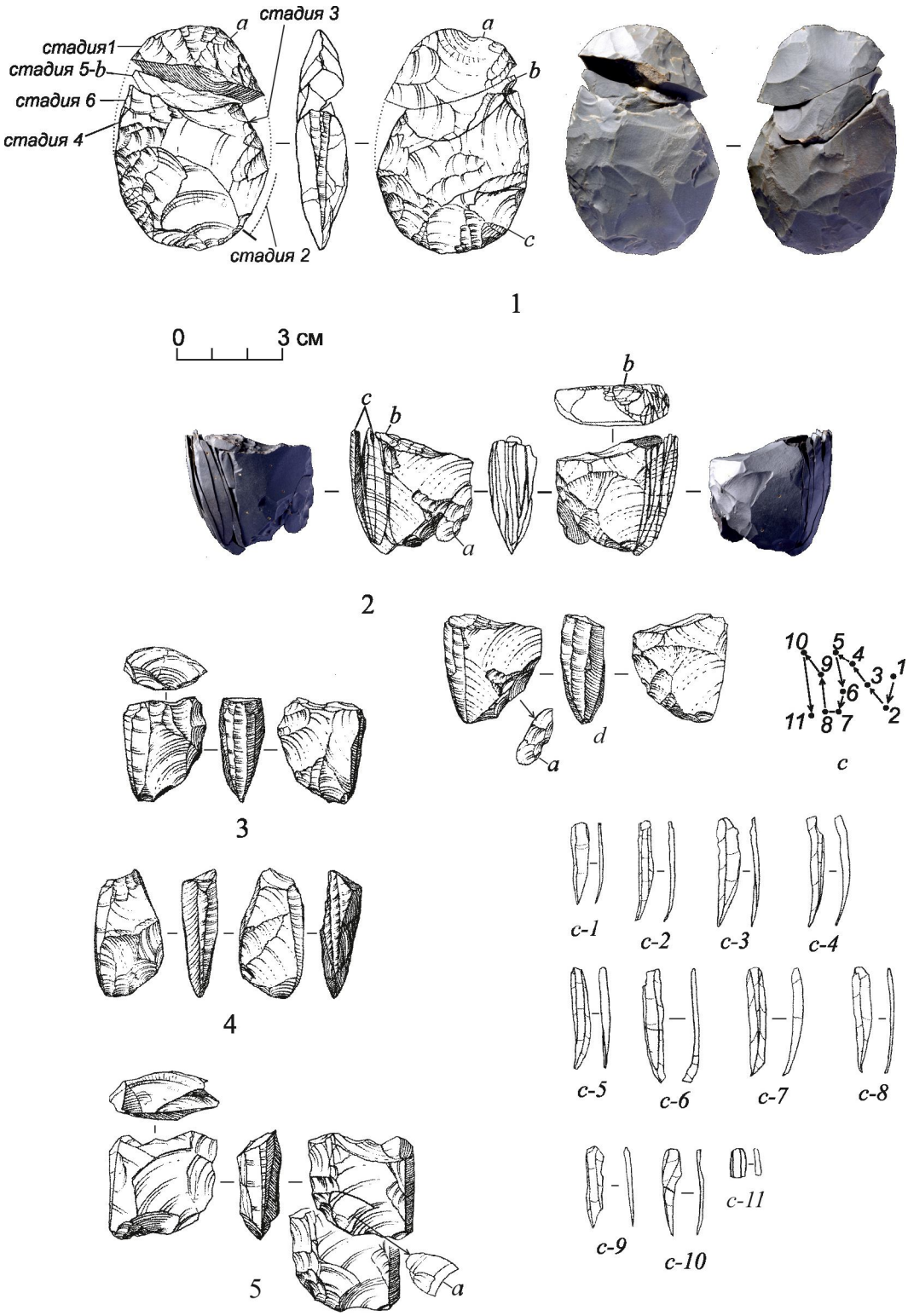


Рис. 5. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б: *1 – аппликационная сборка клиновидного нуклеуса из бифаса; 2 – аппликационная сборка клиновидного нуклеусов и аппликированных к нему микропластин; 3–5 – клиновидные микропластинчатые нуклеусы*

Fig. 5. Archaeological site Kovrizhka IV, cultural horizon 2B: *1 – refitting block of the wedge-shaped microcore produced from biface; 2 – refitting blocks of the wedge-shaped microcore and refitted microblades; 3–5 – wedge-shaped microcores*

лами, нанесенными с левой латерали, и подправлена короткими сколами с фронта и левой же латерали. Угол между площадкой и фронтом (угол скалывания) близок к 90^0.

Нуклеус клиновидный № 6 бифронтальный (рис. 5.4). Изготовлен из бифаса. Латерали сильно залощены. Оба торцовых фронта сильно сработаны. Остаточная ударная площадка несет на себе негатив одного скола, каково было ее первоначальное оформление, судить затруднительно.

Нуклеус клиновидный № 7 (рис. 5.5). Изготовлен из бифаса. Левая латераль относительно плоская. Окрашена охрой. Контрфронт оформлен крутой ретушью с заломами по правой латерали. Гребень дистального конца оформлен ретушью по левому фасу. К правому фасу апплицирована чешуйка. Была неудачная попытка подживить ударную площадку сколом с левого фаса, приведшая нуклеус в дальнейшую негодность.

Нуклеус клиновидный № 8 изготовлен из бифасиальной преформы, ударная площадка оформлена поперечными ударами и подправлена с фронта (рис. 6.1). Особенностью этого экземпляра является плоско-выпуклый характер его латералей. Одна из них уплощенная, другая выпуклая, тщательно оформленная длинной и широкой, а затем краевой мелкой ретушью. Контрфронт плавно дугою переходит в дистальный край.

Нуклеус найден в 2017 г., тогда было замечено, что тщательностью отделки выпуклого фаса и округлым контуром ретушированного конца этот нуклеус совпадает с тесловидным изделием, также найденным во 2Б к. г. (рис. 6.1*а*, 6.2,). Учитывая то, что под микроскопом следы утилизации тесловидного изделия обнаружены не были, мы считаем, что это заготовка клиновидного нуклеуса.

Нуклеус клиновидный № 9 изготовлен из отщепа-унифаса (рис. 6.3). Нуклеус бифронтальный: фронты размещены на противоположных торцах, в результате конечная форма кельтовидна. Дистальный конец оформлен несколькими поперечными сколами. К одному, основному фронту, апплицированы дистальный конец реберчатого скола *(а*) и микропластина (*b*). Второй фронт реализован, скорее, как попытка: снят один реберчатый скол и два коротких пластинчатых снятия по краю фронта. По характеру тесловидного оформления киля этот нуклеус аналогичен и предыдущему нуклеусу, и тесловидной преформе.

Нуклеус клиновидный № 10 изготовлен из отщепа (рис. 6.4). Киль подработан ретушью по вентральному фасу, гребень контрфронта – по дорсалу. Ударная площадка оформлялась и подживлялась (*a, b*) ударами с левой латерали. К фронту апплицированы 2 микропластины (*c, d*), одна из них короткая (*d*), вызвавшая залом на проксимальной трети фронта нуклеуса.

Нуклеус клиновидный № 11 (рис. 6.5). Преформа по одной, правой, латерали обработана полностью. Левая латераль – на поверхности расслоения гальки. Краевые сколы на ней единичны. Площадка оформлена поперечными сколами с левой латерали. Нуклеус имеет высокую пропорцию: соотношение высоты к длине 2:1. К фронту апплицирован один, дистальный сегмент микропластины. Контрфронт имеет два негатива торцовых краевых искривленных снятий. Вероятно, была попытка образовать второй фронт скалываний.

Клиновидный нуклеус № 12 из светло-коричневой породы (рис. 6.7). Обработаны обе латерали. Площадка оформлена поперечными сколами, микропластинчатые негативы (всего не менее 3-х) имеют чуть ниже половины высоты нуклеуса. Две его отличительные особенности состоят в повышенной широте нуклеуса и в том, что все его ребра в сильной степени забиты и заглажены. По мнению Дж. Жакье, эти следы могут появиться в результате использования нуклеуса как кресала для разведения огня.

Аппликативная сборка (АС) краевого реберчатого скола и лыжевидного скола (рис. 6.6). АС состоит из краевого и лыжевидного сколов с бифаса длиной 6,7 см. Они несут на себе сбитое лезвие. Оба фаса тщательно обработаны. Ребра граней сглажены. Микроследы, обнаруженные под микроскопом, свидетельствуют о распиливании минерального материала. Эта аппликационная сборка типична для техники редукции бифаса снятием технических сколов с последующим микропластинчатым расщеплением – техники «юбецу».

Галечный отщеповый нуклеус веерный (рис. 7) изготовлен из черной крупнозернистой породы.

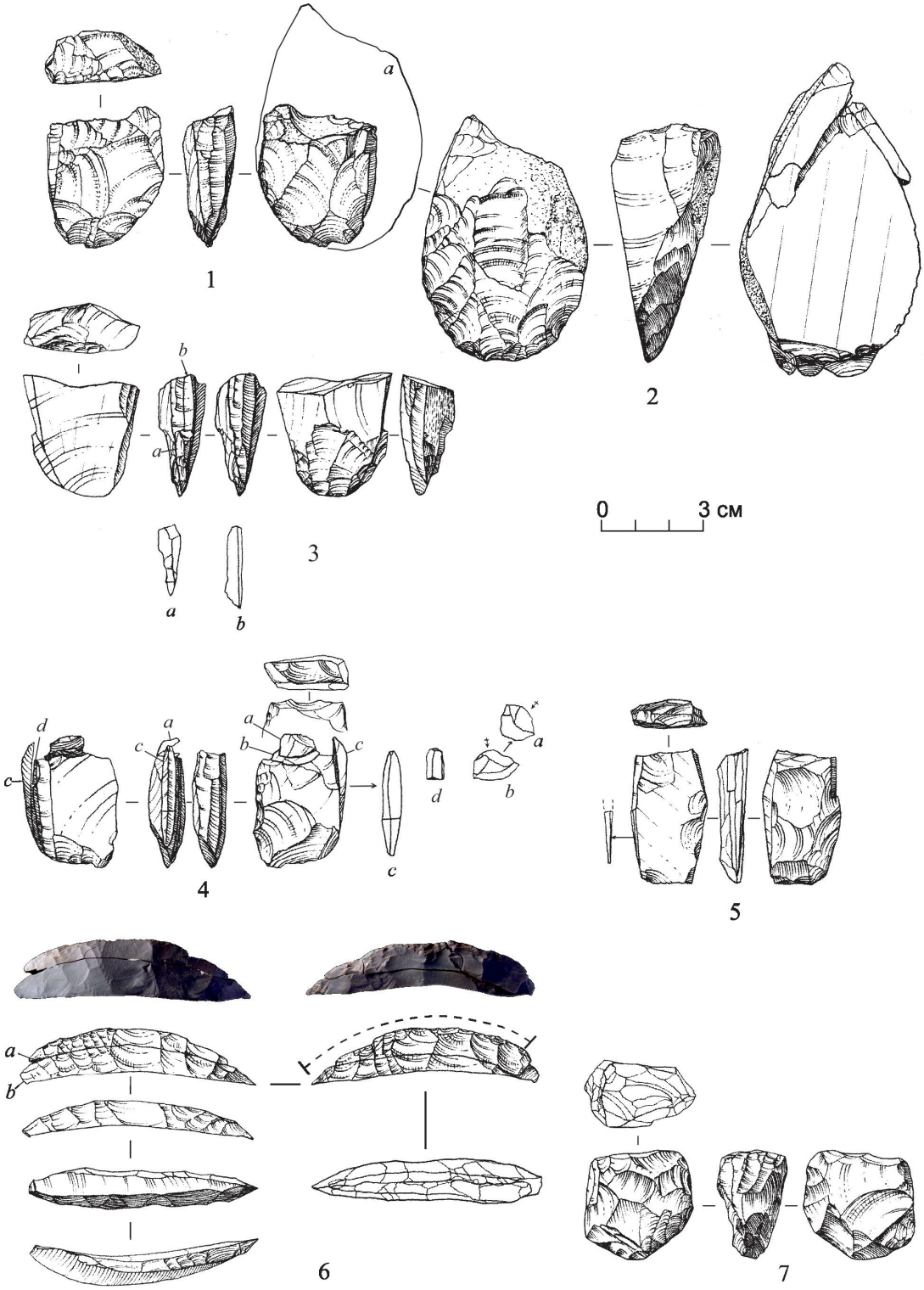


Рис. 6. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б: *1 – клиновидный микропластинчатый нуклеус, изготовленный из бифасиальной тесловидной преформы; 2 – тесловидная преформа клиновидного нуклеуса; 3 – аппликационный блок клиновидного нуклеуса, изготовленного из унифасиальной тесловидной преформы; 4, 5, 7 – клиновидные микропластинчатые нуклеусы; 6 – аппликационный блок из реберчатого и лыжевидного сколов, снятых с бифаса*

Fig. 6. Archaeological site Kovrizhka IV, cultural horizon 2B: *1 – wedge-shaped microcore produced from bifacial adze-shaped preform; 2 – adze-shaped preform of the wedge-shaped microcore; 3 – refitting block of the wedge-shaped microcore produced from unifacial adze-shaped preform; 4, 5, 7 – wedge-shaped microcores; 6 – refitting block of the crest spall and ski spall removed from a biface*

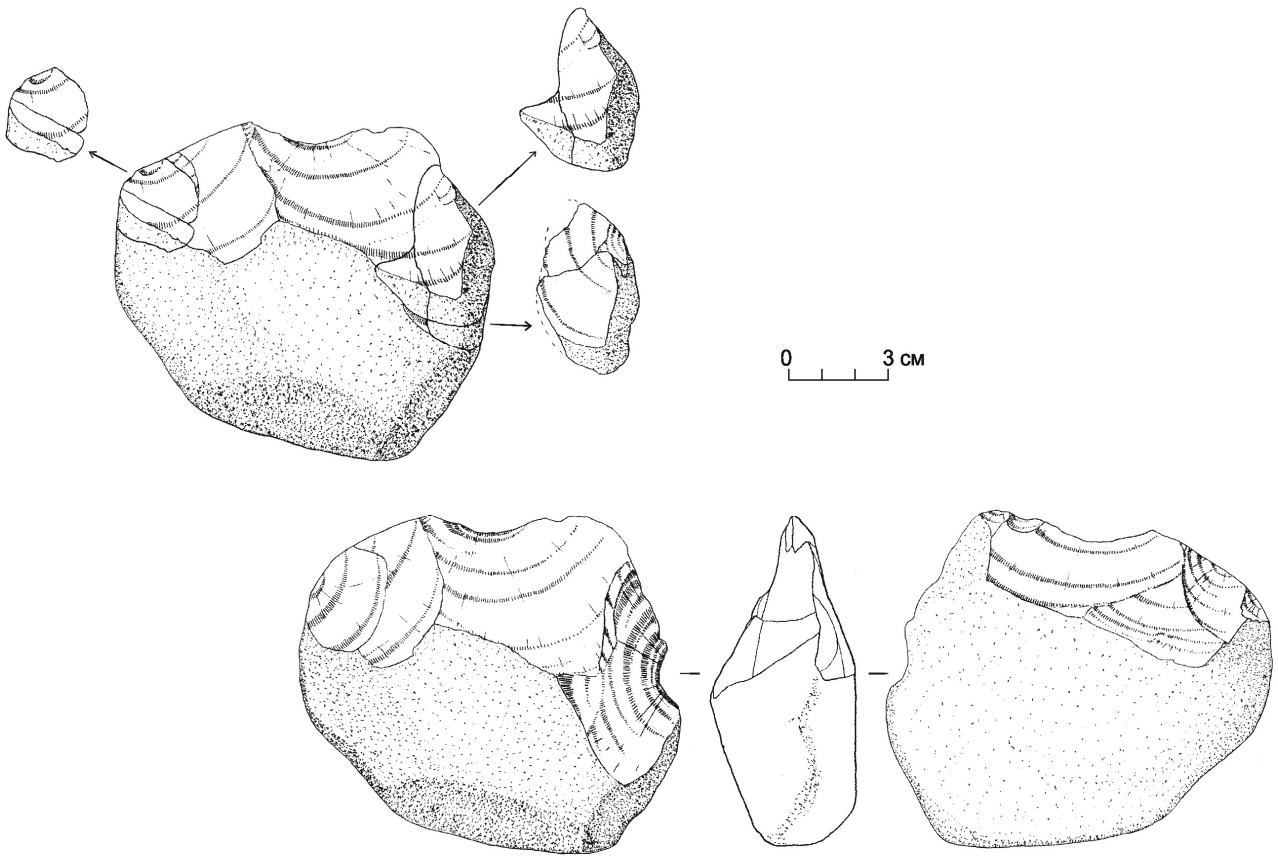


Рис. 7. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б: *1 – галечный веерный нуклеус и апплицированные к нему отщепы*

Fig. 7. Archaeological site Kovrizhka IV, cultural horizon 2B: *pebble radial core and refitted flakes*

К фронту апплицированы три коротких и широких отщепа. Половина площади фронта и большая часть контрфронта заняты галечной коркой. Очевидно, нуклеус находится на начальной стадии расщепления.

Долотовидные орудия представлены восемью экземплярами (рис. 8.1–7, 11).

Два бифасиальных изделия (рис. 8.8, 9) имеют морфологию, сходную в таких деталях как выпуклый бифасиально оббитый реберчатый (рабочий) край, обушковый второй продольный край, остроконечное их сопряжение, противоположный узкий конец имеет «рукояточный» вид. Один фас более выпуклый, второй более плоский.

Осколок скребка с фрагментом лезвия, оформленного крупной высокой ретушью (рис. 8.10). Трасологический осмотр не выявил следов работы по шкуре, однако показал закатанность граней не только лезвия, но и всего осколка.

Нож из отщепа (рис. 8.11). Отщеп тонкий, пластинчатый. Левый слабовыпуклый край несет следы утилизации в функции ножа без специальной вторичной подготовки.

Отщеп «крылообразный» с краевой ретушью по выпуклому краю (рис. 8.12). По заключению трасолога, этот артефакт использовался в качестве скребка по твердому материалу (кость, дерево).

Пластинчатый отщеп с микроследами пиления минерального материала по левому слабовыпуклому продольному краю (рис. 8.13).

Крупная пластина с нерегулярной краевой ретушью по правому краю, по дорсальному фасу (рис. 8.14).

Следующие два изделия являются унифасом и отщепом с лезвием, оформленным краевой ретушью (рис. 8.15,16).

Отщеп с краевой ретушью, формально, скребок (рис. 9). Крупный первичный округлый отщеп

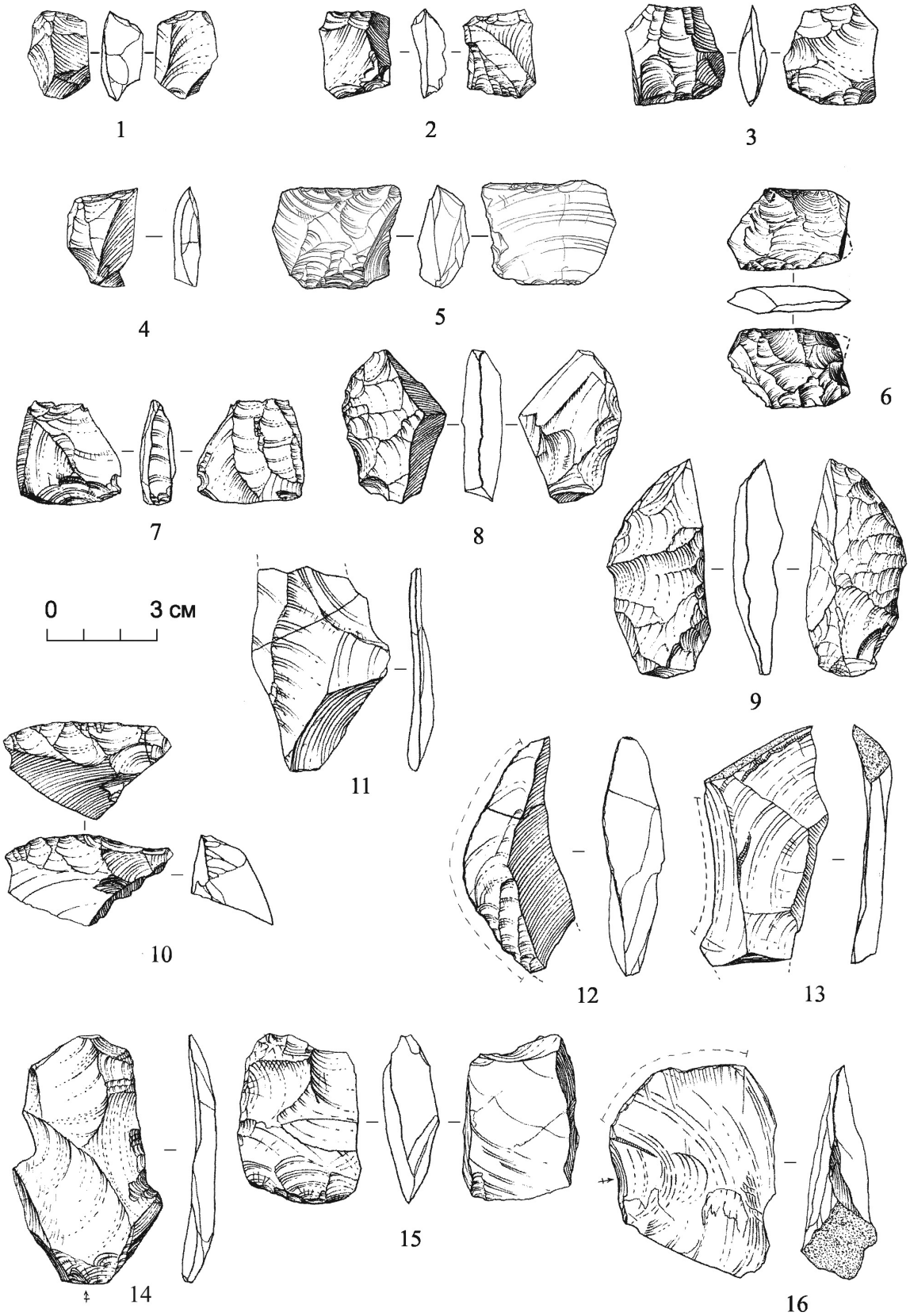


Рис. 8. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б: *1–7 – долотовидные орудия; 8–9 – бифасы; 10–16 – сколы с краевой ретушью и следами амортизации*

Fig. 8. Archaeological site Kovrizhka IV, cultural horizon 2B: *1–7 – chisels; 8–9 – bifaces; 10–16 – spalls with the marginal retouch and traces of usage*

получил краевую обработку приостряющей ретушью. Левый край лезвия был подживлен тремя отщепами (апплицированными теперь), двумя по дорсальному фасу, одним – по вентральному. Обушковый край отретуширован крупной заломистой ретушью. По дорсальному фасу с левого края и правого, практически, напротив друг друга нанесены крупные сколы: один по левому и два по правому, тем самым как бы выделяя головную часть орудия. Трасолог, осматривавший это орудие, не выявил следов работы по шкуре. Вместо этого, по заключению Дж. Жакье, материалом, обрабатываемым этим орудием, были некие минеральные ресурсы. Характерно, что кромки апплицированных отщепов несут аналогичную ретушь, то есть речь идет о подживлении лезвия. Орудие было найдено вместе с единственным отщеповым нуклеусом у края очага за его очажными камнями.

Тесловидное изделие изготовлено из расслоившейся гальки (рис. 10). К нему апплицировано 15 отщепов. Под арьерфас «тесла» приспособлена была поверхность расслоения. Лезвие выпуклое полукруглое. Обушковая часть сужена сколами по торцовым сторонам – по правой и затем с нее по левой. Один из сколов, снятых по правому торцу, использовался как долотовидное орудие (*pièce esquilée*) (рис. 10.2). К лезвию апплицирован один длинный первичный пластинчатый отщеп, разбитый на 3 фрагмента, и еще три скола. Последовательность в оббивке лезвия, наблюдаемая по этим отщепам, – по часовой стрелке. Дугообразный край обработан тщательной ретушью. Противоположный фас (отслоение) имеет по краю также несколько коротких широких негативов с заломами. Как выше уже отмечено, тесловидный обработанный дугообразный, узкий конец изделия схож с одним из клиновидных нуклеусов по размерам и характеру отделки выпуклого фаса. На этом основании сделан вывод о данном тесловидном изделии как о заготовке клиновидного нуклеуса.

Следующий аппликационный блок состоит из второй половины оббитой плоской отслоенной гальки (рис. 11). Второй ее, негалечный фас, является поверхностью отслоения. Собранная из 16 частей форма имеет подквадратный контур. Ее редукция началась с торцовой оббивки противолежащих углов. Причем каждый раз после откалывания очередного отщепа площадкой для удара становилась

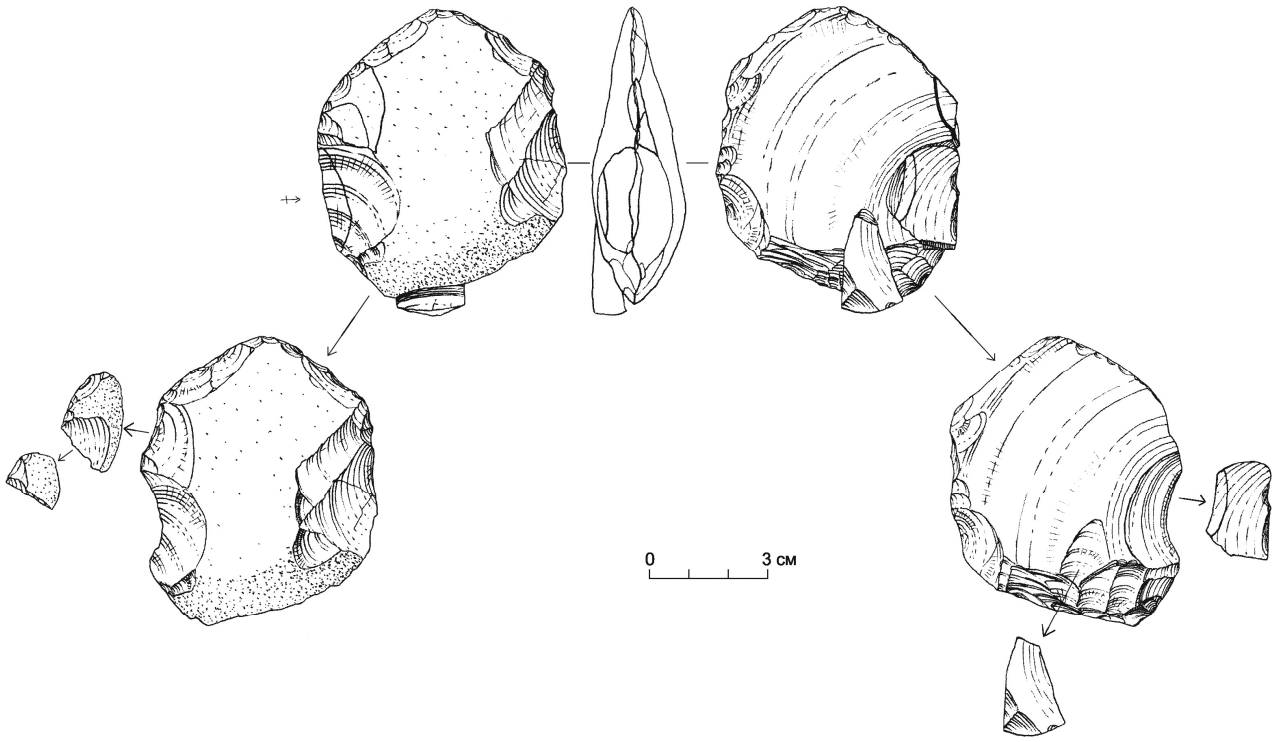


Рис. 9. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б: *1 – скребловидное орудие и апплицированные к нему отщепы*

Fig. 9. Archaeological site Kovrizhka IV, cultural horizon 2B: *1 – scraper-like tool and refitted flakes*

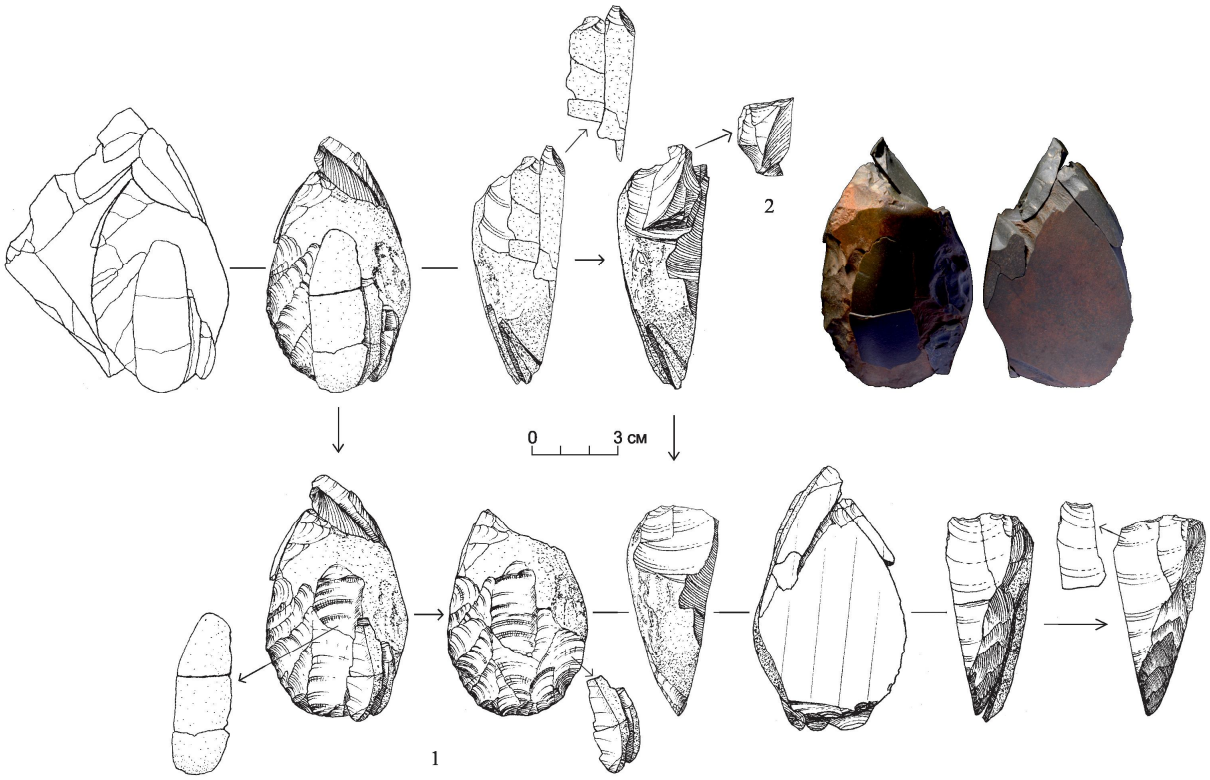


Рис. 10. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б: *1 – аппликационный блок тесловидного изделия (преформы клиновидного нуклеуса); 2 – долотовидное орудие из отщепа, сбитого с тесловидной преформы*
Fig. 10. Archaeological site Kovrizhka IV, cultural horizon 2B: *1 – refitting block of the adze-shaped artifact (preform of the wedge-shaped microcore); 2 – chisel from the flake splitted from the adze-shaped preform*

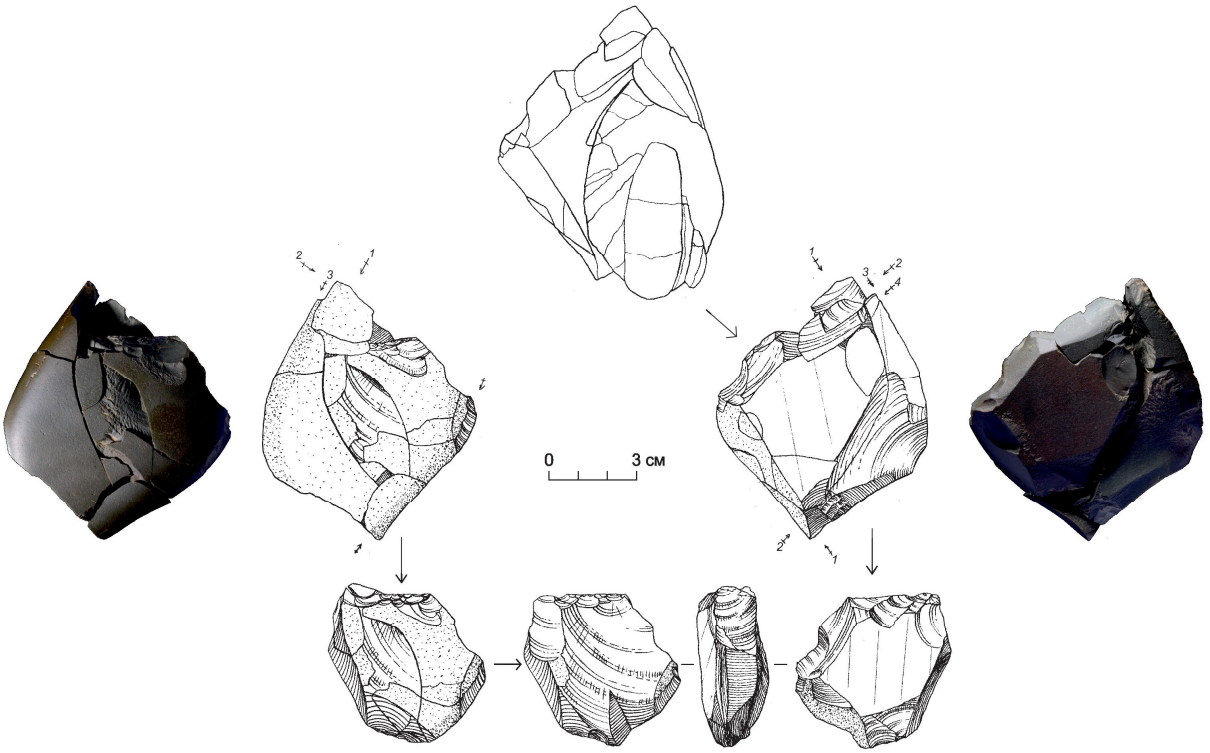


Рис. 11. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б: *1 –аппликационный блок из отщепов и долотовидного орудия, изготовленного из гальки*
Fig. 11. Archaeological site Kovrizhka IV, cultural horizon 2B: *1 – refitting block of the flakes and chisel produced from a pebble*

новая грань негатива. В итоге был сбит массивный диагональный скол, на 1/3 уменьшивший объем нуклевидного остатка. С последнего затем было сбито несколько (апплицировано 7) отщепов с плоских фасов с противолежащих ребер в манере *pièce esquilée*. Оба ребра несут и характерную для долотовидного орудия забитость.

Обсуждение

Каменный инвентарь как характеристика деятельностной ситуации эпизода обитания

Судя по тому, что в изделиях преобладают клиновидные микропластинчатые нуклеусы (рис. 12), доминирующей задачей каменного расщепления было производство микропластин как необходимого расходного компонента вкладышевого охотничьего оружия. Некоторый объем дебитажа связан с обслуживанием клиновидных микронуклеусов. Технике производства и подживления микронуклеусов 2Б и 6 к. г. будет посвящена отдельная статья. Здесь же остановимся на ключевых моментах, имеющих отношение к деятельностной характеристике стоянки. Большая часть нуклеусов, 9 из 12, сделана из бифасов. Судя по залощенности ребер негативов на обоих фасах, бифасы принесены на стоянку извне. Одна из бифасиальных преформ (рис. 5.1) и реберчатый с лыжевидным сколы, снятые с еще одного бифаса (рис. 6.6), несут на себе фрагменты рабочего края орудия. Здесь, на стоянке, производилась конечная подготовка бифаса в пренуклеус, подживление его ударных площадок и фронтов, перенос площадки и, конечно, расщепление. Три микронуклеуса сделаны из сколов. По всей вероятности, изготовлены они уже были на месте. Установлено данными ремонтажа, что найденная тесловидная преформа микронуклеуса была изготовлена уже здесь (рис. 10). Доля сегментированных и целых микропластин в общем объеме дебитажа (без учета чешуек) составляет 26 %, что меньше доли микропластин в 6 культурном горизонте Коврижки IV (37 %), при том, что в 6 к. г. найдено всего 4 микронуклеуса и еще 2 можно предполагать, судя по дебитажу. Из этого следует, что значительная часть микропластин, снятых с 12 нуклеусов, была вынесена со стоянки. По какой-то причине остались на месте

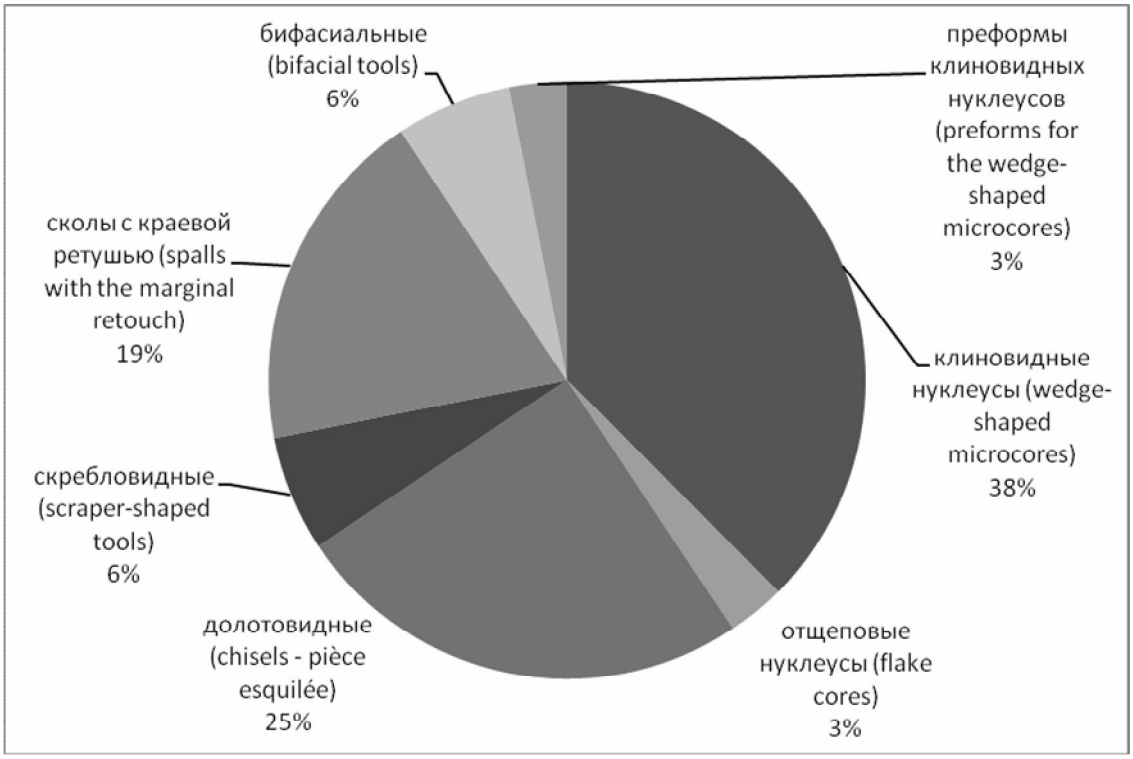


Рис. 12. Стоянка Коврижка IV, культурный горизонт 2Б: *диаграмма долевого соотношения изделий из камня*
Fig. 12. Archaeological site Kovrizhka IV, cultural horizon 2B: *proportional diagram of the stone implements*

20 микропластин из темно-серого диабаза, снятые с одного микронуклеуса (рис. 5.2, с-1-11). Нуклеус лежал в 1,10 м к северо-западу от скопления из 20 снятых с него микропластин. В самом скоплении пластин отсутствовали чешуйки, т. е., по всей видимости, расщепление микронуклеуса – отжим микропластин – происходило в другом месте. И размеры скопления компактны, примерно 30 × 30 см. Восемь микропластин позднее оказались перекрытыми гнейсовой плитой, положенной поверх них.

Вторая деятельностная задача, обеспечиваемая долотовидными изделиями и маргинально ретушированными сколами и отщепами, вероятно, связана с обработкой каких-то твердых, возможно, минеральных материалов.

Расщепление галек представлено одним веерным нуклеусом и одной аппликационной сборкой, остаточная форма которой имеет вид крупного *pièce esquilée*. Последняя сборка является расслоенной по вдоль галькой, подвергшейся затем обработке. Вторая отслоенная половина была оббита в виде тесловидного унифасиального орудия (рис. 10). Осматривавший этот предмет трассолог Дж. Жакье (Реннский университет, Франция) не увидел следов износа. Это тесловидное изделие было найдено под линзой кострища, в свою очередь, в подошве изделия был уже чистый стерильный песок, т. е. оно выпало из процесса деятельности в самом начале обитания на стоянке. Аналогичность форм двух микронуклеусов выступает аргументом в пользу определения тесловидного изделия как заготовки клиновидного микропластинчатого нуклеуса.

Еще одна галька, вероятно, была приготовлена к расщеплению. Она найдена в положении вертикальном, и была зажата между скальным гранитным обломком, лежавшим на углях очага, и гнейсовой плитой. Эта галька из светло-зеленой эффузивной породы. Сбит ее короткий конец. К моменту раскопок, она отшелушивалась на множество мелких аморфных отдельностей. Такое расслоение допустимо объяснить как тафономический результат пирогенного и, в целом, температурного воздействия. Несомненны намеренная установка гальки на ребро и зажим ее двумя камнями.

Один тонкий отщеп с синусоидным краем опознан трассологом как разделочный нож (рис. 8.11).

Сравнение с инвентарем жилища 6 культурного горизонта Коврижки IV позволяет понять, чего нет в комплексе 2Б к. г., и в этом смысле, внести поправки в представления о деятельностной ситуации на этой стоянке. Во 2Б к. г. нет скребел, скребков, резцов, соответственно не было и связанных с ним видов деятельности по обработке шкур и кости. Отсутствуют изделия из кварца (горного хрусталя), значительно меньше и число чешуек из этого материала.

В сущности, все имеющиеся данные ведут к заключению о производстве микропластин и неясном, пока, виде деятельности по обработке минеральных материалов. Поскольку микропластины использовались как вкладышевые лезвия составных охотничьих орудий, и мы знаем об этом, например, по находке наконечника копья с вкладышами в 6 к. г. Большого Якоря I (Инешин, Тетенькин, 2010. Рис. 6.43), то речь идет о ремонте или заправке лезвиями охотничьего вооружения.

Технико-типологическая характеристика каменной индустрии

Наиболее морфо-типологически выраженными являются микронуклеусы 2Б культурного горизонта, это первый технологический контекст. По данным ремонтажа и по остаточным формам можно представить в основных чертах метод производства микронуклеуса: 1) использование в качестве преформы овального уплощенного бифаса, тесловидного плоско-выпуклого бифаса/унифаса и отщепа; 2) выбор под ударную площадку узкого конца и оформление ее латеральными-поперечными сколами, дооформление фронтальными короткими, в этой же манере и подживление; 3) как приемы продления срока службы нуклеуса – перенос фронта на противоположный торец и ударной площадки на дистальный конец. Эта техника, для обозначения которой мы предлагаем термин «коврижкинская техника микронуклеуса», принципиально отличается от техники юбецу, широко представленной на Большом Якоре I (Инешин, Тетенькин, 2010). Однако и здесь, во 2Б к. г.

найдены продукты юбецу: апплицированные друг к другу реберчатый и лыжевидный сколы с бифаса. Кроме того, по одному лыжевидному сколу найдено в 4 и 5 к. г. Коврижки IV, лежащих в вилке между 6 и 2Б к. г. (Тетенькин, 2010. Рис. 29.3,16). Эти материалы однозначно указывают на то, что техника, которую мы обозначаем термином «юбецу», была известна древним обитателям в означенных эпизодах поселения. Оба типа микронуклеуса и обе техники коврижкинская и юбецу-большеякорская лежат в основе различения ансамблей типа Авдеихи и Большого Якоря, сосуществование которых мы фиксировали со времени стоянки Большой Якорь – около 12 тыс. л. н. Теперь, в материалах 2Б к. г., возрастом около 15,3 тыс. л. н. присутствуют продукты обеих этих техник.

Второй технологический контекст составляют отщепы и сколы различной морфологии и изделия из них, полученные краевым ретушированием, либо ретушь имеет амортизационный характер как в случае с долотовидными *pièce esquilée*. Обычно эти орудия на отщепах оценивают как «орудия быстрого приготовления» и, как правило, разовые. Морфологически невыразительные сами по себе они являются признаками-продуктами индустрии галечного расщепления, наиболее оптимальным продуктом которого является именно отщеп. Долотовидные орудия впервые составили серию в 8 экземпляров. Прежде на нижнем Витиме нигде в комплексах палеолитического облика не было столь значительной серии долотовидных. В материалах Большого Якоря I, Коврижки III и других памятников эти изделия единичны. Здесь же, в орудиях 2Б культурного горизонта они составляют самую большую долю. Очевидно, что это связано с какой-то функциональной (деятельностной) особенностью стоянки, однако, вместе с тем, не являются ли долотовидные культурно-хронологическим признаком? Рассматривая в этой связи дюктайские стоянки Якутии и стоянки студеновской культуры Южного Забайкалья, нельзя не отметить малое количество долотовидных в первом случае и значительное их количество во втором. Особенно заметна доля долотовидных орудий в культурных горизонтах Усть-Мензы 1, 2 (Мочанов, 1977; Константинов, 1994; Мороз, 2014).

Аппликативная сборка двух половин гальки, одна из которых была обработана и превращена в тесловидную заготовку микронуклеуса (рис. 10), а другая – в долотовидное изделие (рис. 11), связывает оба вышеназванных контекста. Стоит отметить, что один отщеп оббивки пренуклеуса также был использован как *pièce esquilée*. В обоих блоках отмечен характерный прием торцовой оббивки, когда предыдущий негатив скола становился ударной площадкой для следующего, и скалывание производилось попеременно с одного и другого торца, сопряженных под углом.

Интересны два морфологически сходных бифасиальных изделия во 2Б к. г. (рис. 8.8, 9). Поскольку трасологическое исследование Ж. Жакье не показало следов их утилизации, назначение этих изделий не ясно.

Сравнивая 2Б и 6 к. г. Коврижки IV, мы видим в последнем аналогичные клиновидные нуклеусы из бифасов, а за ними производство и утилизацию бифасов, отщеповый, в целом, характер изготовления орудий, наличие в обоих культурных горизонтах долотовидных форм. В 4 и 5 к. г. Коврижки IV найдено по одному лыжевидному сколу, что вместе со сборкой лыжевидного и реберчатого сколов во 2Б к. г. говорит о технике юбецу.

Заключение

Наиболее выразительный вклад индустрии 2Б к. г. в наши представления о технической культуре ПВП НВ-БПН состоит в микропластинчатых нуклеусах, технике их изготовления, расщепления и подновления. На Нижнем Витиме возрастом около 15,3 тыс. л. н. мы отмечаем большую вариабельность в выборе преформы микронуклеуса, методов его редуцирования. Найдена самая многочисленная на Нижнем Витиме серия долотовидных орудий. Принимая во внимание функционально специфичный характер деятельностной ситуации 2Б к. г., культурно-типологическая характеристика палеолита периода 16–15 тыс. радиоуглеродн. л. н. должна быть дополнена материалами других, близких по возрасту горизонтов Коврижки IV.

Статья поступила 30.10.2017 г.

Article was received in October, 30, 2017

Библиографический список

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск : Наука, 2010. 270 с.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. К Всемирному археологическому интерконгрессу (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ; Чита, 1994. 264 с.

Мороз П.В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья. Чита : ЗабГУ, 2014. 182 с.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск : Наука, 1977. 264 с.

Тетенькин А.В. Результаты исследований многослойного геоархеологического местонахождения Коврижка IV на Нижнем Витиме в 2014–2015 гг. // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Международной научной конференции : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. П.В. Мандрыка. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2016б. С. 94–98.

Тетенькин А.В., Анри А., Жакье Дж., Клементьев А.М., Уланов А.А. Исследования нового палеолитического комплекса культурного горизонта 2Б стоянки Коврижка IV на Витиме в 2015–2016 гг. (предварительное сообщение) // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 4(21). С. 9–18. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-4-9-18

Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.М. Коврижка IV: позднепалеолитический комплекс 6 культурного горизонта // Археологические вести, Институт истории материальной культуры РАН. 2017. Вып. 23. СПб.: ИИМК РАН, 2017. С. 33–55.

References

Ineshin E.M., Teten'kin A.V. *Chelovek i prirodnaya sreda severa Baikal'skoi Sibiri v pozdnem pleistotsene. Mestonakhozhdenie Bol'shoi Yakor' I* [Human and environment in the north of Baikalian Siberia in Late Pleistocene. Archaeological site Bol'shoi Yakor' I]. Novosibirsk : Nauka Publ., 2010. 270 p.

Konstantinov M.V. *Kamennyi vek vostochnogo regiona Baikal'skoi Azii. K Vsemirnomu arkheologicheskomu interkongressu (Zabaikal'e, 1996)* [Stone Age of the eastern region of Baikalian Asia. To the World Archaeological Intercongress (Transbaikalia, 1996)]. Ulan-Ude; Chita, 1994. 264 p.

Moroz P.V. *Kamennye industrii rubezha pleistotsena i golotsena Zapadnogo Zabaikal'ya* [Stone industries of the Pleistocene-Holocene Transition in Western Transbaikalia]. Chita: *Zabaikal'skii Gosudarstvennyi Universitet* [Transbaikalian State University], 2014. 182 p.

Mochanov Yu.A. *Drevneishie etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoi Azii* [Ancient stages of peopling the North-East Asia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1977. 264 p.

Teten'kin A.V. *Rezul'taty issledovanii mnogosloinogo geoarkheologicheskogo mestonakhozhdeniya Kovrizhka IV na Nizhnem Vitime v 2014–2015 gg.* [The results of investigations of the multi-layer geoarcheological site Kovrizhka IV on the Lower Vitim in 2014-2015]. *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikal'skoi Sibiri i Severnogo Kitaya: materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Ancient cultures of Mongolia, Baikalian Siberia and Northern China: proceedings of VII International scientific conference] : v 2 t. T. 1. Krasnoyarsk: *Sibirskii federal'nyi universitet* [Siberian Federal University], 2016b, in 2 vol. Vol. 1, pp. 94–98. (In Russian).

Tetenkin A.V., Henry A., Jacquier J., Klement'ev A.M., Ulanov A.A. Researches of the New Paleolithic Complex of Cultural Horizon 2b of Site Kovrizhka IV on Vitim River in 2015–2016 (preliminary report). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2016, no. 4, pp. 9–18. (In Russian). DOI: 10.21285/2415-8739-2016-4-9-18

Teten'kin A.V., Anri A., Klement'ev A.M. Kovrizhka IV: Late Paleolithic complex of the 6 cultural horizon. *Arkheologicheskie vesti, Institut istorii material'noi kul'tury RAN* [Archaeological news, Institute of History of Material Culture RAS], St. Petersburg, 2017, iss. 23, pp. 33–55. (In Russian).

Сведения об авторе

Тетенькин Алексей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник,
Лаборатория археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,

Information about the author

Aleksey V. Tetenkin,
Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Researcher,
Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Systems of Life of peoples of Northern Asia,

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83
e-mail: altet@list.ru

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: altet@list.ru

Критерии авторства

А.В. Тетенькин выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись и иллюстрации к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Tetenkin A.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and illustrations for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 902/904
http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-27-50

EARLY HOLOCENE SETTLEMENT OF THE UPPER SUSITNA RIVER BASIN, CENTRAL ALASKA

© J.C. Blong
Newcastle University,
Newcastle upon Tyne, NE1 7RU, United Kingdom

Abstract. Human settlement of eastern Beringia appears to have been a gradual process starting in the Bølling-Allerød interstadial. Settlement of the upland Alaska Range did not occur until 1,300 years later, possibly linked to the emergence of a highly mobile settlement system during the Younger Dryas and early Holocene. However, evaluating the timing of upland settlement has been hampered by a primarily surficial upland archaeological record. This study tests landscape use models with new data from the buried early Holocene component 1 at Susitna River 3 in the upper Susitna River basin, central Alaska Range. The Susitna River 3 assemblage indicates that initial use of the upper Susitna River basin consisted of long-distance logistical forays from residential camps outside of the study area by highly mobile individuals provisioned with formal lithic toolkits. This data supports a shift to a highly mobile land-use system during the early Holocene. Initial settlement may be tied to the spread of boreal forest in the interior lowland and foothills regions, coupled with the emergence of upland caribou herd populations as an important resource.

Keywords: Settlement of eastern Beringia, prehistoric landscape use, Alaska Range, lithic technological organization
For citation: Blong J.C. Early Holocene Settlement of the Upper Susitna River Basin, Central Alaska. Journal of Ancient Technology Laboratory. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 27–50. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-27-50

ПОСЕЛЕНИЕ РАННЕГОЛОЦЕНОВОГО ВОЗРАСТА В ВЕРХНЕЙ ЧАСТИ БАССЕЙНА Р. САСИТНА, ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЛЯСКА

© Дж. С. Блонг
Университет г. Ньюкастл,
Newcastle upon Tyne, NE1 7RU, United Kingdom.

Аннотация. Поселение людей в восточной части Берингии было постепенным процессом, начавшимся в период интерстадиала беллинг-аллеред. Поселение в горном хребте Аляски произошло на 1300 лет позже и, возможно, связано с появлением систем высокомобильного обитания во время позднего дриаса и раннего голоцена. Тем не менее оценка хронологии заселения нагорья была затруднена тем, что большая часть археологических памятников нагорья представлены в поверхностном залегании. В этом исследовании изучаются модели ландшафтного использования с новыми данными от погребенного раннего голоценового культурного слоя (компонента) 1 на стоянке Река Саситна 3 в бассейне реки Саситна, центральном Аляскинском хребте. Ансамбль Река Саситна 3 указывает, что первоначальное использование верхнего бассейна реки Саситна состояло из дальних логистических вылазок из жилых лагерей за пределами района исследования высокомобильными группами людей, снабженных набором типологически выраженных каменных орудий. Эти данные поддерживают переход к высокомобильной системе землепользования в раннем голоцене. Первоначальное заселение может быть связано с распространением бореальных лесов во внутренних районах низменности и предгорий в сочетании с появлением популяций горного карибу в качестве важного пищевого ресурса.

Ключевые слова: заселение Восточной Беринги, доисторическое использование ландшафта, Аляскинский хребет, технологическая организация каменного производства.
Формат цитирования: Блонг Дж.С. Поселение раннеголоценового возраста в верхней части бассейна р. Саситна, Центральная Аляска // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 27–50. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-27-50

Introduction

The archaeological record of Alaska suggests that human settlement of the region was a gradual process, occurring over thousands of years beginning as climate ameliorated during the Bølling Allerød interstadial. The earliest widely accepted evidence for hu-

man settlement of Alaska is in the Tanana River basin at Swan Point (14,200 cal BP) and Little John (14,000 cal BP) (Figure 1) (Easton et al. 2011; Holmes 2001, 2011). Humans spread from the Tanana basin into the foothills of the Nenana and Teklanika river drainages during the Allerød interstadial, represented by Dry Creek component 1 (13,500 cal BP) (Graf et al. 2015; Powers and Hoffecker 1989) and Walker Road component 1 (13,100 cal BP) (Goebel et al. 1991). There are a total of 13 cultural components dating between 14,000–13,000 cal BP in central Alaska, suggesting that this region was continuously occupied after initial settlement (see reviews in Graf and Bigelow 2011; Potter et al. 2013). Northwest Alaska was initially settled during the late Allerød period, represented by the Tuluaq Hill site in the Noatak River Basin (13,100 cal BP) (Rasic 2011; Rasic and Gal 2000); by the Younger Dryas settlers had spread throughout the Brooks Range, represented by cultural components from seven sites dating between 12,900–11,200 cal BP (see reviews in Rasic 2011; Smith et al. 2013).

Settlement of the central Alaska Range occurred by the Allerød/Younger Dryas transition, represented by cultural components at Teklanika West (12,900 cal BP) in the upper Teklanika River valley, Eroadaway (12,750 cal BP) in the upper Nenana River valley, and

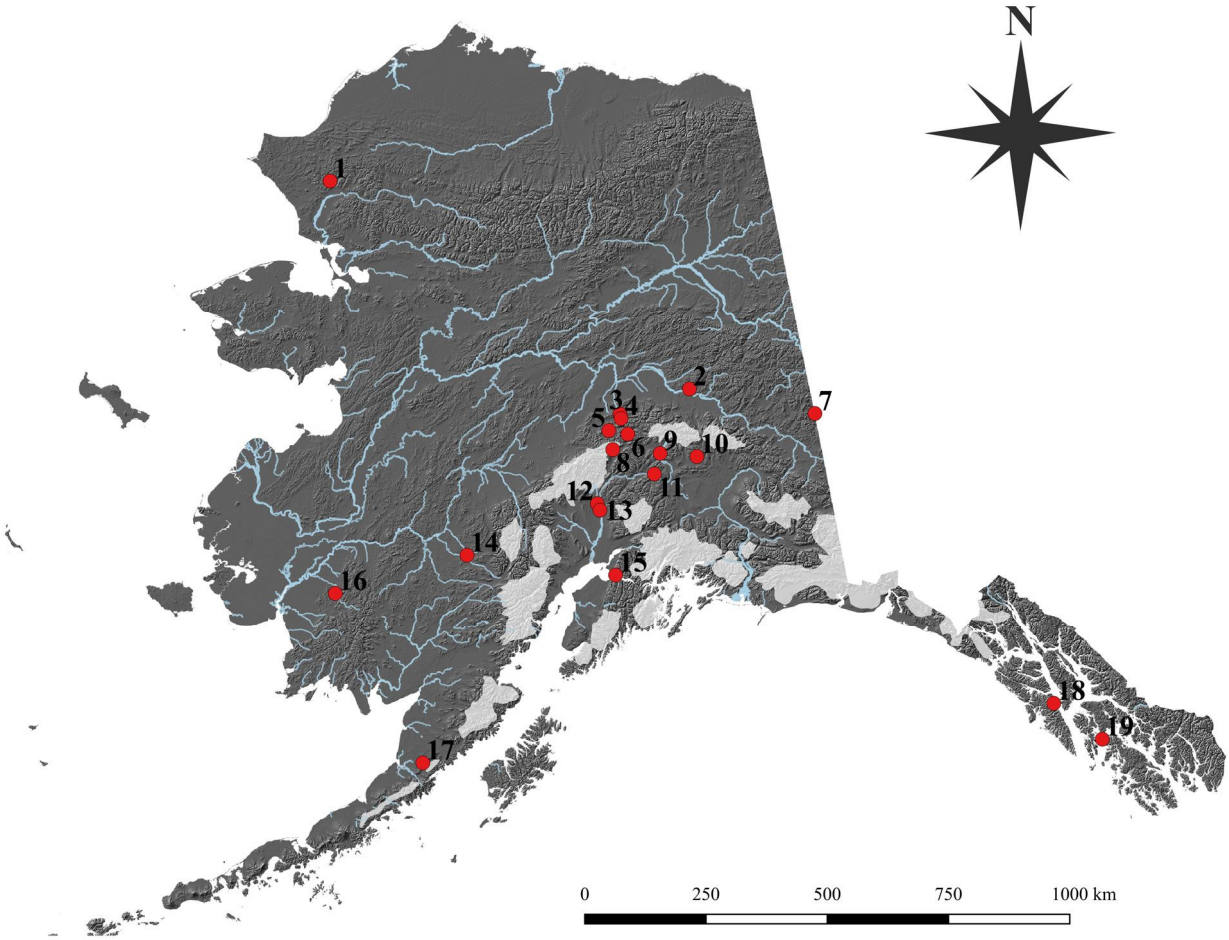


Figure 1. Overview map of Alaska showing the location of sites mentioned in text: *1, Tuluaq Hill; 2, Swan Point; 3, Walker Road; 4, Dry Creek; 5, Teklanika West; 6, Eroadaway; 7, Little John; 8, Bull River II; 9, Susitna River 3; 10, Phipps, Sparks Point, Whitmore Ridge; 11, Jay Creek Ridge; 12, Trapper Creek Overlook; 13, Susitna River Overlook; 14, Lime Hills Cave; 15, Beluga Point; 16, Spein Mountain; 17, Ugashik Narrows; 18, Hidden Falls; 19, On Your Knees Cave. Glacial extent 13 cal BP from Dyke et al. (2003)*

Рис. 1. Обзорная карта Аляски с памятниками, упоминаемыми в тексте: *1 – Тилуак Хилл; 2 – Сван Поинт; 3 – Уолкер Роуд; 4 – Драй Крик; 5 – Текланика; 6 – Эроадуэй; 7 – Литтл Джон; 8 – Булл Ривер II; 9 – Саситна Ривер; 10 – Фиппс, Спаркс Пойнт, Уитмор Ридж; 11 – Джэй Крик Ридж; 12 – Траппер Крик Оверлук; 13 – Сустина Ривер Оверлук; 14 – Лайм Хиллс Кэйв; 15 – Белуга Пойнт; 16 – Спейн Маунтэйн; 17 – Угашик Нэрроуз; 18 – Хидден Фалс; 19 – Он Ё Ниис Кейв. Границы ледника из Dyke et al. (2003)*

Bull River II (12,460 cal BP) in the Broad Pass region of the Susitna basin (Coffman 2011; Coffman and Potter 2011; Holmes et al. 2010; Wygal 2009, 2010). Humans continued to spread throughout the central Alaska Range in the Younger Dryas and early Holocene, represented by cultural components from seven sites dating between 12,460–7800 cal BP (see review in Graf and Bigelow 2011), including important upland sites Phipps, Sparks Point, and Whitmore Ridge in the Tangle Lakes region (West et al. 1996a, 1996b, 1996c).

The first evidence for human occupation of southwest Alaska comes from Lime Hills Cave (12,350 cal BP) and Spein Mountain (11,600 cal BP) (Ackerman 2001, 2011), indicating initial settlement of this region during the Younger Dryas. Southcentral Alaska was settled by the early Holocene, represented by cultural components at Susitna River Overlook and Trapper Creek Overlook (both occupied by 9100 cal BP) (Wygal and Goebel 2012), and possibly at Jay Creek Ridge, where the earliest component is associated with radiocarbon dates ranging between 11,200 and 7800 cal BP (Dixon 1993; Dixon et al. 1985; Reuther 2000). Settlement of the southern coast of Alaska also occurred by the early Holocene, represented by On Your Knees Cave (10,300 cal BP) on Prince of Wales Island, Hidden Falls (10,200 cal BP) on Baranof Island, and Ugashik Narrows (10,100 cal BP) on the Alaska Peninsula (Davis 1996; Henn 1978; Kemp et al. 2007). Lithic raw material provenance and patterns in lithic technology suggest that the initial settlers of the southern coast moved there from the interior of Alaska (Reger and Wygal 2016; Wygal and Goebel 2012; Yesner 2001).

Researchers are still working to understand how the settlement of eastern Beringia unfolded, and the environmental and cultural context for this process (Dixon 2011; Dumond 2011; Graf and Bigelow 2011; Potter et al. 2017; Wygal and Goebel 2012; Wygal 2017; Yesner 1998, 2001). This study is part of the Alaska Range Uplands Project, focused on understanding the process of settlement as it pertains to the uplands of the central Alaska Range and southcentral Alaska, in particular the record of initial human settlement of the upper Susitna River basin on the southern flank of the central Alaska Range (Figure 2). Several studies provide evidence for a shift to a highly mobile subsistence-settlement system and corresponding range expansion in central Alaska accompanying climate shifts in the Younger Dryas and early Holocene (Graf and Bigelow 2011; Mason et al. 2001; Potter et al. 2013). Cooler, dryer conditions in the Younger Dryas may have supported increased grass and forb biomes across interior Alaska, providing a landscape more favorable for mobile herd animals. During this time the archaeological record supports an increased focus on mobile herd populations of bison (*Bison* sp.), wapiti (*Cervus canadensis*), and caribou (*Rangifer tarandus*) for human subsistence, and increased range mobility including use of upland landscapes (Graf and Bigelow 2011). The early Holocene brought warmer temperatures to the region, yet there is evidence for periodic climactic instability including drought and cooler temperatures, and the early Holocene archaeological record supports a continued focus on mobile herd animals for subsistence (Mason et al. 2001). The highly mobile Younger Dryas/early Holocene hunting strategy included provisioning individuals with formalized toolkits (e.g., microblades) primarily made on non-local lithic raw material (Graf and Bigelow 2011; Graf and Goebel 2009; Mason et al. 2001). Increased range mobility into the uplands in the Younger Dryas/early Holocene is supported by occupations at Eroadaway, Bull River II, and the Tangle Lakes region (Graf and Bigelow 2011).

Fully evaluating upland landscape use in the Younger Dryas and early Holocene has been hampered by a primarily surface or near-surface archaeological record that is often difficult to radiocarbon date (Thorson 1990). The Alaska Range Uplands Project focused on archaeological survey and testing in the Alaska Range to identify areas with buried, datable cultural deposits to test models of landscape use with new archaeological data (Blong 2016). This paper presents the lithic assemblage from the early Holocene component 1 at Susitna River 3 in the upper Susitna basin. This assemblage was recovered from a buried context and is used investigate early Holocene lithic technological organization in the upper Susitna basin and to test settlement models for the Alaska Range and southcentral Alaska. The goal of this paper is to use the Susitna River 3 component 1 lithic assemblage to test the model that the initial settlement of the upper Susitna basin was by highly mobile individuals

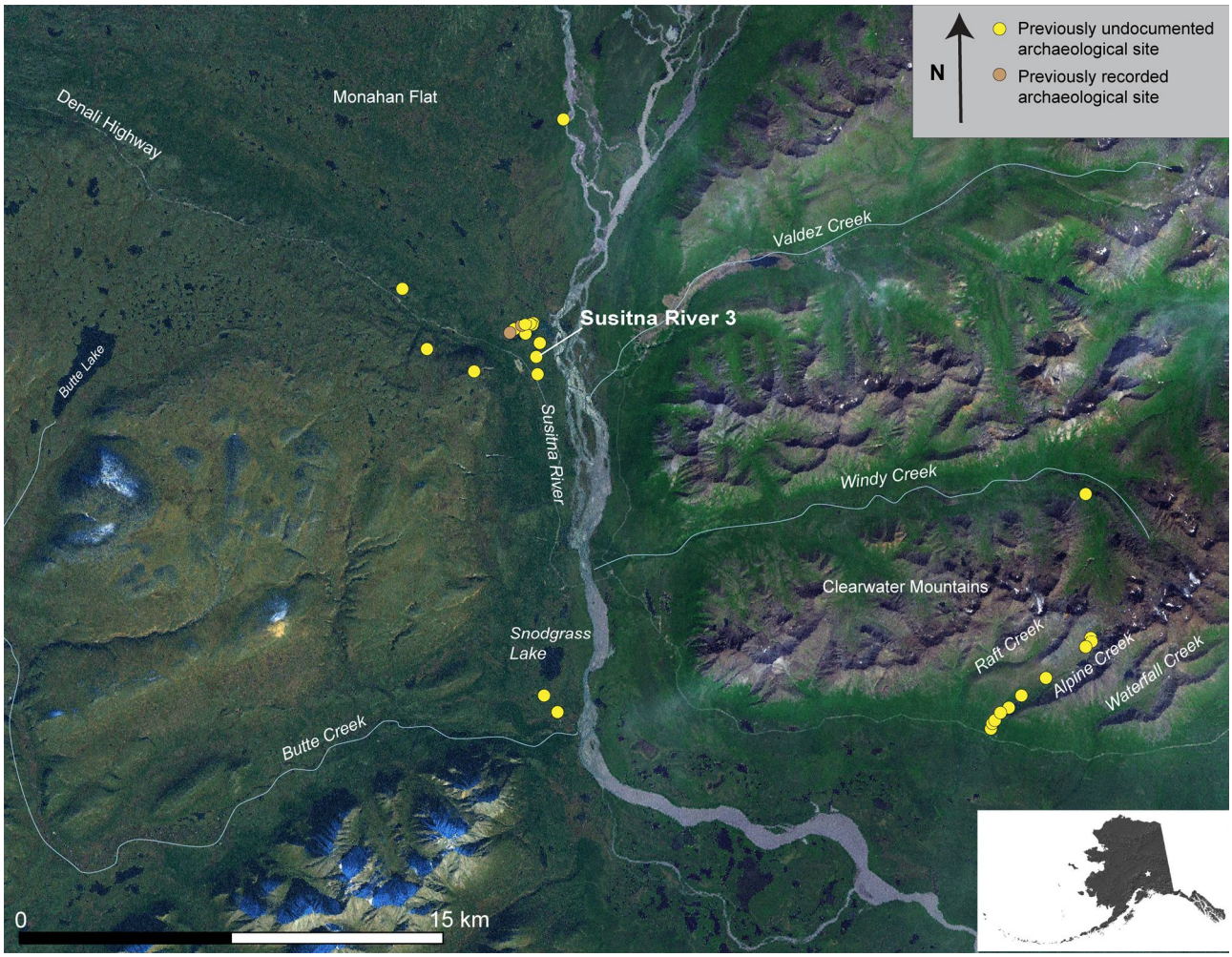


Figure 2. Upper Susitna River study area showing the 28 previously undocumented and two previously recorded archaeological sites investigated during the Alaska Range Uplands Project

Рис. 2. Исследуемая территория Верхней Саситны с 28, прежде недокументированными, и двумя, прежде зафиксированными, археологическими памятниками, исследовавшимися в рамках Проекта Нагорья Аляски

provisioned with formal lithic toolkits. This study presents the conclusion that this model is supported, and that initial early Holocene use of the upper Susitna River basin consisted of long-distance logistical forays from residential camps outside of the study area. Initial movement of hunter-gatherers into the study area may be tied to the spread of boreal forest biomes in the interior lowland and foothills regions, coupled with the emergence of upland caribou herd populations as an important resource.

Upper Susitna River Basin Study Area

The Susitna River is a glacial-fed stream originating in the southern Alaska Range and braiding across the broad, glacially-carved upper Susitna basin. The upper Susitna basin study area is geographically diverse, including peaks as high as 1900 masl in the Clearwater and northeastern Talkeetna mountains, kettle and kame topography on the broad, glacially carved Monahan Flat, and channeled glacial outwash and braided floodplains in the Susitna River valley bottom (Kachadoorian et al. 1954; Wahrhaftig 1960, 1965). Unconsolidated Quaternary surficial deposits dominate elevations below 1000 masl consisting primarily of glacial drift, often reworked and deposited as alluvium along rivers and streams (Smith 1981; Smith et al. 1988; Wahrhaftig 1960, 1965). The upper Susitna basin was completely covered by glacial ice during the Last Glacial Maximum, but was likely deglaciated by 14,000 ka (Dortch et al. 2010).

Vegetation in the study area is primarily *Betula* (birch) shrub tundra, with *Picea* sp. (spruce) and *Popu-*

lus (cottonwood/aspen) trees in the valley bottom, and alpine tundra in upper elevations; modern treeline is approximately 850 masl (Rohr 2001). Paleovegetation research in the upper Susitna basin indicates that modern vegetation patterns were established by 6400 cal BP, and possibly as early as 7600 cal BP (Blong 2016; Rohr 2001). The paleovegetation record for the upper Susitna study area do not extend past 7600 cal BP; however, recent paleoecological research in the middle Susitna River basin indicates that vegetation from 14,000 to 12,000 cal BP consisted of birch shrub tundra, followed by an expansion of *Populus* sp. between 12,000 to 9,000 cal BP to an elevation of 870 masl, then by expansion of *Picea* sp. and subsequent establishment of modern vegetation patterns by 6000 cal BP (University of Alaska Fairbanks, United States Geological Service, URS Corporation 2016).

Fauna in the study area today include black bear (*Ursus americanus*), brown bear (*Ursus arctos*), caribou (*Rangifer tarandus*), Dall sheep (*Ovis dalli*), moose (*Alces alces*), several species of ptarmigan (*Lagopus* sp.), snowshoe hare (*Lepus americanus*), seasonally available waterfowl, and many species of freshwater fish in lakes, rivers, and streams. The upper Susitna basin is an ideal laboratory for addressing upland lithic technological organization and land use because it exhibits a wide range of topographic, floral, and faunal variability, potentially reflecting the full range of upland adaptation.

Lithic Landscape

This study assessed the lithic landscape in the upper Susitna basin by documenting and sampling knappable lithic raw materials present in drainages throughout the study area (see summary in Blong 2016). The upper Susitna lithic landscape consists of relatively abundant amounts of knappable lithic raw material including metavolcanic, metabasalt, basalt, metasedimentary, quartzite, chert, metachert, chalcedony, argillite, and tuffaceous argillite rock types. The most common types of lithic raw material found in the study area are chalcedony, argillite, and basalt; these materials are available in large package sizes, but are often coarser-grained and/or weakly metamorphosed, affecting knapping quality.

Knappable lithic raw material from the study area is primarily microcrystalline to macrocrystalline texture, and is of moderate overall quality. Lithic raw materials are typically found in cobble- to boulder-sized nodules suitable for knapping. The majority of lithic raw material appears to be from the Amphitheatre Group formation that comprises a significant portion of the southern Clearwater Mountains and northeastern Talkeetna Mountains in the study area (Smith 1981). The Amphitheatre Group formation lies along the Talkeetna Fault, and the knappable lithic raw materials in this formation typically show signs of having undergone weak metamorphism. Several additional knappable raw materials collected in the study area appear to have been affected by weak metamorphism, likely also a result of proximity to the Talkeetna Fault (Mooney 2010; Smith 1981). As a result, much of the knappable-quality raw material in the study area is of variable quality from one nodule to the next and from one location to the other. Despite several geologic reference sources identifying various cherts as occurring in geologic formations in the study area, our survey found little evidence for abundant chert lithic raw material resources, and the minor amounts of chert we collected were typically poorer quality as a result of weak metamorphism.

Susitna River 3

From the period of 2010–2012 the Alaska Range Uplands Project documented 28 previously unrecorded archaeological sites in the Susitna study area. We conducted test excavations at 14 of these sites, and recovered cultural material from primary subsurface contexts at 12 of these. In addition, we conducted test excavations at two previously recorded sites. We observed three tephra horizons at most testing locations, and we found evidence for a possible fourth tephra at some locations. The three most ubiquitous tephras were correlated to the Devil, Watana, and Oshetna tephras described in the middle Susitna basin (Dixon and Smith 1990), based on color, weathering characteristics, texture, relative stratigraphic positioning, and glass geochemistry, while the fourth tephra has not been securely correlated to any previously studied tephra (Blong 2016).

Susitna River 3 is located at 860 masl on a prominent bedrock knoll overlooking Monahan Flat to the north and the Susitna River to the east. Vegetation at the site is shrub tundra; shrub birch is abundant, and willow (*Salix spp.*), blueberry, dwarf Labrador tea, and graminoids (Poaceae) are common. The site has a broad surface lithic scatter with concentrations of calcined and burned faunal remains covering an area of ~200 m x 80 m, primarily exposed in an off-highway vehicle (OHV) trail. Lithic tools collected from the surface include notched and lanceolate projectile point forms, microblades, and scrapers.

We excavated four 1-m^2 and four 50-cm^2 test units across the site (Figure 3), and identified three cultural components. The lithostratigraphy at the site is typical for most settings in the study area, consisting of glacial drift capped with a sequence of three tephra deposits (from oldest to youngest the Oshetna, Watana, and Devil tephras) and aeolian silt (Figure 4). The pedostratigraphy at the site is also typical for the study area, consisting of a series of organic soils underlain by elluvial and illuvial horizons formed primarily on tephra sediments (Figure 5). There are three cultural components represented at Susitna River 3 (Table 1). Component 1 (C1) consists of 706 lithics and 5 highly fragmented faunal remains recovered from an early Holocene context (10,690–10,300 cal BP), Component 2 (C2) consists of consists of approximately 600 highly fragmented faunal remains and 3433 lithics primarily recovered from a charcoal-rich paleosol in a MH context (5711–3984 cal BP), and Component 3 (C3) consists of approximately 160 highly fragmented faunal remains and 1456 lithics recovered from a LH context (2682–2329 cal BP) (Blong 2016; Mueller 2015).

Lithic Analysis Methods

This paper presents the results of analysis of the early Holocene Component 1 lithic assemblage at Susitna River 3. There are four goals of this analysis: (1) to present the lithic assemblage from the early Holocene Component 1 at Susitna River 3, (2) to explore early Holocene lithic technological activities and raw material procurement patterns at Susitna River 3, (3) to use these data to assess early Holocene settlement organization and landscape use in the upper Susitna basin, and (4) to compare patterns of land use in the upper Susitna River basin to the broader central Alaska Range and southcentral Alaska. Component 1 represents the earliest substantial evidence for human occupation of the upper Susitna study area and thus the most relevant for investigating the process of settling the Alaska Range uplands.

The component 1 debitage and tool analyses use metric and non-metric technological and typological attributes designed to reconstruct lithic raw material procurement patterns, lithic reduction activities, and tool use-life histories. Local vs. non-local lithic raw material procurement is assessed by comparing lithic raw material types in archaeological assemblages with lithic raw material types collected during lithic raw material survey of the study area. In addition, the amount of cortex in lithic raw material types is used as a measure of locally available lithic raw materials. This study considers toolstone procurement, primary reduction technologies, secondary reduction technologies, and tool production and use to help delineate organization of technological activities and ultimately to understand provisioning and mobility strategies. Primary reduction refers to core preparation and tool-blank manufacture, and is used to assess the relative amount and formality of core reduction at each site. Secondary reduction refers to tool sharpening and re-sharpening, and is used to assess the relative amount and type of tool maintenance at each site. Tool production describes the types of tools produced at each site, focusing on whether the tool production is expedient or formal, and whether tools are specialized or multifunctional. Tool analysis also focuses on the intensity of tool retouch and state of discard. Additional details of the methods used for lithic analysis can be found in Blong (2016).

This study considers variation in lithic assemblages (technological and typological) from an adaptive, technological-organization perspective, and is focused on understanding human strategies employed during stone-tool manufacture, use, transport, and discard, as well as strategies used to obtain toolstone (Nelson 1991; Shott 1986). Lithic technological studies grounded in ethnographic research, actualistic studies, and controlled archaeological case studies have delineated expectations for lithic artifact assemblages

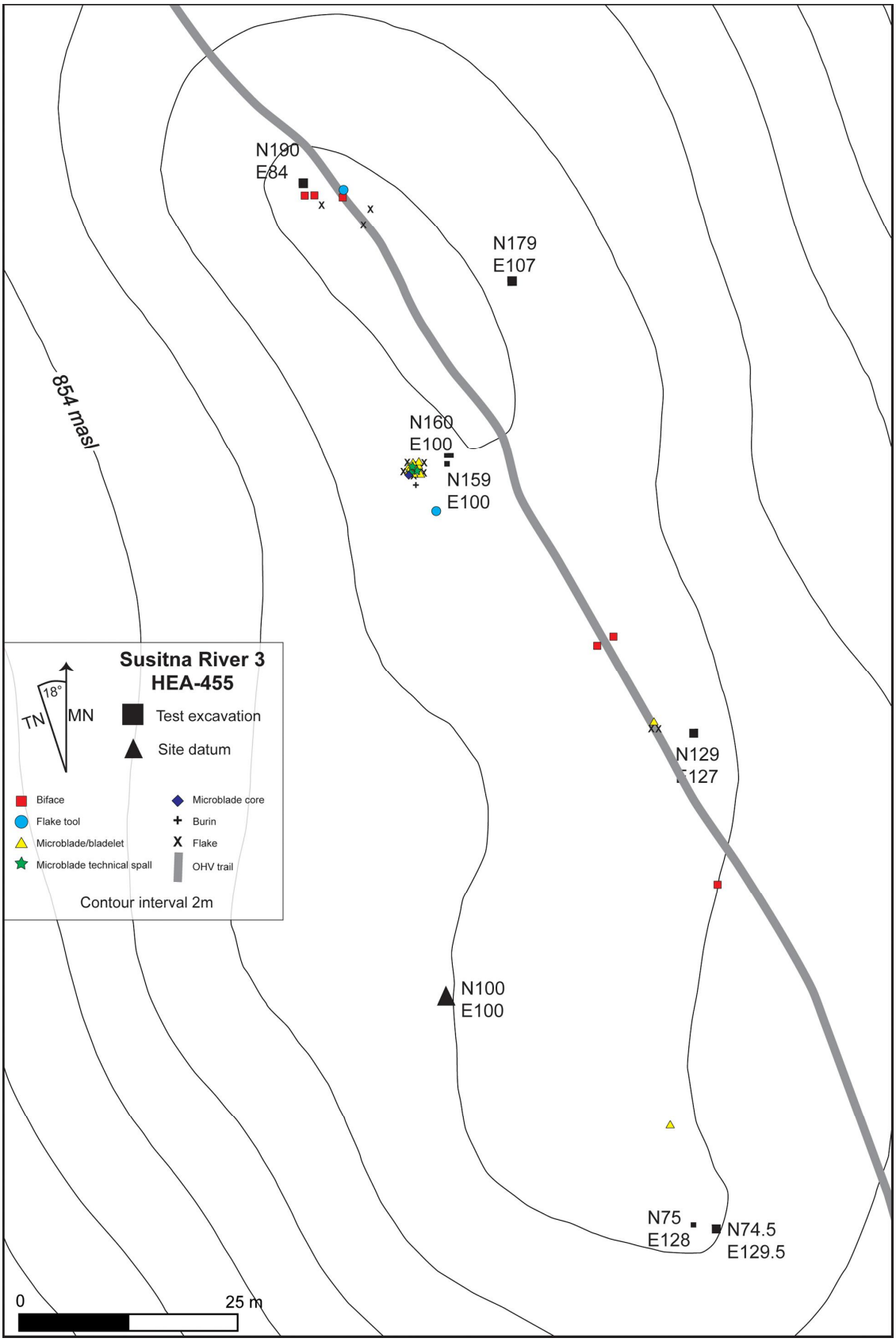


Figure 3. Susitna River 3 site map showing the location of test excavations and lithic artifacts collected on the surface
Рис. 3. Карта стоянки Саситна Ривер 3, демонстрирующая локализацию разведочных раскопок и каменных артефактов, собранных с поверхности

Figure 4. Color photograph of N179 E107 east wall profile showing a typical stratigraphic sequence in the upper Susitna study area

Рис. 4. Цветная фотография N179 E107 профиля восточной стенки, показывающая типичную стратиграфическую последовательность в пределах исследуемой территории верхней Саситны

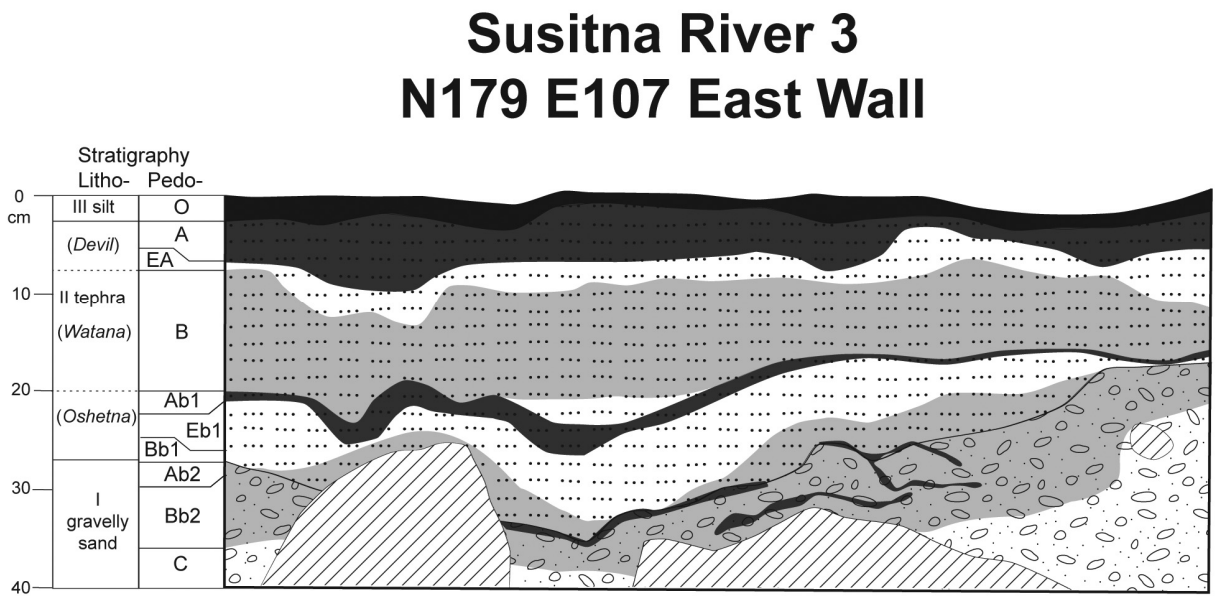


Figure 5. Stratigraphic section for N179 E107 east wall showing the lithostratigraphy and pedostratigraphy at Susitna River 3

Рис. 5. Стратиграфический разрез N179 E107 восточной стенки, демонстрирующий педостратиграфию Саситны Ривер 3

Table 1

Radiocarbon dates from Susitna River 3

Таблица 1

Радиоуглеродные даты Састины Ривер 3

Lab # Лабора-торный номер	Material (wood ID)[1] Материал (древесина определен.)	Com-ponent Культуро-содерж. горизонт	Context Контекст	$\delta^{13}C$ (‰)	^{14}C B.P. ^{14}C л.н.	Cal B.P. (2σ)[2, 3] Калибров. л.н. (2σ)[2, 3]	Population mean cal B.P.[2, 3] Среднее зна-чение калиб-ров. л.н.[2, 3]
Beta-284747	Charcoal Уголь	3	Feature 1, shallow basin-shaped char-coal feature Комлпекс 1, тонко-дисперсная котло-видная форма угольной линзы	-23.9	2370 ± 40	2682-2329	2427
OS-101611	Charcoal Уголь (*Picea* sp.)	2	Feature 2, dense hearth associated w/notched points, bone Комплекс 2, плот-ный очаг, связан-ный с остриями с выемками, кость	-26.29	3740 ± 30	4224-3984	4089
OS-101612	Charcoal Уголь (*Picea* sp.)	2	Dispersed charcoal from paleosol at contact of Oshetna and Watana tephras Рассеянный уголь из палеопочвы на контакте с пеплом Осетны и Ватаны	-26.02	4890 ± 35	5711-5585	5626
OS-101613	Charcoal Уголь (*Salix* sp.)	1	Dispersed charcoal from Ab2 paleosol capping bedrock soils Древесный уголь из горизонта Ab2 па-леопочвы, покры-вающей цоколь	-26.71	9320 ± 60	10,690-10,300	10,520

[1] Wood taxa identified by Dr. David Rhode (Desert Research Institute, Reno, Nevada).
Таксоны древесины определены Др. Давидом Родом (Институт исследования пустыни, Рено, Невада).
[2] Radiocarbon dates calibrated using IntCal 2013 in Oxcal 4.2.
Радиоуглеродные даты калиброваны с использованием IntCal 2013 в Oxcal 4.2.
[3] Radiocarbon dates with standard errors 50–1000 have been rounded to the nearest decade.
Радиокарбоновые даты со стандартными ошибками 50–1000 округлены до ближайшего десятилетия.

produced within highly mobile versus low mobility land-use systems (Kelly 1992, 2001; Kuhn 1995; Parry and Kelly 1987). The lithic assemblage expectations used for this study are described in detail in Blong (2016). At the core of these expectations is the idea that hunter-gatherers make technological decisions balancing cost (time to procure lithic raw material, manufacture time) and utility (efficiency of a tool to perform a task).

The archaeological expectations for hunter-gatherers occupying the upper Susitna study area in a high residentially mobile or long-distance logistically mobile settlement system are very similar. These sites should have lithic assemblages representing use by individuals provisioned with lithic raw material and tools in anticipation of future use (Kuhn 1995; Torrence 1983). Lithic assemblages should have formal cores prepared in advance to maximize the number of flakes available from toolstone, and lithic reduction activities should focus on secondary maintenance of bifacial and unifacial tools. Primary reduction, while limited, should focus on producing and maintaining formal cores and producing formal tool blanks and formal tools. Tools should come in both specialized and multi-purpose forms, and be maintained, heavily reworked, and transported. Overall the toolkit in a system that provisions individuals is lightweight, portable, durable, and generalized enough to serve many purposes. This technological strategy is typically utilized by groups with a high number of residential moves, shorter occupation span, and unpredictable tool and toolstone needs (Kelly 1988, 2001; Kuhn 1995).

In a settlement system with low residential mobility (provisioning place), lithic technology should be focused on equipping the location where tools will be used (Kuhn 1995; Parry and Kelly 1987). Archaeological assemblages should be made on locally available lithic raw material. Lithic assemblages should have informal cores, with little investment in design to provide flexibility to make tools with a wider range of functions. Primary reduction should be common and focus on producing and reducing informal cores and producing informal tool blanks and tools. Secondary reduction should be relatively limited and focused more on unifacial tool maintenance. Tools should come in specialized forms, be infrequently maintained, and discarded on-site. Overall the toolkit in a system that provisions place is heavier, less durable, less portable, expedient, and specialized, with a variety of tool types. This system is geared towards groups with a low number of residential moves and longer occupational spans (or frequent reoccupation), with predictable tool and toolstone needs (Kelly 1988, 2001; Kuhn 1995).

Using the lithic assemblage expectations outlined above, lithic technological activities at Susitna River 3 are presented here to assess whether hunter-gatherers occupying the Susitna basin in the early Holocene exploited the uplands in a pattern of high residential mobility or long-distance logistical forays from lowland camps, provisioning themselves with lithic raw materials, or in a pattern of low residential mobility from camps in the uplands, provisioning base camps with lithic raw material.

Results

The lithic assemblage from Susitna River 3 C1 consists of 673 debitage and 33 tools. There are five classes of lithic raw material in the assemblage. The assemblage is dominated by chert, with lesser amounts of chalcedony, and minor amounts of basalt, rhyolite, and argillite (Table 2). The C1 debitage assemblage consists primarily of retouch chip fragments, retouch chips, and flake fragments, with lesser amounts of biface thinning flakes, core reduction flakes, and burin spalls, and few cortical spalls (Table 3).

Debitage in the C1 assemblage is predominantly very small, with lesser amounts of small debitage, and just one piece of medium debitage (Figure 6). Platform types for proximal flakes in the C1 assemblage are primarily smooth and complex, with lesser amounts of crushed and very few lipped (Figure 7). When assessed by debitage size, platform types on very small proximal flakes are predominantly smooth, with lesser amounts of complex and crushed types, and very few lipped. Platform types on small proximal flakes are predominantly complex, with lesser amounts of crushed and smooth types, and very few lipped platforms. The single medium proximal flake has a crushed platform (Figure 8).

Table 2

Toolstone types represented in the Susitna River 3 component 1 lithic assemblage

Таблица 2

Типы орудийного материала, представленные в индустрии 1 культуросодержащего уровня Састины Ривер 3

Raw material type Тип сырья	Debitage Дебитаж	Tools Орудия	Total Всего	Local raw material Местный материал сырья
	n (%)	*n (%)*	*n (%)*	*n (%)*
Chert / Кремень	388 (57.7)	31 (93.9)	419 (59.4)	0 (0)
Basalt / Базальт	37 (5.5)	-	37 (5.2)	37 (100)
Rhyolite / Риолит	21 (3.1)	-	21 (3.0)	0 (0)
Chalcedony / Халцедон	222 (33.0)	2 (6.1)	224 (31.7)	209 (93.3)
Argillite / Аргиллит	5 (0.7)	-	5 (0.7)	5 (100)
Total / Всего	*673 (100)*	*33 (100)*	*706 (100)*	*35.6*

Table 3

Debitage frequencies by toolstone type in the Susitna River 3 component 1 lithic assemblage

Таблица 3

Доли дебитажа в типах поделочного камня в культуросодержащем слое 1 Састины Ривер 3

Debitage type Типы дебитажа	Chert Кремень	Basalt Базальт	Rhyolite Риолит	Chalcedony Халцедон	Argillite Аргиллит	Total Всего
	n (%)	*n (%)*	*n (%)*	*n (%)*	*n (%)*	*n (%)*
Flake fragment Фрагмент отщепа	51 (13.1)	8 (21.6)	6 (28.6)	63 (28.4)	2 (40)	130 (19.3)
Core reduction flake Отщеп редукции нуклеуса	20 (5.2)	6 (16.2)	4 (19.0)	22 (9.9)	2 (40)	54 (8.0)
Primary cortical spall Первичный корковый скол	-	-	-	1 (0.5)	-	1 (0.1)
Secondary cortical spall Вторичный корковый скол	-	-	-	1 (0.5)	-	1 (0.1)
Cortical spall fragment Фрагмент коркового скола	-	-	-	1 (0.5)	-	1 (0.5)
Retouch chip fragment Фрагмент чешуйки ретуши	158 (40.7)	10 (27.0)	6 (28.6)	61 (27.5)	-	235 (34.9)
Retouch chip Чешуйка ретуши	115 (29.6)	6 (16.2)	4 (19.0)	48 (21.6)	1 (20)	174 (25.9)
Biface thinning flake Отщеп утончения бифаса	28 (7.2)	7 (18.9)	1 (4.8)	25 (11.3)	-	61 (9.1)
Burin spall Резцовый скол	16 (4.1)	-	-	-	-	16 (2.4)
Total / Всего	388	37	21	222	5	673

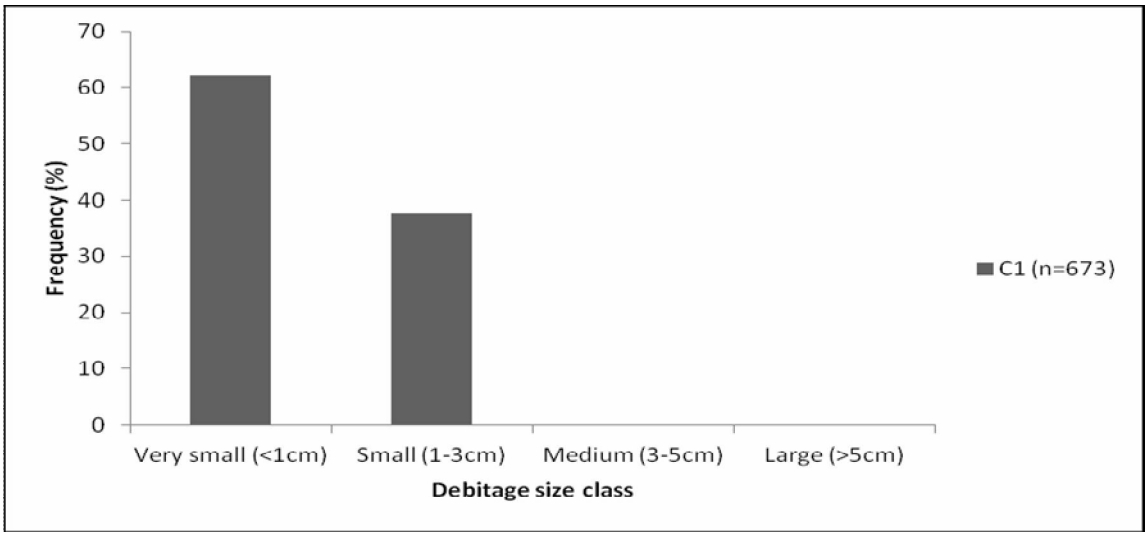


Figure 6. Debitage size classes in the Susitna River 3 component 1 lithic assemblage
Рис. 6. Классы размеров дебитажа каменного ансамбля 1 культуросодержащего уровня Састины Ривер 3

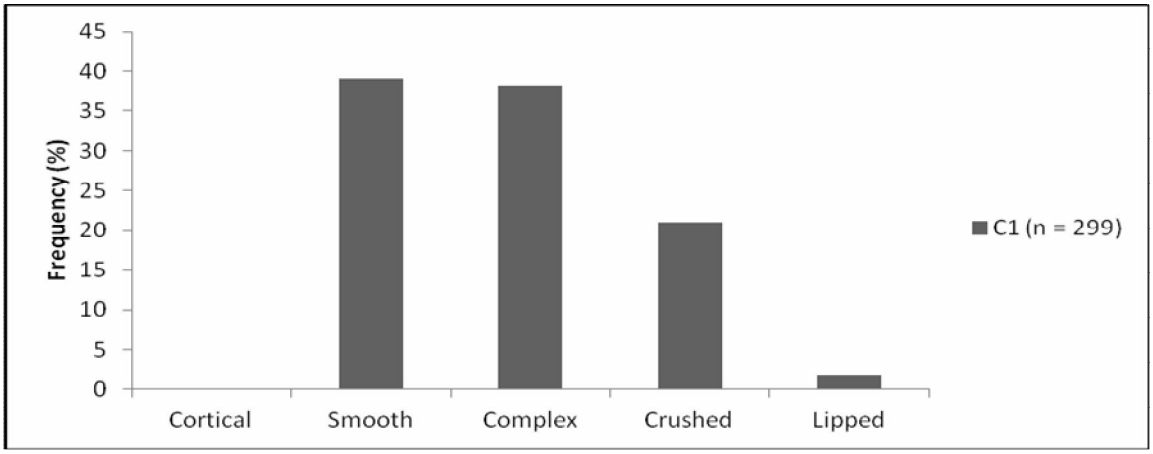


Figure 7. Proximal flake platform type in the Susitna River 3 component 1 debitage assemblage
Рис. 7. Типы ударных площадок отщепов каменного ансамбля 1 культуросодержащего уровня Састины Ривер 3 (cortical – корковая, smooth – гладкая, complex – сложная,crushed – смятая, lipped – с носиком)

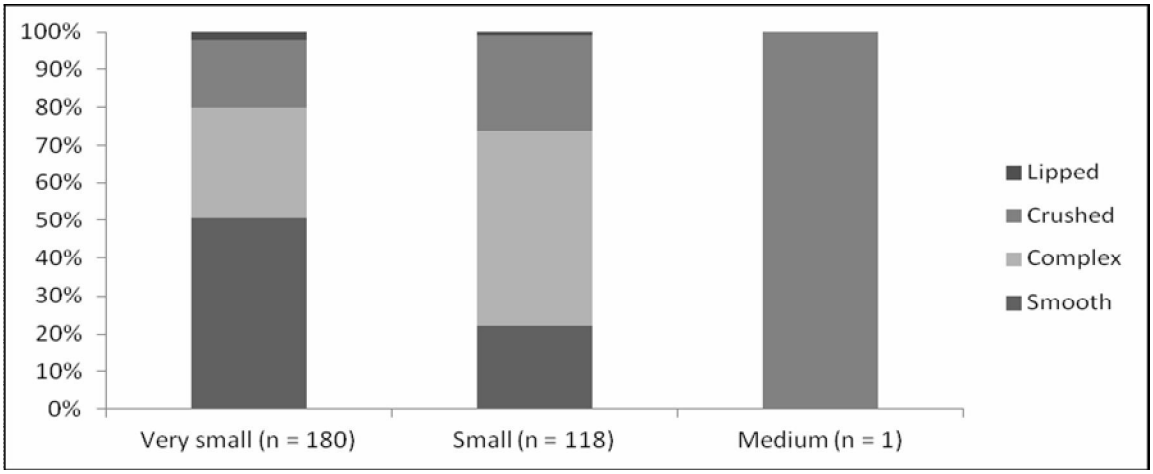


Figure 8. Proximal flake platform type within each debitage size class in the Susitna River 3 component 1 lithic assemblage
Рис. 8. Типы Фрагментов ударных площадок отщепов в каждом размерном классе дебитажа каменного ансамбля 1 культуросодержащего уровня Састины Ривер 3

There are 33 tools in the C1 assemblage (Table 4). Tools are predominantly made on chert, and tool forms consist primarily of informal types (78.9 % of tool assemblage) such as retouched burin spalls and flakes, but also formal types (18.1 % of tool assemblage) such as burins and a small scraper-like tool with invasive retouch and a steep edge angle (Figure 9). The most common tool blank is flake, with lesser amounts of burin spall and bladelet blanks, and few microblade and biface thinning flake blanks (Figure 10). The majority of tools in the assemblage are broken, and complete tools have a low mean weight (Table 4). None of the tools in the C1 assemblage bear cortex. Chert tools in the C1 assemblage were retouched on 52.6 % of available margins, while chalcedony tools were retouched on 40 % of available margins (Table 5). Similarly, chert tools have a higher retouch index (0.54) than chalcedony tools (0.28). There are no cores in the C1 assemblage.

Lithic Raw Material Procurement

Only 35.6 % of the lithics in the C1 assemblage are made on lithic raw material types collected during our raw material survey of the study area. There is little diversity within the C1 raw material classes: there are nine types of chalcedony, three types each of chert and rhyolite, two types of argillite, and one type of basalt. The assemblage is dominated by one type of chert in particular, a fine-grained grayish orange (10YR 7/4) to moderate yellowish brown (10YR 5/4) material that was occasionally banded with very pale orange (10YR 8/2). The majority of the lithics in the C1 assemblage (53.7 %) are made on this material, followed by a medium light gray (N6) to medium gray (N5) chalcedony with black (N1) speckles (28.2 % of assemblage). Tools in the assemblage are made primarily on a distinct, fine-grained grayish red (5R 4/2, 10R 4/2) material (n=13, 52 %), as well as the grayish-orange chert (n=10, 40 %). Neither of the chert types described here were collected during our raw material survey of the study area, but we did collect samples of the gray chalcedony in the Butte Creek drainage approximately 13 km to the south of the site. Local procurement of chalcedony is supported by the presence of cortex on two chalcedony flakes; this cortex has the appearance of being from a bedrock geologic source. In addition, the basalt and argillite in the assemblage is similar to the material we collected from multiple locations within 15-20 km of the site.

The chert and rhyolite lithic raw material that dominates the C1 assemblage was likely transported to the study area from a more distant source. The chalcedony, argillite, and basalt in the assemblage were likely procured locally. This suggests that lithic raw material procurement during the C1 occupation focused primarily on non-local, high-quality cherts, supplemented by locally-available chalcedony, basalt, and argillite, most of which was available within 13 km of the site.

Primary Reduction

Primary reduction was a minor component of lithic technological activities during the C1 occupation (27.8 % of debitage assemblage). This is supported by the low frequency of core-reduction flakes and cortical spalls in the debitage assemblage, the low frequency of large and medium debitage, and the low frequency of smooth platforms on small and medium debitage. The lack of cortical debitage for most lithic raw material classes suggests that raw materials were initially reduced elsewhere. The exception to this is chalcedony, which is locally available and appears to have undergone some primary reduction onsite. There are higher than expected amounts of argillite, basalt, chalcedony, and rhyolite primary reduction debitage in the assemblage, suggesting that primary reduction focused on these materials; differences in the proportion of these materials is significant (χ^2 = 45.463, df = 4, p < .0001).

The high frequency of chalcedony flake fragments supports chalcedony core production and reduction, and suggests that chalcedony was reduced informally. In addition, the frequency of chert flake fragments could also represent informal chert core production and reduction, but flake fragments represent a small percentage of chert debitage at the site, so this was a minor component of chert reduction. Mean argillite debitage weight (Wilcoxon each pair: z = 3.83831, p = 0.0001), chalcedony debitage weight (z = 8.52888, p < .0001), basalt debitage weight (z = 6.75048, p < .0001) and rhyolite debitage weight (z = 2.23866, p = 0.252) are significantly higher that

Table 4

Tool frequencies by toolstone type in the Susitna River 3 component 1 lithic assemblage

Таблица 4

Доли орудий в типах поделочного камня в культуросодержащем слое 1 Састины Ривер 3

Tool type **Типы орудий**	**Chert / Кремень** *n (%)*	**Chalcedony / Халцедон** *n (%)*	**Total / Всего** *n (%)*
Retouched flake fragment Фрагмент ретушированного отщепа	9 (29.0)	-	9 (27.3)
Retouched flake Ретушированный отщеп	3 (9.7)	2 (100)	5 (15.2)
Retouched microblade fragment Фрагмент ретушированной микропластины	1 (3.2)	-	1 (3.0)
Retouched bladelet Ретушированная пластина	1 (3.2)	-	1 (3.0)
Retouched bladelet fragment Фрагмент ретушированной пластины	2 (6.5)	-	2 (6.1)
Retouched burin spall Ретушированный резцовый скол	2 (6.5)	-	2 (6.1)
Retouched burin spall fragment Фрагмент ретушированного резцового скола	6 (19.4)	-	6 (18.2)
Scraper on flake fragment Фрагмент скребка на отщепе	1 (3.2)	-	1 (3.0)
Burin fragment / Фрагмент резца	1 (3.2)	-	1 (3.0)
Burin on snap / Резец на осколке	2 (6.5)	-	2 (6.1)
Burin on snap fragment Резец на фрагменте скола	1 (3.2)	-	1 (3.0)
Angle burin fragment Фрагмент углового резца	1 (3.2)	-	1 (3.0)
Burin on notch fragment Резец на выемчатом фрагменте	1 (3.2)	-	1 (3.0)
Tool subtotal *Орудия, всего*	*31*	*2*	*33 (100)*
Formal: informal count Ratio Формальные: неформальные количество рацио	7:24 0.3	0:2 0	7:26 0.3
Complete: broken count Ratio Целые: сломанные количество рацио	9:22 0.4	2:0 -	11:22 0.5
Mean complete tool weight (g) Средний вес целых орудий (г)	0.4	0.4	0.4
Tool: debitage count Ratio Орудия: дебитаж количество рацио	31:388 0.08	2:222 0.01	0.05

Figure 9. Lithic tools from Susitna River 3 component 1 assemblage:
a–l – retouched flakes; j–o – burins; p – scraper-like tool; q–x – retouched burin spalls
Рис. 9. Каменные орудия ансамбля Састины Ривер 3 культуросодержащего уровня 1:
a–i – ретушированные отщепы; j–o – резцы; p – скребловидное орудие; q–x – ретушированные резцовые сколы

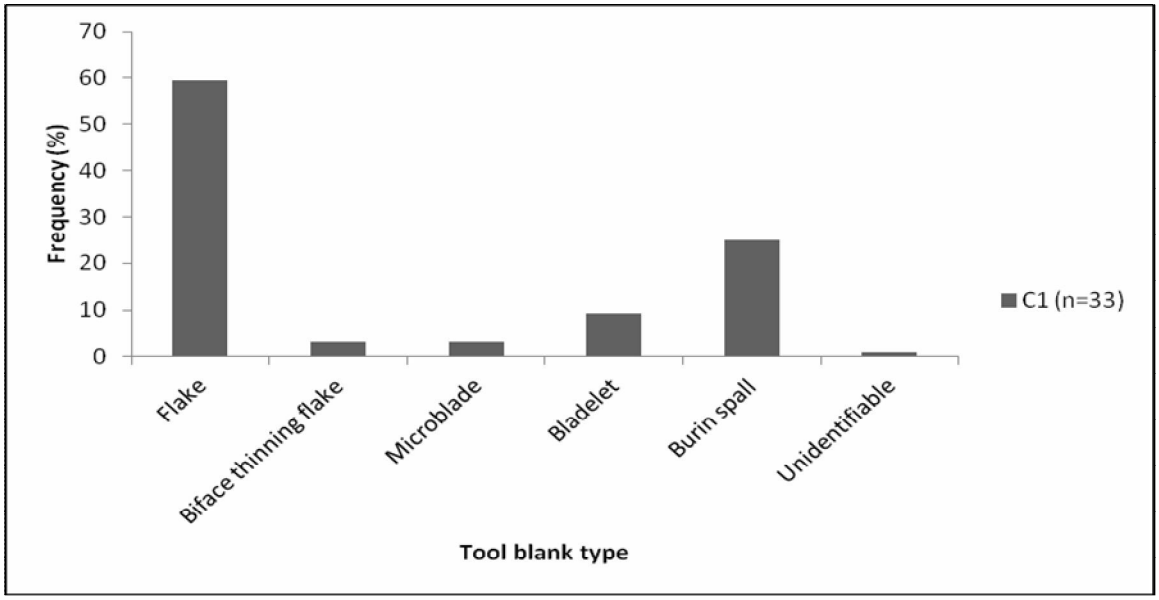


Figure 10. Tool blank type for tools in the Susitna River 3 component 1 assemblage
Рис. 10. Типы заготовок орудий из Састины Ривер 3 культуросодержащего уровня 1: *отщеп, отщеп утончения бифаса, микропластина, пластина, резцовый скол, неопределимые*

Table 5

Unifacial tool retouch data for Susitna River 3 component 1

Таблица 5

Данные по ретуши унифасиальных орудий Састины 3 культуросодержащего уровня 1

Raw Material Class Класс сырья	Retouched unifacial tool edge units Количество ретушированных орудийных лезвий (n=27)		Unifacial tool retouch index Индекс ретуши унифасиальных орудий	
Chert Кремень	Used Использован.	100	n	16
	Available Доступные	190	Mean RI Среднее RI	0.54
	%	*52.6*	σ	0.52
Chalcedony Халцедон	Used Использован.	8	n	2
	Available Доступные	20	Mean RI Среднее RI	0.27
	%	*40.0*	σ	0.28
Total Всего	Used Использован.	108	n	18
	Available Доступные	210	Mean RI Среднее RI	0.51
	%	*51.4*	σ	0.50

mean chert debitage weight. This supports primary reduction of locally available argillite, chalcedony, and basalt, and also non-local rhyolite. Primary reduction of non-local rhyolite could represent informal rhyolite cores entering the site. Tools in the assemblage are primarily made on informal flake blanks, but there is evidence for formal core reduction in bladelet, microblade, and biface thinning flake tool blanks. There is no evidence for bipolar knapping or scavenging in the assemblage. Taken together, the debitage and tool blank data suggest that primary reduction was a minor component of lithic reduction activities, but focused on informal reduction of locally available raw material, with some formal reduction of non-local cherts.

Secondary Reduction

Secondary reduction was a significant component of lithic technological activities during the C1 occupation (72.2 % of debitage assemblage), supported by the frequency of small and very small debitage. There are higher than expected amounts of chert secondary reduction debitage in the assemblage, suggesting a focus on secondary reduction of chert lithic raw materials. Differences in the proportions of reduction for raw materials are significant ($\chi^2 = 45.463$, $df = 4$, $p < .0001$). Secondary reduction likely focused on biface production, supported by the high frequency of complex platforms on small debitage, despite the relatively small number of distinct biface thinning flake types. The high frequency of retouch chips supports a focus on tool maintenance, and the high frequency of smooth platforms on very small debitage supports a focus on unifacial tool maintenance. However, the presence of complex platforms on small debitage indicates bifacial tool maintenance also occurred.

Tools in the C1 assemblage are primarily informal tool types, are lightweight, and show overall moderate amounts of retouch. Most of the tools were made on non-local, high-quality chert. Chert tools exhibit retouch on a moderate percentage of edge units and were discarded with a moderate amount of utility re-

maining. Chert tools were retouched on a higher percentage of edge units and discarded with less utility remaining than chalcedony tools. Both chert and chalcedony tools were frequently discarded broken, suggesting conservation of lithic raw material. Given the frequency of retouch chips at the site, it is possible that additional formal chert tools (e.g., bifaces) were carried onto the site, resharpened, then carried away, and only more expedient tool types were discarded as they broke. The relatively high chert tool-to-debitage ratio also suggests that chert tools were carried onto the site, while chalcedony tools were probably made onsite and discarded after minimal use.

The relatively high number of burin spalls in the assemblage suggests that tool resharpening by burination occurred frequently. In several cases chert burin spalls were utilized as tools after removal, suggesting that chert lithic raw material was being used to the last amount of utility. The presence of burins suggests a specialized toolkit for working osseous or wood materials (Guthrie 1983). These data suggest that lithic activities during the C1 occupation focused on informal chert tool production, secondary reduction of chert bifaces and chert biface and unifacial tool maintenance.

Discussion

The Susitna River 3 site has only been initially tested, so it is possible that the lithic assemblage presented here represents a relatively small sample of lithic reduction and tool use at the site. Further excavation could reveal more diversity in the lithic assemblages, as assemblage diversity is strongly correlated with sample size (Kintigh 1984), and archaeological deposits are often spatially variable (Binford 1978). The episodic depositional sequence in the study area may have resulted in a palimpsest early Holocene assemblage at Susitna River 3 representing repeated site use over hundreds or thousands of years, however, the fact that the assemblage shows relatively little lithic raw material diversity suggests that it may represent a single occupation. This discussion works under the assumption that the Susitna River Component 1 assemblage represents a single occupation and is an accurate approximation of early Holocene lithic technological organization in the study area.

Early Holocene Lithic Technological Organization in the Upper Susitna Basin

Here I use toolstone procurement, primary reduction, secondary reduction, and tool production and discard patterns from Susitna River 3 Component 1 to reconstruct early Holocene lithic technological organization in the upper Susitna River basin (Table 6). The C1 lithic assemblage has a high percentage of non-local lithic raw materials. Lithic raw materials are primarily high-quality chert, presumably procured from at least two source locations outside of the study area. Locally available lithic raw material was used to supplement lithic technological activities during this occupation, primarily poorer-quality chalcedony available within 13 km of the site. There small amount of cortical debitage in the assemblage is all on locally available chalcedony, suggesting that primary reduction of lithic materials occurred elsewhere, and raw materials entered the site as tools and/or cores.

Primary reduction was a minor component of lithic reduction activities at Susitna River 3, and focused on informally reducing locally available chalcedony and minor amounts of non-local chert. There are no cores in the assemblage, suggesting that raw materials carried onto the site in core form left with the site's occupants. Tool production focused on burins, as well as small tools made on flakes, bladelets, and microblades. Tools were made on both informal and formal flake blanks, including bladelet, microblade, and biface thinning flake blanks. Formal tool blanks made on chert suggest that formally prepared chert cores were carried onto the site, reduced, and carried away. These assemblage attributes suggest raw material economization. Secondary reduction was the dominant technological activity at Susitna River 3, and focused on unifacial tool maintenance, with lesser amounts of biface production. The C1 toolkit is lightweight, consisting mostly of informal retouched flakes made on non-local, high quality cherts, as well as burins, a formal, specialized tool type typically associated with bone or woodworking. There are no bifaces in the C1 assemblage, although debitage indicates that some biface production and maintenance occurred.

Tools in the C1 assemblage show overall moderate amounts of edge retouch, and tools were discarded with moderate remaining utility. Non-local

Table 6

Lithic technological organization characteristics of the Susitna River 3 component 1 assemblage

Таблица 6

Характеристики каменной технологической организации Састины Ривер 3 культуросодержащего уровня 1

Technological activity **Технологическая активность**	**C1 assemblage** **C1 ансамбль**
Toolstone procurement *Производство орудий*	
Local / Местное	36%
Non-local / Неместное	64%
Cortical debitage/tools / Галечный дебитаж/орудия	0.004%
Primary reduction *Первичное расщепление*	
Primary reduction debitage Дебитаж первичного расщепления	28%
Formal tool blank Формальная орудийная заготовка	41%
Secondary reduction, tool production and use *Вторичное расщепление, производство и использование орудий*	
Secondary reduction debitage Вторичное производство дебитажа	72%
Formal: informal tool ratio count ratio Индекс формального: неформального орудия количество рацио (индекс)	7:26 0.3
Mean retouched edge unit Средняя доля ретушированных лезвий	51%
Mean retouch index Средний индекс ретуши	0.51
Tool: debitage ratio Индекс орудия: дебитаж	0.05
Complete: broken tool ratio count ratio Индекс целых: брошенных орудий количество рацио (индекс)	11:22 0.5
Raw material selection Избирательность материала сырья	Yes Да
Inferred mobility Предполагаемая мобильность	High Высокая

chert tools were more intensively reduced than local chalcedony tools. The frequency of burin spalls in the assemblage suggests that burins made on non-local chert were heavily retouched. Many chert burin spalls exhibit retouch, and chert tools were primarily discarded broken. There is raw material selection occurring at the site; primary reduction focused on locally available raw materials and non-local rhyolite, while secondary reduction focused on non-local, high quality cherts, suggesting economization of non-local

chert. Site density is relatively low compared to later occupations at Susitna River 3 (Blong 2016).

There are patterns in the Susitna River 3 Component 1 assemblage that can be used to infer early Holocene mobility and provisioning strategies. The Susitna River 3 C1 assemblage meets several expectations of high mobility including lithic raw material procurement focused on high-quality non-local material, economization of non-local raw material, few artifacts bearing cortex, technological activities focused on tool maintenance, high tool-to-debitage ratio, evidence for raw material selection, lightweight tools that are both multipurpose (retouched flakes) and specialized (retouched bladelets, burins), and low artifact density. Interestingly, while tool blank data suggests that both formal and informal cores were reduced onsite, there is no technical debitage representing formal core reduction and maintenance, but this may be explained by the limited testing conducted at the site. Tools in the assemblage are mostly moderately retouched informal types, and complete tools were discarded onsite. These characteristics of the assemblage do not fit a high mobility pattern, but it could be that formal tools were maintained onsite and carried away, while informal tools were moderately retouched, and discarded onsite. This would explain the apparent informal aspects of the lithic technology, but cannot be proven with the current dataset.

In sum, the lithic technological characteristics of Susitna River 3 C1 suggest that this site represents a short-term camp occupied by a highly mobile group, traveling to the study area provisioned with the lithic raw material required for subsistence activities. The C1 occupants of the site created small, lightweight, informal and functionally specific tools on the material they carried with them, as well as informal tools on locally available lithic raw material. There are indications of a formalized, economized technology, but a significant portion of the technology was also informal, possibly to maintain a flexible component of the toolkit that can be used for a variety of activities (Nelson 1991). Burins–presumably used for bone and/or woodworking–suggests that organic material may have been incorporated with lithic technology into a complex gear system.

The preparation apparent in carrying high-quality lithic raw material in formal cores may be due to uncertainty about raw material resources in the study area, or knowledge that raw material resources in the study area were poor. Artifact density is relatively low in Susitna River 3 C1, and there is very little primary reduction, suggesting a short-term camp. The informal bladelet tools appear to have been produced for a single purpose, and not designed for long use-life and multiple functions. The presence of burins and tiny retouched bladelets and burin spalls in the toolkit suggests specialized activity at the site. These data suggest that Susitna River 3 C1 represents a long-distance logistical resource extraction camp, and not a residential forager camp.

What is the Nature of Upland Use in the Early Holocene?

The early Holocene C1 assemblage at Susitna River 3 has characteristics of a highly mobile land-use system. It is difficult to interpret broad patterns of landscape use from one site, but the C1 lithic assemblage suggests that early Holocene occupants of the site entered the study area on a long-distance logistical foray from a base camp outside of the study area. It is possible that the C1 occupation represents a long-distance logistical resource extraction camp tied to a base camp in the lowlands. A similar pattern of long-distance logistical forays into the uplands from lowland camps appears to have emerged in the Younger Dryas, characterize by the production and maintenance of formalized toolkits (e.g., microblades) by individuals provisioned primarily with non-local lithic raw materials (Graf and Bigelow 2011; Graf and Goebel 2009; Wygal 2017). This land use strategy is hypothesized to represent the spread of mobile groups hunting bison, wapiti, and caribou in the foothills and uplands of the Alaska Range, and may have been an adaptation to cooler and dryer conditions and accompanying increase in grass and forb vegetation favorable for mobile herd animals (Graf and Bigelow 2011). A highly-mobile logistical subsistence strategy appears to have continued into the early Holocene, again characterized by use of the uplands of the Alaska Range by hunter-gatherers targeting herd animals and carrying small, portable toolkits made on

high quality non-local lithic raw material. While the early Holocene was warmer than the Younger Dryas, there is evidence for periods of drought, as well as period of cooler temperatures from 8500-8000 cal BP, suggesting that this highly mobile adaptation was a response to early Holocene climate instability (Mason et al. 2001). The early Holocene Susitna River 3 C1 assemblage supports an early Holocene highly mobile land use strategy in the central Alaska Range.

Previous research suggests that in the early Holocene hunter-gatherers abandoned the foothills and uplands of the central Alaska Range as climate warmed and became more mesic, re-focusing subsistence in the Tanana lowlands (Graf and Bigelow 2011), or even abandoning large parts of interior Alaska in response to the spread of boreal forest and accompanying lower carrying capacity (Potter 2008a). The initial occupation of the upper Susitna basin dates to the hypothesized period of abandonment in interior Alaska, and there may be a link between the dramatic ecological shift in interior Alaska and the initial settlement of the upper Susitna basin and surrounding regions (Wygal and Goebel 2012; Yesner 1998). Paleoecological data from the middle Susitna basin suggest an early Holocene expansion of cottonwood/aspen deciduous woodland (UAF, USGS, URS 2016). Perhaps this was the case in the upper Susitna as well, but Cervidae faunal remains recovered from an early Holocene context in the upper Susitna study area (Blong 2011) suggest that shrub and herbaceous vegetation persisted here in the early Holocene. It is possible that the upper Susitna basin offered a refugium for faunal species pushed out of the greater Tanana basin by spreading spruce forests; however, further paleoecological research is needed to determine the local sequence of terminal Pleistocene and early Holocene vegetation change.

Following deglaciation of southcentral Alaska, genetic evidence indicates that caribou populated southcentral Alaska from the north, from a larger Beringian population that persisted through the glacial period (Flagstad and Roed 2003; Hoffecker and Elias 2007). The modern-day Nelchina caribou herd ranges over 51,800 km^2 of caribou habitat across southcentral Alaska, moving great distances during its seasonal rounds through spring calving, summer and early fall range, fall rut, and winter range. The nature and location of seasonal movement can vary annually, but generally follow an east to west seasonal pattern (Hemming 1971; Skoog 1968). The earliest sites in southcentral Alaska are all situated near important seasonal Nelchina herd caribou locations; the Tangle Lakes sites are nearby historically known spring and fall caribou migration routes, Jay Creek Ridge is located in the eastern Talkeetna Mountains nearby historically known spring calving grounds, and the upper Susitna Basin is within the historically known summer range of the herd (Skoog 1968). While speculative, the connection between the earliest archaeology in the region and key historic caribou migration routes suggest that caribou may have been a significant subsistence resource here, and may have motivated increased use of the region by logistical parties (Robinson 2008; West 1974). The Susitna River 3 early Holocene component 1 data presented here offers support for the hypothesis that hunter-gatherers operated in a highly-mobile logistically oriented settlement pattern in the Younger Dryas and early Holocene, possibly moving through the Alaska Range in search of gregarious large mammals.

Understanding what motivated humans to move into the Alaska Range and southcentral Alaska sets up interesting questions that are beyond the reach of the lithic assemblage data from one site, or even the few sites we currently have marking the first appearance of humans in the Alaska Range and southcentral Alaska. Did terminal Pleistocene and early Holocene climate change drive changes in landscape use in central Alaska? Where did the initial settlers of southcentral Alaska come from, and what routes did they take to get there? What role, if any, did demographic pressure play in human range expansion? What opportunities did the recently deglaciated regions of the Alaska Range and southcentral Alaska offer early settlers of the region, and what were the constraints of these landscapes? Of critical importance to understanding human settlement of southcentral Alaska the timing of post-glacial landscape recovery. We currently have little paleoecological data that extends back to the period of initial settlement of this region (UAF, USGS, URS 2016). What evidence we do have suggests that there was a productive landscape in the region for

thousands of years prior to initial settlement, so delayed landscape recovery does not appear to have been a factor limiting human settlement of this region (Blong 2016; UAF, USGS, URS 2016). The Alaska Range Uplands project has shown that with focused research in the uplands of the central Alaska Range we can make strides towards answering these questions.

Conclusions

The early Holocene Susitna River 3 Component 1 lithic assemblage offers a first take on early Holocene lithic technological organization in the upper Susitna basin. While more early Holocene sites need to be documented to expand our understanding of settlement of this region, the Susitna River 3 C1 assemblage provides insight into early Holocene settlement organization, landscape use, and the initial settlement of southcentral Alaska. The data presented here suggest that early Holocene settlers in the upper Susitna River basin were operating in a highly mobile logistical land-use system, where individuals occupied short-term camps and arrived provisioned with the lithic raw materials they needed for subsistence activities. Initial movement of hunter-gatherers into the study area may be tied to the spread of boreal forest biomes in the interior lowland and foothills regions, coupled with the emergence of upland caribou herd populations as an important resource.

Acknowledgements

The research presented here was supported by the National Science Foundation Arctic Social Sciences Program (DDIG # 1217575), Sigma Xi Grants-in-Aid of Research, Arctic Institute of North America Grants-in-Aid, Center for the Study of the First Americans Roy Shlemon Scholarship, Texas A&M Department of Anthropology, Texas A&M College of Liberal Arts, Elfrieda Frank Foundation, and the Frison Institute Patrick Orion Mullen Fund. I am grateful for the hard work of the 2010, 2011, and 2012 Texas A&M University field crews, as well as volunteers that helped out along the way. Portions of this article were published in the author's dissertation in fulfillment of the requirements of a PhD. from Texas A&M University.

Article was received in November, 03, 2017 *Статья поступила 03.11.2017 г.*

References

Ackerman, Robert E. 2001 Spein Mountain: A Mesa Complex Site in Southwestern Alaska. *Arctic Anthropology* 38(2):81–97.

Ackerman, Robert E. 2011 Microblade Assemblages in Southwestern Alaska: An Early Holocene Adaptation. In *From the Yenisei to the Yukon: Interpreting Lithic Assemblage Variability in Late Pleistocene/Early Holocene Beringia*, edited by Ted Goebel and Ian Buvit, pp. 255–269. Texas A&M University Press, College Station, Texas.

Binford, Lewis R. 1978 Dimensional Analysis of Behavior and Site Structure: Learning from an Eskimo Hunting Stand. *American Antiquity* 43(3):330–361.

Blong, John C. 2011 An Early-Holocene Site in the Upper Susitna Basin, Central Alaska. *Current Research in the Pleistocene* 28:13–14.

Blong, John C. 2016 Prehistoric Landscape Use in the Central Alaska Range. Unpublished PhD Dissertation, Department of Anthropology, Texas A&M University, College Station.

Coffman, Samuel C. 2011 Archaeology at Teklanika West (HEA-001): An Upland Archaeological Site, Central Alaska. Unpublished M.A. Thesis, University of Alaska, Fairbanks.

Coffman, Sam and Ben A. Potter 2011 Recent Excavations at Teklanika West: A Late Pleistocene Multicomponent Site in Denali National Park and Preserve, Central Alaska. *Current Research in the Pleistocene* 29:29–31.

Davis, Stanley D. 1996 Hidden Falls. In *American Beginnings: The Prehistory and Paleoecology of Beringia*, edited by Frederick H. West, pp. 413–424. University of Chicago Press, Chicago.

Dixon, E. J., Jr. 1993 *Quest for the Origins of the First Americans.* University of New Mexico Press, Albuquerque.

Dixon, E. J., Jr. 2011 Arrows, Atl-Atls and Cultural Historical Conundrums. In *From the Yenisei to the Yukon: Interpreting Lithic Assemblage Variability in Late Pleistocene/Early Holocene Beringia*, edited by Ted Goebel and Ian Buvit, pp. 362–369. Texas A&M University Press, College Station, Texas.

Dixon, E.J., G.S. Smith, W. Andrefsky, Jr., B.M. Saleeby, and C. J. Utermohle 1985 *Susitna Hydroelectric Project: Cultural Resources Investigations 1979–1985.* University of Alaska Museum. Submitted to Alaska Power Authority, Federal Energy Regulatory Commission Project No. 7114. Six volumes. On file at University of Alaska Museum of the North, Fairbanks, Alaska.

Dixon, E.J., and George S. Smith 1990 A Regional Application of Tephrochronology in Alaska. In *Archaeological Geology of North America,* Vol. Centennial Special Vol-

ume 4, edited by Norman P. Lasca and Jack Donahue, pp. 383–398. Geological Society of America.

Dortch, Jason M., Lewis A. Owen, Marc W. Caffee, Dewen Li, and Thomas V. Lowell 2010 Beryllium-10 Surface Exposure Dating of Glacial Successions in the Central Alaska Range. *Journal of Quaternary Science* 25(8):1259–1269.

Dumond, Don E. 2011 Technology, Typology, and Subsistence: A Partly Contrarian Look at the Peopling of Beringia. In *From the Yenisei to the Yukon: Interpreting Lithic Assemblage Variability in Late Pleistocene/Early Holocene Beringia*, edited by Ted Goebel and Ian Buvit, pp. 345–361. Texas A&M University Press, College Station, Texas.

Dyke, A.S., Moore, A. and L. Robertson 2003 *Deglaciation of North America.* Geological Survey of Canada Open File 1547. Ottawa, Natural Resources Canada.

Easton, Norman Alexander, Glen R. Mackay, Patricia Bernice Young, Peter Schnurr, and David R. Yesner 2011 Chindadn in Canada? Emergent Evidence of the Pleistocene Transition in Southeast Beringia as Revealed by the Little John Site, Yukon. In From the Yenisei to the Yukon: Interpreting Lithic Assemblage Variability in Late Pleistocene/Early Holocene Beringia, edited by Ted Goebel and Ian Buvit, pp. 289–307. Texas A&M University Press, College Station.

Flagstad, Øystein, and Knut H. Røed 2003 Refugial Origins of Reindeer (Rangifer tarandus L.) Inferred from Mitochondrial DNA Sequences. *Evolution* 57(3):658–670.

Goebel, T., W. R. Powers, and N. H. Bigelow 1991 The Nenana Complex of Alaska and Clovis Origins. In *Clovis Origins and Adaptations*, edited by Robson Bonnichsen and Karen L. Turnmire, pp. 49–80. Center for the Study of the First Americans, Oregon State University, Corvallis.

Graf, Kelly, and Ted Goebel, 2009 Upper Paleolithic Toolstone Procurement and Selection at the Sites of Dry Creek, Alaska and Ushki-5, Russia. In *Lithic Materials and Paleolithic Societies*, edited by B. Blades and B. Adams, pp. 54–77. Blackwell Publishers, London.

Graf, Kelly E., and Nancy H. Bigelow 2011 Human Response to Climate During the Younger Dryas Chronozone in Central Alaska. *Quaternary International* 242(2):434–451.

Graf, Kelly E., Lyndsay M. DiPietro, Kathryn E. Krasinski, Angela K. Gore, Heather L. Smith, Brendan J. Culleton, Douglas J. Kennett, and David Rhode 2015 Dry Creek Revisited: New Excavations, Radiocarbon Dates, and Site Formation Inform on the Peopling of Eastern Beringia. *American Antiquity* 80(4): 671–694.

Guthrie, R. Dale 1983 Osseous Projectile Points: Biological Considerations Affecting Raw Material Selection and Design Among Paleolithic and Paleoindian Peoples. In *Animals and Archaeology, Vol. 1, Hunters and Their Prey*, edited. by J. Clutton-Brock and C. Grigson, pp. 273–294. BAR International Series No. 163, London.

Hemming, James E. 1971 *The Distribution, Movement Patterns of Caribou in Alaska*. Alaska Department of Fish and Game Technical Bulletin No. 1. Juneau, Alaska.

Henn, Winfried 1978 *Archaeology of the Alaska Peninsula: The Ugashik Drainage, 1973–1975*. University of Oregon Anthropological Papers No. 14, Eugene.

Hoffecker, J. F., and S. A. Elias 2007 *Human Ecology of Beringia*. Columbia University Press, New York.

Holmes, Charles E. 2001 Tanana River Valley Archaeology Circa 14,000 to 9000 BP. *Arctic Anthropology* 38(2):154–170.

Holmes, Charles E. 2011 The Beringian Transitional Period in Alaska: Technology of the East Beringian Tradition as Viewed from Swan Point. In *From the Yenisei to the Yukon: Interpreting Lithic Assemblage Variability in Late Pleistocene/Early Holocene Beringia*, edited by Ted Goebel and Ian Buvit, pp. 179–191. Texas A&M University Press, College Station, Texas.

Holmes, Charles E., Joshua D. Reuther, and Peter Bowers 2010 The Eroadaway Site: Early Holocene Lithic Technological Variability in the Central Alaska Range. Paper presented at the 37th Annual Meeting of the Alaska Anthropological Association, Anchorage, Alaska.

Kachadoorian, Reuben, David M. Hopkins, and Donald R. Nichols 1954 *A Preliminary Report of Geologic Factors Affecting Highway Construction in the Area Between the Susitna and MaClaren Rivers, Alaska.* U.S. Geological Survey Open File Report OF-92, U.S. Geological Survey, Juneau, Alaska.

Kelly, Robert L. 1988 The Three Sides of a Biface. *American Antiquity* 53(4):717–734.

Kelly, Robert L. 1992 Mobility/Sedentism: Concepts, Archaeological Measures, and Effects. *Annual Review of Anthropology* 21:43–66.

Kelly, Robert L. 2001 *Prehistory of the Carson Desert and Stillwater Mountains*. Anthropological Paper 123, University of Utah Press.

Kemp, Brian M., Ripan S. Malhi, John McDonough, Deborah A. Bolnick, Jason A. Eshleman, Olga Rickards, Cristina Martinez-Labarga, John R. Johnson, Joseph G. Lorenz, E. James Dixon, Terence E. Fifield, Timothy H. Heaton, Rosita Worl, and David Glenn Smith 2007 Genetic Analysis of Early Holocene Skeletal Remains From Alaska and its Implications for the Settlement of the Americas. *American Journal of Physical Anthropology* 132:605–621.

Kuhn, Steven L. 1995 *Mousterian Lithic Technology: An Ecological Perspective*. Princeton University Press, Princeton.

Kintigh, Keith W. 1984 Measuring Archaeological Diversity by Comparison with Simulated Assemblages. *American Antiquity* 49(1):44–54.

Mason, Owen K., Peter M. Bowers, and David M. Hopkins 2001 The Early Holocene Milankovitch Thermal Maximum and Humans: Adverse Conditions for the Denali Complex of Eastern Beringia. *Quaternary Science Reviews* 20(1):525–548.

Mooney, Philip Robert 2010 Geology of the Clearwater Mountains and the Southern Boundary of the Alaska

Range Suture Zone. Unpublished MA Thesis, Department of Geology, University of California, Davis.

Mueller, Melissa Ann 2015 Taphonomy and Zooarchaeology of Faunal Assemblages from Archaeological Sites Along the Upper Susitna River, Alaska. Unpublished MA Thesis, Department of Anthropology, Texas A&M University, College Station.

Nelson, M.C. 1991 The Study of Technological Organization. In *Archaeological Method and Theory*, Vol. 3, edited by Michael Schiffer, pp. 57–100. University of Arizona Press, Tucson.

Parry, William J., and R.L. Kelly 1987 Expedient Core Technology and Sedentism. In *The Organization of Core Technology,* edited by J.K. Johnson and C.A. Morrow pp. 285–304, Westview Press, Boulder, Colorado.

Potter, Ben A., Charles E. Holmes, and David R. Yesner 2013 Technology and Economy among the Earliest Prehistoric Foragers in Interior Eastern Beringia. In *Paleoamerican Odyssey*, edited by Kelly E. Graf, Caroline V. Ketron, and Michael R. Waters, pp. 81–103. Texas A&M University Press, College Station.

Potter, Ben A., Joshua D. Reuther, Vance T. Holliday, Charles E. Holmes, D. Shane Miller, Nicholas Schmuck 2017 Early colonization of Beringia and Northern North America: Chronology, routes, and adaptive strategies. *Quaternary International* 44:36–55.

Powers, W. Roger, and John F. Hoffecker 1989 Late Pleistocene Settlement in the Nenana Valley, Central Alaska. *American Antiquity* 54(2):263–287.

Rasic, Jeffrey T. 2011. Functional Variability in the Late Pleistocene Archaeological Record of Eastern Beringia: A Model of Late Pleistocene Land Use and Technology from Northwest Alaska. In *From the Yenisei to the Yukon: Interpreting Lithic Assemblage Variability in Late Pleistocene/Early Holocene Beringia*, edited by Ted Goebel and Ian Buvit, pp. 128–164. Texas A&M University Press, College Station, Texas.

Rasic, Jeffrey T., and Robert Gal. 2000 An Early Lithic Assemblage from the Tuluaq Site, Northwest Alaska. *Current Research in the Pleistocene* 17:66–68.

Reger, Douglas and Brian T. Wygal 2016 Prehistory of the Greater Upper Cook Inlet Region. In *Shem Pete's Alaska: The Territory of the Upper Cook Inlet Dena'ina*, edited by James Kari and James A. Fall, pp. 15–16. University of Alaska Press, Fairbanks.

Reuther, Joshua 2000 Original unpublished notes on the Jay Creek Ridge AMS radiocarbon dates. Manuscript on file, University of Alaska Museum of the North.

Robinson, Brian S. 2008 Microblades and Seasonality: Settlement Patterns in the Tangle Lakes Region. *The Review of Archaeology* 29:21–40.

Rohr, M. 2001 Paleoenvironmental Changes at Treeline in Central Alaska: A 6.500 Year Long Pollen and Stable Isotope Record. Unpublished M.A. thesis, Department of Geology & Geophysics, University of Alaska, Fairbanks.

Shott, Michael J. 1986 Technological Organization and Settlement Mobility: An Ethnographic Examination. *Journal of Anthropological Research* 42:15–51.

Skoog, Ronald Oliver 1968 Ecology of the Caribou (Rangifer Tarandus Granti) in Alaska. Unpublished PhD dissertation, Department of Zoology, University of California, Berkley.

Smith, T.E. 1981 *Geology of the Clearwater Mountains, South-Central Alaska*. Alaska Division of Geological & Geophysical Surveys Geologic Report 60. Alaska Department of Natural Resources, College, Alaska.

Smith, T.E., M.D. Albanese, and G.L. Kline 1988 *Geologic Map of the Healy A-2 Quadrangle, Alaska*. Alaska Division of Geological & Geophysical Surveys, Professional Report 95. Department of Natural Resources, Fairbanks.

Smith, Heather L. Jeffrey T. Rasic, and Ted Goebel 2013 Biface Traditions of Northern Alaska and Their Role in the Peopling of the Americas. In *Paleoamerican Odyssey*, edited by Kelly E. Graf, Caroline V. Ketron, and Michael R. Waters, pp. 105–123. Texas A&M University Press, College Station.

Thorson, Robert M. 1990 Geologic contexts of archaeological sites in Beringia. In *Archaeological Geology of North America*, edited by N.P. Lasca, and J. Donahue, J., pp. 399–420. Geological Society of America, Boulder.

Torrence, Robin 1983 Time Budgeting and Hunter-Gatherer Technology. In *Hunter-Gatherer Economy in Prehistory: A European Perspective*, edited by Geoff Bailey, pp. 11–22. Cambridge University Press, Cambridge.

University of Alaska Fairbanks, United States Geological Service, URS Corporation 2016 *Susitna-Watana Hydroelectric Project (FERC No. 14241) Cultural Resources Study Section 13.5 Attachment 1: Holocene Landscape and Paleoenvironments Technical Memorandum.* Prepared for Alaska Energy Authority.

Wahrhaftig, C. 1960 *The Physiographic Provinces of Alaska*. U.S. Geological Survey Open-File Report 60-146, U.S. Geological Survey, Washington, D.C.

Wahrhaftig, C. 1965 *Physiographic Divisions of Alaska.* U.S. Geological Survey Professional Paper 482, U.S. Geological Survey, Washington, D.C.

West, Frederick Hadleigh 1974 The Significance of Typologically Early Site Collections in the Tangle Lakes, Central Alaska: A Preliminary Consideration. In *International Conference on the Prehistory and Paleoecology of Western North American Arctic and Subarctic*, edited by S. Raymond and P. Schlederman, pp. 217–238. University of Calgary Archaeological Association, Calgary.

West, Frederick H., Brian S. Robinson, and Mary Lou Curran 1996a Phipps Site. In *American Beginnings: The Prehistory and Paleoecology of Beringia*, edited by F.H. West, pp. 381–386. University of Chicago Press, Chicago.

West, Frederick H., Brian S. Robinson, and R. Greg Dixon 1996b Sparks Point. In *American Beginnings: The Prehistory and Paleoecology of Beringia*, edited by

F.H. West, pp. 394–398. University of Chicago Press, Chicago.

West, Frederick H., Brian S. Robinson, and Constance F. West 1996c Whitmore Ridge. In *American Beginnings: The Prehistory and Paleoecology of Beringia*, edited by F.H. West, pp. 386–394. University of Chicago Press, Chicago.

Wygal, Brian T. 2009 The Prehistoric Colonization of Southcentral Alaska: Human Adaptations in a Post Glacial World. Unpublished Ph.D. dissertation, Department of Anthropology, University of Nevada, Reno.

Wygal, Brian T. 2010 Prehistoric Upland Tool Production in the Central Alaska Range. *Alaska Journal of Anthropology* 8(1):107–119.

Wygal, Brian T. 2017 The peopling of eastern Beringia and its archaeological complexities. *Quaternary International*, in press.

Wygal, Brian T. and Ted Goebel 2012 Early Prehistoric Archaeology of the Middle Susitna Valley, Alaska. *Arctic Anthropology* 49(1):45–67.

Yesner, David R. 1998 Origins and Development of Maritime Adaptations in the Northwest Pacific Region of North America: A Zooarchaeological Perspective. *Arctic Anthropology* 3.

Yesner, David R. 2001 Human Dispersal into Interior Alaska: Antecedent Conditions, Mode of Colonization, and Adaptations. *Quaternary Science Reviews* 20(1):315–327.

Information about the author

John C. Blong,
PhD, Research Associate in Geoarchaeology
School of History, Classics, and Archaeology,
Newcastle University,
Newcastle upon Tyne, NE1 7RU, United Kingdom,
email: John.Blong@newcastle.ac.uk

Attribution criteria

Blong J.C. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and illustrations for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Джон С. Блонг,
доктор наук, геоархеолог, сотрудник Школы истории, классики и археологии,
Университет г. Ньюкастл,
Newcastle upon Tyne, NE1 7RU, United Kingdom,
email: John.Blong@newcastle.ac.uk

Критерии авторства

Дж.С. Блонг выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись и иллюстрации к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Оригинальная статья / Original article
УДК 903.5
http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-51-64

ПОТРЕВОЖЕННОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ АЛТАЕ

© Н.А. Константинов, А.У. Урбушев
Горно-Алтайский государственный университет,
Российская Федерация, 649000, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, 1.

Аннотация. В статье публикуются материалы о потревоженном погребениии пазырыкской культуры, исследованном экспедицией Горно-Алтайского государственного университета на могильнике Талдура-II в Кош-Агачском районе Республики Алтай в 2016 году. В ходе аварийных раскопок кургана были зафиксированы следы ограбления в виде прорубленного лаза в деревянном перекрытии, отделения голов погребенных людей, изменения первоначального положения умерших. Наблюдения над особенностями этого комплекса и сопоставление с другими нарушенными погребениями позволили сделать ряд замечаний относительно интерпретации традиции нарушения пазырыкских курганов. Большинство этих объектов было ограблено еще в древности, спустя непродолжительное время после помещения тел умерших в могильное сооружение. Рассматривается два подхода интерпретации нарушения погребальных комплексов. Первый – «прагматичный» – объясняется нарушением могил с целью наживы за счет получения ценного сопроводительного инвентаря. Второй подход видится нарушением погребения части ритуальной сферы деятельности. Такой подход предполагает, что «ограбление» могло осуществляться с целью: а) осквернения могилы, например, пришлым населением для демонстрации своих прав на территорию; б) осуществления финальных обрядов в рамках погребального ритуала.

Ключевые слова: Алтай, пазырыкская культура, скифское время, курган, нарушенные погребения, потревоженные погребения, грабительский лаз, ограбление, осквернение, культ головы, обезвреживание покойника.
Формат цитирования: Константинов Н.А., Урбушев А.У. Потревоженное погребение пазырыкской культуры в Юго-Восточном Алтае // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 51–64. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-51-64

DISTURBED BURIAL OF PAZYRYK CULTURE FROM SOUTH-EASTERN ALTAI

© N.A Konstantinov, A.U. Urbushev
Gorno-Altaisk State University,
1 Lenkina Str., Gorno-Altaisk 649000, Russian Federation

Abstract. The article publishes the disturbed burial of the Pazyryk culture, investigated by the expedition of the Gorno-Altaisk State University in 2016 at the Taldura II cemetery in the Kosh-Agach district of the Altai Republic. During the excavations of the burial mound, traces of robbery in the form of a cut through hole in a wooden cover of the burial, separation of the heads of the buried people, changes in the initial position of the deceased persons were recorded. Observations over the features of this complex and comparison with other disturbed burials made it possible to make a number of observations on the interpretation of the tradition of the violation of the burial mounds of Pazyryk culture. Most of these objects were robbed back in a short time after placing of bodies into burials. Two approaches to the interpretation of the violation of funeral complexes are considered. The first is a “pragmatic” approach, explaining the violation of graves only for the purpose of gaining profit by obtaining a valuable accompanying inventory. The second approach sees a violation of burial as part of the ritual sphere of activity of the ancient man. Such an approach suggests that the “robbery” could be carried out with a view to: a) desecrating the grave, for example, by an alien population to demonstrate their rights to the territory; b) the implementation of the final rituals in the framework of the burial ritual.

Keywords: Altai, Pazyryk culture, Scythian time, burial mound, broken burials, disturbed burials, extortionary passage, robbery, desecration, cult of head, neutralization of deceased
For citation: Konstantinov N.A, Urbushev A.U. Disturbed Burial of Pazyryk Culture from South-Eastern Altai. Journal of Ancient Technology Laboratory. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 51–64. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-51-64

Значительная часть погребальных памятников пазырыкской культуры скифского времени Алтая, исследованных на сегодняшний день, были ограблены еще в древности. Нетронутые знатные погребения вообще единичны. В ряде случаев удалось достаточно подробно проследить обстоятельства «ограблений» и на сегодняшний день можно сделать некоторое обобщение накопленным фактам. Тем более что сейчас наметилась тенденция к повышению внимания исследователей к вопросам изучения и переоценки ограбленных погребений и были разработаны основные подходы к изучению таких объектов. В последние годы вопросам интерпретации древних нарушений погребальных комплексов были посвящены специальные исследования и проводятся тематические научные мероприятия (Епимахов, Куприянова, 2015; Древние некрополи и поселения, 2016). Возросший интерес к теме можно связать как с накоплением достаточного объема материалов по этой проблеме, так и в целом возросшим качеством изучения археологических комплексов.

Тем не менее пока еще нельзя назвать решенной проблему существования традиции ограбления могил. В связи с этим важен каждый новый факт, проливающий свет на вопрос интерпретации этой традиции, и исследование таких объектов весьма актуально. Также нужно отметить, что благодаря прекрасной сохранности органики в мерзлотных погребениях пазырыкской культуры, до сегодняшнего дня дошло довольно много «улик», оставленных грабителями и позволяющих сделать выводы относительно времени и характера древних ограблений алтайских курганов скифского времени.

Еще при первых научных раскопках кургана пазырыкской культуры на могильнике Катанда в 1865 году В.В. Радловым отмечалось, что погребение к моменту раскопок было «обшарено» грабителями (Радлов, 1989. С. 446). Раскопки больших курганов пазырыкской культуры, проведенные в первой половине XX века советскими археологами, также выявили целый ряд ограбленных комплексов (Грязнов, 1929. С. 981; Евтюхова, Киселев, 1941; Руденко, 1953; 1960). Благодаря прекрасной сохранности деревянных внутримогильных конструкций в условиях подкурганной мерзлоты, а также особенностям льда, заполнявшего погребальную камеру, были сделаны попытки реконструкции последовательности действий древних грабителей. Отмечалось, что ограбление происходило через непродолжительное время после совершения погребения. Сам факт нарушения погребальных комплексов рассматривался главным образом с точки зрения «прагматичного» подхода – целью ограбления было получение «богатств» (Грязнов, 1929. С. 986).

В связи с активизацией археологических исследований на Алтае во второй половине XX века был получен большой объем материалов по рядовым погребальным комплексам пазырыкской культуры (Кубарев, 1987; 1991; 1992; Суразаков, 1989; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003). Хотя некоторые исследователи отмечали, что курганы рядовых кочевников были подвержены древним ограблениям в меньшей степени, чем знатные комплексы (Кубарев, 1992. С. 117), тем не менее и в этой выборке обнаруживается значительное число ограбленных погребений. В те годы также были получены новые материалы и сделаны некоторые ценные замечания по поводу интерпретации ограблений. Так, при раскопках на могильнике Узунтал I в заполнении ямы ограбленного кургана были найдены фрагменты типичной хуннской керамики, что, по мнению автора раскопок, «указывало на время и «виновников» ограбления пазырыкских курганов» (Савинов, 1987. С. 53; 2009. С. 103).

Важные сведения по погребальным памятникам пазырыкской культуры были получены в первой половине 1990-х гг. в рамках работ новосибирских археологов на плато Укок (Полосьмак, 2001). На могильниках Ак-Алаха-1 и Ак-Алаха-3 тогда были исследованы нетронутые грабителями объекты, относимые к категории «элитных» курганов. Исследования этих комплексов показали, что даже погребения пазырыкской знати, видимо, не содержали большого количества драгоценных предметов.

Нужно также отметить, что в конце 1990-х гг. А.С. Суразаковым была написана работа, посвященная интерпретации нарушений древних погребальных памятников на основании алтайских ма-

териалов. Он обозначил три основные традиции таких нарушений: а) «традиция кладоискательства» – ограбление для получения материальных ценностей; б) «традиция осквернения» – нарушение погребения с целью отмщения и нанесения вреда умершему или его «клану»; в) «традиция приобщения» или «замещения», когда погребения нарушались пришлым населением для закрепления на новых землях (Суразаков, 1999). Последней «традицией» объяснялось также и устройство впускных погребений в пазырыкские курганы.

Нам пришлось столкнуться с нарушенным погребением пазырыкской культуры при проведении аварийных раскопок на могильнике Талдура II в 2016 году (Константинов и др., 2017). Этому погребению и будет посвящена статья. Могильник Талдура II расположен в Юго-Восточном Алтае в долине реки Талдура, в нескольких километрах выше выхода долины реки в Чуйскую котловину, в урочище Кожон-Чол (рис. 1). Ближайший поселок – село Старый Бельтир Кош-Агачского района Республики Алтай, расположен в 5 км восточнее памятника. Памятник был открыт в конце 1970-х гг. (Могильников, Куйбышев, Суразаков, 1978) и исследовался в начале 1980-х гг. под руководством В.А. Могильникова (Могильников, Елин, 1983. С. 132–138). Тогда на памятнике было раскопано четыре объекта – поминальное кольцо и курган пазырыкской культуры и два небольших кургана без могильных ям, с остатками деревянных столбов под насыпью.

Судя по составленному в те годы плану, на сегодняшний день русло реки и край террасы в ходе эрозионных процессов значительно сместились на

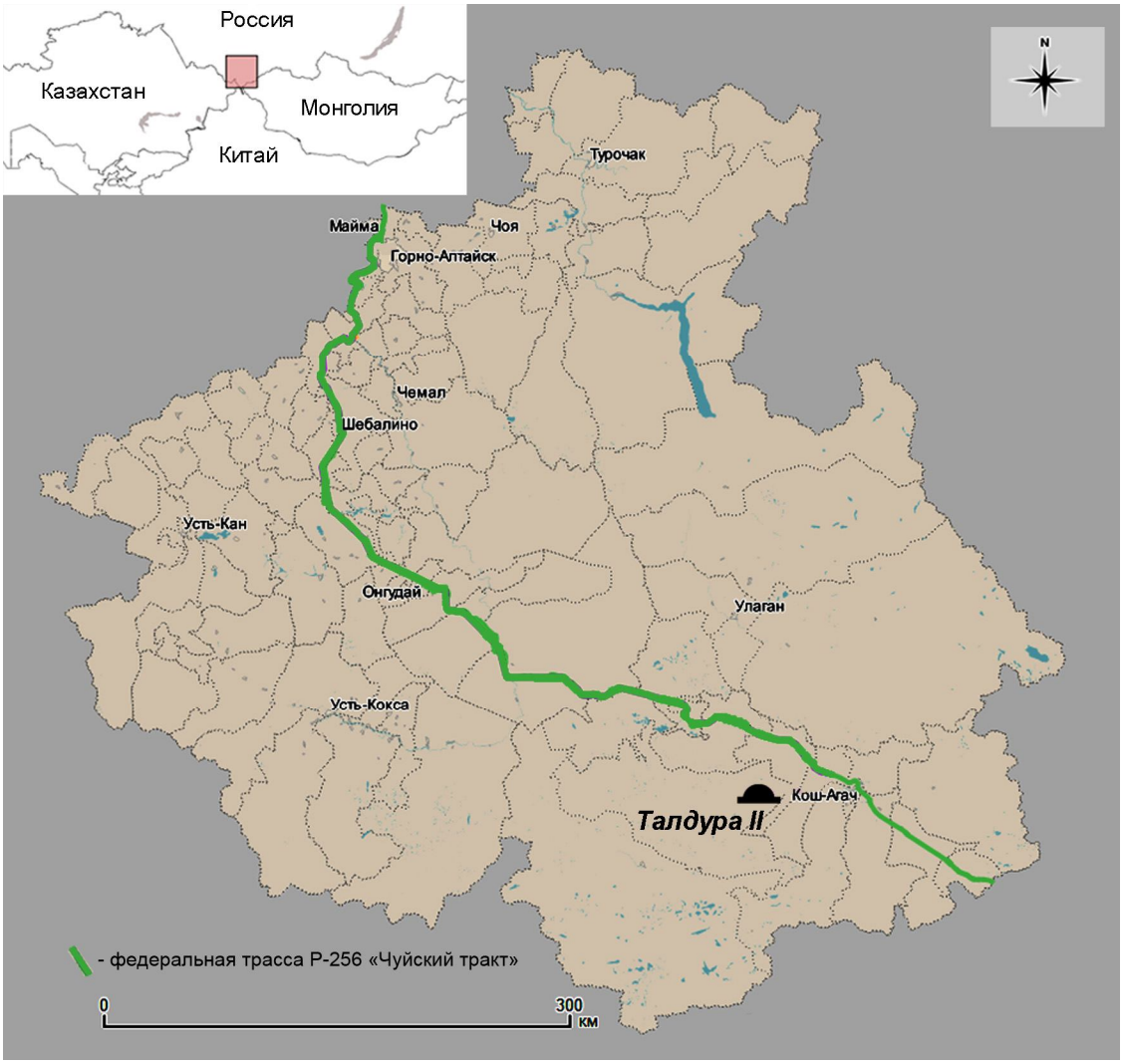


Рис. 1. Местонахождение могильника Талдура II на карте Республики Алтай
Fig. 1. Location of the Taldura II burial ground on the map of the Altai Republic

юг (рис. 2). Размывом реки полностью разрушен крайний объект из центральной цепочки курганов пазырыкской культуры. Край террасы вплотную подошел к следующему кургану (курган 5), который и был нами раскопан. В этой же цепочке находился курган 3, раскопанный в 1980-е гг. При исследовании кургана 3 в насыпи было обнаружено впускное теленгитское погребение XIX века, основное погребение пазырыкской культуры оказалось ограбленным. Человеческих останков и инвентаря в могиле не обнаружено (Могильников, Елин, 1983. С. 134–135).

Курган 5, исследованный в 2016 году, имел округлую форму, насыпь сложена из крупных окатанных и рваных камней (рис. 3). Под верхней каменной наброской зафиксирована насыпь из щебня, центральная часть которой вместе с верхним слоем камней провалилась в могильную яму. Диаметр насыпи составлял 14 м. Под насыпью, в центре кургана находилась могильная яма. Размеры ямы составили 4,2 х 3,4 м, глубина 3 м. Могильная яма имела округлую в плане форму, сужалась в нижней части. Заполнение могильной ямы в основном представлено щебнем, в верхней части находились провалившиеся камни из насыпи. В могильной яме зачищено два погребения – впускное погребение в верхней части ямы и основное погребение на дне ямы.

Впускное погребение находилось в верхней части заполнения на глубине 0,75 м от древней поверхности (рис. 4). Для устройства впускного погребения была выкопана вытянутая подовальная яма размерами 1,95 х 0,7 м. Погребенный был уложен в яму головой на северо-восток, руки уложены вдоль тела, левая рука на верхней части бедренных костей. Сверху погребение было перекрыто каменными плитами. В области пояса на позвонках погребенного зачищен сильно коррозированный

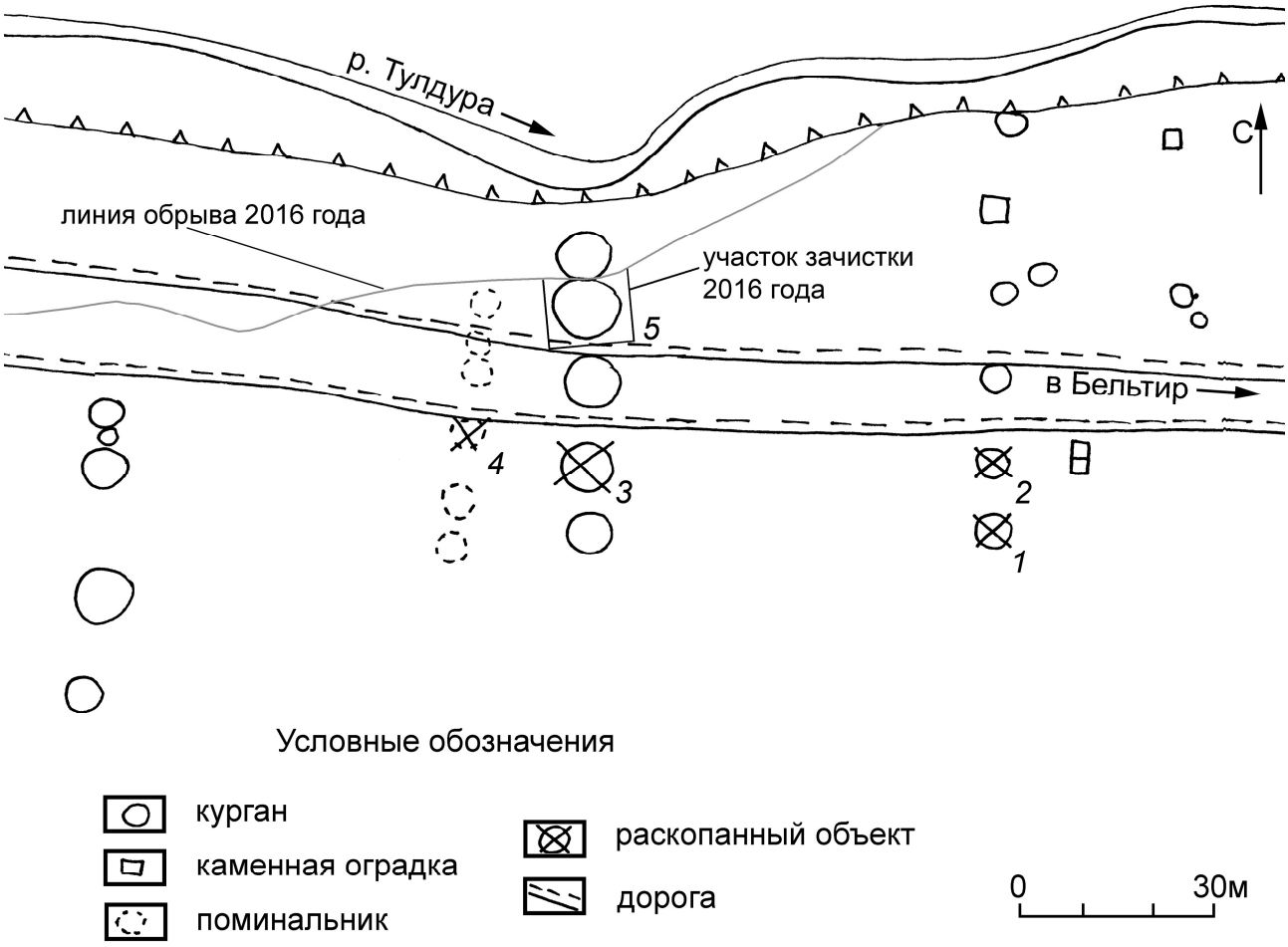


Рис. 2. План могильника Талдура II (по Могильникову В.А., Елину В.Н., 1983)
Fig. 2. Plan of the Taldura II burial ground (afterMogilnikov V.A., Elin V.N., 1983)

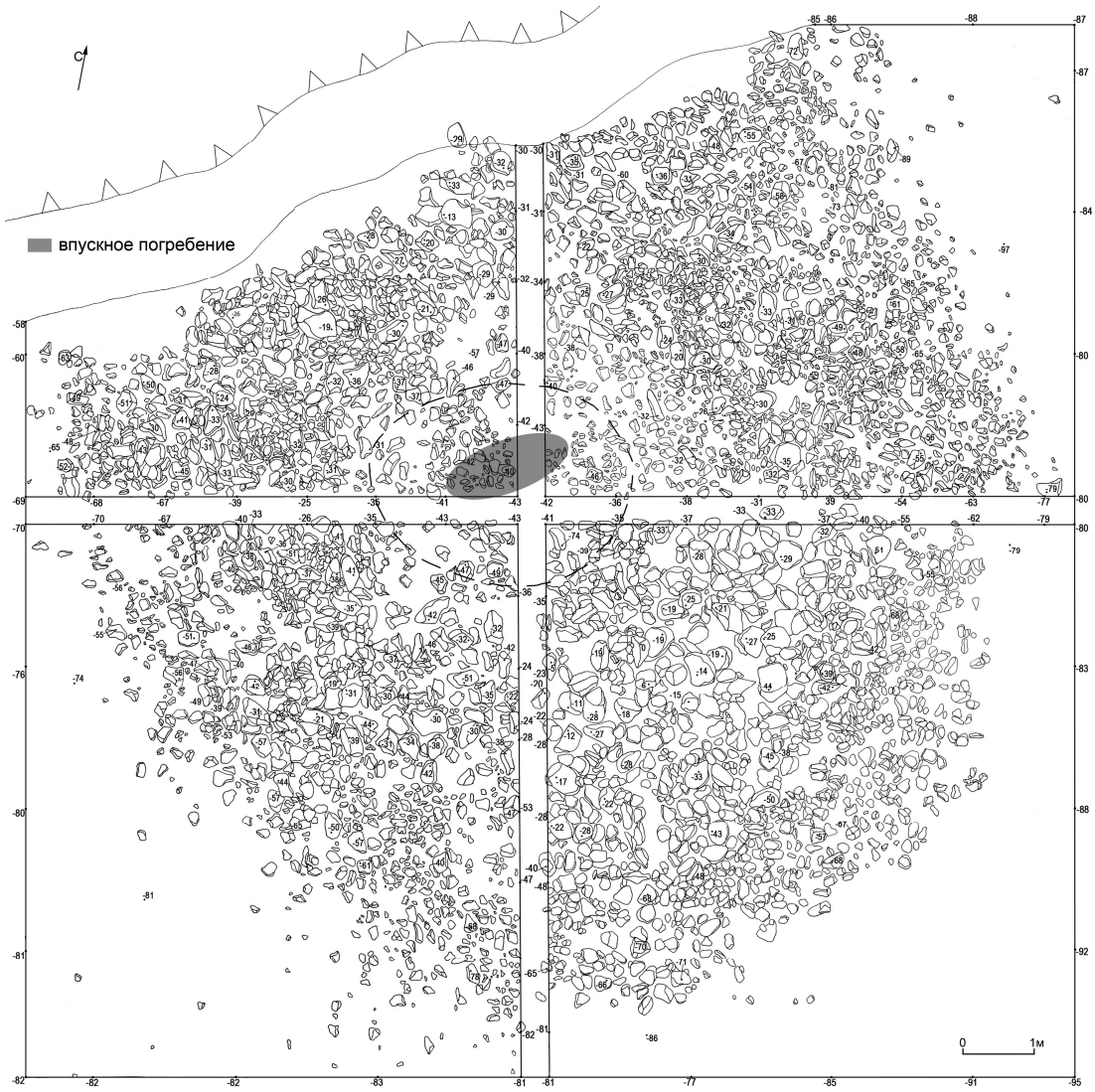


Рис. 3. Могильник Талдура II, курган 5. План насыпи
Fig. 3. Taldura II, kurgan 5. Plan of the mound

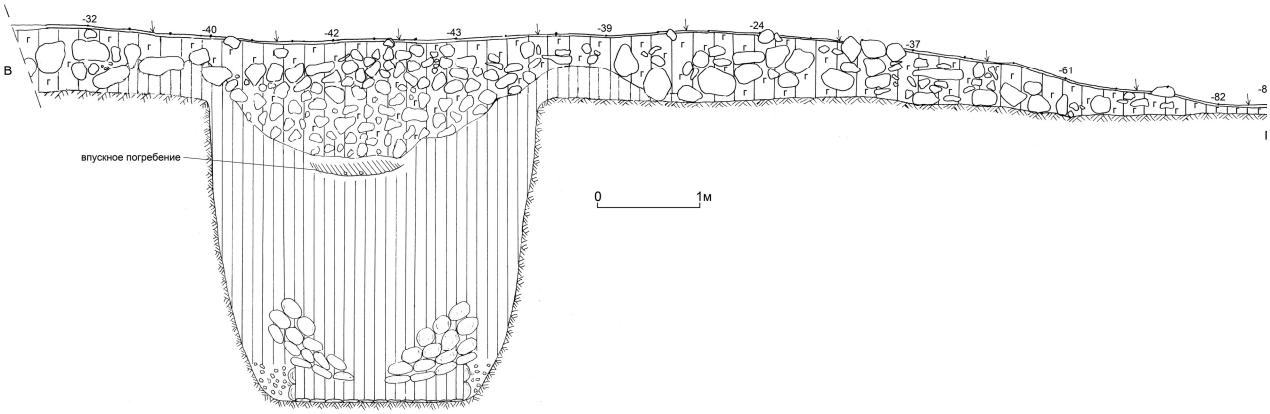


Рис. 4. Могильник Талдура II, курган 5. Профиль кургана
Fig. 4. Taldura II, kurgan 5. Profile

железный нож и круглая железная пряжка. В области пояса под железным ножом зачищена бедренная кость овцы, провалившаяся между позвонков. В области тазовых костей зачищена железная пряжка плохой сохранности. В области ног зачищены фрагменты керамического сосуда. Впускное погребение по элементам погребального обряда предположительно можно отнести к первой половине I тыс. н. э. Невыразительный инвентарь не противоречит такой датировке.

Основное погребение было устроено на дне ямы в деревянном срубе. На глубине 2 м в могильной яме зафиксирован накат из бревен – перекрытие погребения (рис. 5). Бревна имели толщину 0,2–0,3 м и были уложены по линии восток–запад. Всего было уложено три слоя бревен и нижний

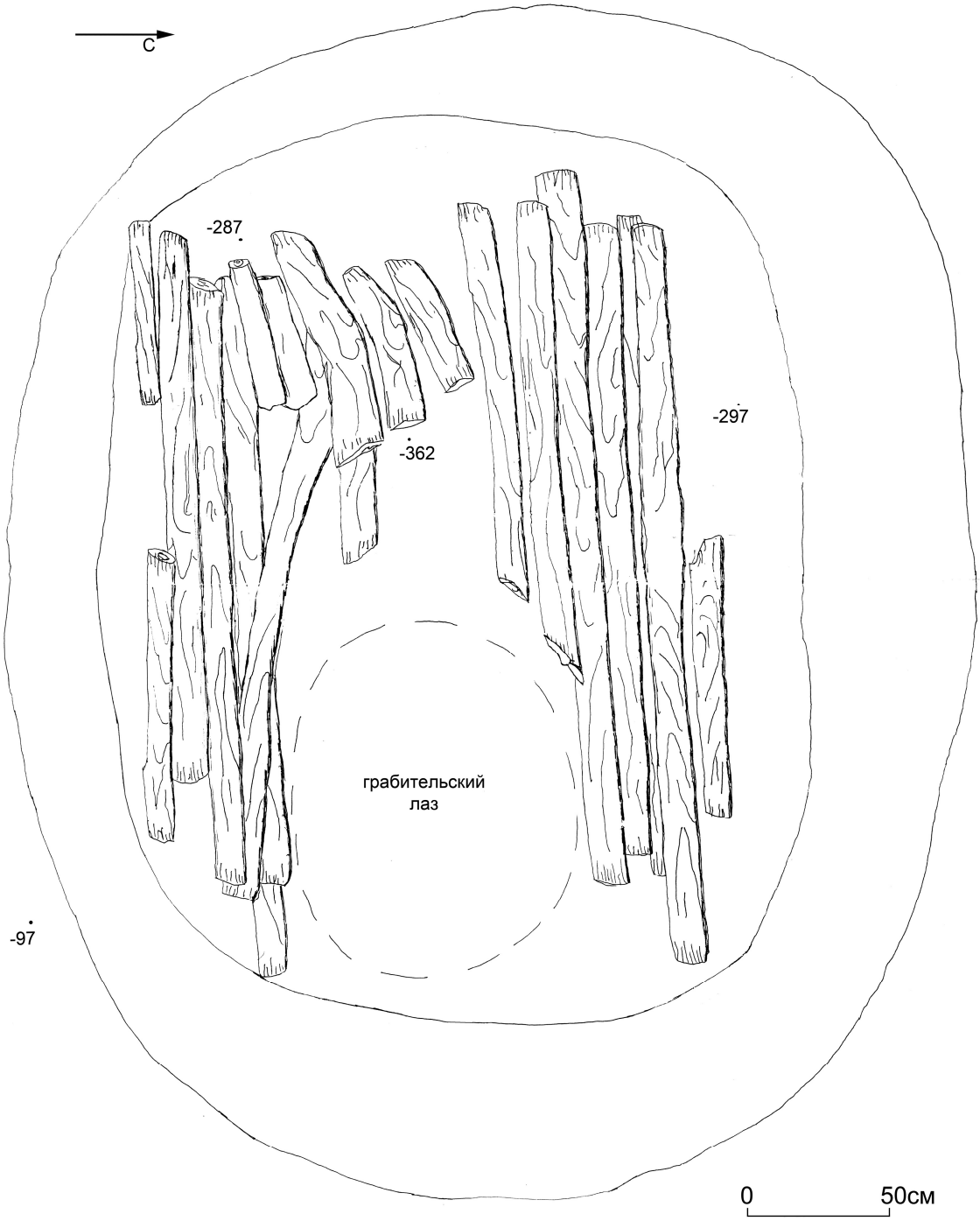


Рис. 5. Могильник Талдура II, курган 5. Перекрытие основного погребения
Fig. 5. Taldura II, kurgan 5. Overlapping of the main burial

слой толстых плах – перекрытие сруба. В центре перекрытие погребения провалилось в сруб, в восточной части отчетливо прослеживается грабительский лаз округлой формы. Размеры грабительского лаза 1,3 х 1 м. По краям лаза бревна перекрытия имеют следы горения, в заполнении грабительского хода зафиксирован древесный уголь и фрагменты обугленной древесины.

Под перекрытием находился двухвенцовый сруб прямоугольной формы, длинной осью ориентированный по линии запад–восток. Размеры сруба 2,2 х 1,75 м, высота 0,3 м. С внутренней стороны бревна были обтесаны. Пол сруба выложен тонкими плашками толщиной 2–3 см. Сруб заполнен щебнем, насыпавшимся через грабительский лаз и древесной трухой от перекрытия. Пространство между стенами сруба и стеной могильной ямы заполнено мелкими камнями. Сопроводительное захоронение коня, типичное для пазырыкской культуры, отсутствовало.

В срубе находилось погребение взрослого человека (женщины?) и ребенка (рис. 6). Черепа погребенных лежали отдельно у южной стены сруба, напротив коленей взрослого костяка затылками друг к другу. У черепов в сочленении находились верхние позвонки шейного отдела позвоночника и нижние челюсти, что свидетельствует об отделении голов до разложения трупа. Тела умерших были уложены верхней частью туловища на запад. Скелет взрослого человека находился в центре сруба, детский скелет в северной половине. Погребенные были уложены на живот, ноги немного согнуты в коленях, руки опущены вниз и находились под туловищем.

В южной части сруба, у коленей скелета взрослого человека зачищены фрагменты керамического сосуда, орнаментированного налепным валиком с насечками (рис. 7.1), на горловине сосуда темной краской, видимо, был нанесен орнамент в виде спиралей. Рядом с развалом зачищен небольшой фрагмент венчика тонкостенного сосуда и два бронзовых зеркала (рис. 7.2, 3). Одно зеркало находилось в кожаном мешочке. Также рядом с коленями взрослого костяка и под бедром зачищены фрагменты меховой одежды (?) с фрагментами деревянных изделий. В области таза погребенных и под скелетами зачищены фрагменты золотой фольги. У восточной стены сруба зафиксировано ребро и фрагмент трубчатой кости животного.

Судя по деталям погребального обряда и инвентаря, основное погребение относится к пазырыкской культуре скифского времени и датируется IV–III вв. до н. э. Отсутствие сопроводительного захоронения лошади, западная ориентировка умерших, также, как и нахождение двух человек в одном погребении, свидетельствуют о влиянии саглынской культуры, памятники которой распространены в соседней Туве (Тишкин, Дашковский, 2003. С. 166). Погребальные объекты с некоторыми чертами, характерными для саглынской культуры, часто встречаются в Юго-Восточном Алтае в одной цепочке с «классическими» курганами пазырыкской культуры.

Обстоятельства нарушенного погребения, зафиксированные во время раскопок, позволяют судить о времени «ограбления» могилы. Наличие в верхней части заполнения могильной ямы нетронутого впускного погребения первой половины I тыс. н. э. свидетельствует о том, что более поздних проникновений в погребение не было. Все возможные нарушения могилы производились лишь до момента устройства впускника. Черепа погребенных, лежавшие отдельно, были в сочленении с верхними шейными позвонками и нижними челюстями, то есть головы были отделены от тела еще до разложения трупа. Также о манипуляциях с телами умерших после совершения погребения свидетельствует положение костяков на момент раскопок. Обычное для пазырыкских могил положение трупа – на боку с подогнутыми ногами, головой на восток. В данном же случае костяки были ориентированы на запад и лежали на животе. Западная ориентировка встречается на пазырыкских памятниках Юго-Восточного Алтая и объясняется влиянием синхронной саглынской культуры Тувы. Однако положение костяков на животе в неестественных позах свидетельствует о манипуляциях с телами, производившимися уже после совершения погребения, но еще до разложения трупа (Зайцева, 2005. С. 16)[1].

[1] Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и воз-

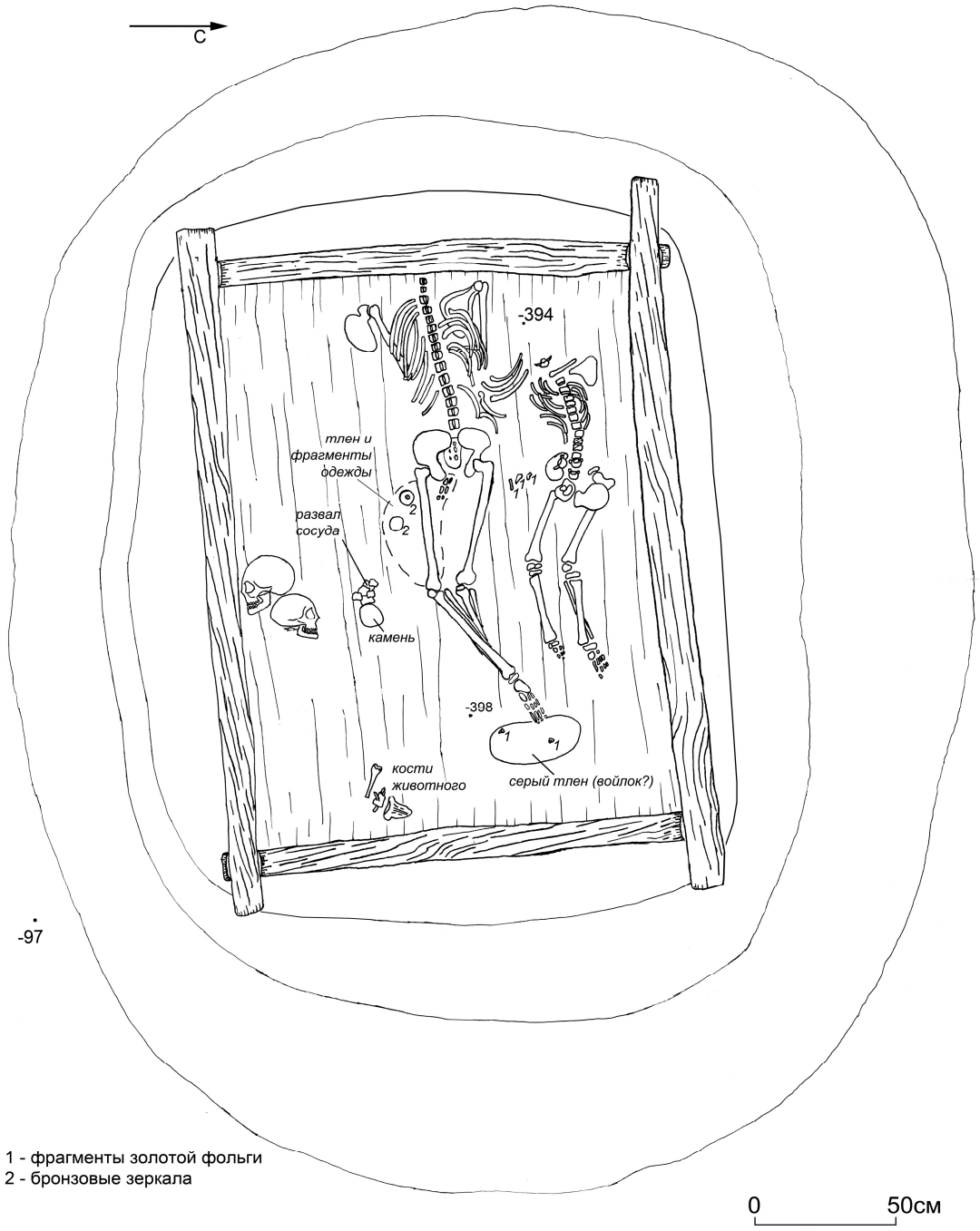


Рис. 6. Могильник Талдура II, курган 5. Основное погребение
Fig. 6. Taldura II, kurgan 5. Main burial

Учитывая сохранившиеся в сочленении части костяков погребенных, можно прийти к заключению, что нарушение могилы было одноактным и совершалось спустя непродолжительный отрезок времени после помещения тел умерших в могилу. Также нужно отметить, что под впускным погребением заполнение могильной ямы было однородным и состояло из щебня, грабительский лаз в нем не фиксировался. Это может быть объяснено особенностями щебня, в котором перекопы не про-

можности интерпретации: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.
Zaitseva O.V. Burials with broken anatomical integrity of the sceleton: the method of investigation and the possibility of interpretation: cand. histor. sci. syn. diss. Novosibirsk, 2005, 28 p. (In Russian).

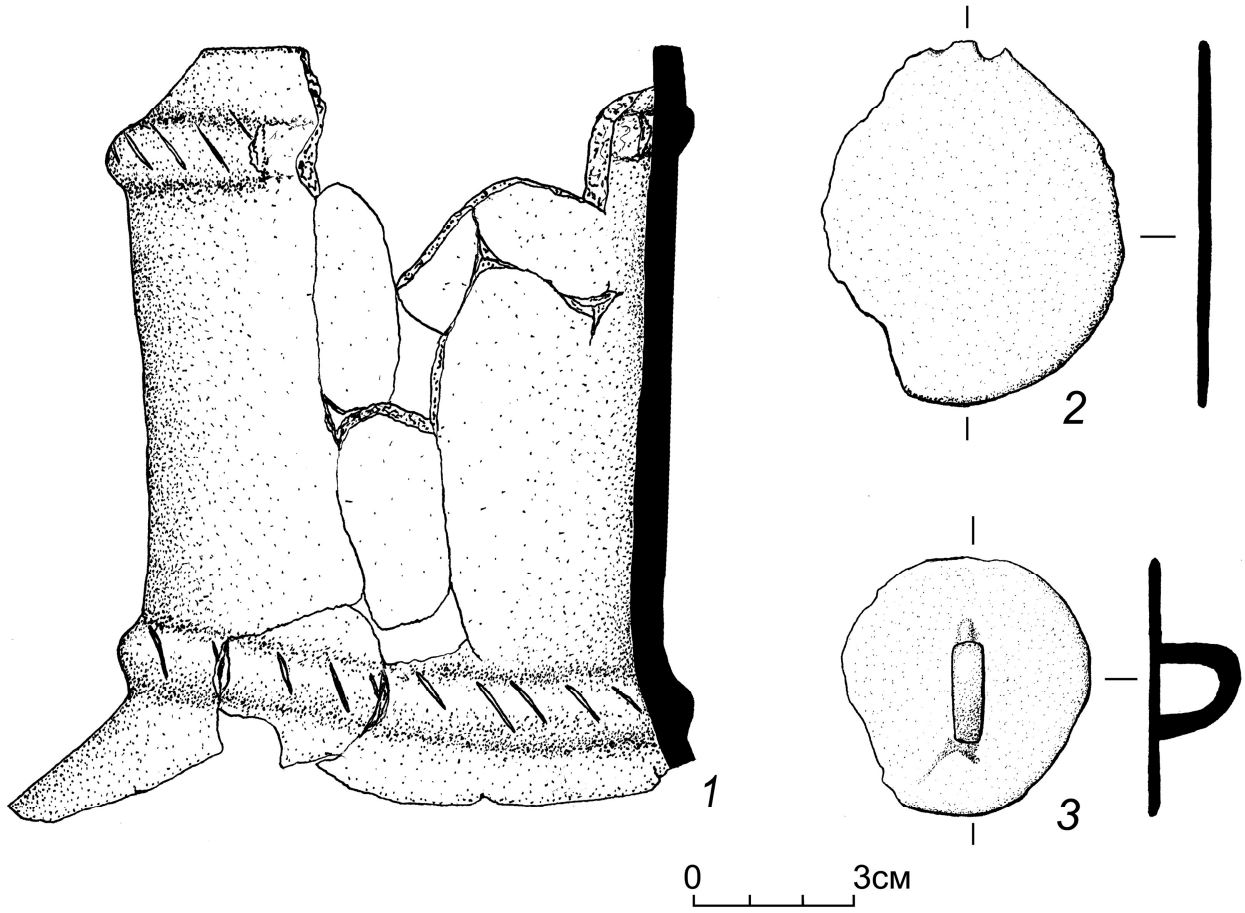


Рис. 7. Могильник Талдура II, курган 5. Предметы из основного погребения: *1 – верхняя часть керамического сосуда; 2, 3 – бронзовые зеркала*

Fig. 7. Taldura II, kurgan 5. Findings from the main burial: *1 – part of ceramic vessel; 2, 3 – bronze mirrors*

слеживаются. Однако нужно отметить отсутствие камней из насыпи, которые должны были упасть в грабительский лаз после осыпания стен грабительской ямы. Исходя из этого факта, можно с большой долей вероятности предположить, что проникновение в погребение могло происходить еще даже до завершения строительства надмогильного сооружения.

У исследователей «царских» курганов скифского времени Алтая нет единого мнения по поводу времени ограбления. М.П. Грязнов считает, что Первый пазырыкский курган был ограблен до образования в могиле мерзлоты, а само ограбление как раз способствовало появлению льда (Грязнов, 1929. С. 984). Позднее он писал, что погребение было совершено в сентябре, а наблюдения над особенностями образования льда позволили ему предположить, что ограбление происходило поздней осенью или зимой (Грязнов, 1950. С. 19). Однако он избежал вопроса, в том же году было ограбление или в последующие годы. Также было отмечено, что грабители хорошо знали конструкцию пазырыкских курганов (Грязнов, 1950. С. 15), то есть они могли быть участниками похорон.

С.И. Руденко, напротив, пишет о том, что ограбление курганов на Пазырыке происходило уже после образования части мерзлоты, «на что потребовалось не мало лет», но в то время, когда трупы, были еще в «хорошем состоянии» (Руденко, 1953. С. 20–21). Тем более, как утверждает исследователь, грабители Пазырыкских курганов никак не прикрывали следы ограбления, оставляя большие воронки в насыпи. То есть ограбление могло быть совершено лишь пришлыми людьми, после того как население, строившее курганы, уже покинуло эти места. Одним из подтверждений своей точки

зрения, он приводит факт наличия следов костров в грабительских ходах (Руденко, 1953. С. 23). Нами также были зафиксированы следы горения бревен по краям грабительского лаза при раскопках кургана 5 могильника Талдура II, хотя следов мерзлоты обнаружено там не было. Вероятно, наличию следов огня нужно искать какое-то другое объяснение.

Большинство исследователей связывают следы горения перекрытий срубов с актом ограбления. Хотя, например, А.С. Суразаков считает, что поджог перекрытий пазырыкских курганов является составной частью погребального обряда (Суразаков, 1994). Мы же склоняемся к точке зрения, что огонь применялся грабителями, что и было зафиксировано нами при раскопках на Талдуре. Применение огня в таких случаях может быть объяснено ритуальными действиями грабителей, для того чтобы обезопасить себя от «хозяина» погребального сооружения и «запечатать» проход между мирами живых и мертвых (Таиров, 2014. С. 243). Для тех же целей, видимо, устраивались погребения трупов собак в грабительском ходе нарушенных курганов тагарской культуры (Кузнецов Н.А., 1998. С. 15)[2].

Таким образом наблюдения, проведенные М.П. Грязновым и С.И. Руденко над особенностями льда, заполнявшего погребальные срубы, не позволили прийти к единой модели, которая бы убедительно представила последовательность образования льда и процесс ограбления. Но исследователи сходятся в том, что ограбление происходило в относительно короткое время после погребения. По нашему мнению, проникновение в могилу совершалось в очень короткий срок. Само строительство кургана занимало продолжительный промежуток времени, поскольку он представлял собой сложное сооружение. Поэтому ограбление погребальных камер в некоторых случаях могло совершаться на каком-то этапе строительства кургана. Именно такой случай, возможно, был зафиксирован при изучении кургана 5 на могильнике Талдура II. Факт нарушения погребения еще до засыпки могильной ямы грунтом был зафиксирован на могильнике Догээ-Баары 2 в Туве, хотя в этом случае проникновение в незасыпанное грунтом внутримогильное сооружение может быть объяснено длительностью функционирования кургана, во время которого шло подхоронение умерших сородичей в одну камеру (Чугунов, 2007. С. 125). Но даже в таком случае ограбление происходило явно до того, как семья, которая строила курган, покинула эти места.

Обычно исследователи находили «прагматичные» объяснения фактам ограблений пазырыкских курганов. Даже оправдывали следы надругательств над телами погребенных именно с этих позиций. С.И. Руденко так объясняет отчленение частей тела грабителями у погребенных на Пазырыкском могильнике: «В кургане втором, вероятно, для снятия шейных гривн у мужчины и женщины грабители отрубили головы. У женщины того же кургана для снятия ножных и ручного браслетов были отрублены стопы обеих ног и голени ниже коленного сустава, а также кисть правой руки» (Руденко, 1953. С. 50). Хотя, например, у мумии вождя из Пятого пазырыкского кургана, выставленной в постоянной экспозиции Государственного Эрмитажа, обе ноги были перебиты, но не отрублены.

Как правило, отрубались и повреждались две части тела – голова или ноги. Особое отношение к голове известно в разных культурах в широком географическом и хронологическом диапазоне (Зайцева, 2005. С. 26[3]; Соенов, 2017. С. 124). В памятниках Алтая это проявляется, начиная, по крайней мере, с эпохи ранней бронзы, когда появляются первые погребения людей без голов (Вдовина, 2004). Поскольку эта часть тела наделялась особым отношением, отрубая голову, грабители хотели нанести максимальный «ущерб» умершему чело-

[2] Кузнецов Н.А. Погребения собак на Среднем Енисее как археологический источник: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. 22 с.
Kuznetsov N.A. Burials of dogs in the Middle Yenisey as an archaeological source: cand. histor. sci. syn. diss. Novosibirsk, 1998, 22 p. (In Russian).

[3] Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.
Zaitseva O.V. Burials with broken anatomical integrity of the sceleton: the method of investigation and the possibility of interpretation: cand. histor. sci. syn. diss. Novosibirsk, 2005, 28 p. (In Russian).

веку. Интересно, что в алтайском фольклоре до современности сохранилась формула угрозы противнику, что после смерти его голова будет уложена в могилу в ноги[4]. С этих позиций можно объяснить надругательство при ограблении именно над головами людей, погребенных в кургане 5 могильника Талдура II. Отрубание или повреждение ног умерших людей, фиксирующееся на других памятниках, может быть объяснено боязнью перед покойником, когда проводился акт его обезвреживания. Поскольку основная функция ног человека – передвижение, то повреждая их, грабители, видимо, надеялись лишить умершего человека способности «ходить», обездвижить его, чтобы покойник не мог нанести им вред.

Таким образом, приведенные факты показали тесную связь ограблений с ритуальной сферой. Некоторые исследователи даже считают этот акт частью погребального обряда определенных групп населения. В ряде случаев, по их мнению, надмогильная конструкция устраивалась только после нарушения погребения. Такие выводы были сделаны после наблюдений на памятниках скифского времени Тувы (Семёнов, Килуновская, 2016. С. 33, 35).

Судя по исследованным нетронутым погребениям пазырыкской культуры, можно отметить что, во-первых, «ограбление» не было обязательной нормой обряда, которую бы применяли повсеместно. Во-вторых, находимый при раскопках нетронутых объектов комплекс вещей демонстрирует отсутствие в этих погребениях больших «богатств», что говорит о нецелесообразности ограбления курганов для наживы. Естественно, в этом контексте речь не идет о самых крупных «царских» курганах пазырыкской культуры, поскольку все они без исключения были сильно ограблены, и мы не знаем, что изначально в них находилось.

Учитывая факт надругательства над телами погребенных в исследуемом кургане, можно предположить, что «ограбление» в данном случае носило характер осквернения и осуществлялось со стороны людей, враждебно настроенных по отношению к погребенным. Но с другой стороны, подобные манипуляции с телами можно объяснить необходимостью нарушения их целостности. Такой акт мог осуществляться сородичами из-за боязни перед умершими, например, когда семью преследовали несчастья, которые, так или иначе, связывались с погребенными в кургане людьми. О возможном нарушении погребения лицами, участвующими в сооружении кургана, говорит хорошая осведомленность грабителей о конструкции курганов (Грязнов, 1950. С. 15), а также следы проникновения в могильную камеру, совершенного до окончания строительства кургана.

Конечно, мы далеки от установления всех подробностей и причин проникновения в могилу, но уверены в том, что нарушение погребения, исследованного в кургане 5 могильника Талдура II, имело не «прагматичную» цель, то есть не было обусловлено жаждой наживы, а носило ритуальный характер. Поэтому мы поддерживаем исследователей, которые считают, что такие погребения нужно называть не «ограбленными», а нарушенными или потревоженными (Яценко, Килуновская, 2016. С. 12). Вполне вероятно, что подобные акты являлись нормой весьма сложного погребального обряда пазырыкской культуры, дольно часто применявшейся в определенных случаях. Именно этим может быть объяснено столь широкое распространение традиции нарушения курганов в скифское время на Алтае и в сопредельных регионах.

Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ МК-1837.2017.6 «Изучение археологических комплексов Юго-Восточного Алтая в контексте реконструкции процессов освоения человеком высокогорных ландшафтов в раннем железном веке и средневековье».

[4] Об этом нам рассказал староста с. Старый Бельтир В.А. Сурунов.
About this told us the praepostor of the village Staryi Bel'tir V.A. Surunov.

Статья поступила 27.10.2017 г.

Article was received in October, 27, 2017

Библиографический список

Вдовина Т.А. Аварийные раскопки на могильнике Нижний Айры-Таш // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2004. № 12. С. 6–12.

Грязнов М.П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае // Природа. 1929. № 11. С. 971–984.

Грязнов М.П. Первый пазырыкский курган. Ленинград : Изд-во Государственного Эрмитажа, 1950. 90 с.

Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Санкт-Петербург : Институт истории материальной культуры РАН; Невская книжная типография, 2016. 244 с.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиций // Труды Государственного исторического музея. М., 1941. С. 75–117.

Епимахов А.В., Куприянова Е.В. Всероссийский (с международным участием) круглый стол «Археология древних ограблений и символических захоронений» (Челябинск, 2015 г.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 3. С. 115–118.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул : Алтайский государственный университет, 2003. 234 с.

Константинов Н.А., Соенов В.И., Трифанова С.В., Эбель А.В., Урбушев А.У. Полевые исследования в Кош-Агачском районе Республики Алтай // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 году (археология, этнография, устная история). Материалы XII Международной научно-практической конференции (Омск, 24–25 марта 2017 г.). Омск : Издатель-Полиграфист, 2017. С. 37–38.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск : Наука, 1987. 150 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск : Наука, 1991. 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск : Наука, 1992. 220 с.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–

References

Vdovina T.A. Emergency excavations at the necropolis Nizhny Airy-Tash. *Drevnosti Altaya* [Antiquities of the Altai]. Gorno-Altaisk, 2004, no. 12, pp. 6–12. (In Russian).

Gryaznov M.P. Pazyryk princely burial in the Altai. *Priroda* [Nature]. 1929, no. 11, pp. 971–984. (In Russian).

Gryaznov M.P. *Pervyi pazyrykskii kurgan* [First Pazyryk barrow]. Leningrad: Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 1950. 90 p.

Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniya i ogrableniya [Ancient necropolises and settlements: post-mortuary rituals, symbolic burials and robberies]. St. Petersburg: Institut istorii material'noi kul'tury RAN; Nevskaya knizhnaya tipografiya Publ., 2016. 244 p.

Evtyukhova L.A., Kiselev S.V. Report on the work of the Sayano-Altai archaeological expeditions. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Proceedings of the State Historical Museum]. Moscow, 1941, pp. 75–117. (In Russian).

Epimakhov A.V., Kupriyanova E.V. *Vserossiiskii (s mezhdunarodnym uchastiem) kruglyi stol "Arkheologiya drevnikh ograblenii i simvolicheskikh zakhoronenii" (Chelyabinsk, 2015 g.)* [All-Russian (with international participation) workshop "Archeology of ancient robberies and symbolic burials" (Chelyabinsk, 2015)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2015, vol. 15, no. 3, pp. 115–118. (In Russian).

Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F., Tishkin A.A. *Skifskaya epokha Gornogo Altaya. Chast' II: Pogrebal'no-pominal'nye kompleksy pazyrykskoi kul'tury* [Scythian era of the Altai Mountains. Part II: Funeral and memorial complexes of Pazyryk culture]. Barnaul: *Altaiskii gosudarstvennyi universitet Publ.*, 2003. 234 p.

Konstantinov N.A., Soenov V.I., Trifanova S.V., Ebel' A.V., Urbushev A.U. Field research in the Kosh-Agach district of the Altai Republic. *Polevye issledovaniya v Priirtysh'e, Verkhnem Priob'e i na Altae v 2016 godu (arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya). Materialy XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Omsk, 24–25 marta 2017 g.* [Field research in Priirtyshye, the Upper Ob region and the Altai in 2016 (archeology, ethnography, oral history). Materials of the XII International Scientific and Practical Conference, Omsk, March 24–25, 2017]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist Publ., 2017, pp. 37–38. (In Russian).

Kubarev V.D. *Kurgany Ulandryka* [Kurgans of Ulandryk]. Novosibirsk, 1987, 150 p.

Kubarev V.D. *Kurgany Yustyda* [Kurgans of Yustyd]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991. 190 p.

Kubarev V.D. *Kurgany Sailyugema* [Kurgans of Sajlyugem]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1992. 220 p.

Mogil'nikov V.A., Elin V.N. Mounds of Taldoor. *Arkheologicheskie issledovaniya v Gornom Altae v 1980–1982*

1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 90–108.

Могильников В.А., Куйбышев А.В., Суразаков А.С. Раскопки в Кызыл-Джаре // АО 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 261–262.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс. 2001. 336 с.

Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: АН СССР, 1953. 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: АН СССР, 1960. 360 с.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб., 2009. 226 с.

Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // Краткие сообщения института археологии. 1987. Вып. 154. С. 48–55.

Семёнов В.А., Килуновская М.Е. «Разрушение», «Разграбление», «Ритуал» – погребальный обряд в контексте древних культур (по археологическим памятникам Тувы) // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН; Невская книжная типография, 2016. С. 15–36.

Соенов В.И. Нарушенное воинское погребение на могильнике Верх-Уймон // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2017. № 8 (20). С. 117–142.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. 214 с.

Суразаков А.С. Погребальный обряд пазырыкцев // Археология Горного Алтая. Барнаул : Алтайский государственный университет, 1994. С. 71–74.

Суразаков А.С. О традициях нарушения древних погребальных сооружений // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Алтайский государственный университет, 1999. С. 171–173.

godakh [Archaeological research in the Altai Mountains in 1980–1982]. Gorno-Altaisk, 1983, pp. 90–108. (In Russian).

Mogil'nikov V.A., Kuibyshev A.V., Surazakov A.S. Excavations in Kyzyl-Jar. *Arkheologicheskie otkrytiya 1977 goda* [Archaeological discoveries of 1977]. Moscow, 1978, pp. 261–262. (In Russian).

Polos'mak N.V. *Vsadniki Ukoka* [The horsemen of Ukok]. Novosibirsk: INFOLIO-press Publ., 2001. 336 p.

Radlov V.V. *Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika* [From Siberia: Diary pages]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 749 p.

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe *vremya* [Culture of the population of the Altai Mountains during the Scythian period]. Moscow-Leninhdgrad: AN SSSR Publ., 1953. 402 p.

Rudenko S.I. *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya* [Culture of the population of Central Altai in Scythian time]. Moscow–Leningrad: AN SSSR Publ., 1960, 360 p.

Savinov D.G. *Minusinskaya provintsiya Khunnu (po materialam arkheologicheskikh issledovanii 1984–1989 gg.)* [Minusinsk province of Xiongnu. (Based on materials of archaeological research from 1984–1989)]. St. Petersburg, 2009. 226 p.

Savinov D.G. On the final stage of the culture of the early nomads of the Altai Mountains. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief reports of the Institute of Archeology], 1987, iss. 154, pp. 48–55. (In Russian).

Semenov V.A., Kilunovskaya M.E. *"Razrushenie" "Razgrablenie", "Ritual" – pogrebal'nyi obryad v kontekste drevnikh kul'tur (po arkheologicheskim pamyatnikam Tuvy)* ["Destruction", "Looting", "Ritual" – funerary rite in the context of ancient cultures (according to archaeological sites of Tuva)]. *Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniya i ogrableniya* [Ancient necropolises and settlements: post-mortuary rituals, symbolic burials and robberies]. St. Petersburg: Institut istorii material'noi kul'tury RAN; Nevskaya knizhnaya tipografiya, 2016, pp. 15–36. (In Russian).

Soenov V.I. *Narushennoe voinskoe pogrebenie na mogil'nike Verkh-Uimon* [The disturbed military burial on the Verkh-Uimon cemetery]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Gorno-Altaisk: GAGU, 2017, no. 8 (20). pp. 117–142. (In Russian).

Surazakov A.S. *Gornyi Altai i ego severnye predgor'ya v epokhu rannego zheleza. Problemy khronologii i kul'turnogo razgranicheniya* [The Altai Mountains and its northern foothills in the Era of Early Iron. Problems of chronology and cultural differentiation]. Gorno-Altaisk, 1989. 214 p.

Surazakov A.S. Funeral tradition of Pazyryk people. *Arkheologiya Gornogo Altaya* [Archeology of the Altai Mountains. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 1994, pp. 71–74. (In Russian).

Surazakov A.S. On the traditions of violation of ancient funerary structures. *Itogi izucheniya skifskoi epokhi Altaya i sopredel'nykh territorii* [Results of the study of the Scythian epoch of Altai and adjacent territories]. Barnaul:

Таиров А.Д. Сожжение как результат ограбления (по материалам Южного Зауралья) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань, 2014. Т. II. С. 241–243.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрении населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2003. 430 с.

Чугунов К.В. Могильник Догээ-Баары 2 Как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990–1998 гг.) // Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 123–144.

Яценко С.А., Килуновская М.Е. Нарушенные погребения: проблемы изучения // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН; Невская книжная типография, 2016. С. 7–14.

Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 1999, pp. 171–173. (In Russian).

Tairov A.D. Burning as a result of robbery (based on materials from the Southern Trans-Urals). Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress]. Kazan', 2014, vol. II, pp. 241–243. (In Russian).

Tishkin A.A., Dashkovskii P.K. *Sotsial'naya struktura i sistema mirovozzrenii naseleniya Altaya skifskoi epokhi* [Social structure and system of the worldview of the Altai population of the Scythian epoch]. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2003. 430 p.

Chugunov K.V. The burial site Doge-Baary 2 as a site of the beginning of Uyuk-Saglyn culture of Tuva (based on excavations from 1990–1998). *Sbornik nauchnykh trudov v chest' 60-letiya A.V. Vinogradova* [Collection of scientific works dedicated to the 60th anniversary of A.V. Vinogradov]. St. Petersburg: Kul't-Inform-Press, 2007, pp. 123–144. (In Russian).

Yatsenko S.A., Kilunovskaya M.E. Disturbed burials: problems of study. *Drevnie nekropoli i poseleniya: post-pogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniya i ogrableniya* [Ancient necropolises and settlements: post-mortuary rituals, symbolic burials and robberies]. St. Petersburg: Institut istorii material'noi kul'tury RAN; Nevskaya knizhnaya tipografiya, 2016, pp. 7–14. (In Russian).

Сведения об авторах

Константинов Никита Александрович,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник музейного комплекса,
Горно-Алтайский государственный университет,
Российская Федерация, 649000, г. Горно-Алтайск,
ул. А. Ленкина, 1,
e-mail: nikita.knstntnv@yandex.ru

Урбушев Айдын Урматович,
младший научный сотрудник научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов,
Горно-Алтайский государственный университет,
Российская Федерация, 649000, г. Горно-Алтайск,
ул. А. Ленкина, 1,
e-mail: aidurbushev@yandex.ru

Information about the authors

Nikita A. Konstantinov,
PhD, Senior researcher of Museum comlex,
Gorno-Altaisk State University,
1 Lenkina Str., Gorno-Altaisk 649000, Russian Federation,
e-mail: nikita.knstntnv@yandex.ru

Aidyn U. Urbushev,
Junior researcher of Research Center for the history and culture of Turkic peoples,
Gorno-Altaisk State University,
1 Lenkina Str., Gorno-Altaisk 649000, Russian Federation,
e-mail: aidurbushev@yandex.ru

Критерии авторства

Н.А. Константинов и А.У. Урбушев выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись и иллюстрации к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Konstantinov N.A. and Urbushev A.U. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and illustrations for publication, they owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 902/904 (517.3)
http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-65-84

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ МОНГОЛИИ И ВОПРОСЫ РАННЕМОНГОЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© П.Б. Коновалов
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Российская Федерация, Республика Бурятия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Аннотация. В статье публикуется материал о средневековых погребениях, раскопанных в 80-е годы на территории Монголии в период функционирования Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции. Наиболее сохранные из них по способам и устройству захоронения, погребальному обряду и сопровождающему инвентарю оказались во многом аналогичными, если не сказать идентичными, погребальным комплексам на территории всего Забайкалья, Западного и Восточного, и отчасти Южного Прибайкалья. Автор соотносит их с саянтуйской группой (культурой) типолого-хронологической классификации средневековых погребальных комплексов Бурятии, датируемой XI–XIV вв. В связи с введением в научный оборот этого материала автор затрагивает вопрос о раннемонгольской археологической культуре, которая немало обсуждается в литературе, но при этом воспринимается и трактуется по-разному, как по хронологии, так и по этно-археологическим признакам.

Ключевые слова: Монголия, погребальный обряд, сопроводительный инвентарь, типология, хронология, археологическая культура, ранние монголы, Забайкалье, критерии идентификации, саянтуйская группа погребальных комплексов.

Формат цитирования: Коновалов П.Б. Средневековые погребальные памятники Монголии и вопросы раннемонгольской археологической культуры // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 65–84. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-65-84

MEDIEVAL BURIAL SITES OF MONGOLIA AND QUESTIONS OF EARLY MONGOLIAN ARCHAEOLOGICAL CULTURE

© P.B. Konovalov
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sahyanovoi Str., Ulan-Ude 670047, Republic of Buryatia, Russian Federation

Abstract. The article publishes data of medieval burials excavated in the 80s in Mongolia during the Soviet-Mongolian Historical and Cultural Expedition. The most preserved of them by methods and arrangements of burial, funeral rites and accompanying inventory turned out to be largely analogous, if not identical, to the funerary complexes in the entire Transbaikalia, Western and Eastern, and partly Southern Baikal region. The author correlates them with the Sayantui group (culture) of the typological and chronological classification of medieval burial complexes of Buryatia, dating from the 11th-14th centuries AC. In connection with the introduction of this material into the scientific circulation, the author touches upon the question of the early Mongolian archaeological culture, which is discussed in the literature, but at the same time it is perceived and interpreted in different ways, both in chronology and ethno-archeological features.

Keywords: Mongolia, funeral rite, accompanying inventory, typology, chronology, archaeological culture, early Mongols, Transbaikalia, identification criteria, Sayantui group of funeral complexes

For citation: Konovalov P.B. Medieval Burial Sites of Mongolia and Questions of Early Mongolian Archaeological Culture. Journal of Ancient Technology Laboratory. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 65–84. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-65-84

Средневековые погребальные памятники на территории Монголии относятся к числу все еще мало изученных по сравнению с памятниками других эпох. Как показывает практика полевых работ, сетовать на недостаток таких памятников на обширных просторах страны не приходится, но они долго не становились объектом целенаправленных исследований. На фоне других, более «привлека-

тельных» древностей Монголии, малозаметные полузадернованные каменные наброски и курганчики над могилами изредка привлекали к себе внимание, становясь объектом иногда не запланированных исследований. Такого рода исследования связаны с именами С.В. Киселева, А.П. Окладникова, Х. Пэрлээ, Ц. Доржсурэна, Н. Сэр-Оджава, Д. Доржа, Д. Наваана, В.В. Волкова, В.Е. Войтова, Д. Баяра, Д. Цэвээндоржа, И.В. Асеева, Ю.С. Худякова, Х. Лхагвасурэна, Ц. ТӨрбата, З. Батсайхана, У. Эрдэнэбата, С. Хурэлсух, Д. Тумэн, С. Эрдэнэ, Г. Анхсанаа, Д. Хатанбаатар, Р. ТӨгсайхан и др. Среди монгольских археологов времен Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции 70–80-х годов прошлого века – Д. Наваан, по моим наблюдениям в годы совместной с ним работы, проявлял направленный интерес к такого рода объектам, уделял внимание и время для того, чтобы поработать на них, решая другие задачи наших совместных экспедиционных маршрутов. Известный антрополог, глава школы падеоантропологии Монголии Д. Тумэн часто работала с Навааном и набирала нужный ей материал по краниологии. Именно в полевых работах с Навааном в те годы приобщался к археологии Лхагвасурэн, будущий автор монографической сводки данных по монгольским погребениям. Думается, что не без влияния Наваана, вернее сказать, от него и приняли эстафету изучения раннемонгольских погребальных памятников и выше упомянутые молодые археологи Монголии.

Накопленные к концу XX века материалы обобщены и систематизированы в двух известных нам работах: в диссертации Х. Лхагвасурэна (1994), доработанной позднее в монографию под названием «Монгольские погребения периода Чингис хана (XII–XIV вв.)» (Лхагвасурэн, 2015) и в статье Ю.С. Худякова «Типология погребальных памятников кочевников Монголии эпохи раннего и развитого средневековья» (Худяков, 2002).

Статья Ю.С. Худякова важна как первый опыт систематизации имеющихся к тому времени материалов, связанных в большинстве своем с культурой тюркских династий – каганатов Тюрков, Уйгуров и Кыргызов. Автором справедливо отмечено отсутствие данных о памятниках до тюркского периода, то же самое отмечено о киданьских погребениях на территории Монголии, а относительно памятников монгольского периода дана ссылка на диссертационную работу Х. Лхагвасурэна. Представленный в статье Худякова графический ряд типологии памятников мы склонны рассматривать как первое приближение к проблеме этнохронологии, идентификации и дифференциации между тюркоязычными и монголоязычными этносами на территории страны.

Монография Х. Лхагвасурэна представляет собой сводку памятников, определенных им как «монгольские погребения периода Чингис хана». В ней собраны данные о 154 погребениях, они представлены в табличной форме, приложенной к историографической главе «Изучение погребальных комплексов монголов (XII–XIV вв.)». Следующая глава посвящена описанию памятников. Систематизация материалов дана в главах: «Погребальный обряд» и «Погребальный инвентарь». Историко-аналитическая часть представлена в главе «Погребальные комплексы и некоторые вопросы хозяйственной деятельности и этнокультурных связей монголов в эпоху средневековья». Книга ценна как первый опыт систематизации материалов по теме, хотя качество и степень их проработки оставляют желать лучшего. Однако актуальность поднятой Лхагвасурэном темы и тогда, и по сей день остается острой.

По нашему мнению, материалы с территории Монголии, именно те, которые классифицируются как погребения монголов или как раннемонгольская культура (вслед за такой дефиницией, введенной в оборот археологами Бурятии, о чем см. ниже), пребывают все еще на стадии первоначального накопления. Не будет ошибкой сказать, что предлагаемые типологизация и хронологизация средневековых погребений Монголии опираются на соответствующие разработки подобных памятников в сопредельных регионах Забайкалья и Предбайкалья, что и определяет типолого-хронологическую схему и вопросы их этнической атрибуции. Между тем, сопоставляемые с ними памятники на территории этнической Бурятии, хотя и сравнительно лучше изученные, тем не менее находятся в состоянии спорного решения их этни-

ческой принадлежности, дифференциации между тюрко-язычными и монголо-язычными этносами, все еще нет единогласия в этих вопросах. Словом, средневековые памятники Монголии и Байкальского региона нуждаются в дальнейшем комплексном, обоюдно скоррелированном, исследовании. Лишь в результате этого можно прийти к адекватному толкованию этнических процессов, в особенности периода раннего средневековья.

При таком состоянии дела остро актуальными становятся вопросы накопления и систематизации материалов, прежде всего, из Монголии. В связи с этим автор счел необходимым представить здесь результаты произведенных там совместно с монгольскими археологами Д. Навааном, Д. Цэвээндоржем и частично с участием венгерского археолога И. Эрдели исследований в период функционирования Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции. В ситуации, когда «монгольских» материалов пока ещё недостаточно для собственной внутренней классификации, имеют значение все подробности описания процесса раскопок, детальная фиксация полевых наблюдений, порою с ошибками и упущениями, которые встречаются в ходе раскопок. Думается, что такая документация, отражающая первоначальные впечатления и ассоциации исследователя, важна на данной стадии накопления материалов. Вместе с тем автор должен оговориться, что в настоящей публикации не обеспечена полнота источниковедческой обработки материала, но это лишь по той причине, что я не имел возможности камеральной работы с материалом по месту хранения коллекций в Улан-Баторе. Таким образом, к публикации предлагается работа, подготовленная на основе только полевой документации.

Средневековый могильник у горы Буурал уул Хонгор сомона Селенгинского аймака. Могильник находится в 3 км к северо-северо-востоку от Хонгор сомона Селенгинского аймака МНР (рис. 1). Археологическим отрядом Монголо-Советской историко-культурной экспедиции, возглавляемой Д. Навааном с монгольской стороны и П.Б. Коноваловым с советской, в 1981 г. раскопаны три могилы.

Могила 1. Находится на крутом склоне, обращенном на ЮЗ, представляет собой продолговатую каменную кладку или небольшой каменный курган высотой до 15–20 см, со слабо задернованными камнями. Расчистку кладки кургана производить не стали, но в процессе ее разборки зафиксировано,

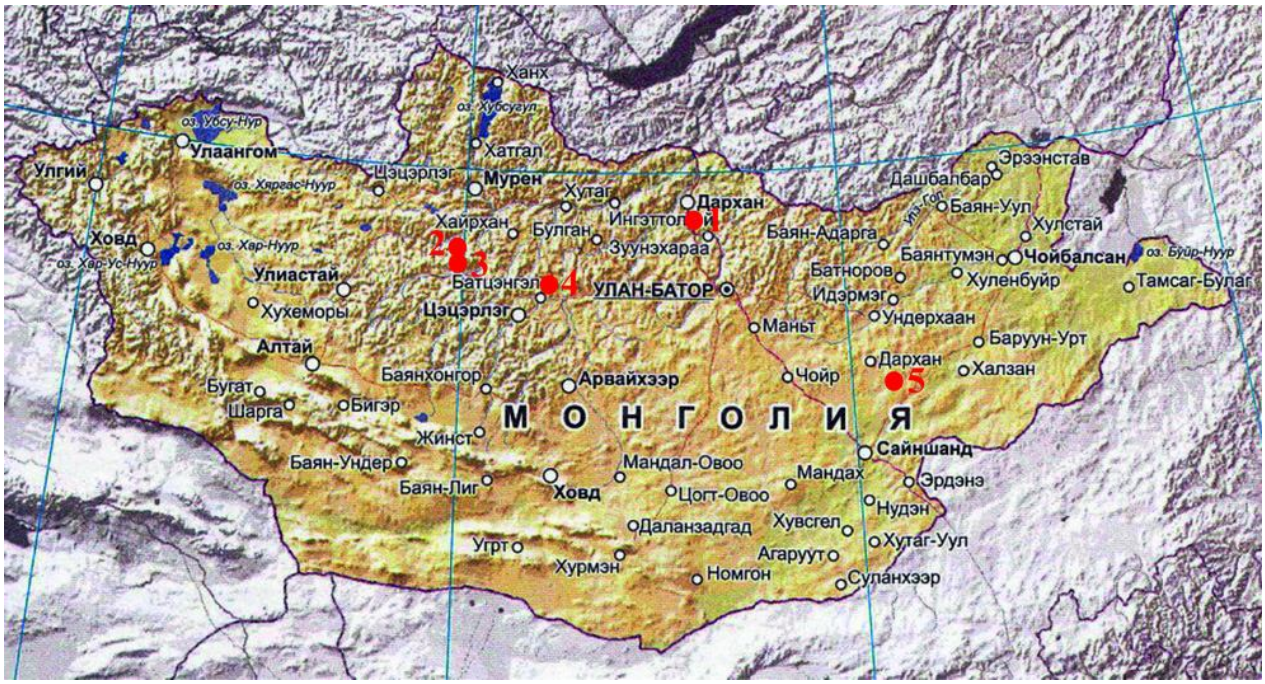


Рис. 1. Карта-схема средневековых могильников Монголии, на которых проводились археологические исследования: *1 – Буурал уул; 2 – Сальхитын тохой; 3 – Богчийн булан; 4 – Гурван модото; 5 –Хэшээны ухаа*
Fig. 1. Map-schema of the Medieval cemeteries in Mongolia, on which the archaeological studies were conducted

что она была подпрямоугольной формы, из сравнительно крупных камней по краям и камней помельче внутри. Толщина кладки практически не более чем в один ряд камней, причем плоские камни лежали плашмя. Кладка ориентирована длинной осью по склону горы в направлении СВ–ЮЗ (рис. 2).

После разборки кладки при зачистке под ней уже было видно пятно могильной ямы. На глубине 1 м появились следы сильно истлевших деревянных досок (перекрытия гроба?). На южном конце ямы, в ногах, обнаружена сначала фаланга ноги человека, затем и кости ступней ног, а в северном углу ямы на глубине 130 см показался череп (разница в показателях глубин – за счет склона местности).

Гроб был обозначен лишь контурами древесного тлена. Длина его 180 см, ширина около 50 см, с прогибом посередине. Интересно, что гроб находился не строго посередине ямы, а южным концом был сдвинут к западной стене, северным концом

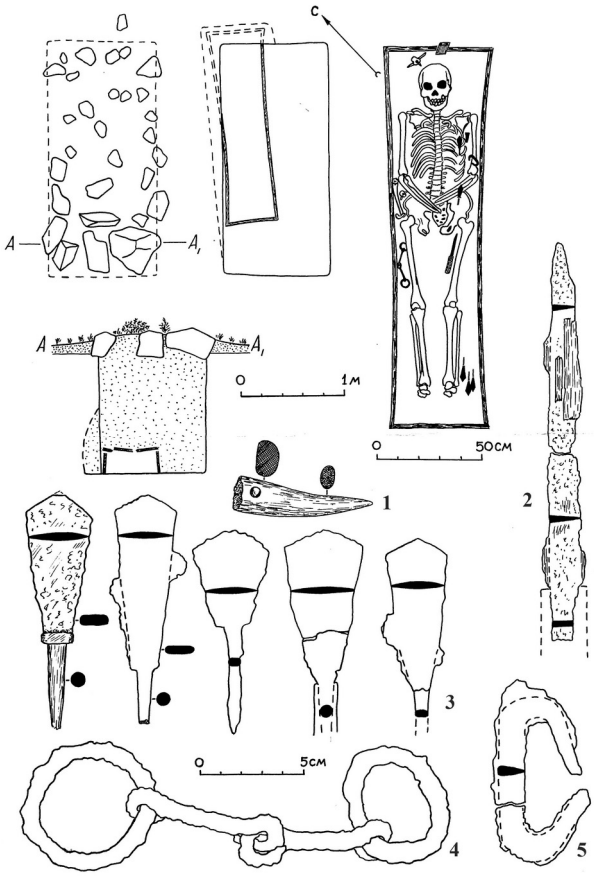


Рис. 2. Могильник Буурал уул. Могила 1
Fig. 2. Cemetery Buural uul. Grave 1

уходил в СВ угол ямы. Стало ясно, что это подбой, точнее – полуподбой или имитация подбоя (рис. 2, разрез). Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, с полусогнутыми руками, кистями в низу живота. Длина скелета 160 см, средняя часть его была заметно опущена вниз. Останки мужчины коренастого телосложения, с типично монголоидным черепом, с поврежденным, возможно, еще при жизни, верхним эпифизом правой голени. В области пояса с правой стороны найдены кость ноги барана с астрагалом и пяточной костью, рядом два спинных бараньих позвонка и один такой же позвонок в изголовье чуть правее головы.

При расчистке скелета найдено: у левой бедренной кости нож с железным узким продолговатым клинком длиной 15 см, шириной 1,2 см, с деревянной рукоятью и в деревянных же ножнах (рис. 2.*2*) пять железных наконечников стрел, из них два в области груди, острием кверху (к изголовью), три в области стопы с левой стороны, острием книзу (к ногам) (рис. 2.*3*); у правого бедра железные удила (рис. 2.*4*), у левого плеча железный предмет в виде огнива (кресало) (рис. 2.*5*); острие из рога, похожее на инструмент для развязывания узлов (монг. *соёо* / бурят. *hоёо*), с отверстием для подвешивания (рис. 2.*1*).

Могила 2. Находится недалеко от предыдущей, также на склоне горы. Выглядела сверху как вытянутый по склону в направлении СВ–ЮЗ бугорок высотой до 15–20 см, с задернованными камнями.

Кладку также не стали расчищать. При её разборке оказалось мало камней, не образующих какую-нибудь форму выкладки. Не фиксировались и верхние контуры могильной ямы. Прокопав в глубину до 80 см, наткнулись на продольные доски, лежавшие ближе к западной стенке ямы, так же, как в могиле 1 (рис. 3). На южном конце одной из них прослеживался фрагмент поперек лежавшей доски, похожей на заднюю стенку гроба (?). Решили, что другая стенка гроба уходит в подбой ямы, и прирезали последнюю на 60 см. На этот раз погребение оказалось в полнопрофильном подбое, при его расчистке следов деревянной конструкции там не оказалось. Стало понятно, что вышеупомянутые доски не были ни перекрытием, ни стенкой гроба,

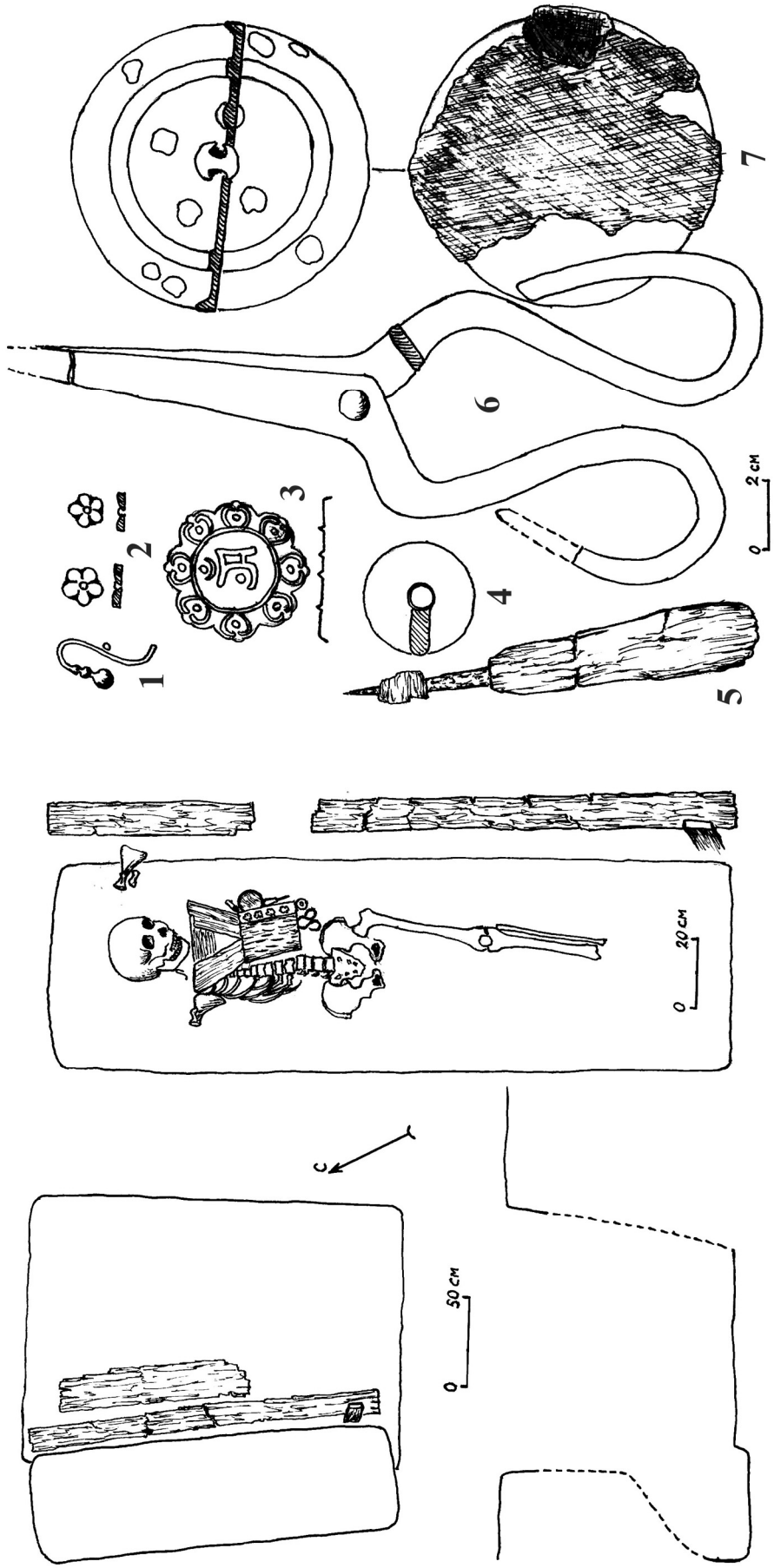


Рис. 3. Могильник Буурал уул. Могила 2
Fig. 3. Cemetery Buural uul. Grave 2

а были остатками дощатой загородки, отделяющей подбой от ямы. Загородка была сооружена из досок, прислоненных к слегка наклоненным планкам (рис. 2, план и профиль ямы).

Итак, на глубине 110–135 см в подбое северо-западной стенки ямы нами расчищено захоронение женщины сравнительно молодого возраста. Погребенная лежала на спине в вытянутом положении. Кости рук, правой ноги и стопа левой ноги полностью отсутствовали (непонятно почему (?). В изголовье погребения слева от черепа найдена баранья лопатка и берцовая кость с астрагалом (см. на плане).

На правом ухе найдена серьга медная проволочная, в виде вопросительного знака (рис. 3.*1*), заканчивающегося большим и малыми шарикообразными вздутиями. На груди обнаружено берестяное изделие, казавшееся сначала похожим на нагрудник (или фартук), украшенный нашитыми 5-лепестковыми голубыми стеклянными пуговками (рис. 3.*2*) и белым бисером. Из-под «нагрудника» с боков торчали пришитые к нему две медные трубочки. Вместе с ними найдены также пришитые к бересте две медные фигурные, в форме 8-лепестковых розеток, бляхи с оттиснутым рельефным орнаментом на лепестках и знаком типа «соёмбо» (показана одна из них, хорошей сохранности (рис. 3.*3*). Впоследствии, уже после раскопок, я пришел к выводу, что лежавшее на груди берестяное изделие могло быть известным в монгольской этнографии женским головным убором «богтаг» (или «бокка»), берестяная основа которого предстала перед нами в таком виде. При захоронении такой высокий парадный головной убор либо был положен на грудь усопшей, либо поставлен вертикально на лоб, откуда впоследствии при обвале стен ямы он мог упасть на грудь и в расплющенном состоянии приобрести такую форму, которая вызывала ассоциацию с фартуком.

Из-под бокки с левой стороны было наполовину видно медное зеркало «ТОЛИ» диаметром 8,5 см с рельефным орнаментом на оборотной стороне (рис. 3.*7*). Под толи обнаружено железное шило с деревянной рукояткой (рис. 3.*5*). Слева на поясе, также частично под боккой, обнаружены железные ножницы и керамический диск от пряслица (рис. 3.*6*, *4*). На зеркале, бляшках «соёмбо» и медных трубочках была приставшая ткань (шелк), вероятно, от одежды погребенной женщины.

Могила 3. Имела вид вытянутой по склону горы подобия кладки камней в 2,5 х 1,5 м, ориентированной по длине в направлении СВ–ЮЗ. Рядом в 80 см от СВ угла кладки находилась кольцевая каменная кладка из 8–10 камней диаметром около 1 м, похожая на очаг, но без признаков огнища.

В силу обстоятельств копали также ускоренным способом, без расчистки кладки. В глубине ямы выявилась та же закономерность – смещение захоронения под западную стенку. На этот раз не стали прирезать стенку ямы, а подкопались методом подбоя. При этом было заметно рыхлое заполнение внизу в отличие от более плотного сверху, что и подтверждало наше заключение о подбойном способе захоронения и в предыдущих двух могилах (рис. 4). С восточной стороны подбой был также отгорожен от основной ямы.

На глубине 115–145 см было расчищено непотревоженное захоронение молодой женщины, лежавшей в том же положении, на спине, с вытянутыми ногами и руками (чертеж, к сожалению, у автора не сохранился). Сверху вещей не было. При разборке скелета под левым ухом найдена медная проволочная серьга (рис. 4.*1*). На изогнутую в виде вопросительного знака проволочную основу серьги напаян фигурный рельефный щиток с гнездышками, в которые вставлены две круглые перламутровые вставки. Вероятно, все металлические детали серьги были позолочены, но теперь позолота покрыта окисью меди.

Там же, у левого уха, кроме того, найден набор из трех бронзовых китайских монет (рис. 4.*2*), нанизанных своими квадратными отверстиями на деревянную палочку, заостренную на одном конце в виде юлы. На двух монетах иероглифы различимы, на третьей они неразборчивы. Ц. Доржсурэн, старейший монгольский археолог, автор книги «Умард хунну», на одной из монет прочитал два иероглифа – название династии Тайпин.

Могилы в местности Хөшөөны Ухаа Их хэт сомона Восточно-гобийского аймака Монголии. Своеобразный погребально-поминальный комплекс находится в 13–14 км к югу от сомона Их Хэт

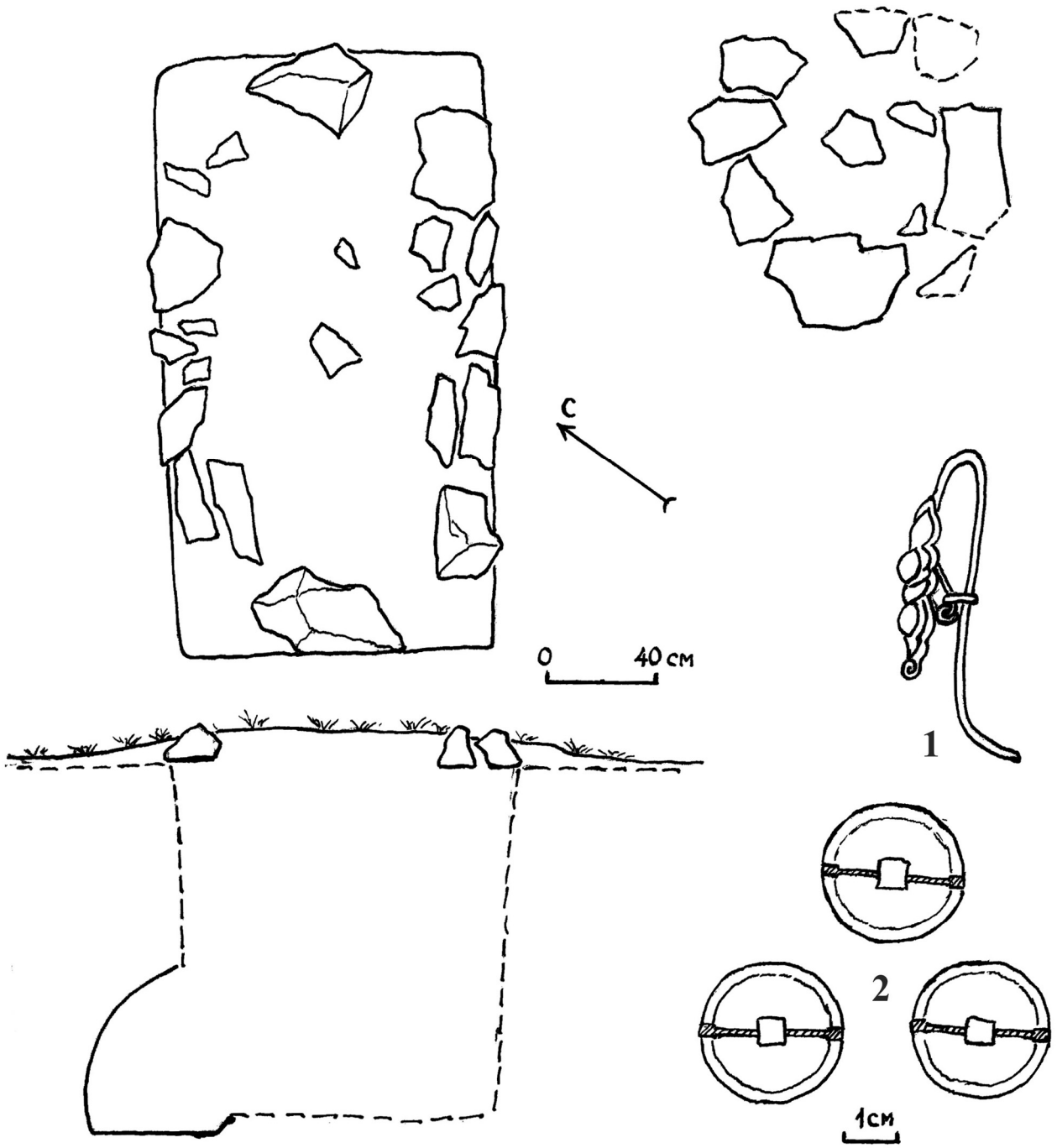


Рис. 4. Могильник Буурал уул. Могила 3
Fig. 4. Cemetery Buural uul. Grave 3

посреди открытой степи на пологом невысоком возвышении с названием Хэшээны Ухаа. На холме (точнее, бугре) стоит одинокая стела, к югу и западу от неё на удалении до 40–50 м насчитываются с десяток различных объектов в виде каменных кладок различных форм и размеров, визуально трудно диагностируемых типологически. Эти объекты были обнаружены в 1986 г. Д. Цэвээндоржем и И. Эрдели. Раскопок они тогда не производили, но предполагали о существовании тюркского комплекса. С этими же исследователями пришлось поработать на этом памятнике и мне в 1988 г.

Местность представляет собой мелкокаменистый грунт со скудным травяным покровом, что хорошо соответствует своему определению «ухаа» в названии «Хөшөөны Ухаа», что в переводе

на русский означает «Рыжеватый палевого цвета холм со стелой-памятником». Одинокая каменная стела (хөшөө), видимая издали достопримечательность этой местности, является центральным объектом, привлекающим внимание путника. Стоит он у южного края курганоподобного бугра диаметром около 6 м, вокруг которого разбросаны камни, происходящие, очевидно, из этого, некогда цельного кургана. Стела из гнейсо-гранита, высотой 125–126 см, шириной в основании 40–41 см, толщиной у основания 25–26 см, верхняя половина сужена и завершается косым сколом. Своими широкими плоскостями стела ориентирована в направлении С–Ю. В размещении прочих объектов на местонахождении видимого порядка не просматривается. Единственный из них исследованный нами объект – это обозначенная нами могила 1.

Могила 1. Расположена в 25–26 м к северо-западу от стелы, представляет собой кольцеобразную реденькую кладку из камней. Сняли план кладки до раскопок (рис. 5). Всю кладку охватили раскопом со сторонами 4,5 х 4,2 м. Посередине кладки камни уходили вглубь провалом в яму. По мере углубления в провал определилась СЗ–ЮВ ориентация могильной ямы (рис. 5). На глубине около 80 см встретились мелкие фрагменты дерева, бересты и железных пластинок. Глубже найден астрагал, пяточная и берцовая кости от бараньей ноги, лошадиные резцовые зубы, фрагмент от берестяного колчана (рис. 6). При дальнейшей расчистке в СЗ конце ямы выступила вертикально торчащая берцовая кость задней ноги барана с астрагалом и пяточной костью (по-монгольски эта связка костей называется соответственно: *шаант чэмэг*, *шагай* и *борви*). Вместе с выше найденными одноименными бараньими костями получается, что при данном захоронении были две ноги животного, причем молоденькой особи.

Контуры стенок гроба прослеживались четко, за исключением задней ЮВ стенки (рис. 6). У северо-восточной стенки гроба на уровне колен и выше обнаружены детали конской узды: железные удила с большими кольчатыми псалиями (рис. 6.*2*), бронзовые с позолотой накладные бляхи разных форм с остатками прикрепленного к ним с помощью тонких шпонок кожаного ремня (рис. 6.*1*). Порядок размещения этих деталей узды был нарушен, и, возможно, нескольких мелких одинаковых бляшек недоставало (на рис. 6.*1* сделана попытка частично реконструировать уздечный декор).

При окончательной расчистке гроба уточнили его ориентировку длинной осью на 307°, т. е. СЗЗ–ЮВВ. Дно гроба – на глубине 125 см. Скелета в гробу не оказалось, найдены лишь человеческие зубы, рассеянные примерно там, где надлежит быть черепу и челюсти. Слева от остатков головы на уровне шеи, у стенки гроба уточнено место нахождения выше найденной бараньей ноги, поблизости от неё найдены три бараньих позвонка в связке (рис. 6). Сильно разрушенные остатки берестяного колчана и остатки узды находились, примерно, там же, где им надлежит быть – на уровне бедер. К сожалению, невозможно определить назначение фрагментов железных изделий, найденных в захоронении.

Могила в местности Гурван модото Батцэнгэл сомона Архангайского аймака находится в одном из распадков у одноименной горы, получившей свое название по трем приметным деревьям (*гурван мод*), растущим на седловине близко к вершине. Среди разнообразных объектов типа керексуров и прочих каменных курганов и кладок нами раскопан один из них, представлявший собой каменную кладку в виде кургана с вертикальным камнем посередине. Форма кладки визуально выглядела круглой, но после фиксации на плане оказалось, что была скорее овальной. При разборке кладки выяснилось, что камни залегали в два-три ряда и были довольно крупные (рис. 7). Сразу же под кладкой обнаружены человеческие кости, залегавшие в разрозненном состоянии. По сторонам остатков скелета найдены кости животных – трубчатая кость молодой особи бычка и разрозненные челюсти барана (или овцы).

В скоплении разрозненных остатков скелета (рис. 7.*1*) сделаны вещевые находки. Возле черепа – бронзовая пластина трапециевидной формы с закругленными углами (размерами длинной стороны около 4 см, короткой стороны около 3 см, высота между ними – 4,1 см, толщиной 1,5 мм) (рис. 7.*2*). Изделие было некогда в матерчатом кисете или просто в обертке, о чем можно судить по

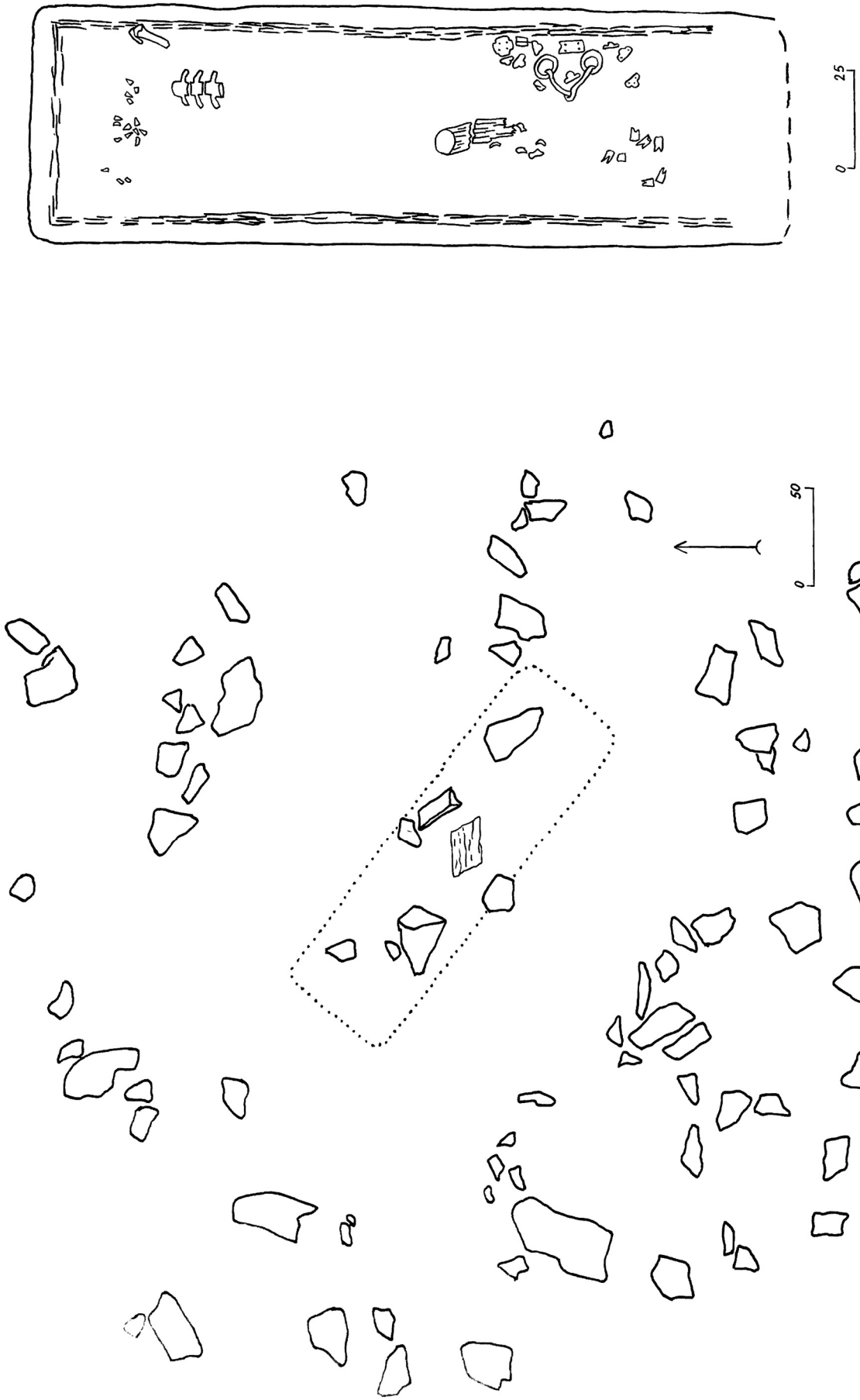


Рис. 5. Могильник Хөшөөны Ухаа. Могила 1
Fig. 5. Cemetery Hesheny Uhaa. Grave 1

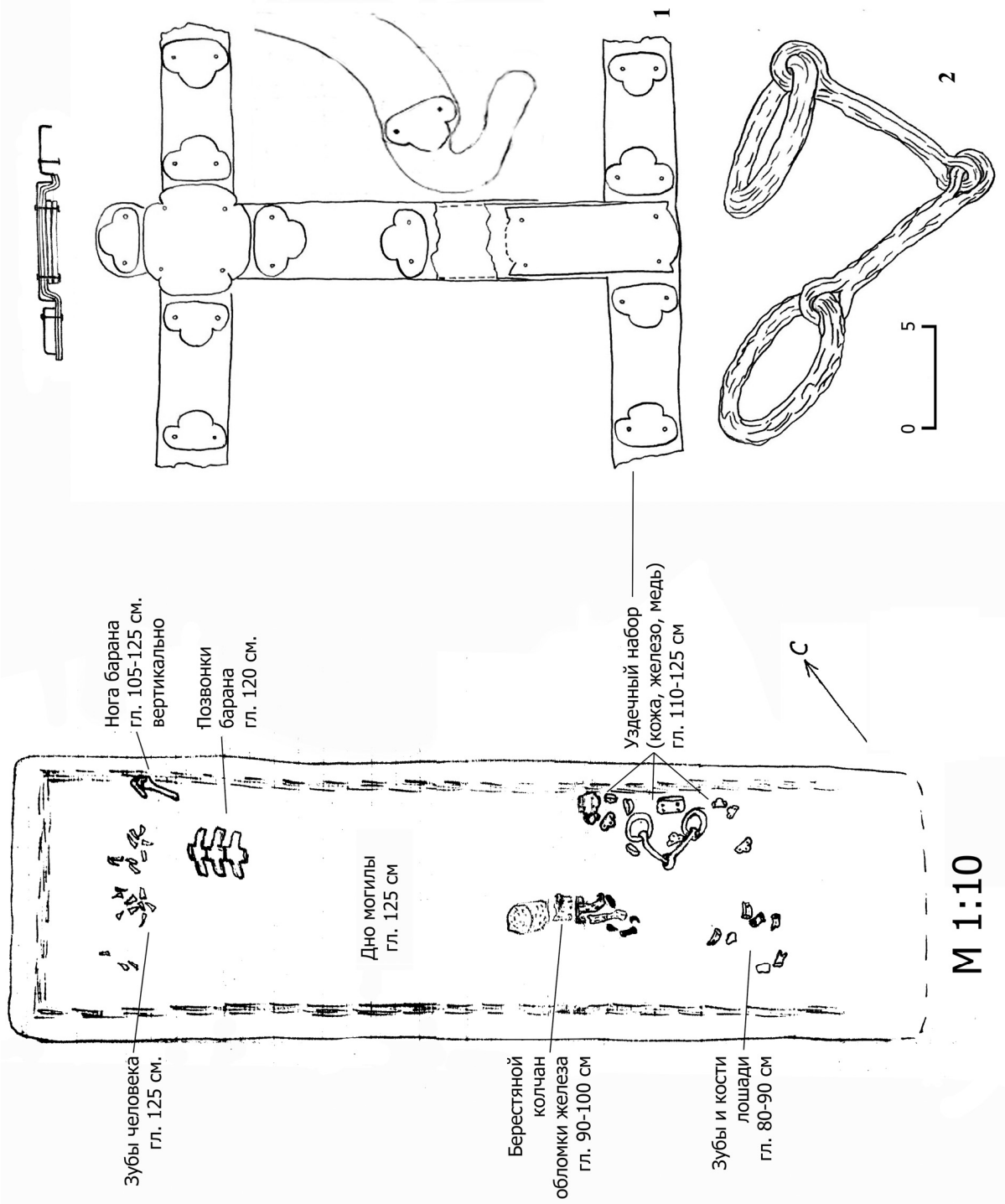


Рис. 6. Могильник Хешөөны Ухаа. Могила 1
Fig. 6. Cemetery Hesheny Uhaa. Grave 1

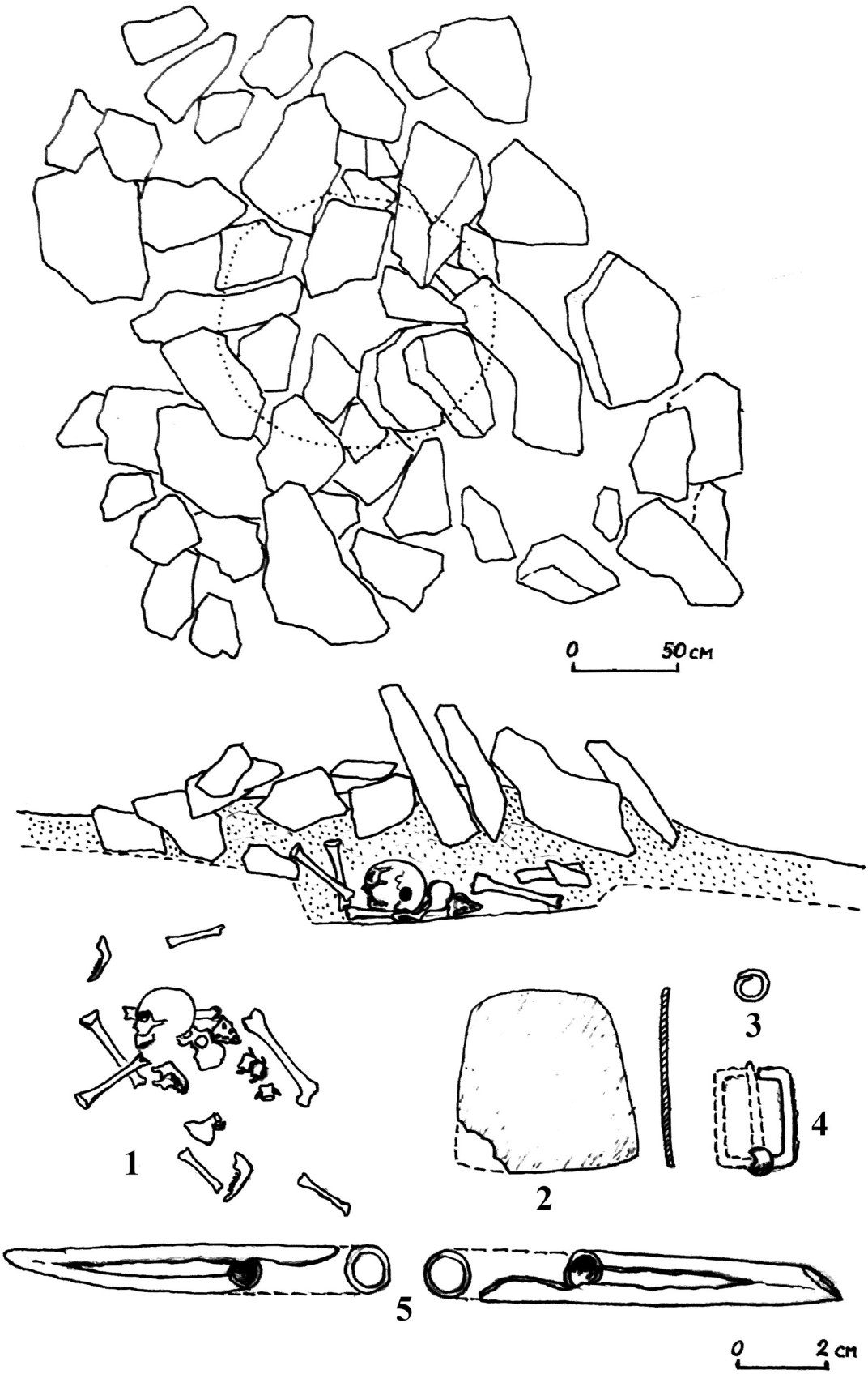


Рис. 7. Могильник Гурван модото. Могила 1
Fig. 7. Cemetery Gurvan modoto. Grave 1

сохранившемуся лоскутку ткани с какими-то нитями и бахромой. Там же найдены: обломок железной пряжки с язычком, прямоугольной формы размерами 2,3 х 1,7 см; деталь серебряной проволочной серьги в виде кольцевой закрутки диаметром 0,7–0,8 см; фрагмент роговой полой трубочки типа игольницы (?).

Могильной ямы не оказалось. Захоронение, видимо, было произведено в произвольно разрытом на глубину 20–25 см грунте, засыпано землей и сверху заложено камнями.

Могилы в местности Богчийн булан Галт сомона Хубсугульского аймака. Местность на левом берегу р. Чулуут в её изгибе на выходе из узкого горного ущелья у южной границы Хубсугульского аймака, противоположный берег в этом месте представляет отвесную каменную стену. Здесь наше внимание привлекли два объекта, похожие на могилы (из разряда одиночных, поскольку других в округе не наблюдалось). Первый объект, раскопанный в метрах около 30–35 от берега, оказался начисто ограбленной могилой, от которой оставались: редкий наброс задернованных камней-валунов на поверхности и лишь на глубине 70 см и ниже прослеживалось подобие пятна, в границах которого найдены мелкие обломки обожженного дерева, на одном из таких фрагментов замечен ржавый железный кусочек, похожий на остаток забитого гвоздя. Объект зафиксирован мной как *Могила 1* (графическая документация отсутствует).

Могила 2. Находится на более высокой террасе (на которой имеются валуны с петроглифами), приблизительно в 20 м от предыдущей. Снаружи смотрелась в виде компактной курганной кладки (из валунов) овальной формы, выступающей на поверхности до 30 см. После расчистки она имела размеры 3 х 2 м, ориентированной строго по направлению С–Ю. Впечатление было как о нетронутом сооружении (см. план, рис. 8).

При разборке кладки встретилась баранья фаланга. Посередине камни шли вглубь, на глубине 50–55 см они превратились в четкое подкурганное заполнение пятна размерами 130 х 70 см. Среди камней встречались черные угольки.

Разбирая камни, углубились еще на 30 см, каменное заполнение закончилось на глубине 80 см над самыми остатками захоронения, когда уже показались кости ступней ног и череп. Лишь на этой глубине четко проступили контуры могильной ямы в форме неправильного овала размерами 180 х 95 см (рис. 8).

Расчистка скелета. Кости отличались заметной хрупкостью, особенно череп, который легко буквально стирался при чистке щеткой и кистью. Длина скелета 166–167 см. Вместе с костями скелета в погребении найдены кости овцы. Ниже правого локтя с внешней стороны обнаружена берцовая кость молодой особи овцы (?) в сочетании с третьими фалангами (рис. 8.*1*) (одна вторая фаланга, также молодой особи, встретилась нам в начале раскопки среди камней кладки). Положение берцовой кости овцы было наклонным, нижним концом к тазовой кости человека.

У верхнего эпифиза правого бедра найден шейный позвонок барана (или овцы) (рис. 8.*2*). У правой ступни ноги лежал бараний череп (рис. 8.*3*). При разборке скелета покойника найдена еще одна берцовая кость барана, которая лежала под левой бедренной костью человека, нижним концом в сторону правого бедра (рис. 8.*4*). Вещей ненайдено. Лишь под левой подмышкой замечен истлевший кусок древесины, да в области пояса справа обрубок тонкой палочки, похожий на рукоятку но-

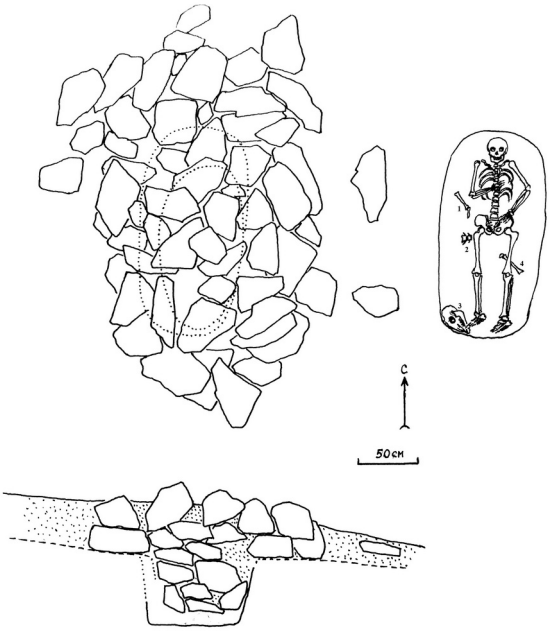


Рис. 8. Могильник Богчийн булан. Могила 2
Fig. 8. Cemetery Bogchiin bulan. Grave 2

жа, но никаких признаков железного насада лезвия ножа в ней не было.

При разборке скелета замечено, что, судя по стершимся зубам, череп принадлежал старому человеку, и если учесть тонкость костей рук и некоторых других костей, захоронение могло принадлежать старой женщине.

Могила в местности Сальхитын тохой Галт сомона Хубсугульского аймака. Местность к северу недалеко от предыдущей, на противоположном правом берегу крутого изгиба р. Чулуут. У подножия отвесной скальной стены каменного каньона расположены 6–7 курганных сооружений – больших внизу террасы, малых – выше по склону. Последние представляют собой необычные кладки из призматических столбчатых камней, обломков такой же столбчатой структуры скалы, вздымающейся вверх над этим местом.

Могила 1 – единственная из упомянутой группы, раскопанная нами. Представляла собой невысокую по сравнению с другими, менее четкую по форме, вытянутую по склону кладку овальной формы, длиной около 5 м, шириной 3,5 м, ориентированную близко к направлению С–Ю с отклонением на восток (рис. 9). Впечатление было такое, будто с кургана некогда были сняты более мелкие камни (какие сохранились по краям этой кладки и видны на других курганах), остались продолговатые призматически граненые камни, уложенные поперек длины кургана. Кладка возвышалась над поверхностью склона до 50 см.

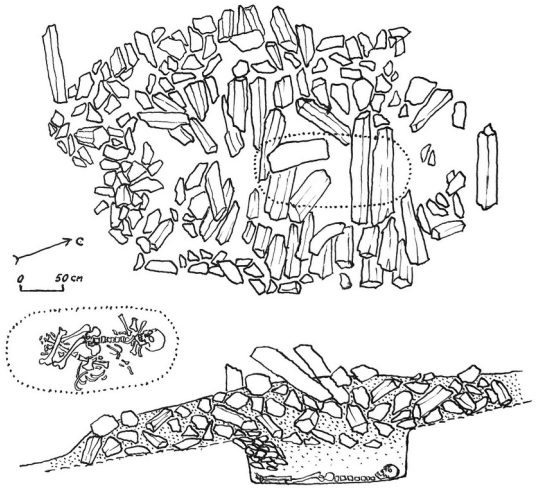


Рис. 9. Могильник Сальхитын тохой. Могила 1
Fig. 9. Cemetery Sal'hityn tokhoi. Grave 1

Сняли кладку на всю толщу сразу и зачистили раскоп. Никакого могильного пятна не было видно, но при продолжении раскопки определились контуры ямы, глубина которой не превысила 30–35 см. На дне остатки захоронения предстали разрозненными костями скелета (рис. 9.*2*). Череп лежал примерно на своем месте, челюсти отделены, кости рук, ребра и лопатки были сдвинуты, лежали беспорядочно, кроме позвоночника и таза. Кости ног ниже колен были передвинуты в область бедер, тоже сдвинутых со своих мест. Захороненный был ориентирован строго по продольной оси надмогильной кладки приблизительно около 30° СВ–ЮЗ. Череп монголоидный, на затылочной кости большая пробоина, на темени чуть справа от макушки вторая маленькая пробоина. Никаких находок вещей не обнаружено.

Краткий анализ устройства и обряда захоронений. Сопоставительные материалы. По внешнему виду часть раскопанных могил можно определить как разреженный набросок камней, полузадернованный, слабо выступающий на поверхности (до 15–20 см). К таким относятся могилы в Буурал уул и Хөшөөны ухаа. Другие могилы выглядят на поверхности как курганоподобные относительно плотные наброски камней (высотой до 50 см) – могилы в Гурван модото, Богчийн булане, Сальхитын тохое.

По внутреннему устройству могил видим различия по глубине и форме ям и по внутримогильным сооружениям. Все три захоронения в Буурал ууле – в ямах с подбоем и полуподбоем на глубине 120–145 см, и одно из них еще и с искусственным сооружением – в деревянном гробу; могила в Хөшөөны ухаа – просто в яме глубиной 125 см. Захоронения под курганоподобными набросками – в неглубоких ямах, без искусственных сооружений; из них в Богчийн булане и Сальхитын тохое глубина ям чуть больше полметра, считая от низа курганов, в Гурван модото даже не яма, а просто углубление на склоне местности.

Представленные мной новые материалы из Монголии были получены в то время, когда в продолжение монографического труда Е.А. Хамзиной «Археологические памятники Западного Забайкалья (Поздние кочевники)» (1970) сектором архео-

логии Бурятского института общественных наук под руководством П.Б. Коновалова были возобновлены исследования средневековых памятников. В 1970–1980 гг. раскопана серия могил на территории Бурятии и начаты исследования поселений этого периода (Коновалов, Данилов, 1981; Именохоев, Коновалов, 1985; Данилов, 1985). Л.Г. Ивашиной в ходе исследований неолит-энеолитических памятников произведены раскопки средневековых погребений (1973, 1974, 1975). В те же годы накапливались материалы по погребальным комплексам Восточного Забайкалья и Предбайкалья (Кириллов, 1979; Ковычев, 1981; Ковычев, 1984; Асеев, 1980; Асеев и др. 1984; Кириллов и др. 2000). В этой ситуации достатка сравнительных данных из региона Байкальской Сибири культурно-типологическое определение нашего небольшого материала из Монголии может быть дано даже без пунктуального сопоставительного с ними анализа, потому позволим себе ограничиться самой общей его оценкой.

Типолого-хронологическому определению без всяких сомнений поддаются все три погребения из местности Буурал уул, в Хөшөөны ухаа и с некоторой долей неуверенности к ним можно отнести захоронение в Богчийн булане. Такие захоронения могут быть отнесены к так называемому саянтуйскому типу западно-забайкальских памятников, выделенному Г.П. Сосновским (Сосновский Г.П. Архив ЛОИА. Ф. 42. Д. 236, 237) и впоследствии широко вошедшего в литературу по средневековой археологии Бурятии. Хронология памятников этого типа у разных авторов варьирует в рамках XI–XIV вв. (Коновалов, Данилов, 1981; Именохоев, Коновалов, 1985), другие ограничивают датировку двумя последними (XIII–XIV) веками (Хамзина, 1970; Дашибалов, 1995).

Что касается могил Гурван модото и Сальхитын тохой, то их типологизация пока для меня затруднительна: не только в силу своеобразия этих объектов, но скорее по причине их плохой сохранности, хотя по внешним признакам они могут сойти за варианты как саянтуйского, так и предшествующего хойцегорского типов памятников.

Кстати, кроме наших публикуемых материалов о погребениях, хорошо сопоставимых с забайкальскими, были раскопаны также погребения Советско-Монгольской экспедицией под руководством А.П. Окладникова на востоке Монголии на территории Дорнод аймака (Асеев, 1975. С. 178–187) и в Центральной Монголии вблизи Хара-Хорина на Орхоне (Худяков, 1982. С. 124–125).

К вопросу о раннемонгольской археологической культуре. По мере накопления материалов раскопок в 70–80-х гг. прошлого столетия археологами Забайкалья обсуждалась этно-типолого-хронологическая схема погребальных комплексов второй половины I тысячелетия – первой половины II тысячелетия, начало разработки которой было заложено Г.П. Сосновским и скорректировано позднее Е.А. Хамзиной. Возникла дискуссионная ситуация: если во временной последовательности смены хойцегорского типа захоронений саянтуйским одни авторы усматривали соответственно смену тюркоязычных этносов монголоязычными, то другие реальный исторический процесс видели иначе – подразумевали присутствие монголоязычных этносов и в хойцегорском типе памятников с тюркскими чертами культуры. Представители последней точки зрения сочли возможным говорить о формировании раннемонгольской археологической культуры, прошедшей путь через тюрко-телескую этнокультурную стихию времен каганатов, и впервые выдвинули такую версию в своих статьях (Именохоев, 1989. С. 61–62; Коновалов, 1989. С. 12–13), где оба автора одинаково трактовали имеющиеся различия между хойцегорскими и саянтуйскими типами памятников и рассматривали их как этапы развития культуры ранних монгольских этносов.

Вскоре Н.В. Именохоев выступил со статьей, подтверждающей статус раннемонгольской археологической культуры (Именохоев, 1992. С. 23–48). В ней он еще раз взял на учет и систематизировал основные характеристики погребальных обрядов средневековых захоронений всего Байкальского региона, которые можно, по его мнению, объединить вокруг главного признака – ритуального вложения в могилу берцовой кости овцы/барана (по-монгольски *шаант чөмөг* – П.К.), известного из монгольской этнографии обычая, по которому весь этот комплекс можно назвать раннемонгольской

культурой. Согласно этой сводке могильные ямы в большинстве случаев прямые, разной глубины, иногда с подбоем или имитацией подбоя; положение тел в них прямо на грунте, без внутренних конструкций, на спине с прямыми ногами, иногда ноги согнутые в коленях и упавшие в ту или иную сторону, на правом или левом боку, с вытянутыми ногами и руками или согнутыми ногами и руками, сложенными перед грудью; в ямах с внутримогильными конструкциями – деревянным гробом или колодой, берестяным мешком или коробом, войлочной или овчиной оберткой, а то и просто настилом из досок – в них преобладает положение тел вытянутое на спине и очень редко на боку (обзор литературы о раннемонгольской археологической культуре сделан Б.Ч. Ардановым, 2002).

Авторы же публикаций о памятниках Восточного Забайкалья и Предбайкалья разрабатывали каждый свою типолого-хронологическую схему материалов. В Восточном Забайкалье в тот период было выработано понятие о собственно бурхатуйской культуре в рамках 2-й половины I тыс. н. э. как этнически шивэйской со значительным элементом мохэской культуры; в период X–XIV вв. там представлен разнообразный поселенческо-погребальный комплекс монгольской культуры, в котором немногочисленные погребения, датируемые X–XII вв., атрибутируются как раннемонгольские с наличием в них элементов (влияний) тюркских соседей, а основные характеристики погребений имперского периода XIII–XIV вв. хорошо коррелируются с саянтуйским типом захоронений Западного Забайкалья (Ковычев, 1984. С. 45, 50). Кроме того, в Восточном Забайкалье выделена дарасунская культура 2-й половины I тыс. н. э. со своеобразным погребальным обрядом и вещевым комплексом, имеющим тюркские черты (Ковычев, 1989. С. 23). Аналогии дарасунской культуре Е.В. Ковычев видел в Западном Забайкалье в группе могильников в районе Еравнинских озер, раскопанных Л.Г. Ивашиной и опубликованных как курганы средневековых тюрков в Северо-Восточной Бурятии (Кызласов, Ивашина, 1989. С. 34–52). Вместе с тем Ковычев сопоставлял дарасунские погребения с хойцегорским типом захоронений, признавал между ними культурно-хронологическую близость (даже общность), но этнически соотносил дарасунцев с байырку / байегу, отличая последних от хойцегорцев-уйгуров (Ковычев, 1984. С. 31–32; Кызласов, Ивашина, 1989. С. 24).

В свое время автором настоящей работы производилась корреляция средневековых археологических культур всего Забайкалья и Предбайкалья по состоянию их изученности на конец 80-х годов (Коновалов, 1989. С. 5–20). В частности, по корреляции хойцегорских и дарасунских памятников мной сделана попытка нивелировать различия между ними указанием на то, что в хойцегорских обрядах погребений на территории Бурятии обнаруживаются вариативность трупоположений, вытянутых и скорченных (Там же. С. 16–17). Что касается вообще идеи раннемонгольской культуры, прошедшей, с моей точки зрения, свою эволюцию через все этнополитические образования Центральной Азии, мной в свое время предпринималась попытка подвести под неё теоретико-методологическую базу, сформулировав и раскрыв её в двух тезисах, вынесенных в заголовки разделов докторской диссертации: 1) «суперэтнический культурогенез прото- и ранних тюрко-монголов периода кочевых государственных образований от хунну до уйгуров»; 2) «этноэволюция и этнотрансформация тюрко-монгольских племен: формирование средневековых монголов» (Коновалов, 2000)[1].

В это же время в коллективном труде читинских археологов высказано отрицательное отношение к идее выделить раннемонгольскую культуру в рамках VIII–XIV вв. только на основании находок «ритуальной трубчатой кости барана (овцы) и других костей животных»; там же введена поправка в статус дарасунской культуры в духе отрицания её общности с хойцегорской культурой и признания её самостоятельности, но с подтверждением этнической привязки к байырку / байегу (Кириллов и др., 2000. С. 68–69). Это, впервые печатно выска-

[1] Коновалов П.Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье) : автореф. дис… д-ра истор. наук. Улан-Удэ, 2000.
Konovalov P.B. Ethnic aspects of the history of Central Asia (antiquity and the Middle Ages): Doct. histor. sci. syn. diss. Ulan-Ude, 2000.

занное возражение против метода выделения раннемонгольской культуры, было ожидаемо, хотя вопрос, на мой взгляд, требует продолжения разговора (но об этом в другом месте). Исходя из сложившейся стереотипной схемы последовательности тюркского и монгольского периодов в истории Внутренней Азии большинство исследователей оперирует дефиницией – раннемонгольская культура в общих рамках XI–XIV вв. Из недавних публикаций сошлюсь на статью Н.А. Батраковой и др. (Батракова, 2011. С. 404–410), где в обсуждении материалов могильника Шидинский мыс II в Приольхонье авторами учитывается широкий круг работ по средневековью Предбайкалья и Забайкалья, в которых захоронения, признанные монгольскими, датируются указанными рамками.

Один из современных последовательных медиевистов-археологов А.В. Харинский в последние годы, похоже, целенаправленно обратился к теме раннемонгольского погребального комплекса. На основе обзора работ предшествующих исследователей в Байкальском регионе и новых личных и совместных с коллегами исследований в Восточном Забайкалье, Предбайкалье и Монголии Харинский ведет последовательное изучение погребальной практики средневековых монголов, определяя главные и второстепенные признаки (черты) настоящих монгольских захоронений, различия между относительно ранними и «классическими» памятниками имперского периода, выделяя обряды рядовых и «элитных» захоронений, сопоставляя их территориально-локальные особенности и даже, где возможно, диагностируя этническое тождество отдельных групп памятников на племенном уровне и т. д. (Харинский, 2010; 2012; 2013; 2015). В целом он заключил, что монгольские погребения имперского периода Юго-Восточного Забайкалья можно соотносить с погребениями саянтуйского типа Юго-Западного Забайкалья в его узком варианте датировки (XIII–XIV вв.) и, что общность этих погребальных комплексов по большинству параметров позволяет говорить об их культурной близости. Однако он видит при этом и некоторое различие между ними, которое, на его взгляд, просматривается в определенной специфичности саянтуйских захоронений Бурятии. А внести ясность в этот вопрос может, как он правильно выразился, статистический анализ элементов погребального ритуала последних (Харинский, 2013. С. 131). С этим, безусловно, надо согласиться, ибо не только саянтуйский, но и все средневековые погребальные комплексы на территории Бурятии нуждаются теперь в строгой систематизации и пополнении новыми материалами, а возможно, и в коррекции.

Между тем современные молодые археологи Монголии чаще стали раскапывать средневековые монгольские погребения. Сведения об этом нахожу, например, в статье Д. Хатанбаатара и Р. Тугссайхана, где указаны новейшие публикации по данной теме и дан краткий анализ новых материалов, в которых авторы видят много общего с материалами по Южному Прибайкалью (Хатанбаатар, Тугссайхан, 2011. С. 499). Более того, с темой монгольских захоронений, их погребальной обрядностью, географическим распространением столкнулись археологи Киргизии. К.Т. Акматов и К.Ш. Табалдиев (Акматов, Табалдиев, 2016. С. 10–16) в статье «Об этнокультурной принадлежности погребений с овальной каменной насыпью XIII–XIV вв. на Тянь-Шане» представили результаты сравнительного анализа таких памятников, исследованных ими, как они пишут, с погребениями раннемонгольской культуры в Байкальском регионе и Монголии (со ссылками на наши работы – Данилова, Именохоева, Коновалова, Харинского, Хатанбаатара и др.). Примечательно то, что авторы выразили в заключение своей публикации, цитирую: «Дальнейшие исследования в данном направлении на территории Тянь-Шаня, Монголии и Байкальского региона позволят более детально разработать вопрос выделения погребений средневековых монголов и уточнить высказанные здесь положения» (Акматов, Табалдиев, 2016. С. 14). Поистине, это и наше пожелание: пора начать трехстороннее сотрудничество в этом деле.

Заключение. Для дальнейшей разработки археологии монгольского средневековья необходимо расширение ареала исследований памятников на всем пространстве Внутренней и Внешней (Халха) Монголии и прилегающей территории Сибири. В продолжение ранее и совсем недавно проведенных совместных исследований археологов Иркут-

ска, Читы, Владивостока и Монголии напрашиваются новые международные проекты археологов Монголии, Китая и России, нужны оперативные контакты по корреляции результатов исследований в разных регионах монгольского мира.

Ввиду очевидной близости средневековых погребальных комплексов по основным параметрам и отсюда проблематичности их дифференциации между монголоязычными и тюркоязычными этническими группами Северной Монголии и Байкальского региона, в частности, возрастает значение накопления датированных методами естественных наук артефактов. Поскольку в литературе имеется тенденция без особых сомнений выделять в рамках «монгольского» времени (с рубежа смены тюркских династий монгольскими) еще и погребения имперского периода (XIII–XIV вв.), острую актуальность приобретает тщательная разработка критериев идентификации раннемонгольского погребального комплекса вообще, а в ареалах и в периодах тюрко-монгольских и тунгусско-монгольских контактов, в особенности.

«Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российской Федерации 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

Статья поступила 19.10.2017 г.

Article was received in October, 19, 2017

Библиографический список

Акматов К.Т., Табалдиев К.Ш. Об этнокультурной принадлежности погребений с овальной каменной насыпью XIII–XIV вв. на Тянь-Шане // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая : материалы VII Международной научной конференции. Красноярск, 3–7 октября 2016 г. Красноярск : СФУ, 2016. С. 10–16.

Арданов Б.Ч. История изучения памятников раннемонгольской археологической культуры Западного Забайкалья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ – Чита: Изд-во БГУ, 2002. С. 178–185.

Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.

Асеев И.В. О раннемонгольских погребениях // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск : Наука СО, 1975. С. 178–187.

Асеев И.В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). Новосибирск : Наука СО, 1980. 250 с.

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск : Наука СО, 1984. 200 с.

Батракова Н.А., Номоконова Т.Ю., Горюнова О.И. Новые данные по погребальной практике раннемонгольского времени Приольхонья (по материалам могильника Шидинский мыс II // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы Международ-

References

Akmatov K.T., Tabaldiev K.Sh. On the ethnocultural affiliation of burials with an oval stone embankment in the 13th–14th centuries on the Tien-Shan. *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikal'skoi Sibiri i Severnogo Kitaya : materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Krasnoyarsk, 3–7 oktyabrya 2016 g.* [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: proceedings of the VII International Scientific Conference. Krasnoyarsk, October 3-7, 2016]. Krasnoyarsk: SFU Publ., 2016, pp. 10–16. (In Russian).

Ardanov B.Ch. History of the study of sites of the early Mongolian archaeological culture of the Western Transbaikalia. *Tsentral'naya Aziya i Pribaikal'e v drevnosti* [Central Asia and the Baikal region in antiquity]. Ulan-Ude – Chita: Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2002, pp. 178–185. (In Russian).

Arkheologiya SSSR. Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow: Nauka Publ., 1981.

Aseev I.V. On Early Mongolian Burials. *Sibir', Tsentral'naya i Vostochnaya Aziya v srednie veka* [Siberia, Central and Eastern Asia in the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1975, pp. 178–187. (In Russian).

Aseev I.V. *Pribaikal'e v srednie veka (po arkheologicheskim dannym)* [The Baikal region in the Middle Ages (according to archaeological data)]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1980. 250 p.

Aseev I.V., Kirillov I.I., Kovychev E.V. *Kochevniki Zabaikal'ya v epokhu srednevekov'ya* [Nomads of Transbaikalia in the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1984. 200 p.

Batrakova N.A., Nomokonova T.Yu., Goryunova O.I. New data on the burial practice of the Early Mongolian time of Priolkhonye (based on the materials of the cemetery Shidinsky Cape II). *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.*

ной научной конференции. (Иркутск, 2–7 мая 2011 г). Вып. 2. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2011. С. 404–410.

Данилов С.В. Жертвоприношения животных в погребальных обрядах монгольских племен Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск : Наука СО, 1985. С. 86–91.

Дашибалов Б.Б. Об этнической принадлежности могил саянтуйского типа Юго-Восточной Сибири // Бурятия: Проблемы региональной истории и исторического образования. Ч. 1. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2001. С. 58–68.

Ивашина Л.Г. Археологические раскопки Бурятского республиканского краеведческого музея в Еравне // Вопросы краеведения Бурятии. Вып. VIII. Улан-Удэ, 1975. С. 131–138.

Именохоев Н.В. К вопросу о культуре ранних монголов (по данным археологии) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск : Наука СО, 1989. С. 55–62.

Именохоев Н.В. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск : ВО Наука, 1992. С. 23–48.

Именохоев Н.В., Коновалов П.Б. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск : Наука СО, 1985. С. 69–86.

Кириллов И.И. Восточное Забайкалье в древности и в средневековье. Иркутск, 1979. 95 с.

Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. 173 с.

Ковычев Е.В. Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск : Наука СО, 1981. С. 73–79.

Ковычев Е.В. История Забайкалья (I сер. – II тыс. н. э.). Иркутск, 1984.

Коновалов П.Б. Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск : Наука СО, 1989. С. 5–20.

Коновалов П.Б., Данилов С.В. Средневековые по-

(Irkutsk, 2–7 maya 2011 g). [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: materials of the International Scientific Conference. (Irkutsk, May 2–7, 2011)]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University Publ., 2011, Iss. 2, pp. 404–410. (In Russian).

Danilov S.V. Sacrifices of animals in funerary rites of the Mongolian tribes of Transbaikalia. *Drevnee Zabaikal'e i ego kul'turnye svyazi* [Ancient Transbaikalia and its cultural ties]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1985, pp. 86–91. (In Russian).

Dashibalov B.B. On the ethnicity of the Sayantui type graves of South-Eastern Siberia. *Buryatiya: Problemy regional'noi istorii i istoricheskogo obrazovaniya. Ch. 1* [Buryatia: Problems of Regional History and Historical Education]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2001, part. 1, pp. 58–68. (In Russian).

Ivashina L.G. Archaeological excavations of the Buryat Republican Local History Museum in Yerevan. *Voprosy kraevedeniya Buryatii* [Questions of studying of local history of Buryatia]. Ulan-Ude, 1975, iss. VIII, pp. 131–138. (In Russian).

Imenokhoev N.V. To the question of the culture of the early Mongols (according to archeology). *Etnokul'turnye protsessy v Yugo-Vostochnoi Sibiri v srednie veka* [Ethnocultural processes in South-Eastern Siberia in the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1989, pp. 55–62. (In Russian).

Imenokhoev N.V. Early Mongolian archaeological culture. *Arkheologicheskie pamyatniki epokhi srednevekov'ya v Buryatii i Mongolii* [Archaeological sites of the Middle Ages in Buryatia and Mongolia]. Novosibirsk: VO Nauka Publ., 1992, pp. 23–48. (In Russian).

Imenokhoev N.V., Konovalov P.B. To study the funerary sites of the Mongols in Transbaikalia. *Drevnee Zabaikal'e i ego kul'turnye svyazi* [Ancient Transbaikalia and its cultural ties]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1985, pp. 69–86. (In Russian).

Kirillov I.I. *Vostochnoe Zabaikal'e v drevnosti i v srednevekov'e* [Eastern Transbaikalia in antiquity and in the Middle Ages]. Irkutsk, 1979. 95 p.

Kirillov I.I., Kovychev E.V., Kirillov O.I. *Darasunskii kompleks pamyatnikov. Vostochnoe Zabaikal'e* [Darasunsky complex of archaeological sites. Eastern Transbaikalia]. Novosibirsk: IAESO RAN Publ., 2000. 173 p.

Kovychev E.V. Mongolian burials from the Eastern Transbaikalia. *Novoe v arkheologii Zabaikal'ya* [New in archeology of Transbaikalia]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1981, pp. 73–79. (In Russian).

Kovychev E.V. *Istoriya Zabaikal'ya (I ser. – II tys. n. e.)* [History of Transbaikalia (I – II millenium AD)]. Irkutsk, 1984.

Konovalov P.B. Correlation of medieval archaeological cultures of Baikal and Transbaikalia. *Etnokul'turnye protsessy v Yugo-Vostochnoi Sibiri v srednie veka* [Ethno-cultural processes in South-Eastern Siberia in the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1989, pp. 5–20. (In Russian).

Konovalov P.B., Danilov S.V. Medieval burials in Kiba-

гребения в Кибалино (Западное Забайкалье) // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск : Наука СО, 1981. С. 64–73.

Кызласов Л.Р., Ивашина Л.Г. Курганы средневековых тюрков в Северо-Восточной Бурятии // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск : Наука СО, 1989. С. 34–52.

Лхагвасурэн Х. Монгольские погребения периода Чингис хана (XII–XIV вв.) / отв. ред. А.П. Деревянко, В.В. Волков. Улаанбаатар: Ин-т «Чингис хан», 2015. 156 с.

Хамзина Е.А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). Улан-Удэ, 1970.

Харинский А.В. Погребальная практика монголов в XIII–XIV вв. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы IV Международной научной конференции (Чита, 13–19 сент. 2013 г.). Чита : Забайкальский государственный университет, 2013. Ч. II. С. 125–131.

Харинский А.В. Монгольские погребения XIII–XIV вв. на территории Байкальского региона // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Хух-Хото, 2015. Ч. II. С. 531–538.

Харинский А.В., Луньков А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н., Томор-Очир Идэрхангай, Литвинцев А.Ю. Погребальный ритуал населения Юго-Восточного Забайкалья во II тыс. н. э.: по материалам могильника Окошки // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы Международной научной конференции (Улан-Удэ, 20–24 сентября 2010 г.). Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета, 2010. С. 247–250.

Харинский А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н., Номоконов А.А., Литвинцев А.Ю. Могильник Окошки в Юго-Восточном Забайкалье: структурные особенности // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы III Международной научной конференции (Улан-Батор, 5–9 сент. 2012 г). Улан-Батор, 2012. Т. II. С. 467–473.

Хатанбаатар Д, Тугссайхан Р. Могильный комплекс монгольского времени из Восточной Монголии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы Международной научной конференции. (Иркутск, 2–7 мая 2011 г.). Вып. 2. Иркутск : Изд-во ИРГТУ, 2011. С. 497–500.

lino (Western Transbaikalia). *Novoe v arkheologii Zabaikal'ya* [New in archeology of Transbaikalia]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1981, pp. 64–73. (In Russian).

Kyzlasov L.R., Ivashina L.G. Mounds of medieval Turks in the North-Eastern Buryatia. *Etnokul'turnye protsessy v Yugo-Vostochnoi Sibiri v srednie veka* [Ethno-cultural processes in South-Eastern Siberia in the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka SO Publ., 1989, pp. 34–52. (In Russian).

Lkhagvasuren Kh. *Mongol'skie pogrebeniya perioda Chingis khana (XII–XIV vv.)* [Mongolian burials of the period of Genghis Khan (XII-XIV centuries)]. Ulaanbaatar: In-t “Chingis khan”, 2015. 156 p.

Khamzina E.A. *Arkheologicheskie pamyatniki Zapadnogo Zabaikal'ya (pozdnie kochevniki)* [Archaeological sites of Western Transbaikalia (late nomads)]. Ulan-Ude, 1970.

Kharinskii A.V. Funeral practice of the Mongols in the XIII-XIV centuries. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Chita, 13–19 sent. 2013 g.)* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: materials of the IV International Scientific Conference (Chita, September 13–19, 2013)]. Chita: Transbaikalian State AUniversity, 2013, part. II, pp. 125–131. (In Russian).

Kharinskii A.V. Mongolian burials XIII–XIV centuries in the territory of the Baikal region. *Drevnie kul'tury Severnogo Kitaya, Mongolii i Baikal'skoi Sibiri* [Ancient cultures of Northern China, Mongolia and Baikal Siberia]. Khukh-Khoto, 2015, part. II, pp. 531–538. (In Russian).

Kharinskii A.V., Lun'kov A.V., Kovychev E.V., Kradin N.N., Tomor-Ochir Iderkhangai, Litvintsev A.Yu. The funeral rite of the population of the South-Eastern Transbaikalia in the 2nd millennium AD: on the materials of the funeral site Okoshki. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Ulan-Ude, 20–24 sentyabrya 2010 g.)* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: proceedings of the III International Scientific Conference (Ulan-Ude, September 20–24, 2010)]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2010, pp. 247–250. (In Russian).

Kharinskii A.V., Kovychev E.V., Kradin N.N., Nomokonov A.A., Litvintsev A.Yu. The funeral site Okoshki in the South-Eastern Transbaikalia: structural features. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Ulan-Bator, 5–9 sent. 2012 g.)* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Proceedings of the III International Scientific Conference (Ulaanbaatar, September 5–9, 2012)]. Ulan-Bator, 2012, vol. II, pp. 467–473. (In Russian).

Khatanbaatar D, Tugssaikhan R. Grave complex of the Mongolian time from East Mongolia. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Irkutsk, 2–7 maya 2011 g). Vyp. 2* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Materials of the International Scientific Conference. (Irkutsk, May 2–7, 2011)]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University Publ., 2011, pp. 497–500. In Russian).

Худяков Ю.С. Древнемонгольское погребение из Бага-Арцат // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск, 1982. С. 124–125.

Худяков Ю.С. Типология погребальных памятников кочевников Монголии эпохи раннего и развитого средневековья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ – Чита : Изд-во БГУ, 2002. С. 150–160.

Khudyakov Yu.S. Ancient Mongolian burial from Baga-Artsat. *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri* [Problems of archeology and ethnography of Siberia]. Irkutsk, 1982, pp. 124–125. (In Russian).

Khudyakov Yu.S. Typology of funerary sites of Mongolian nomads of the early and developed Middle Ages. *Tsentral'naya Aziya i Pribaikal'e v drevnosti* [Central Asia and the Baikal region in antiquity]. Ulan-Ude – Chita: Buryat State University Publ., 2002, pp. 150–160. (In Russian).

Сведения об авторе

Коновалов Прокопий Батюрович,
доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Российская Федерация, Республика Бурятия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6,
e-mail: konpb@yandex.ru

Information about the author

Prokopii B. Konovalov,
Doctor of Science (History), professor, senior researcher,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sahyanovoi Str., Ulan-Ude 670047, Republic of Buryatia, Russian Federation,
e-mail: konpb@yandex.ru

Критерии авторства

П.Б. Коновалов выполнил исследовательскую работу на основании полевых археологических работ. Полученные материалы были проанализированы и обобщены в статье, сопровождающейся иллюстрациями. П.Б. Коновалов имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Konovalov P.B. made the research work on the basis of field archaeological works, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and illustrations for publication. Konovalov P.B. owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

П.Б. Коновалов заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

Konovalov P.B. declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 391/393+930
http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-85-97

ОХОТНИЧЬИ РИТУАЛЫ БУРЯТ В ШАМАНСКИХ РУКОПИСЯХ

© С.Б. Миягашева
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Российская Федерация, Республика Бурятия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Аннотация. Статья посвящена изучению традиционной обрядности охотничьего промысла у бурят, которая отражена в синкретической ритуальной практике. В так называемые «шаманские рукописи» вошли наиболее популярные и значимые обряды, к которым, например, относятся охотничьи ритуалы. Несмотря на достаточную изученность промысловых традиций монгольских народов, интерес представляет изучение семантики ритуальных обрядов, выявление архаических элементов, таких как магические, мифологические, и их сопоставление с ритуалами, предписанными буддийской традицией. Для этого в статье проведен анализ и представлена характеристика охотничье-промысловых ритуалов бурят, которые отражены в обрядовых текстах категории сан-чога. К ним относятся молитвы, посвященные божеству охоты Манахану, а также саны очищения ружья и тороков конского седла. Обсуждаются вопросы эволюции образа божества охоты Манахан-хана, выявляются общие черты и параллели с локальными божествами.

Ключевые слова: охотничьи промысловые обряды, ритуально-культовая литература, шаманские рукописи, тексты сан-чога, Манахан, ритуал очищения ружья и тороков седла, онгоны охоты, почитание Хангая, синкретизм.
Формат цитирования: Миягашева С.Б. Охотничьи ритуалы бурят в шаманских рукописях // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 85–97. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-85-97

HUNTING RITUALS OF THE BURYATS IN SHAMANIC MANUSCRIPTS

© S.B. Miyagasheva
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sahyanovoi Str., Ulan-Ude 670047, Republic of Buryatia, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the traditional ritualism of hunting of the Buryats reflected in the syncretic ritual practice. The process of developing an unified Buddhist-shamanic canonized ritual was carried out with the help of written recording of previously existed shamanic traditions. Such texts are called shamanic manuscripts and represent the cult system of Tibetan Buddhism, and show the development and transformation of its concepts in the regional forms. Shamanic manuscripts basically reflect the most popular and significant rites, for example, hunting rituals. Despite sufficient study of hunting traditions of the Mongolian peoples, the study of the semantics of rituals, reveal of archaic elements such as magical, mythological, animistic, and its comparison with rituals prescribed in Buddhism is of interest. For this purpose, the article analyzes and presents the characteristics of hunting rituals of the Buryats reflected in the ritual texts of the san-choga category, i.e. texts of offering and burning incense (bsangs cho ga). These include the prayers devoted to the hunting deity Manakhan, as well as ranks for cleaning guns and straps of horse saddles. The evolution of the image of the hunting deity Manakhan Khan is discussed. Common features and parallels with local deities are revealed. It is shown that hunting rituals recorded in the shamanic manuscripts of the Buryats contain different layers of archaic and syncretic elements.

Keywords: hunting rites, ritual and cult literature, shamanic manuscripts, san-choga texts, Manakhan deity, ritual of cleaning guns and saddle straps, ongons of hunting, cult of Khangai, syncretism
For citation: Miyagasheva S.B. Hunting rituals of the Buryats in shamanic manuscripts. Journal of Ancient Technology Laboratory. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 85–97. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-85-97

Охотничьи промысловые традиции бурят относятся к ранним формам религиозных верований и несут в себе первоначальное мифологическое и сакраментальное значение. Ритуальные действия передавались из поколения в поколение в устной форме и сопровождались определенными жестами, знаками, специальными обрядовыми действиями. В связи с принятием буддизма как официальной религии, появилась новая форма фиксации шаманских ритуалов – были составлены канониче-

ские тексты, прописывающие обрядовую деятельность, которая охватывала практически все стороны быта, хозяйства и духовной культуры. Это молитвы-обращения для проведения обрядов, таких как охотничьи, жертвоприношение огню, тексты, связанные с почитанием гор и обо и многое другое. В историографической литературе они получили условное название «шаманские рукописи», хотя могут включать в себя и архаические дошаманистические мотивы.

Сам факт создания этих рукописей имеет важное значение, так как шаманство никогда не имело письменных документов, и их появление свидетельствует о его приспособлении, о процессе взаимной адаптации. С одной стороны, они специально заказывались представителями ламаистских верхов, которые пошли на узаконение существа шаманской практики и нуждались в ее письменном изложении, с другой стороны, эти рукописи сослужили службу самому шаманизму, зафиксировав в письменной форме его многовековые ритуалы (Жуковская, 1976. С. 137). Подобные тексты являются добуддийскими по происхождению, но их запись была произведена лишь в XVII–XVIII вв., а иногда и в XIX веке (Там же. С. 15).

Ритуальные практики охотничьего промысла в шаманских рукописях монголов были изданы на монгольском языке Б. Ринченом, Ц. Дамдинсуреном, С. Бадамхатаном, а также переведены и прокомментированы на английском и немецком языках Ч. Бауденом, В. Хайсигом, А. Мостером и М. Татар. В аннотированном каталоге Н.Н. Поппе «Описание монгольских «шаманских» рукописей» приведены уникальные образцы текстов, связанные с ритуальными традициями монгольских народов (Поппе, 1932). Несмотря на общеизвестность монгольских текстов, интерес представляют локальные особенности общемонгольской обрядности. Так, в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН в коллекции П.Б. Балданжапова хранятся два текста, которые посвящены охотничьему промыслу бурят. Подобные рукописные канонические тексты были собраны во время одной из научных экспедиций института. Стоит отметить, что в большинстве случаев, канонические тексты схожи друг с другом, так как они вырезались на деревянном клише и отпечатывались в виде ксилографов. Наличие ксилографических клише обеспечивало широкое тиражирование и внедрение в массы (Жуковская, 1976. С. 137). Особенностью же рукописных текстов является вариативность, они несут в себе этническую интерпретацию, что и делает их уникальными.

Автором был выявлен корпус обрядовых текстов, связанных с промысловыми обрядами бурят. На основе перевода и комментариев бурятского текста и его сравнения с монгольским материалом предыдущих исследований были установлены характеристики избирательности для ассимилирования шаманских традиций. Для выявления особенностей промысловых ритуалов и их специфики были поставлены задачи: установить наиболее популярные тексты, выявить особенности мировоззрения и восприятия новых канонизированных культов. Решение данных задач поможет раскрыть ключевые социальные обычаи и определить механизмы их внедрения в традиционное общество.

Основная часть

По представлениям бурят, охотничий промысел является сферой, в которой успех зависит не от антропогенного фактора, а всецело – от желания хозяев природных объектов (Жамбалова, 2000. С. 124). Поэтому охотничьи ритуалы несут в себе концепцию обменного дарения и сопровождаются умилостивительными действиями, призываниями и обильными угощениями. У бурят был выработан целый комплекс обрядов, связанных с охотничьим промыслом, где основное место занимает ритуальная деятельность, которая совершается в преддверии охоты. Обрядовый комплекс образуют: подготовка оружия к охоте, гадание, обращения-молитвы к хозяину тайги и покровителям охоты с просьбой даровать богатую добычу (Эрдэнэболд, 2012. С. 104). Учитывая широкую популярность охотничье-промысловых обрядов, буддийскими ламами были составлены обрядовые тексты. Их можно разделить на три вида: восхваление божества охоты Манахана – *Манахан тэнгрийн сан*, обряды почитания тороков *ганзагын сан*, ритуальное очищение ружья *бууны сан*, а также *ангийн сан* – обряды, посвященные животным тайги и леса.

Буддийские тексты категории сан – это обрядники, именуемые bsangs cho ga, т. е. сан-чога, которые читаются во время обрядов подношения самым разным божествам, духам, покровителям с просьбой снизойти к обращающимся и после принятия подношения оказать покровительство и благосклонность (Ванчикова, 2017. С. 147). Считается, что молитву сан-чога сочинил Падмасамбхава, который, согласно легенде, покорил тибетских богов и демонов, объединил их обетом служения буддийской вере и одновременно оказал им уважение, вознаградив их обрядовым поклонением и жертвоприношением (Герасимова, 1980. С. 56). Практически все многочисленные буддийские молитвенные книги, в которых записаны тексты гимнов, молитв и обращений божествам шаманского пантеона и духам предков, возлияний и жертвоприношений, вначале имеют молитвенные обращения к Будде и бодхисатвам, учителю и проповеднику буддизма Падмасамбхаве (Ринчен, 1975. С. 189). Таким образом, в молитвах сан-чога сосредоточены обращения и правила проведения ритуалов в честь ассимилированных шаманских покровителей.

Гении – покровители охоты

Большинство охотничьих текстов сан-чога посвящены божеству, именуемому Манахан. Манахан; Манухан; Манага; Манахай; Хан Баян Манихан; Цаган Манхан-тенгри считается богом лесов и звериной ловли у монгольских народов. К нему обращаются охотники с просьбами об удачной охоте (Банзаров, 1997. С. 41).

В фондах ЦВРК хранится рукопись, именуемая «Сан Манухан тэнгри, ведающему всеми животными» [Ang-yin jüil-I uriku qamuγ-un aqa Manuqan tengri-un sang, № БМ 408]. К сожалению, невозможно определить ни автора, ни указания на время или место написания. Текст представляет собой локальный вариант обрядников, посвященных ритуальным действиям в преддверии охоты. Он размещен на четырех листах, написанных черной тушью. Рукопись начинается с универсальной буддийской молитвы:

Ом ма хум важра амирта кундали ха а хум.

Хум пад ум сум башита (БМ 408).

Известно, что в начальный период буряты пользовались образцами ксилографов своих южных соседей – Китая и Южной Монголии (Сыртыпова, Гармаева, Базаров, 2006. С. 51). Одним из известных лам, которые занимались составлением канонических текстов, являлся Чахар-гебши лама Лубсанцультим (1740–1810 гг.). В тексте южных монголов встречаем:

Ом важра амирта кундали ха ха хум.

Ом субхава суддха хам.

Была пустота. Из пустоты посредством молитв появились небо и земля.

Ом а хум, произнеси три раза.

Ом сарва бад

Бур бур сур сур авардья авардья

Хуу базар барана хам (Tatar, 1976. С. 353).

Если в классических текстах Чахар-гебши вводная часть посвящена перечислению Будд и бодхисаттв, восхваляются идамы, такие как Ямантака и Ваджрапани, Манджушри, являющегося в образе предводителя 9 хранителей *сульдэ тэнгри* (Там же.), в бурятских текстах длинные эпитеты с описанием их облика, совершенных подвигов и благодеяний опущены. Многозначительные вводные перипетии пропускались, и текст стремился выразить в основном особенности действия, самого процесса подношения и воскурений. Этот момент позволяет предположить, что в бытовой обрядности длинные канонические введения и обращения из текстов исчезали, уступая непосредственно место практическим действиям.

Бог охоты Манахан представлен в обрядниках в виде могучего человека огромного роста, с туловищем из плавленого серебра или золота. Также встречается эпитет «*хас эрдэни биетэй Манахан*», т. е. «с туловищем из драгоценного нефрита» (Дамдинсурен, 1959. С. 122). В целом, в семантической характеристике его образа прослеживается символика драгоценного и священного объекта, подчеркивая тем самым описание «богатого», «щедрого», «благодетеля», «святого», «высокочтимого» владыки, дарующего благодать и удачу:

Хан Манахан, который владеет десятками тысяч животных.

Хан Манахан, сотворенный с туловищем из золота и серебра.

Хан Манахан, чья сила в животных (Heissig, 1980. С. 56).

Очевидно, образ этого божества берет истоки от образа богатого владыки животного и растительного мира, дарующего добычу и охотничью удачу, и находит близкие аналогии с мифологическим хозяином тайги, покровителем охоты бурят, которого называли Хангай или Баян Хангай, что означает дословно «богатые просторы». По легенде, в его владениях находится весь животный и растительный мир, а все дикие животные считаются его скотом. Нужно соблюдать условия почтительного поведения в тайге, уважительно к нему относиться, задабривать, угощать его, и он в ответ дарует богатую добычу.

В связи с этим интересно отметить, что в самом образе Баян Хангая можно выделить разные напластования верований, среди которых наиболее архаичными являются его ассоциации со всеобъемлющей тайгой, диким девственным лесом. Поэтому его иногда называли синонимами *Баян дайда – Алтан дэлхэй*, что означает «богатая земля, обширность» (Галданова, 1981. С. 50). Он представляется как хранитель тайги, дух гор, воды скал, рек, ущелий и долин также как у алтайцев и ойрат-монголов хозяином тайги выступает Алтай – «изобилующий зверями богатый Алтай, дающий пищу богатый Алтай» (Потапов, 1929. С. 132). Образ как хозяина всей тайги имел более раннее происхождение, и возник в результате мифологического представления о силах природы. В ходе дальнейшего развития анимистических представлений, Хангай обрел антропоморфный облик: он изображается очень богатым, добрым, помогающим в охоте человеком (Жамбалова, 2000. С. 124). По бурятской легенде хозяин тайги изображался примерным семьянином, имеющим трех дочерей, которые были выданы замуж за больших богов (Дамбинов, Оп. 2. Д. 97. Л. 29). Буряты верили, что Хангай любит слушать волшебные сказки и улигеры, поэтому охотники старались брать с собой сказителя.

Схожие представления о хозяине – повелителе тайги можно встретить у южных тюрков: по представлениям хакасов и тувинцев дикие звери принадлежали горным хозяевам *таг ээзи*. Они считались их скотом. Горные хозяева любили слушать рассказы сказочников об удачной охоте, горловое пение и звучание музыкальных инструментов, и за удачное их исполнение даровали «скот» из своих стад в виде оленей, лосей и других промысловых животных (Бутанаев, Монгуш, 2005. С. 10–11). У якутов покровителем охотников считается Баай Барыллах Баай Байаная (досл. всем богатого богача Байаная). Он представлялся как веселый шумливый старик, обросший седыми волосами, похожий на якута или на тунгуса, в шапке с ушками филина. Байанай считался хозяином всех зверей и птиц, и охотничья удача, по верованиям якутов, зависела от его благосклонности (Алексеев, 2008. С. 59). Подобные верования, связанные с образом великого владыки, ведающего животным и растительным миром, дарующим благодать и удачу на охоте, являются характерными для тюрко-монгольских воззрений и связаны с архаичными элементами. Это прослеживается в обрядах почитания окружающего мира, в мифологизации явлений природы, животных, что явилось источником возникновения идеи духов – хозяев тайги в целом.

Еще одной функционально-семантической характеристикой Манахана является способность даровать удачливость и придавать сил охотникам. В преданиях бурят подобными возможностями обладали покровители охоты как промысла, называемые *эжинами* (досл. хозяева). *Эжины* охоты считались душами умерших охотников, которые прославились своими славными делами, и им часто посвящали онгоны. Нередко они выбирались из числа эвенков, вероятно, потому, что таежные эвенки славились в качестве выдающихся охотников. В силу разнообразия локальных условий проживания бурят покровители охоты были разными, однако все они требовали к себе почитания, умилостивления и подношения даров. Наиболее популярным из них был Анда бара – буквально «побратим Бара». Он считается у бурят легендарным шаманом и охотником, покровителем охоты. Обычно его призывают, когда бьют промысловых животных. Согласно поверью, если не вспомнить о нем, он сделает так, что охотник заблудится в лесу или с ним случится иное несчастье. Поэтому Анда-бару посвящают онгон (Михайлов, 1987. С. 16). У качуг-

ских бурят специальным покровителем охоты считался Орголи Сагаан ноен. Для его призывания говорили: «Глаза сделайте зоркими, пути быстрыми. Сохатых пригвоздите к кустарнику, сохатых привяжите к дереву. Соболя посадите на дерево, лисицу привяжите на осину, выдру привяжите за кусты, направляйте зверей на мушку, чтобы стрела не снизилась, попала в живот, попала в селезенку. Пошлите удачу!» (Балдаев, Оп. 1. Д. 500. Л. 5–6). Представления о подобных покровителях охоты как промысла, носили индивидуальный характер, вероятно, *эжины* охоты считались своеобразными ангелами-хранителями для охотников, они оказывали им сопутствие в охоте, придавали сноровку, притягивали фортуну. Следует подчеркнуть, что *эжины,* в отличие от хозяина тайги Хангая, не являлись владетелями диких зверей.

Как отмечает В. Хайсиг, Манахан тэнгри изначально являлся локальным духом охоты, таким как онгон Баянмани у ордосцев, или онгон Анда-бара у бурят, которым проводили обряд *далалга* (Heissig, 1980. С. 57). На наш взгляд, канонизированное божество Манахан проявляет полисемантический образ, который воплотил в себе основные функции повелителя тайги, владыки животных и зверей, а также характеристики *эжинов* охоты, которые даруют охотничий фарт и успех. Поэтому резонно предположить, что вобрав в себя все основные функции, присущие архаичным шаманским божествам, Манахан получил титул повелителя хана и небожителя *тэнгри*, тем самым представляясь в буддийских обрядниках в образе бога и творца.

Дуальность образа Манахана

Известно, что теоним является источником сакральной информации о божестве, его семантической и функциональной характеристики (Дугаров, 2011. С. 60). Наименование божества Манхан-тенгри отождествляется с белым цветом и называется эпитетом «*Цаган*», что указывает на его связь с горой и горным духом. Название священной горы Манхан Цаган упоминается в зачине некоторых версий калмыцкого эпоса о Джангаре (духу этой горы поклонялись герои перед выступлением в поход) (Мифы и религии мира, 2004). На наш взгляд, семантика теонима Манахан происходит от глагола «*манах*», что означает «стеречь, охранять, пасти скот» (Монгол-орос толь, 1957. С. 235). Подобное предположение основывается на функциональной особенности образа данного божества, который предстает повелителем и хранителем тайги, от благосклонности которого зависит промысловая удача.

Интерес представляет момент, когда согласно некоторым буддийским обрядникам, Манахан называют *Манахан эхэ* – мать Манахан, т. е. божество охоты олицетворяется в женском образе. В тексте, обращенном к Манахан, говорится: «Царственный тэнгри – хозяин всего сущего – согласился выделить (добычу), мать Хатун – хозяйка Земли-Воды – согласилась выделить (добычу), мать Манахан – хозяйка диких животных – согласилась выделить (добычу) – желания твои (охотника, от имени которого проводится моление)» (Галданова, 1981. С. 52). Божество тайги предстает в образе женщины-матери — «мать Манахан – хозяйка диких животных» (Николаева, 2010. С. 249).

По древним бурятским верованиям образ божеств в женской ипостаси позиционировался с плодовитостью и размножением. Обряды женского культа отражались в культе почитания Земли, выступающей в качестве порождающего начала. Близкими по содержанию к этому культу являлись представления о духах леса, тайги и воды. У многих народов древний образ духа – хозяина тайги представлялся изначально в виде молодой красивой женщины. Например, у якутов дух – хозяин тайги представлялся женщиной, в распоряжении которой были все звери. Представления якутов совпадают с алтайскими верованиями о дочери хозяина тайги в облике рыжеволосой женщины (Потапов, 1929. С.129). У бурят существовало поверье, согласно которому, если охотники во сне будут пить вино, ухаживать за красивой женщиной – будет удача на охоте (Баторов, 1925. С. 10). Существовали поверья, что половая сила охотника необходима ему, чтобы иметь сношение с хозяином тайги в образе женщины, что очень способствует удаче на промысле (Потапов, 1929. С. 139).

В мифологии бурят существуют женские» божества тайги, именуемые «*муу шубун*» (плохие птицы) (Галданова, 1987. С. 39), которые обитают в тайге или в лесу, обладают даром оборотничества

и повышенной сексуальностью. По легенде, *муу шубуун* принимают вид прекрасной женщины и обольщают одиноких путников или охотников, заночевавших в лесу (Хангалов, 2004б. С. 5–26). Считалось, что в случае своего поражения, они могут приносить обогащение, что сближает их с духами тайги, непременным признаком которых является наделение богатством (Галданова, 1981. С. 52). Представление о том, что духи тайги изображались в женском образе, сохранилось в обряде призывания Барылаах, который проводился в случае длительной неудачи в охоте у якутов. Для его проведения шаман облачался в женскую одежду и надевал женскую шапочку (Алексеев, 2008. С. 63). В обряде принимали участие трое юношей, которые тоже должны были надеть женские шапки. Шаман вселял в себя дух хозяина тайги и от его имени обещал богатую добычу (Алексеев, 2008. С. 64). Обобщение этих сведений показывает, что в охотничьем культе бурят прослеживаются пережитки архаического представления о женских божествах, а также, что охота и плодородие представляют собой взаимосвязанные элементы симпатической магии. Подобного рода представления являются характерной чертой мировоззрения древних охотников.

Связь охоты и плодородия также можно проследить на основе охотничьих онгонов бурят, которые наделялись не только охотничьей удачей, но и применялись для вымаливания потомства, счастья и богатства (Галданова, 1981. С. 53). Например, Холонгото убгэн – старец с колонком – считался покровителем охоты и чадородия одновременно. Его онгон посвящался Эргил буга ноену Тунхэй Мандахаеву – шаману, имевшему множество подопечных детей (Дампилова, 2005. С. 115, 166). Онгон хозяина хорька буряты ставили над постелью женатых людей (Зеленин, 1936. С. 281). У хоринских бурят имелся охотничий онгон Хошоонди, который также даровал плодородие (Галданова, 1981. С. 54). Уходя на охоту, онгонам говорили: «Когда выхожу на охоту – выдели мне гурана, когда вхожу в постель – благослови меня сыном» (Галданова, 1981. С. 54). Был популярен онгон шандагата из шкурки зайца, который когда-то в старину посвящался женскому духу (Очирова, 1981. С. 79). Эти примеры свидетельствуют о глубокой архаике сюжетов, связанных с охотничьим промыслом и плодородием, и раскрывают интерпретацию образа божества охоты. Вероятно, культ божества охоты, покровителя всех животных Манахана имеет двойную ипостась – женскую и мужскую, что является отражением ранних форм культа семейно-родовых покровителей по матрилинейному и патрилинейному родству и уходит корнями в эпоху материнско-родового строя. Ламаизированные обряды культа Манахан представляли его в образе божества мужского пола, дарующего удачу, фарт и богатую добычу, однако на процесс возникновения его культа значительное влияние было оказано более ранним культом женского божества.

От канонов – к мифам

Как видно из вышесказанного, шаманские рукописи стали основными догматами и широко распространялись среди местного населения. С помощью популярных ритуалов, более близких к народу, нежели философские размышления, и составления к нему текстов-инструкций, обеспечивалось более быстрое, глубокое и результативное внедрение буддизма в массы (Батомункуева, 2012. С. 14). Учитывая, что охотничьи традиции являлись одними из самых значимых в традиционном обществе бурят, культ Манахана тэнгри получил повсеместную популярность. Закономерность бытовых ритуальных традиций демонстрирует изменчивость и вариативность самих обрядовых форм – они получают этническую интерпретацию, вживаются в легенды и мифы народа. Поэтому богатый этнографический материал бурят демонстрирует интеграцию, взаимное проникновение и напластование ритуальных воззрений не только архаических представлений, вошедших в синкретическую систему буддизма, но и от канонов к мифам.

По сведениям С.П. Балдаева, тункинские буряты хозяина тайги стали называть Мануха. В сказаниях и легендах он представлялся удалым охотником, большим пьяницей и любителем сказок и песен. За хорошее их исполнение он дарит охотникам соболей и выдру (Балдаев, Оп. 1. Д. 500). У баргузинских бурят это божество получило интересную легенду о происхождении: его называют Манаахан и считают, что он был замечательным охотником,

охотился на мясного и пушного зверя, добычу добывал в Маньчжурии и Монголии. По легенде, он имел трех жен – бурятку, монголку и эвенку. Буряты возвели его после смерти в ранг покровителя охоты, и каждый охотник перед началом промысла приносил ему жертвоприношение, чтобы охота была удачной (Балдаев, Оп. 1. Д. 401).

В подобном случае можно выявить фактор вариации буддийского обряда в этнической среде. Как отмечают теоретики, варьирование представляет собой необходимое условие существования обрядовой традиции, и только благодаря постоянным отклонениям и приспосабливанию того или иного обрядового установления к конкретным обстоятельствам совершения обряда и, возможно, его функционирования как действующего и живого фактора культуры (Новик, 1984. С. 11). Следует подчеркнуть, что в религиозных представлениях бурят образ Манахана не имеет функциональных противоречий, а наоборот демонстрирует мифологическое объединение образов духов – хозяев тайги в культ единого божества охоты.

Ритуальное подношение и воскурение фимиама

Проведение обряда сан, т. е. воскурения фимиама, согласно буддийской традиции сопровождается применением благовоний, изготовленных из набора нескольких ароматических растений и смол в разных комплектациях, например, разных видов можжевельника, сандала, багульника, чабреца, белой полыни, листьев багульника, листьев дерева бодхи и т. д. Считалось, что воскурение обладает умилостивительной функцией, поэтому используется в качестве очистительного ритуала, а его дым, исходящий от сжигания благовоний, очищает от всяческих загрязнений и скверны (Ванчикова, 2017. С. 147).

Способ окуривания сам по себе является архаичным, его применяли и для почитания шаманских онгонов. Известно, что существовало несколько видов угощений онгонов: наиболее архаичный – кормление, более новый способ кормления – паром, дымом и чадом сжигаемой на огне пищи. Следующим видом было окуривание пряностями, курительными свечами, корой пихты, можжевельником, дымом табака (Зеленин, 1929. С. 35–37).

У бурят окуривание дымом можжевельника *арса*, пихтовой коры *жодоо,* которые считались обладающими охранительными свойствами, проводилось не только для очищения промыслового оружия, но и применялось во многих ритуалах. Для угощения и задабривания духов леса и тайги существовало кормление дымом сжигаемой на огне пищи – *hан табиха и хуншуулгэ*. Обычно оно проводилось охотниками по прибытию в тайгу: в первый же вечер, охотники ставили *hан*, в который клали горячие угли, и проводили обряд *хуншуулгэ*. *Хуншуулгэ* происходит от слова *хоншуу* «запах», т. е. угощение духов тайги запахами пищи, сжигаемой на огне: немного каши бросают в огонь, затем на *hан* выливают масло и чай и проговаривают молитву. Затем угощают духов тайги дымом табака и читают молитвы с просьбой об удачной охоте (Хангалов, 2004а. С. 20).

Непосредственно перед охотой требовалось принести жертвоприношение молочными, мясными продуктами. Также следовало поблагодарить духов тайги после первой удачной охоты и провести жертвоприношение убитым зверем. Для этого, охотники отрезали куски мяса каждого вида и бросали вверх три раза, потом набивали трубку табаком, поднимая ее вверх и произнося заклинание-призывание лесному духу Ойн Эжину: «Пошлите зверей упитанных, медведей толстых, белок голубых, выдр широких, соболей черных!.. Глаза сделайте зоркими, выпущенные нами стрелы острыми! Доброжелателей направляйте к нам, злоумышленников гоните прочь!» (Балдаев, Оп. 1. Д. 500. Л. 3).

Шаманские рукописи следовали традиции угощения и задабривания духов. Ритуал воскурения и почитания Манахан хана включал в себя несколько этапов: обращение и восхваление к Манахану, просьбу даровать богатую добычу, просьбу оградить от невзгод и препятствий, жертвенное угощение.

Во время воскурения фимиама подношения проводятся белой пищей и сопровождаются завязыванием ленточек *залама*:

Держа разнообразные ленточки *залама*
Даруй удачу и благодать.
Обращаюсь к тебе, мой Манухан!

Даруй великую удачу, Мой Манухан!

Держа разноцветные ленточки *залама*

Прошу длиннохвостных зверей, направь мне, даруй удачу! (БМ 408).

К Манахану обращаются с просьбами:

Пошли животное, с головой в огромный котел,

Пошли зверя с рогами, не помещающимися в дверь,

Животное, с туловищем неподъемным! (Tatar, 1976. С. 354).

В широко распространенных монгольских текстах при обращениях к Манахану перечислялось: «Всемогущий Манахан, пошли мне лосей, оленей, хуланов, горных баранов, лис, волков, рысей, дикую свинью, тарбаганов, зайцев, набей мои тороки богатой добычей! (Tatar, 1976. С. 355). Или: «Даруй антилоп-дзеренов, горных барсов, белок, даруй оленей, пошли удачу охотничью! Хурай, хурай, хурай»! (Уртнаст, 2013. С. 136–137). Подобные обращения с просьбой даровать животных и зверей произносили и в честь Хангая: «Богатый Хангай, угощаю маслянистым саламатом. Вкусите. Соизвольте осчастливить. Чтобы выехал с тороками, а приехал с добычей. Даруйте девять лучших из девяти видов зверей, даруйте угольно-черных соболей, прекрасных голубых белок, чтобы и близкие, и дальние удивились. Чтобы луки седла от тяжести прогибались. Будьте покровителем, отстраняя коварных, отгоняя злых людей. Соизвольте сделать так, чтобы восемь тороков моих будут смазаны жиром, а тонкие стрелы мои будут забрызганы кровью!» (Галданова, 1981. С. 48).

Как видно из этих сообщений, обряды обращения и просьбы о даровании охотничьей удачи совершались по общему плану, и их структура состояла из обращения к божествам, описания принесенных в жертву угощений, просьбой доброго отношения к людям, просьбой даровать от своего богатства и заклинанием оберегать и защищать от опасностей и невзгод. Поэтому Манахан хан выступал не только божеством, дарующим охотничью удачу, но и универсальным хранителем и защитником. В завершение обращений у него просили огородить от напастей и уберечь от помыслов врагов, подавлять врагов, просили защищать домашний скот и семью от опасностей разных видов, способствовать счастью, благополучию и богатству.

Каноническая традиция предписывала проводить обряд каждый месяц 27 числа в час собаки (Tatar, 1976. С. 356). Тексты молитв категории санчога могли читать как миряне-верующие, так и монахи (Ванчикова, 2017. С. 147). Что касается умилостивительных обрядов с испрашиванием удачи на охоте у Хангая, то они совершались бурятами непосредственно перед промыслом, находясь еще дома, в пути, во время охоты и после нее. Они проводились рядовыми членами коллектива во главе со специальным лицом – старейшиной рода или особо искусным, красноречивым исполнителем ритуальных формул.

Ганзага сан и Бууны сан – освещение тороков и ружья

Для обеспечения добычи требовалось совершать обряд очищения охотничьих орудий. Поэтому в комплекс предварительных охотничьих ритуалов бурят входил канонизированный ритуал очищения и восхваления тороков *ганзага тахил* или *ганзагын сан* и очищение ружья *бууны сан*.

Тороки – это ремешки у седла для привязывания вьюка. Торока называются священными, потому что они воплощают в себе «охотничье счастье», их уважительно называли *ганзагын онгон.* Тороки *ганзага* олицетворяли богатую добычу, и поэтому считалось, чтобы не потерять охотничий фарт, необходимо было проводить их ежегодное очищение (Эрдэнэболд, 2012. С. 115). У бурят существовала поговорка: «Как не отпраздновать тороки отцовского седла, если убьешь изюбра с десятью ветвистыми рогами» (Хамаганов, 1959. С. 139). Для проведения подобного обряда к четырем торокам привязывают четыре лампады и четыре свечи. В торока кладут мозговую кость с сухожилиями и зажигают курение. Произносится благопожелание, чтобы удалить от тороков все зло и поселить добро (Поппе, 1932. С. 196). Соблюдение ритуалов текстов сан-чога было необходимо для сохранения охотничьей удачи и поэтому требовало определенной цикличности. Обрядники прописывают, что этот ритуал необходимо читать ежемесячно, в разные дни, в зависимости от лунного календаря (Tatar, 1976. С. 363). Согласно другим вариантам,

они исполнялись ежемесячно 27 каждого месяца в час свиньи, когда спускается звезда *гэрэлтэ одон* (Поппе, 1932. С. 196).

В старину у бурят существовал особый ритуал гадания, связанный со священными тороками: во время обряда жертвоприношения хозяину тайги охотники устанавливали жертвенник *ширээ*, на котором раскладывали костяк барана и сжигали его. К нижним углам жертвенника подвешивали четыре куска мяса, символизировавшие четыре торока. Затем смотрели, в каком направлении будет падать голова барана. Если при падении морда ее была направлена к хозяину – владельцу барана, все бросались к четырем кускам мяса – торокам. Их съедали, забирая друг у друга, полагая, что Хангай послал охотничье счастье – *хангай ганзага заяаба.* В случае падения головы барана в ином направлении, это считалось дурным предзнаменованием, что Хангай не даст ничего, и добыча не попадет в тороки. Выражение *хангай ганзага заяаба* Галданова переводит как «Хангай соизволили дать охотничью удачу, фарт» (Галданова, 1981. С. 49, 54). Мотив отбирания друг у друга добычи имел смысл привлечения богатой добычи: например, у якутов во время очищения рыболовного невода участники обряда угощались яствами, делая вид, что отнимают друг у друга пищу, так как такое поведение якобы нравилось духу – хозяину воды (Алексеев, 2008. С. 70). Считалось, что таким образом люди будут бросаться на богатый улов.

Еще одним из значимых предметов, которые следовало очищать и проводить ритуальные обряды, являлось ружье охотника. Испокон веков у бурят выработалось особое трепетное и уважительное отношение к ружью. Каждый охотник очень бережно относился к своему оружию, охотничьему снаряжению, им отводилось специальное место для хранения на правой (мужской) стороне юрты, у изголовья кровати хозяина. Чтобы уберечь оружие от сглаза, не желательно было показывать его гостям. В отношении охотничьих орудий требовалось соблюдать ритуальную чистоту, считалось, что женщины способны осквернить оружие, поэтому им строго запрещалось прикасаться и переступать через него (Очиров, Батуева, 2012. С. 45).

Буряты верили, что огонь изгоняет злых духов, поэтому перед охотой оружие подвергалось очищению огнем. Огонь, согласно религиозным воззрениям бурят, обладал сверхъестественным свойством отгонять злых духов. Аналогичные представления о магическом использовании огня имелись у якутов и алтайцев. Общность представлений о магических свойствах огня свидетельствует о том, что предки этих народов имели в прошлом тесные контакты. Очищение ружья также проводилось окуриванием дымом благовоний. У бурят в старину было принято окуривать пихтовой корой ружье, натруску, котомку, а потом себя самого (Балдаев, Оп. 1. Д. 500. Л. 6–7, 23). Ружье заговаривали магическим образом, чтобы оно метко стреляло. Интересный обычай встречался у хакасов: охотники носили голову птицы сорокопут *хуралдай* вместе с охотничьим набором – натруской и пороховницей, или привязывали к ружью. Перед тем как выйти на промысел, клюв *хуралдая* три раза вставляли в ствол ружья и произносили заклинание о том, чтобы ружье метко стреляло и не промахивалось. Хакасы верили, что эта птица никогда не промахивается при нападении на жертву (Бутанаев, Монгуш, 2005. С. 101).

В буддийских текстах категории сан-чога говорится, что ружье появилось благодаря волшебной силе идама Ямантаки, который является победителем всех врагов. Для проведения очищения ружья необходимо почитать следующие божества: всесильного Ваджрапани, Манжушри, 9 сульдэ тэнгри, божества десяти сторон и восемь лусад (БМ 408).

В рукописном тексте из фондов ЦВРК прописан обряд почитания ружья посредством воскурения фимиама и угощения белой пищей. Интерес представляет описание хозяина земли, к которому относятся все обращения во время очищения ружья. Он представлен в образе белобородого и беловолосого старца, что находит близкие аналогии с культом покровителя животных и земли Белого Старца Цаган Убгэна:

Ведающий все, мудрый! Обращаюсь к тебе, хозяин земли,

Молюсь, чтобы исполнил задуманное мной.

Исполни мои белые помыслы, исполни все, подобно отцу!

Отведи от грехов и напастей, продли мои годы,

Умножь животных и скот, исполни мои пожелания!

Упаси от нападения ядовитой змеи, отведи от врагов, разбойников,

Отведи от плохих вестей и сплетен, отведи от лжи и лживых,

Исполни мои прошения! Белый хозяин земли!

Посредством твоего почитания вознесется белая благодать

Непременно и беспрепятственно!

Ом мани пад ме хум, да будет благо!

Ом мани пад ме хум, да прибудет счастье!

Манрам (БМ 561).

Таким образом, в текстах, посвященных ритуальному освящению охотничьего снаряжения, отражается процесс сложения синкретического культа шаманизма и буддизма, что обогащает его и делает полисемантичным.

Выводы

В шаманских рукописях отражен весь комплекс родовых знаний, изначально существовавший в устной форме, который смог получить свое письменное оформление в виде прописанных ритуально-обрядовых действий. Религиозно-мифологические представления, включавшие в себя понятия о культе покровителя охоты и воззрения, связанные с почитанием охотничьего снаряжения, сформировались в универсальную буддийскую ритуальную формулу.

В целом, ритуалы сан-чога, посвященные охотничьим обрядам бурят, глубоко вошли в пласт традиционных верований, так как основывались на архаичных представлениях. Так, полисемантический образ божества Манахана воплотил в себе основные функции повелителя тайги, владыки животных и зверей, а также включил в себя характеристики духов тайги, *эжинов* охоты. Культ божества охоты является отражением ранних форм культа семейно-родовых покровителей по матрилинейному и патрилинейному родству. Охотничьи традиции отражали и личностные мотивы, и были связаны своей функцией с плодородием и благополучием рода. По буддийским обрядникам мы узнаем, что люди просили богов умножить численность людей, дать им счастливую жизнь, много вкусной пищи, уберечь от опасностей и невзгод, уберечь от врагов и разбойников.

Интерес представляет то, что в этих синкретических обрядах прослеживается явное преобладание практических целей, что не имеет общего с основными догмами классической буддийской философии с ее доктриной о мучениях земной жизни, ложности идеалов о ценностях чувственных радостей обыденного бытия человека.

Статья поступила 23.10.2017 г.

Article was received in October, 23, 2017

Библиографический список

Алексеев Н.А. Этнография и фольклор народов Сибири : избранные труды. Новосибирск : Наука, 2008. 494 с.

Банзаров Д. Собрание сочинений. Изд. 2-е, доп. Улан-Удэ : Изд-во Байкальского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (БНЦ СО РАН), 1997. 240 с.

Батомункуева С.Р. Бурятские тибетоязычные обрядники культа гор // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ, 2012. Вып. 8. С. 12–15.

Баторов П.П. Белкование у аларских бурят и народные поверья // Бурятиеведение, 1925. № 1. С. 9–12.

Батуева И.Б. История развития хозяйства забай-

References

Alekseev N.A. *Etnografiya i fol'klor narodov Sibiri : izbrannye Trudy* [Ethnography and folklore of the peoples of Siberia: selected works]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2008. 494 p.

Banzarov D. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Ulan-Ude: Baikal'skogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk Publ., 1997. 240 p.

Batomunkueva S.R. Buryat Tibetan language rituals of the cult of mountains. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Buryat State University Bulletin]. Ulan-Ude, 2012, iss. 8, pp. 12–15. (In Russian).

Batorov P.P. Squirrel hunting at the Alar Buryats and folk beliefs. *Buryatievedenie*, 1925, no. 1, pp. 9–12. (In Russian).

Batueva I.B. *Istoriya razvitiya khozyaistva zabai-*

кальских бурят в XIX веке. Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 1999. 251 с.

Бутанаев В.Я., Монгуш Ч.В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан, Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2005. 200 с.

Ванчикова Ц.П. О культе Гэсэра по обрядовым текстам на монгольском языке // Гуманитарный вектор. Чита, 2017. Т. 12. № 2. С. 145–151.

Галданова Г.Р. Эволюция содержания охотничьего культа // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1981а. С. 46–55.

Галданова Г.Р. Почитание животных у бурят // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1981б. С. 56–69.

Герасимова К.М. О некоторых аспектах ассимиляции добуддийских культов по тибетским обрядникам // Буддизм и средневековая культура народов Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1980. С. 54–82.

Дампилова Л.С. Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2005. 248 с.

Дугаров Б.С. Хухэдэй-мэргэн: феномен божества-героя // Вестник НГУ. Сер. История, филология. Новосибирск, 2011. Т. 10. Вып. 4: Востоковедение. С. 60–64.

Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск : Наука, 1991. 174 с.

Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX – нач. XX вв.). Новосибирск : Наука, 2000. 400 с.

Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. Москва : Наука, 1976. 199 с.

Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. М.-Л.: АН СССР, 1936. 436 с.

Мифы и религии мира : учеб. пособие / сост. С.Ю. Неклюдова. М.: РГГУ, 2004. 464 с.

Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм. История,

kal'skikh buryat v XIX veke [History of the development of the economy of the Trans-Baikal Buryats in the XIX century]. Ulan-Ude: Izdatel'sko-poligraficheskii kompleks Vostochno-Sibirskoi akademii kul'tury i iskusstva Publ., 1999. 251 p.

Butanaev V.Ya., Mongush Ch.V. *Arkhaicheskie obychai i obryady sayanskikh tyurkov* [Archaic customs and ceremonies of Sayan Turks]. Abakan, Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova Publ., 2005. 200 p.

Vanchikova Ts.P. On the cult of Geser on ritual texts in Mongolian. *Gumanitarnyi vector* [Humanitarian vector]. Chita, 2017, vol. 12, no 2, pp. 145–151. (In Russian).

Galdanova G.R. Evolution of the content of the hunting cult. *Buddizm i traditsionnye verovaniya narodov Tsentral'noi Azii* [Buddhism and the traditional beliefs of the peoples of Central Asia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1981a, pp. 46–55. (In Russian).

Galdanova G.R. Veneration of animals from the Buryats. *Buddizm i traditsionnye verovaniya narodov Tsentral'noi Azii* [Buddhism and the traditional beliefs of the peoples of Central Asia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1981b, pp. 56–69. (In Russian).

Gerasimova K.M. On some aspects of the assimilation of pre-Buddhist cults by the Tibetan ritualists. *Buddizm i srednevekovaya kul'tura narodov Tsentral'noi Azii* [Buddhism and the medieval culture of the peoples of Central Asia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1980, pp. 54–82. (In Russian).

Dampilova L.S. *Shamanskie pesnopeniya buryat: simvolika i poetika* [Shamanic chants of the Buryats: symbolism and poetics]. Ulan-Ude: Baikal'skogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2005. 248 p.

Dugarov B.S. Huhhedei-mergen: the phenomenon of the hero-deity. *Vestnik NGU. Ser. Istoriya, filologiya* [Vestnik of Novosibirsk State University. Ser. History and Philology]. Novosibirsk, 2011, vol. 10, iss. 4. Vostokovedenie. Pp. 60–64. (In Russian).

Zhambalova S.G. *Traditsionnaya okhota buryat* [Traditional Buryat Hunt]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991. 174 p.

Zhambalova S.G. *Profannyi i sakral'nyi miry ol'khonskikh buryat (XIX – nach. XX vv.)* [The profane and sacral worlds of the Olkhon Buryats (XIX – early XX centuries)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2000. 400 p.

Zhukovskaya N.L. *Lamaizm i rannie formy religii* [Lamaism and the early forms of religion]. Moskva: Nauka Publ., 1976. 199 p.

Zelenin D.K. Kul't ongonov v Sibiri. Perezhitki totemizma v ideologii sibirskikh narodov [Cult of ongons in Siberia. Remnants of totemism in the ideology of the Siberian peoples]. Moscow-Leningrad: AN SSSR Publ., 1936. 436 p.

Neklyudova S.Yu. *Mify i religii mira* [*Myths and Religions of the World*]. Moscow: RGGU Publ., 2004. 464 p.

Mikhailov T.M. *Buryatskii shamanizm. Istoriya,*

структура, социальные функции. Новосибирск : Наука, 1987. 287 с.

Монгол-орос толь. Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. 715 с.

Николаева Д.А. Женское божество в традиционной культуре бурят Предбайкалья // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Сер. Культура, культурология. Санкт-Петербург, 2010. С. 245–254.

Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. Опыт сопоставления структур. Москва : Наука, 1984. 304 с.

Очиров В.О., Батуева И.Б. Охотничья культура бурят // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ, 2012. Вып. 7. С. 43–46.

Очирова Г.Н. Шаманистский культ Гутайн-бабая // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1981. С. 70–83.

Потапов Л.П. Охотничьи поверья и обряды у алтайских турок // Культура и письменность Востока. Баку, 1929. Т. 5. С. 123–149.

Поппе Н.Н. Описание монгольских «шаманских» рукописей института Востоковедения // Записки Института востоковедения академии наук СССР. Л., 1932. Т. 1. 200 с.

Ринчен Б. Культ исторических персонажей в монгольском шаманстве // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Сер. История и культура востока Азии. Т. 3. Новосибирск : Наука, 1975. С. 188–195.

Сыртыпова С.Д., Гармаева Х.Ж., Базаров А.А. Буддийское книгопечатание Бурятии XIX – нач. XX вв. Улаанбаатар, 2006. 222 с.

Эрдэнэболд Л. Традиционные верования ойрат-монголов (кон. XIX – нач. XX). Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2012. 196 с.

Хамаганов М.П. Очерки бурятской афористической поэзии. Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во, 1959. 265 с.

Хангалов М.Н. // Собрание сочинений. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2004а. Т. 2. 312 с.

struktura, sotsial'nye funktsii [Buryat shamanism. History, structure, social functions]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987. 287 p.

Mongol-oros tol' [Mongol-Oros Tol]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei Publ., 1957. 715 p.

Nikolaeva D.A. The female deity in the traditional culture of the Buryat of the Baikal region. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. Ser. Kul'tura, kul'turologiya* [Izvestiya of the Russian State Pedagogical University named for A.I. Herzen. Ser. Culture, Culturology]. St. Petersburg, 2010, pp. 245–254. (In Russian).

Novik E.S. *Obryad i fol'klor v sibirskom shamanizme. Opyt sopostavleniya struktur* [Rite and folklore in Siberian shamanism. The experience of comparing structures]. Moscow: Nauka Publ., 1984. 304 p.

Ochirov V.O., Batueva I.B. Hunting culture of the Buryats. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [The Buryat State University Bulletin]. Ulan-Ude, 2012, iss. 7, pp. 43–46. (In Russian).

Ochirova G.N. Shamanist cult of Gutain Babai. *Buddizm i traditsionnye verovaniya narodov Tsentral'noi Azii* [Buddhism and the traditional beliefs of the peoples of Central Asia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1981, pp. 70–83. (In Russian).

Potapov L.P. *Okhotnich'i pover'ya i obryady u altaiskikh turok. Kul'tura i pis'mennost' Vostoka* [Hunting beliefs and rites of the Altai Turks. Culture and writing of the East]. Baku, 1929, vol. 5, pp. 123–149. (In Russian).

Poppe N.N. Description of the Mongolian “shaman” manuscripts of the Institute of Oriental Studies. *Zapiski Instituta vostokovedeniya akademii nauk SSSR* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR]. Leningrad, 1932. Vol. 1, 200 p.

Rinchen B. The cult of historical characters in Mongolian shamanism. *Sibir', Tsentral'naya i Vostochnaya Aziya v srednie veka. Ser. Istoriya i kul'tura vostoka Azii* [Siberia, Central and Eastern Asia in the Middle Ages. Ser. History and culture of the East of Asia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1975, vol. 3, pp. 188–195. (In Russian).

Syrtypova S.D., Garmaeva Kh.Zh., Bazarov A.A. *Buddiiskoe knigopechatanie Buryatii XIX – nach. XX vv.* [Buddhist printing in Buryatia XIX – beg. XX centuries]. Ulaanbaatar, 2006. 222 p.

Erdenebold L. *Traditsionnye verovaniya oirat-mongolov (kon. XIX – nach. XX)* [Traditional beliefs of Oirat-Mongols (late XIX – early XX)]. Ulan-Ude: Ulan-Ude: Baikal'skogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2012. 196 p.

Khamaganov M.P. *Ocherki buryatskoi aforisticheskoi poezii* [Essays on Buryat aphoristic poetry]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe Publ., 1959. 265 p.

Khangalov M.N. *Cobranie sochinenii* [Collected Works]. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya Publ., 2004a. Vol. 2, 312 p.

Хангалов М.Н. // Собрание сочинений. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2004б. Т. 2. 312 с.

Дамдинсурэн Ц. Монгол уран зохиолын дээж зуун билиг оршибай. Улаанбаатар, 1959. 599 х.

Уртнаст Б. Монгол уламжилалт дом шибшилгээ. Хухэ-хот, 2013. 213 с.

Tatar M. Three manuscripts witness to the Mongolian hunters' worship of the Saddle-Thongs // Acta Ethnographica, 1976, T. 26, № 3–4. Pp. 349–72.

Heissig W. The religions of Mongolia. London, 1980. 146 p.

Источники

Ф. Балдаева С.П. Оп. 1. Д. 401. ЦВРК ИМБТ СО РАН.

Ф. Балдаева С.П. Оп. 1. Д. 500. ЦВРК ИМБТ СО РАН.

Ang-yin jüil-I uriku qamuγ-un aqa Manuqan tengri-un sang, ЦВРК ИМБТ СО РАН. № БМ 408.

Buun-u sang. ЦВРК ИМБТ СО РАН. № БМ 561.

Сведения об авторе

Миягашева Суржана Борисовна,
кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Российская Федерация, Республика Бурятия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6,
e-mail: surjana@yandex.ru

Критерии авторства

С.Б. Миягашева выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Khangalov M.N. *Cobranie sochinenii* [Collected Works]. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya Publ., 2004b. Vol. 2, 312 p.

Дамдинсурэн Ц. Монгол уран зохиолын дээж зуун билиг оршибай. Улаанбаатар, 1959. 599 х.

Уртнаст Б. Монгол уламжилалт дом шибшилгээ. Хухэ-хот, 2013. 213 с.

Tatar M. Three manuscripts witness to the Mongolian hunters' worship of the Saddle-Thongs // Acta Ethnographica, 1976, T. 26, № 3–4. Pp. 349–72.

Heissig W. The religions of Mongolia. London, 1980. 146 p.

Sources

F. Baldaeva S.P. Op. 1. D. 401. CWRK of the IMBT SB RAS.

F. Baldaeva S.P. Op. 1. D. 500. CWRK of the IMBT SB RAS.

Ang-yin jüil-I uriku qamuγ-un aqa Manuqan tengri-un sang, CWRK of the IMBT SB RAS, No. BM 408.

Buun-u sang. CWRK of the IMBT SB RAS, No. BM 561.

Information about the author

Surzhana B. Miyagasheva,
Candidate of Sciences (History), research officer,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sahyanovoi Str., Ulan-Ude 670047, Republic of Buryatia, Russian Federation,
e-mail: surjana@yandex.ru

Attribution criteria

Miyagasheva S.B. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 39+639(571.54)
http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-98-107

ОХОТА КАК ТРАДИЦИОННАЯ ОТРАСЛЬ ХОЗЯЙСТВА ЭВЕНКОВ БУРЯТИИ

© О.В. Бураева
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Российская Федерация, Республика Бурятия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Аннотация. Традиционный вид хозяйствования эвенков – охота – максимально приспособлен к условиям севера Бурятии. Основной продукцией охоты являются пушнина, заготовка мяса копытных и дичи. В статье рассматриваются годичный цикл трудовой деятельности эвенков, который строился в соответствии с развитием животного и растительного мира, совпадающий по продолжительности и по названиям практически у всех территориальных групп эвенков, охотничьи традиции и запреты, которые были выработаны на протяжении веков и являются элементами промысловой этики эвенков, изменения в средствах добычи с XVIII века до наших дней (от луков и петель, самострелов, свистулек и силков до металлических капканов, огнестрельного оружия), проблемы, с которыми сталкиваются в настоящее время охотники-эвенки, современное состояние этой отрасли в целом (создание семейно-родовых общин).

Ключевые слова: Бурятия; северобайкальские, баунтовские, баргузинские эвенки; охота; промыслы; промысловo-охотничий тип хозяйства; охотничьи традиции; циклы хозяйственной деятельности; средства охоты; традиционные способы охоты; семейно-родовые общины.
Формат цитирования: Бураева О.В. Охота как традиционная отрасль хозяйства эвенков Бурятии // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 98–107. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-98-107

HUNTING AS A TRADITIONAL INDUSTRY OF THE EVENKS OF BURYATIA

© O.V. Buraeva
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sahyanovoi Str., Ulan-Ude 670047, Republic of Buryatia, Russian Federation

Abstract. Traditional economy of the Evenks – hunting – is maximally adapted to the conditions of the North of Buryatia. The main products of hunting are furs, meat of wild ungulates and game meat. The article reviews the annual cycle of Evenks employment activities, which were built in accordance with the development of fauna and flora coinciding in duration and in name practically among all territorial groups of Evenks, hunting traditions and prohibitions that were developed over the centuries and are the elements of Evenks' trade ethics, changes in the means of extraction from the XVIII century to the present day (from bows and loops, crossbows, whistles and snags to metal traps, firearms), the problems of Evenks-hunters and the modern state of the industry in general (the creation of family-clan communities).

Keywords: Buryatia; Evenks of Severobaikalsk (Northern Baikal); Evenks of Baunt; Evenks of Barguzin; hunting; crafts; fishing-hunting type of economy; hunting traditions; cycles of economic activities; means of hunting; traditional ways of hunting; family-clan communities
For citation: Buraeva O.V. Hunting as a Traditional Industry of the Evenks of Buryatia. Journal of Ancient Technology Laboratory. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 98–107. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-98-107

Введение

В настоящее время эвенки Бурятии проживают в Северо-Байкальском, Баргузинском, Курумканском, Баунтовском и Муйском районах (после присоединения Предбайкалья и Забайкалья к Российскому государству эвенков, помимо принадлежности к роду, стали называть и по принадлежности к тому или иному острогу, в который они вносили ясак, – баунтовские, баргузинские, кучидские и т. д.). Для эвенков, проживающих на данной территории, издавна характерен промысловo-охотничий тип хозяйства, формированию которого способствовали естественные географические условия, наличие доступных природных ресурсов. Неустойчивость охотничье-промыслового хозяйства, ставившее существование эвенка в прямую за-

висимость от успеха на охоте, приводила к поиску новых источников пропитания. В связи с этим наряду с главной отраслью хозяйства – охотой – получили развитие оленеводство, коневодство, рыболовство, которые играли значительную роль в экономике эвенков.

У основной массы северобайкальских и баунтовских эвенков промыслово-охотничий тип хозяйства сохранялся вплоть до начала XX в. Промыслы находились в прямой зависимости от оленеводства.

По охотничьим угодьям и оленьим пастбищам эвенки кочевали группами (родственными семьями). Как правило, эти участки передавались по наследству. Эвенки дорожили охотничьими участками и старались беречь от чужих. Знание своих угодий позволяло эвенкам вести планомерный промысел. Обычно вся территория опромышлялась в течение года.

До начала охотничьего сезона шла подготовка к предстоящему промыслу. Женщины готовили одежду, обувь, снаряжение для перекочевки. Мужчины готовили орудия лова, охоты, запасали продукты, чинили упряжь для оленей, лыжи, нарты. С наступлением охотничьего сезона семья или несколько семей кочевали на новое место, в центр угодий, разбивали стойбище, обустраивались, и мужчины на оленях уходили по своим маршрутам на охоту. На пушного зверя охотились по два человека, расходясь на день в разные стороны по ручьям или речкам, а вечером собирались в условленном месте. Через неделю возвращались на стойбище, принося добычу (Беликов, 1994. С. 28).

Северобайкальские и баунтовские эвенки охотились больше на оленях, нередко используя и лыжи, баргузинские эвенки – на лошадях, на лыжах и пешком, с нартами на привязи (рис. 1) и понягой за плечами (рис. 2).

Круг осваиваемых эвенками охотничьих территорий был широк. Некоторые семьи или отдельные охотники опромышливали и так называемые «ничейные» территории на севере по рекам Чуя, Чая, Мама, Мамакан, Витим в Иркутской губернии.

Баргузинские эвенки с XVIII в. создавали охотничьи артели, заключали соглашения с купцами, администрацией, богатыми скотоводами, брали у них кредит на приобретение промыслового снаряжения и отправлялись на охоту.

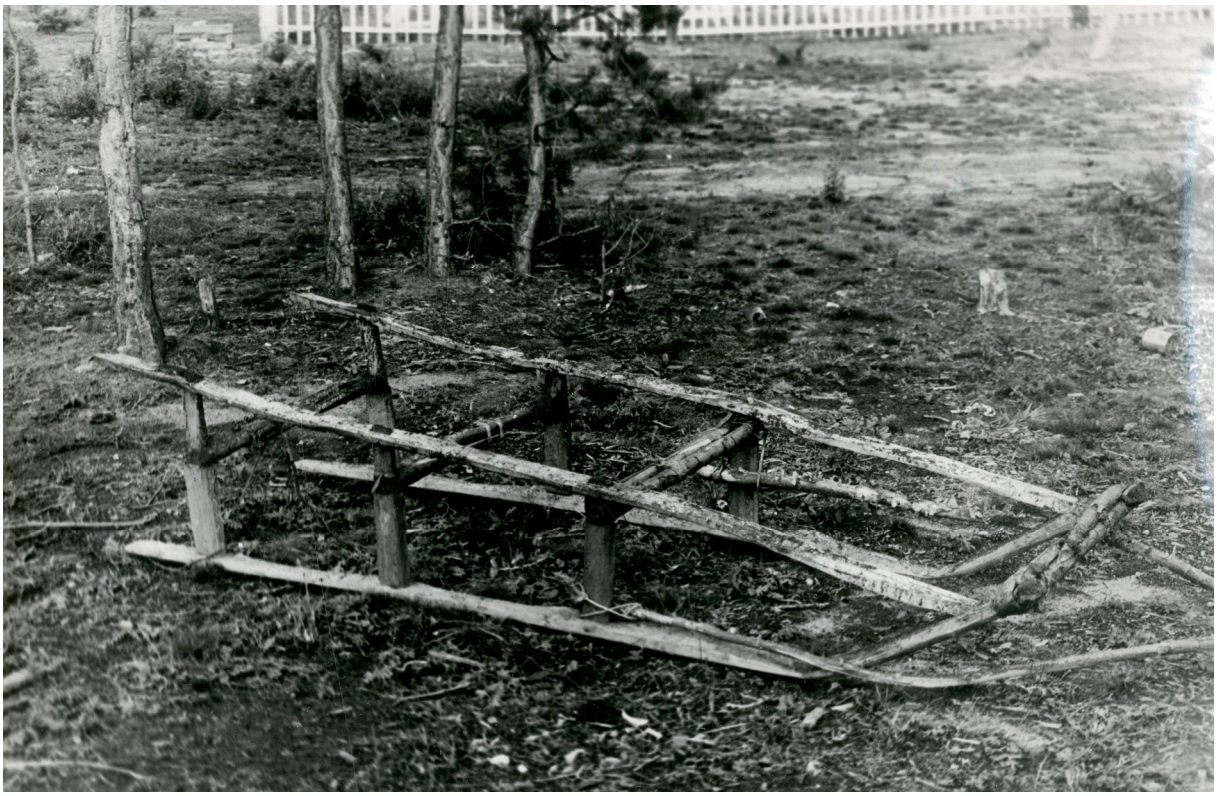


Рис. 1. Оленьи нарты. Пос. Уоян, Северо-Байкальский район, 1962 г. (ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОФ. Д. 1249а. № 103)
Fig. 1. Reindeer Sledges. Settlement Uoyan, North-Baikal region, 1962 (COMX IMBTS SB RAS. OF. D. 1249a. No. 103)

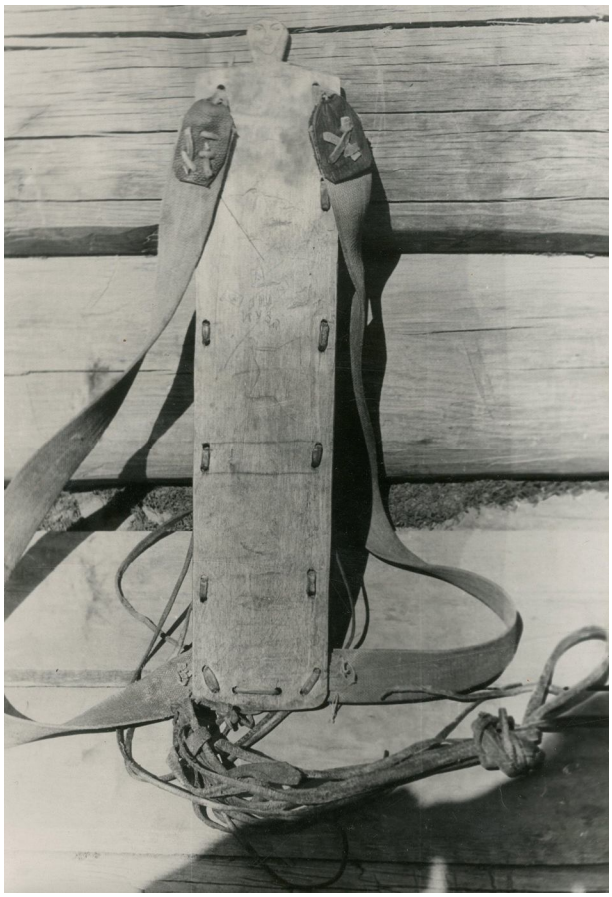


Рис. 2. Поняга. Пос. Холодная, Северо-Байкальский район, 1963 г. (ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОФ. Д. 1249а. № 161)
Fig. 2. Ponyaga. Settlement Holodnaya, North-Baikal region, 1963 (COMX IMBTS SB RAS. OF. D. 1249a. No. 161)

Цикл охоты

Годичный цикл трудовой деятельности эвенки делили в соответствии с развитием животного и растительного мира. «Каждый период имел название и связывался с промыслом зверя. По продолжительности и названиям эти периоды совпадают почти у всех территориальных групп эвенков, что указывает на древность тунгусского летоисчисления» (Беликов, 1994. С. 29) (рис. 3).

Эвенки начинали охоту на копытных животных с наступлением весны в марте (период *туран*), когда уплотненный снег покрывался ледяной коркой – настом. «Крупный зверь (лось, изюбр, северный олень) загонялся собаками в низкие места, где дольше сохранялся глубокий снег, кромки льда ранили животному ноги, он быстрее в таком снегу выбивался из сил и становился добычей охотников» (Там же. С. 29–30).

Весной охотники выходили на медведя. Промысел на них проводился на горных полянах, прогреваемых солнцем. На этот сезон приходился наибольший процент добытых медведей (Шубин, 2001. С. 50).

Семьи охотников в это же время начинали перекочевку в другие места, более удобные для отела оленей и ловли рыбы. Обычно стойбища перевозились с гористых местностей в более низкие места, ближе к речкам. Здесь в середине апреля – начале мая (период *сонкан*) начиналась активная заготовка мяса и рыбы впрок на солнце и костре. Мяса и рыбы заготавливалось побольше для следующего голодного периода – мая (период *дукун*), который длился до основной охоты на изюбрей в начале июня. Охотились на зверя из заранее приготовленных «засидок». Добывали в это время и вышедшего из берлоги медведя. В июне (период *иляга*) основным занятием охотников становилась охота на изюбрей. Главной целью охоты была добыча пантов (молодых неокостеневших рогов), которых эвенки выменивали на товары, продукты и охотничьи припасы (Беликов, 1994. С. 30).

В июле (период *илькун*) и августе (период *иркин*) охота временно затихала, т. к. матки животных растили детенышей, поэтому их старались не тревожить. Изредка добывали на пропитание дикую козу, кабаргу. Охота на кабаргу была увлекательным занятием. В ней ценилась, кроме нежного и вкусного мяса, мускусная железа (*хулты*), которая использовалась как лекарство от внутренних заболеваний (Там же. С. 30).

В августе – сентябре заготавливали ягоды: голубицу, бруснику, черемуху. Там, где рос кедр, эвенки заготавливали орех, но это не было распространенным занятием. В лесостепной зоне в этот период эвенки вели охоту на тарбаганов. Их выкуривали из нор дымом, очумевшего от дыма зверька добывали палками, реже стреляли из ружья. Мясо и жир тарбагана употребляли в пищу. Жир ценился не только калорийностью, но и целебными свойствами. Его заготавливали много, хранили в специальных кожаных мешках, берестяных сосудах и пузырях. Сухое растолченное мясо, смешанное с тарбаганьим жиром (*тэли*), считалось лакомым

Рис. 3. Календарь баунтовских эвенков (из фондов Музея народов Севера Бурятии, с. Багдарин, Баунтовский район, 2004 г.)
Fig. 3. Calendar of Bounty Evenks (from the funds of the Museum of peoples of the North of Buryatia, settl. Bagdarin, Bounty district, 2004)

блюдом. Из шкурок шили шапки (Шубин, 2001. С. 52).

В конце сентября (период *иркин*) эвенки опять переключались на изюбриную охоту, когда у животных начинался период свадеб, гон или рев. Охота велась без собак, с помощью свистка, изготавливаемого из сухого березового дерева или сосны в форме конусообразной трубки длиной 50–60 см (*орёвуна*), имитировали рев самки-изюбрихи. Мясо изюбра в этот период считалось самым доброкачественным, а камусы – лучшими для изготовления обуви. Добытое в первые дни охоты мясо активно употреблялось. Запасы делали позднее, к концу периода. Запасов хватало до начала охотничьего сезона в конце второй половины октября (период *угун*), когда начинался пушной промысел (на соболя, белку, лисицу).

Активная охота проходила в ноябре (период *угуаркир*) и декабре (период *миро*). К концу декабря промысел временно прерывался, так как промысловики ездили на зимнюю ярмарку в Баунт, Багдарин, Баргузин, Читкан, Душкачан и другие места, куда приезжали купцы. Продав пушнину, обменяв ее на нужные товары, пополнив запасы продовольствия, боеприпасы, охотники возвращались на промысел. В феврале (период *гираун*), во время гона соболей, охотники старались ставить

больше ловушек и чаще их проведывать, так как шкурки в этот период начинают терять качество.

Начиная с глубокой осени, эвенки промышляли медведя. Добыча медведя в берлоге была связана с большим риском, требовала исключительной смелости и умения, поэтому добывший больше медведей охотник пользовался уважением среди сородичей. Мясо медведя ценилось менее его сала (*имуксэ*). Внутренний жир употреблялся как средство лечения ран и кожных заболеваний, а желчь (*дё*) – при простудных и сердечно-сосудистых заболеваниях. Особый магический смысл вкладывался в медвежью лапу. Ее помещали как хранительницу домашнего благополучия.

На территории расселения эвенков – обширной сибирской тайги – были распространены лось и соболь. Однако хищническая охота, лесные пожары уже в XVIII в. привели к исчезновению соболя, в XIX в. он был доступен только в вершинах рек.

В экономике эвенков пушнина как товарная продукция стала играть главную роль только с развитием товарных отношений.

Средства охоты

Эвенки на промыслах использовали разнообразные самодельные орудия и снаряжение. По конструкции они были близки орудиям охотничьих народов таежной зоны. «Одним из древних способов охоты была охота петлей (*хурка~урка*)» (Василевич, 1969. С. 65).

В XVII–XVIII вв. охота при помощи давящих ловушек, применяемых русскими охотниками, была нехарактерна для эвенков. Напротив, эвенки часто жаловались на русских за это, разрушали ловушки. В XX в. наиболее распространенным орудием охоты в районах Байкала был самострел *бэркэн* (*ала а,* северобайк., баунт.), устанавливаемый на звериных тропах. Стрелы имели металлические или костяные наконечники *(пача).* Позднее по принципу самострелов настораживали *берданы* и *пистонки* (Бураева, 2005. С. 144)[1].

Зимой основными орудиями при добыче кабарги были ловушки давящего типа (*ланг*). Летом кабаргу подманивали при помощи берестяного манка-свистульки (*пичавун*), иногда ловили силком (*урка*). Пешие шемагиры и конные эвенки стали применять для ловли соболей обмет – специальную сеть длиной 15–20 м, шириной – 1,5–2 м. Правда, этот способ добычи не пользовался у эвенков такой популярностью, как у русских охотников. Петли из конского волоса (*урка*) на зайцев устанавливали на тропах.

В течение XVIII–XIX вв. там, где эвенки жили вблизи русских деревень, лук сменился ружьем, появились ловушки (пасти, кулемы, плашки) (Василевич, 1969. С. 54). С появлением современных орудий охоты (металлических петель и капканов, кремневок, пистонок, бердан, централок) самодельные охотничьи орудия были постепенно вытеснены.

«Незаменимым средством передвижения по снегу были лыжи (рис. 4). Они изготавливались из ели или осины. Баунтовские оленные эвенки иногда подшивали на скользящую часть лыж оленьи или изюбриные камусы. Конные эвенки и русские охотники в Баргузине использовали только конские камусы. Для лыж шилась специальная обувь (*уляди*). Из бересты изготавливались лыжные палки с металлическим крючком на верхнем конце (*ончур*). Пешие и конные эвенки на соболиных промыслах для доставки продуктов на места охоты пользовались нартами облегченного типа с двумя-тремя парами прямых копыльев, изготовленных из березы. Баргузинские эвенки и пешие шемагиры славились умением изготавливать легкие и прочные нарты» (Бураева, 2005. С. 145)[2].

Широко была распространена охота на изюбрей во время гона, на реву, при помощи специальной берестяной трубы (*орёвун*), которой охотник

[1] Бураева О.В. Межкультурное взаимодействие этносов Байкальского региона (XVII – начало XX в.): дис. … д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 445 с.
Buraeva O.V. Intercultural interaction of ethnoses of the Baikal region (XVII – the beginning of XX century): Dis .... Dr. Hist. sciences. Ulan-Ude, 2005. 445 p.

[2] Бураева О.В. Межкультурное взаимодействие этносов Байкальского региона (XVII – начало XX в.): дис. … д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 445 с.
Buraeva O.V. Intercultural interaction of ethnoses of the Baikal region (XVII – the beginning of XX century): Dis .... Dr. Hist. sciences. Ulan-Ude, 2005. 445 p.

Рис. 4. Охотничьи лыжи. Пос. Холодная, Северо-Байкальский район, 1962 г. (ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОФ. Д. 1249а. № 106)
Fig. 4. Hunting skis. Settl. Holodnaya, North-Baikal region, 1962 (COMX IMBTS SB RAS. OF. D. 1249a. No. 106)

подманивал самца на выстрел. Для охоты на копытных эвенки применяли самострелы, устанавливаемые на солонцах и тропах. А в качестве поражающего устройства использовались как ружья, так и луки. Лук был длиной 160 см. Дуга лука (*кибить*) выкалывалась из лиственничной болоньи, при этом верхние слои дерева обязательно сохранялись и шли на внешнюю сторону кибити, что увеличивало ее упругость. Тетиву изготовляли из крученой сыромятины.

Огнестрельное оружие появилось в Сибири с приходом русских (XVII в.). Однако продажа его аборигенному населению строго запрещалась. Но уже в XVIII в. оно использует и ружья, о чем сообщали М. Татаринов, И. Георги (Бураева, 2005. С. 127)[3]. «Около 1760-х годов из России поступили в продажу небольшое количество винтовок, пороха и свинца. Некоторые говорили, что они привыкли к ним, и, начиная с этого времени, этим способом стали добывать охотой лесных и степных зверей» (Юмсунов, 1995. С. 83). Сначала применялись кремневые и пистонные ружья. Затем для стимулирования увеличения добычи пушнины царская администрация начала снабжать эвенков порохом и свинцом. В конце XIX в. среди охотников широкое распространение получило ружье фирмы Винчестер.

Тем не менее огнестрельное оружие не сразу вытеснило из употребления на охоте луки. Это характерно не только для коренных народов (Туголуков, 1969. С. 25), но и для русских в Сибири, у которых лук применялся до середины XIX в. (Бычков, 1992. С. 113). По мнению М.Г. Турова, это объясняется несколькими причинами. Основные – это дешевизна изготовления лука, высокая скорострельность, по сравнению с ранними оружейными системами, меньшее повреждение шкурки, бесшумность (Туров, 1990. С. 62–63).

Охотничьи традиции

У забайкальских эвенков-охотников существовали различные запреты: членам семьи нельзя провожать хозяина на охоту, нельзя выходить на охоту после похорон, нельзя брать добычу из чужой ловушки или капкана (наоборот, надо предпринять все меры для ее защиты от хищников или сообщить хозяину), нельзя добывать мясного зверя больше, чем нужно для пропитания семье, нельзя использовать убитого зверя полностью (часть надо

[3] Бураева О.В. Межкультурное взаимодействие этносов Байкальского региона (XVII – начало XX в.): дис. … д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 445 с.
Buraeva O.V. Intercultural interaction of ethnoses of the Baikal region (XVII – the beginning of XX century): Dis .... Dr. Hist. sciences. Ulan-Ude, 2005. 445 p.

оставить в лесу), нельзя ходить на охоту до новолуния (Беликов, 1994. С. 41–42).

Существовали также и такие правила: перед выходом на охоту необходимо пройти очищение дымом костра и кроплением чаем или водкой задобрить духов; следовало называть зверя иносказательно: не волк, а хвостатый (*ирчичи*, *соличи*), не медведь, а дедушка (*амака*), предполагать, что не сам охотник добыл зверя, а добрые духи помогли ему в этом, а для этого их необходимо задобрить, угощая чаем, мясом, молоком, другими продуктами. При разделке туши зверя полагалось разговаривать с ним ласково. По пути к стойбищу охотник не должен был никому продавать или раздавать пушных зверей, позволять трогать соболя, белку женщине или постороннему, заносить в чум раненого зверя (Там же. С. 42).

«Охотничьи обряды, правила, запреты, выработанные на протяжении веков в условиях суровой таежной жизни, требовавшей максимум выдержки, рассудительности, спокойствия, взаимопомощи, являлись изначально элементами промысловой этики и технологии, удачно сочетающимися с требованиями природы и окружающей среды. Благодаря шаманам эта этика превратилась в свод таежных законов, нормы обычного права эвенков» (Бураева, 2003. С. 131).

Охотничий промысел в советское время

Первые сельскохозяйственные товарищества промыслово-охотничьего направления были созданы к 1930 г. в Муе и Бамбуйке. 24 марта 1930 г. на собрании охотников Баунтовского района было решено организовать на первых порах оленеводческо-промысловые хозяйства из пяти групп от 10 до 20 членов в каждом (Беликов, 1994. С. 84). В дальнейшем малочисленные коллективы были укрупнены и образованы новые на территории основных охотничьих угодий.

Главным занятием эвенков в военные годы оставался пушной промысел. Многие эвенки-охотники ушли на фронт, их участки оставались неосвоенными. В 1941–1943 гг. добыча пушного зверя сократилась. В 1944 г. на приемную базу сдали пушнины на сумму, превышающую показатель 1940 г. почти наполовину. В охотничий промысел в эти годы активно включились подростки, старики и женщины.

После войны продолжался перевод эвенков на оседлость, концентрация эвенкийских хозяйств в определенных населенных пунктах, укрупненных колхозах. Происходила специализация этих хозяйств с ориентиром на скотоводство и земледелие.

Эвенки в Курумкане, не имея оленей и занимаясь животноводством, в зимнее время уходили в тайгу на добычу пушнины – соболя и белки, добывая для пропитания диких зверей – кабана, изюбра, лося. Район занимал третье место по размерам пушных заготовок после Баунтовского и Северобайкальского районов. Охотничий промысел у баргузинских эвенков, выведенный из разряда производственных направлений хозяйства и превратившийся в подсобное занятие, приносил неплохие доходы.

В 1960-е гг. охотничье-промысловая деятельность в эвенкийских колхозах Северобайкальского и Баунтовского районов не имела большого значения. Созданный в 1956 г. коопзверосовхоз «Северобайкальский» на базе бывшего государственного ондатрового хозяйства, и «Баунтовский», образованный в 1957 г. при расформировании организации «Заготживсырье», заключали договоры с колхозами на заготовку различных видов пушнины. Каждому охотнику выделяли промысловый участок, его снабжали боеприпасами, охотничьим снаряжением (рис. 5).

В 1956 г. заготовкой пушнины в КПСЗ «Северобайкальский» занимались 240 человек, в том числе 125 колхозников, 30 штатных охотников и 86 любителей-сезонников (Беликов, 1994. С. 99). До 1977 г. Северобайкальский коопзверопромхоз производил организацию заготовок пушно-мехового сырья на всей территории района. На территории имелось 5 промысловых баз и 150 таежных и ондатровых избушек, пригодных к эксплуатации. После реорганизации 1977 г. территория коопзверопромхоза была разделена на два участка – Холоднинский и Нижнеангарский. Нижнеангарский коопзверопромхоз имел 6 таежных и 13 ондатровых промысловых участков. Холоднинский – 16 таежных и 13 ондатровых (Там же. С. 100–101).

Рис. 5. Охотники. Пос. Холодная, Северо-Байкальский район, 1962 г. (ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОФ. Д. 1249а. № 141)
Fig. 5. Hunters. Settl. Holodnaya, North-Baikal region, 1962 (COMX IMBTS SB RAS. OF. D. 1249a. No. 141)

В советское время пушная охота становится товарной отраслью в экономике промысловых хозяйств, колхозов, совхозов. Существовало 3 категории охотников: штатные, внештатные, любители. Тайга была поделена на охотничьи участки, на которых были построены зимовья, было организовано снабжение оружием, боеприпасами.

Состояние охоты в постсоветский и современный периоды

В 1990-е гг. спрос на пушную продукцию резко упал, а государство отменило монополию на закуп и торговлю пушниной. Шкурки соболей и белок обесценились, а впоследствии цена от их продаж не окупала затрат на их добычу. Тем не менее многие мужчины, не имея постоянной работы, занялись охотой. Кто-то охотился индивидуально, кто-то регистрировался в общинах, которые часто закрывались ввиду банкротства. Охотничий билет выдавался эвенкам бесплатно, а вот разрешение на охотничье ружье необходимо было приобретать самостоятельно. Получение же лицензии на добычу животных у местного охотоведа связано с долгими бюрократическими процедурами. Это и рост цен на покупку лицензии вынуждали эвенков охотиться нелегально.

Охотниками до сего времени практикуются традиционные способы охоты: с помощью манка, на берлоге, с использованием собаки, выкуриванием дымом. Охотятся с мелкокалиберным оружием, капканами на пушного зверя, с карабином – на крупного. Однако покупка винтовки или карабина обременительна для семейного бюджета эвенка, учитывая низкий уровень доходов семьи.

В настоящее время три семейно-родовые общины «Рель», «Токи», «Возрождение» в Северо-Байкальском районе, в муниципальном объединении «Байкальское эвенкийское» занимаются охотой, рыболовством и добычей нерпы. В пос. Нижнеангарск организовано 4 эвенкийских семейно-родовых общины – «Геванми», «Удякан», «Исток», «Бираканду», которые занимаются рыбалкой и

охотой. В муниципальном объединении «Ангоянское» работает семейно-родовая община «Юктэ», члены которой тоже занимаются охотой и рыболовством. Основная часть добытого идет на внутреннее потребление, часть мяса реализуется частным лицам и организациям.

Заключение

Проблемы, которые возникают в сфере хозяйствования, экологии, постоянно становятся темой дискуссий в республике. Так, часть охотничьих угодий эвенков Северо-Байкальского района оказалась в рекреационной зоне, поэтому сейчас там нельзя возводить зимовья и охотиться. Отменены бесплатные лицензии на добычу пушного зверя и копытных. Платными являются услуги охотхозяйств. Вследствие этого нет возможности учить молодежь охотничьему промыслу.

На экономические трудности накладываются экологические проблемы. Многочисленные пожары наносят огромный ущерб тайге и угодьям эвенков. Из-за пожаров запрещаются выходы в лес, вследствие чего нет возможности заготавливать дикоросы. Страдает животный и растительный мир, исчезает корм и сами животные. Немало говорится и о хищническом отношении к природе приезжих, которые нередко разоряют или сжигают охотничьи домики эвенков, варварски относятся к тайге и обитателям тайги, действуя по принципу: после нас хоть потоп.

Образ жизни эвенков во всем согласовывался с языческими представлениями о вселенной и определялся в борьбе за жизнь необходимостью занять ту экологическую нишу в природе, которая позволяла им продолжать свое существование, и которая постоянно совершенствовалась ими. Совершенствование не было активным наступлением на природу, а было актом изучения особенностей и закономерностей развития на эмпирическом уровне, актом мирного взаимодействия и взаимопроникновения. Несмотря на все сложности в настоящее время, охота остается стабильным источником доходов эвенков. Эвенки по-прежнему хотят иметь возможность заниматься деятельностью, связанной с традиционным образом жизни: пользоваться природой, охотиться.

Статья поступила 23.10.2017 г.

Article was received in October, 23, 2017

Библиографический список

Беликов В.В. Эвенки Бурятии: история и современность. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, 1994. 175 с.

Бураева О.В. Быт и экологические традиции забайкальских эвенков в XIX веке // Забайкалье в геополитике России. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. С. 130–131.

Бычков О.В. Особенности промыслового быта русских в Восточной Сибири в XVII веке // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (историко-археологические исследования): Сборник научных трудов. Владивосток, 1992. Т. 1. С. 105–122.

Василевич Г.М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1969. 304 с.

Музей народов Севера Бурятии.

References

Belikov V.V. *Evenki Buryatii: istoriya i sovremennost'* [Evenki of Buryatia: history and modernity]. Ulan-Ude: Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk Publ., 1994. 175 p.

Buraeva O.V. Life and ecological traditions of Transbaikal Evenks in the XIX century. *Zabaikal'e v geopolitike Rossii* [Transbaikalia in geopolitics of Russia]. Ulan-Ude : Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2003, pp. 130–131. (In Russian).

Bychkov O.V. Features of the commercial life of Russians in Eastern Siberia in the XVII century. *Russkie pervoprokhodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv. (istoriko-arkheologicheskie issledovaniya). Sbornik nauchnykh trudov* [Russian pioneers in the Far East in the XVII-XIX centuries. (historical and archaeological research). Collection of scientific works]. Vladivostok, 1992, vol. 1, pp. 105–122. (In Russian).

Vasilevich G.M. *Evenki: istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.)* [Evenki. Historical-ethnographic essays (XVIII – early XX century)]. Leningrad: Nauka Publ., 1969. 304 p.

Muzei narodov Severa Buryatii [Museum of the Peoples of the North of Buryatia].

Туголуков В. А. Следопыты верхом на оленях. М.: Наука, 1969. 216 с.

Туров М.Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX – начале XX века (принципы освоения угодий). Иркутск, 1990. 176 с.

Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН). ОФ. Д. 1249а.

Шубин А.С. Эвенки Прибайкалья. Улан-Удэ : Бэлиг, 2001. 120 с.

Юмсунов В. История происхождения одиннадцати хоринских родов (пер. Н. Поппе) // Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995. С. 36–102.

Tugolukov V.A. *Sledopyty verkhom na olenyakh* [Rangers on horseback on deer]. Moscow: Nauka Publ., 1969. 216 p.

Turov M.G. *Khozyaistvo evenkov taezhnoi zony Srednei Sibiri v kontse XIX – nachale XX veka (printsipy osvoeniya ugodii)* [The economy of the Evenks of the taiga zone of Central Siberia in the late XIX – early XX century (principles of usage of lands)]. Irkutsk, 1990. 176 p.

Tsentr vostochnykh rukopisei i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN (TsVRK IMBT SO RAN). OF. D. 1249a. [Center for Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (COMX IMBT SB RAS). OF. D. 1249a].

Shubin A.S. *Evenki Pribaikal'ya* [Evenki of CisBaikal region]. Ulan-Ude: Belig Publ., 2001. 120 p.

Yumsunov V. The history of the origin of the eleven Chori kins. *Buryatskie letopisi* [Buryat chronicles]. Ulan-Ude, 1995, pp. 36–102. (In Russian).

Сведения об авторе

Бураева Ольга Владимировна,
доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Российская Федерация, Республика Бурятия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6,
e-mail: olgaburaeva@mail.ru

Information about the author

Olga V. Buraeva,
Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Leading Researcher,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sahyanovoi Str., Ulan-Ude 670047, Republic of Buryatia, Russian Federation,
e-mail: olgaburaeva@mail.ru

Критерии авторства

О.В. Бураева выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Buraeva O.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 325.81
http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-108-120

ИСКУССТВО БЫТЬ НЕАССИМИЛИРОВАННЫМ
СТРАТЕГИИ ШЭНЭХЭНСКИХ БУРЯТ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ

© М.С. Михалев
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинский проспект, д. 32а.

Аннотация. Потомки агинских бурят, откочевавших в первой половине XX века в Китай, и в настоящее время проживают в местности Шэнэхэн, невдалеке от российско-китайской границы. Многими бурятами в России они воспринимаются как истинные носители аутентичной народной традиции, при этом считается, что знание ими традиционной бурятской культуры может и должно быть востребовано на их исторической родине в интересах национального возрождения. В то время как сам факт сохранения традиционной культуры в инокультурном окружении ни у кого не вызывает сомнений, факторы, благодаря которым это стало возможным, а также стратегии противодействия ассимиляции, которые были с успехом применены шэнэхэнскими бурятами, до конца не проанализированы. В данной статье предпринимается попытка объяснить феномен живучести культуры шэнэхэнских бурят близостью мест их компактного проживания к государственной границе между Россией и Китаем, которая позволяет им избегать любых попыток воздействия со стороны государства.

Ключевые слова: Китай, шэнэхэнские буряты, традиционная культура, самобытность, ассимиляция, пограничье, лиминальность, модернизация, национальное возрождение, миграции.
Формат цитирования: Михалев М.С. Искусство быть неассимилированным. Стратегии шэнэхэнских бурят в контексте российско-китайской границы // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 108–120. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-108-120

THE ART OF NOT BEING ASSIMILATED
STRATEGIES OF SHENEHEN BURYATS IN THE CONTEXT OF RUSSIA-CHINA BORDER

© M.S. Mikhalev
Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
32a Leninskiy ave., Moscow 119991, Russian Federation

Abstract. Descendants of Aga Buryats, who migrated from Russia to China in the beginning of the XX century, still inhabit the grasslands of Shenehen region located in the Autonomous District of Inner Mongolia in the close vicinity of Russia-China border. Many Buryats in Russia consider their kinsmen living in Shenehen to be a sort of custodians of their traditional culture and believe that their knowledge and experience could be helpful for restoring Buryat identity in Russia also. While no one questions the phenomena of the traditional cultural intactness in Shenehen, the underlying factors that helped local Buryats save it, as well as the strategies that they applied for this purpose have not been yet thoroughly studied. This paper elaborates on the case of the remarkable cultural stubbornness of the Shenehen Buryats and attributes their successful resistance to any attempts of assimilation to their proximity to the state border that allows them to ward off any encroachments of the state on its culture.

Keywords: China, Shenehen Buryat, traditional culture, cultural identity, assimilation, borderlands, liminality, modernization, ethnic revival, migrations
For citation: Mikhalev M.S. The Art of Not Being Assimilated. Strategies of Shenehen Buryats in the Context of Russia-China Border. Journal of Ancient Technology Laboratory. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 108–120. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-108-120

Этнолокальная группа шэнэхэнских бурят: краткая история вопроса

Шэнэхэнские буряты представляют собой довольно небольшую[1], но при этом географически четко локализованную группу бурят, проживающих на территории Эвенкийского национального хошуна Городского округа Хулун-буир Автономного района Внутренняя Монголия в КНР[2]. Свое имя они получили по названию местности Шэнэхэн, расположенной в южной части вышеупомянутого региона[3]. Отдельные бурятские семьи из близлежащих к Китаю областей Российской империи стали переселяться на территорию северо-востока страны еще до Октябрьской революции 1917 года. Во многом это было связано с проводившимися в те годы административными реформами и наплывом переселенцев из центральных областей страны. В 1918 году, уже после революции, часть проживавших в агинских степях бурят, представлявших наиболее обеспеченные слои кочевого общества, не разделявших политики новых властей страны, приняла решение окончательно откочевать на территорию соседнего государства. Китайское правительство проявило в их отношении гостеприимство, выделив в пользование земли в районе реки Шэнэхэн-гол, до того в течение многих лет пустовавшие в связи с эпидемией чумы. В дальнейшем, драматические события гражданской войны в России привели к тому, что в 1922 году на территории нынешнего Эвенкийского хошуна проживало уже около семисот бурят, которых к тому времени разделили на четыре национальных бурятских сомона. Миграции различной интенсивности из СССР в Китай, вызванные, в том числе, и такими неоднозначными процессами, как насильственная коллективизация и религиозные гонения, продолжались до середины 30-х годов XX века. В результате, к 1931 году число бурят, проживавших в Китае на территории созданных к тому времени восьми национальных сомонов, объединенных в национальный бурятский хошун, возросло до трех тысяч человек (Бороноева, 2000. С. 51). Именно с этого времени стало возможным говорить о появлении особой этнолокальной группы шэнэхэнских бурят.

Пережив в дальнейшем японскую оккупацию, послевоенные депортации в СССР и массовые репрессии, а также непростые годы культурной революции, шэнэхэнские буряты смогли сохранить возникшее в результате переселения в Китай новое самосознание и этническую сплоченность. Вплоть до настоящего время они довольно компактно проживают на территории Эвенкийского национального хошуна, с этнографической точки зрения представляя собой особую этнокультурную группу

[1] В связи с тем, что буряты не учитываются официальной китайской статистикой как отдельный народ, их численность можно определить лишь примерно. В источниках приводятся разные оценки, но при этом все они, как правило, находятся в диапазоне от 6 тысяч (Бороноева, 2000. С. 59) до 7 тысяч человек (Бао Луфан, 2003. С. 84).
As Buryats are not treated as an official minority in China, their number can be estimated only approximately. Different sources provide different estimations, but always within the range of six thousands (Boronoeva, 2000. p. 59) to seven thousands people (Bao Lufang, 2003. p. 84).

[2] Эвенкийский национальный хошун, основанный 1 августа 1958 года, расположен в центральной части городского округа Хулун-буир, к югу от железной дороги Маньчжурия – Харбин. Административным центром является поселок Наньтун. Хошун занимает территорию 18 726 кв. километров, располагается между горно-таежной зоной предгорий Большого Хингана и Хулунбуирской степью, протяженность с севера на юг 187 километров, с востока на запад 173 километра. Климат континентальный, с суровой и продолжительной зимой и коротким, прохладным летом.
Evenk autonomous banner was established on the 1st of August, 1958. It is located in the central part of Hulunbuir city, south of Manzhouli – Harbin railroad, and sandwiched between the mountainous taiga of Greater Khingan Range and the Hulunbuir grassland. Administrative center is Nantun. Autonomous banner occupies the territory of 18726 sq. km, it is 187 km long, and 173 km wide. The climate is continental, winters are long and cold, and summers are short and relatively cool.

[3] Административно, это сомоны Шэнэхэн Баруун (буряты составляют 90 % населения) и Шэнэхэн Зуун (буряты составляют 63 % населения) (Сюй Чжанцзян, 2016. С. 277, 279). Территориально эти два сомона занимают почти пятьдесят процентов площади всего Эвенкийского национального хошуна.
Shenehen consists of Shenehen West and Shenehen East, where Buryats account for 90 % and 63 %, respectively (Xu Zhanjiang, 2016. p. 277, 279). Territorially, these two somons occupy almost fifty percent of the area of the Evenki National Khoshun.

Рис. 1. Шэнэхэнский шаман. Город Наньтун, Эвенкийский автономный хошун, городской округ Хулун-Буир, Автономный район Внутренняя Монголия. Фото М. Михалева, май 2010 г.
Fig. 1. Shenehen shaman. Nantun, Evenk autonomous banner, Hulunbuir city, Inner Mongolia Autonomous District. Photo by M. Mikhalev. May 2010

со своими уникальными характеристиками. Несмотря на это, властями страны шэнэхэнские буряты до сих пор не признаются в Китае в качестве отдельной национальности и рассматриваются здесь как особая субэтническая группа в составе монголов. Впрочем, это не помешало им в гораздо большей степени, чем живущим по соседству эвенкам или, к примеру, даурам, а в чем-то даже успешнее, чем обладающим собственной автономией монголам, сохранить свою самобытную национальную культуру. Здесь до сих пор с полным размахом отмечают национальные праздники, справляют традиционные свадьбы, с удовольствием употребляют в пищу национальную еду, используют в повседневной жизни национальную одежду и в совершенстве владеют бурятским языком. Немаловажно, что бурятам КНР удалось также частично сохранить традиционный образ жизни и полукочевую форму хозяйствования. При этом все местные жители практически единогласно, безотносительно своей национальной принадлежности, заявляют, что именно шэнэхэнские буряты являются одной из самых успешных в экономическом плане этнических общин всего северо-востока Китая. К тому же, они являются довольно активной в социальном отношении группой, которая отличается сильно развитым чувством этнической солидарности [ПМА].

Неудивительно в этой связи, что, когда в 90-е годы прошлого века между Россией и КНР был несколько ослаблен пограничный режим и российские буряты смогли заново открыть для себя потаенный, китайский уголок своей национальной культуры, интерес к шэнэхэнским бурятам быстро перешагнул рамки чисто научного интереса и праздного любопытства, практически в одночасье превратившись в важный элемент республиканского нациестроительства. По меткому выражению М.Н. Балдано, возможность использования уникального опыта зарубежных диаспор, и в особен-

Рис. 2. Шэнэхэнка готовит традиционное угощение. Окрестности г. Наньтун, Эвенкийский автономный хошун, городской округ Хулун-Буир, Автономный район Внутренняя Монголия. Фото М. Михалева, сентябрь 2009 г.
Fig. 2. Traditional food preparation. Near Nantun, Evenk autonomous banner, Hulunbuir city, Inner Mongolia Autonomous District. Photo by M. Mikhalev. September 2009

ности опыта шэнэхэнских бурят, стала «ресурсом культуротворчества для бурятской интеллигенции, а в масштабе всей республики и в аспекте ее отношений с федеральным центром – потенциальным фактором политического риска» (Балдано, 2015. С. 285). В Эвенкийский хошун зачастили как экспедиции серьезных ученых, так и региональные десанты чиновников из Агинского автономного округа и Улан-Удэ. Не остались в стороне и представители средств массовой информации, которые с радостью ухватилась за потенциально броский сюжет о затерянном бурятском рае, где жизнь течет как прежде и где былинная старина все еще актуальна. «Заповедник бурятского духа» ожидаемо стал своего рода маяком надежды в пустыне сомнений, а шэнэхэнские буряты превратились в «носителей бурятской аутентичности» (Балдано, 2015. С. 288). С тех пор прошло довольно много времени, и романтический ореол хранителей древней культуры, которым их наделяли на рубеже веков, постепенно сменяется более объективным представлением о том, чем же в действительности являются буряты Шэнэхэна, а также – чем именно они отличаются от тех бурят, что проживают на территории Российской Федерации.

Среди российских исследователей, в настоящее время занимающихся шэнэхэнскими бурятами, можно отметить таких ученых, как М.Н. Балдано, Д.Ц. Бороноеву, С.Н. Болдохонова, С.Ж. Балданова, И.Г. Актамова, Л.С. Дампилову, С.Д. Гымпилову. К сожалению, большая часть их публикаций по данному вопросу, как правило, посвящена фиксации тех или иных особенностей культуры бурят КНР или интерпретации их непростой истории. В то же самое время серьезных работ, ставящих своей целью понять, как именно и почему этой довольно небольшой группе оторванных от основной массы своих соплеменников бурят действительно удалось сохранить многое из того, что было безвозвратно утеряно теми, кто проживал

Рис. 3. Продажа пищевых продуктов российского производства на рынке в Китае. Город Наньтун, Эвенкийский автономный хошун, городской округ Хулун-Буир, Автономный район Внутренняя Монголия. Фото М. Михалева, февраль 2017 г.

Fig. 3. Selling Russian foodstuffs at the market in China. Nantun, Evenk autonomous banner, Hulunbuir city, Inner Mongolia Autonomous District. Photo by M. Mikhalev. February 2017

в СССР, а затем и в России, появляется не так много. Ярким исключением здесь являются работы упоминавшейся уже выше М.Н. Балдано (Baldano, 2012; Балдано, 2015). В этой связи представляется, что несколько отчужденный, но при этом заинтересованный взгляд со стороны на ситуацию в Шэнэхэне мог бы оказаться весьма полезным и актуальным. Такой анализ мог бы приблизить нас к пониманию того, как небольшой группе бурят, оказавшихся волей исторических судеб в чужом государстве, удалось отстоять здесь свою культурную самобытность и хозяйственную самостоятельность в условиях постоянного давления со стороны инокультурного окружения. Не просто отстоять, но и стать в результате для оставшихся на исторической родине соплеменников определенным культурным маяком. Именно этот вопрос и именно в такой трактовке и находится в фокусе данной работы, посвященной феномену отказавшихся ассимилироваться шэнэхэнских бурят.

Сохранение традиционной культуры: дореформенный период

Сам факт того, что шэнэхэнским бурятам удается в течение достаточного протяженного периода времени сохранять существенную часть традиционной материальной культуры в неизменности, сомнению не подлежит. Это отмечают и ученые, и представители средств массовой информации, и простые туристы из России, посетившие Шэнэхэн. Как поэтично отмечает по этому поводу «Агинская Правда»: «В Хулунбуирских степях, в Шэнэхэне, сохранился заповедный уголок бурятского духа, культуры и языка» («Шэнэхээн Бууса»… , 2013). Немаловажно в этой связи и то, что схожей точки зре-

Рис. 4. Пекарня в Наньтуне. Город Наньтун, Эвенкийский автономный хошун, городской округ Хулун-Буир, Автономный район Внутренняя Монголия. Фото М. Михалева, февраль 2017 г.
Fig. 4. Nantun bakery. Nantun, Evenk autonomous banner, Hulunbuir city, Inner Mongolia Autonomous District. Photo by M. Mikhalev. February 2017

ния придерживаются и сами шэнэхэнские буряты. Они не без гордости сообщают о том, что именно им, оказавшимся волею судеб на далеком пограничье Китая, удалось сберечь многое из того, что было безвозвратно утеряно в СССР. Отношение к этому факту у разных людей может, однако, разниться. Бесспорно, большинство бурят России и немалая доля бурят КНР считают сохранение народных традиций в Шэнэхэне положительным явлением. Некоторые даже видят в нем источник будущей исторической миссии шэнэхэнских бурят, призванных помочь бурятам России возродить утраченные теми народные традиции. «…Именно в качестве территории незыблемости традиций, этническая группа шэнэхэнских бурят и интересна на исторической родине, и востребована ею» (Бороноева, 2011. С. 189). Впрочем, находятся и те, кто полагает, что абсолютная неизменность культуры в течение столь продолжительного исторического периода не может сама по себе считаться достижением, ведь подобная ситуация является следствием того, что сам народ переживает стагнацию и не имеет возможности по-настоящему эту культуру развивать. По меткому выражению одного из информантов в поселке Дульдурга Агинского Бурятского округа, шэнэхэнские буряты только потому продолжали делать рубленые *буузы*, что в наличии у них не было достаточного количества мясорубок [ПМА].

Любопытно, кстати, что именно это традиционное блюдо бурятской кухни, до сих пор изготавливаемое многими шэнэхэнцами по старинке, в какой-то степени стало символом приверженности группы своим корням, и словосочетание «шэнэхэнские буузы» прочно вошло в лексикон жителей Бурятии и Забайкальского края, став здесь синонимом добротной пищи и верности традициям. На самом деле шэнэхэнцы преуспели не только в приготовлении традиционных бууз. В самом Китае не меньшим спросом пользуется еще и русский хлеб, который они до сих пор выпекают вручную и который к блюдам бурятской кухни отнести никак нельзя. Скорее, по-настоящему примечательным следует считать тот факт, что многие бурятские хозяйки, в том числе и довольно молодые, до сих пор предпочитают готовить пищу *самостоятельно,* не слишком полагаясь на продукты из магазина или заведения общепита. Это действительно отличает их и от бурят в России, в большинстве своем позабывших традиционные способы приготовления пищи, и от их соседей в самом Китае, также давно отошедших от старинных методов ведения домашнего хозяйства.

То же, кстати, можно сказать и в отношении еще одного аспекта традиционной материальной культуры бурят – одежды и обуви, которую во многих шэнэхэнских семьях до недавнего времени изготавливали самостоятельно. Как отмечает в своем исследовании шэнэхэнских бурят Д.Ц. Бороноева: «Шитьем одежды занимаются только женщины. Они умеют шить все, что необходимо: традиционные дэгэлы <…>; шапки для четырех времен года <…>; обувь зимнюю и летнюю…» (Бороноева, 2000. С. 88). В то время как в наши дни этот навык постепенно утрачивается, здесь, в Шэнэхэне, все еще

Рис. 5. Современная буузная. Город Наньтун, Эвенкийский автономный хошун, городской округ Хулун-Буир, Автономный район Внутренняя Монголия. Фото М. Михалева, февраль 2017 г.
Fig. 5. Shenehen baozi shop. Nantun bakery. Nantun, Evenk autonomous banner, Hulunbuir city, Inner Mongolia Autonomous District. Photo by M. Mikhalev. February 2017

встречаются отличные мастера по пошиву национальной одежды. Их биографии даже публикуются в краеведческих сборниках (Сюй Чжанцзян, 2016. С. 293–305). Немаловажно при этом, что спрос на их продукцию среди соплеменников остается стабильно высоким. В результате, на центральном рынке Наньтуна, к примеру, с успехом работают несколько специализированных павильонов, торгующих бурятской национальной одеждой, которую охотно приобретают для своих повседневных нужд как пожилые, так и молодые шэнэхэнцы. По утверждению некоторых из них, это связано, в том числе, и с тем, что отсутствие у человека традиционной одежды во время национального праздника или бурятской свадьбы, к примеру, может считаться просто-напросто постыдным [ПМА].

По уверению многих информантов в Шэнэхэне, такая стойкая приверженность бурят КНР своей традиционной материальной культуре объясняется тем, что именно ее образцы в наилучшей степени удовлетворяют потребности, обусловленные их образом жизни и хозяйственным укладом [ПМА]. В определенной степени с этим можно согласиться, ведь окружающая среда и превалирующие формы хозяйствования действительно определяют как доступные материалы и способ производства, так и те или иные конкретные потребности, которые предметы этой самой материальной культуры призваны удовлетворить. В свою очередь, сохранность хозяйственного уклада, которая также отмечается всеми исследователями, многие шэнэхэнцы, не склонные к излишней сентиментальности, объясняют отсутствием на протяжении многих десятилетий каких-либо иных возможностей для применения своих сил в условиях ограничений, накладываемых на жителей окраинных районов страны китайской экономической и социальной моделью. Другими словами, можно предположить, что поразительная сохранность традиционной материальной культуры у бурят КНР вызвана не какой-то осо-

Рис. 6. Шэнэхэнский дацан. Окрестности г. Наньтун, Эвенкийский автономный хошун, городской округ Хулун-Буир, Автономный район Внутренняя Монголия. Фото М. Михалева, сентябрь 2009 г.
Fig. 6. Shenehen dazan. Near Nantun, Evenk autonomous banner, Hulunbuir city, Inner Mongolia Autonomous District. Photo by M. Mikhalev. September 2009

бой чертой их характера или вмененной им исторической миссией, а элементарной невозможностью выйти за рамки традиционных методов ведения хозяйства, особенностям которых данная культура соответствует в наибольшей степени. Именно этим можно объяснить и тот факт, что в то время как многие буряты в России искренне восхищаются тем, что в Шэнэхэне сохраняется народная культура, лишь единицы всерьез задумываются над тем, чтобы переехать в КНР и начать жить здесь по заветам предков. В это же самое время поток переселенцев в обратном направлении существует.

Следует признать, что столь прямолинейная трактовка может быть пригодна лишь для объяснения феномена сохранности материальной культуры у бурят Шэнэхэна. В то же самое время не менее удивительная живучесть их духовной традиции требует более вдумчивого подхода. Действительно, не в меньшей степени, чем *буузы* или *дэгелы*, исследователей из России приводит в восхищение аутентичность обрядов и сохранность песенной культуры, которые они также имеют возможность наблюдать в Шэнэхэне. Особняком при этом стоит традиционная бурятская свадьба, которая в настоящее время празднуется в своем наиболее полном виде именно у бурят КНР. В то время как фольклористов ожидаемо привлекает внешняя, красочная сторона свадебной обрядности, нам будет важно в этой связи отметить и то, что свадьба в Шэнэхэне и в наши дни выполняет исконно присущую ей социальную функцию, являясь важнейшим элементом поддержания внутриобщинных связей. Как подчеркивают многие информанты в России, в шэнэхэнской свадьбе их больше всего привлекает именно то, какой масштаб принимает здесь посещение родственников и обмен подарками и какую важность придают ему сами участники. Кроме того, как подчеркивают уже сами шэнэхэнцы, свадьба это еще и повод в лирической, песенной форме напомнить молодым о ценностных ориентирах

Рис. 7. Шэнэхэнский лама. Окрестности г. Наньтун, Эвенкийский автономный хошун, городской округ Хулун-Буир, Автономный район Внутренняя Монголия. Фото М. Михалева, сентябрь 2009 г.
Fig. 7. Shenehen lama. Near Nantun, Evenk autonomous banner, Hulunbuir city, Inner Mongolia Autonomous District. Photo by M. Mikhalev. September 2009

традиционного бурятского общества и в то же время акцентировать непреходящий характер семейных идеалов [ПМА][4].

На самом деле, традиционные семейные ценности действительно очень сильны в среде шэнэхэнцев. Искреннее уважение к старшим и решающая роль, которая отводится здесь мужчине, хотя и вызывает временами неудовольствие у женщин или среди молодежи, редко подвергается сомнению. Незыблемость семейного уклада, в свою очередь, не только ведет к жесткой фиксации межпоколенческих связей, но и резко обособляет этнолокальную группу от своего окружения, сооружая на ее внешних границах непреодолимый барьер для иноплеменников. Интересно, что и сами шэнэхэнские буряты, и китайцы, живущие с ними по соседству, а также не в меньшей степени и буряты, проживающие в России, подчеркивают, что именно эта прочность и непроницаемость семейно-родовых структур для посторонних является одним из основных слагаемых выживания бурятской общины в КНР. Примечательно в этой связи, что межнациональные браки между бурятами и китайцами-ханьцами практически не регистрировались в прошлом и крайне редки даже сейчас, когда социальная мобильность населения Китая значительно возросла. При этом нежелательность смешанных браков подчеркивают как китайцы-ханьцы, так и сами шэнэхэнские буряты, которые, однако, считают, что браки с русскими или, к примеру, японцами, следует приветствовать [ПМА]. Другими словами, ни ассимилирующее, ни ассимилируемое сообщества в этом случае не проявляют ни малейшего интереса к установлению долгосрочных контактов между собой. Как утверждает в этой связи М.Н. Балдано: «Судьбу группы определило уникальное сочетание её полной незаинтересованности в аккультурации (тем более – ассимиляции) в принимающем обществе с отсутствием внешнего давления последнего (до культурной революции)» (Балдано, 2015. С. 291).

Таким образом, можно сказать, что ту резистентность к воздействиям внешней среды, которая действительно характерна для шэнэхэнских бурят, во многом обеспечивает особая значимость, которой в их представлении обладают род и семья. В результате, подчеркнутая строгость и незыблемость семейных традиций, а также та важная роль, которую семейные институты продолжают играть в процессе обучения и в сфере регулирования межнациональных отношений, вносят немалую лепту в незыблемость традиционного уклада жизни бурят Китая и препятствуют их полной или частичной ассимиляции. Возникающее в итоге замкнутое моноэтничное сообщество, сохраняющее при этом тесные диахронические связи, оказывается способным сохранять в неизменности и свой язык, который в этом случае оказывается самодостаточным, и свои уникальные модели поведения. Подводя итог, можно утверждать, что успешное сопротив-

[4] Интересно, что в то время как поучительные свадебные песни действительно продолжают бытовать среди бурят Шэнэхэна, менее серьезные жанры, такие как традиционный танец *ёхор*, не пользуются здесь такой всенародной популярностью, как, к примеру, у бурят России.
It is interesting to note, that while didactic wedding songs are still common among Buryats in Shenehen, less serious music genres like traditional dance *yohor* are not as popular here as, for instance, among Buryats in Russia.

ление шэнэхэнских бурят политики ассимиляции со стороны Китая можно объяснить незыблемостью их хозяйственного уклада, способствующего неизменной актуальности предметов их материальной культуры, крепостью семейных устоев и замкнутостью социальных структур, усиленной сильными диахроническими связями между поколениями, а также взаимной неприязнью друг к другу бурят и китайцев-ханьцев.

Стоит отметить, что удивление исследователей вызывает тот факт, что шэнэхэнским бурятам удается успешно дистанцироваться не только от китайцев, но и от близкородственных им монголов, несмотря на то, что в соответствии с официальной позицией государства в КНР, они составляют с теми единую общность. Действительно, ни одинаковая религия, ни общая история, ни распространение идей панмонголизма в среде бурят, ни даже обучение на монгольском языке не смогли заставить шэнэхэнских бурят забыть о том, что в Китае они являются отдельной этнокультурной группой. Как утверждают некоторые из них, причиной подобного развития событий является то, что даже в самые неблагоприятные годы они чувствовали неразрывную связь со своей исторической родиной, с Россией. Шэнэхэнцы при этом верили, что и в Китае, и в Монголии, на территории которых они оказались волею исторических судеб, они в каком-то смысле являются проповедниками европейской культуры и прогресса. На самом деле, здесь присутствует определенный парадокс. В то время как в России шэнэхэнцам с недавних пор вменяется роль хранителей бурятской старины, в Китае они во многом до сих пор воспринимаются как адвокаты прогресса, чей вклад в развитие культуры окружающих их народов никогда и никем не отрицается (Бао Луфан, 2003. С. 86). Любопытно, что иногда в шутку, а иногда и всерьез они даже настаивают на том, что именно наличие в их языке множества русских заимствований, значение которых было не ясно ни китайцам, ни монголам, также способствовало тому, что им удалось сохранить свою самобытность перед лицом и тех, и других.

Именно этот, до сих пор несправедливо игнорируемый исследователями внутри России фактор, как нам представляется, может пролить свет не только на проблему сохранения бурятской культуры в Шэнэхэне в прошлом, но и помочь отыскать ответ на вопрос, который будет сформулирован во второй части данной работы. Как случилось, что и в наше время, несмотря на повсеместную модернизацию, коммерциализацию и настойчиво проводимую властями Китая политику унификации, несмотря даже на резко возросшую социальную мобильность населения и все те искушения, что несет в себе развитие рыночной экономики и коммуникационная революция, шэнэхэнские буряты продолжают с успехом отстаивать свое право на культурную самобытность?

Сохранение традиционной культуры в условиях реформ

В последние десятилетия в Китае происходят важнейшие перемены, которые не просто обеспечивают беспрецедентный рост показателей экономического и социального развития, но и способствуют коренной ломке общественных отношений, в том числе и в среде малочисленных народов страны. В рамках политики по переходу на рыночные отношения, основной движущей силой, бенефициаром которой выступает ханьское большинство, малым народам, проживающим на периферии государства, в принудительном порядке навязываются модели и парадигмы, которые зачастую являются чуждыми их традиционной культуре. Культ материального благополучия, безудержное потребление и нещадная эксплуатация природных и культурных ресурсов, являющиеся прямым следствием новой экономической политики Китая, провозглашаются единственно возможными и универсальными ценностями. Те, кто по каким-то причинам отказывается принимать участие в этом социальном эксперименте, объявляются неудачниками, те же, кто включается в эту «игру по чужим правилам», довольно быстро растворяются в обширном ханьском море, не в силах выдержать конкуренцию в навязываемой им борьбе за выживание.

Удивительно, но небольшая по размерам и архаичная с точки зрения социального развития этнолокальная группа шэнэхэнских бурят в этих новых условиях оказывается не просто верной сво-

им корням, но и в какой-то степени даже становится выгодоприобретателем новой экономической политики государства. В то время как повсеместно в Китае семейно-родовой характер общественных отношений стигматизируется, крепкие внутрисемейные узы шэнэхэнских бурят оказываются не тормозом на пути экономического развития, а, скорее, его дополнительным двигателем. Дело в том, что благодаря политике экономической открытости и, в частности, созданию в 1992 году зоны приграничного экономического сотрудничества «Маньчжурия», находящейся в непосредственной близости от мест компактного проживания шэнэхэнских бурят, им удалось извлечь максимум выгоды из трансграничной торговли. В ситуации, когда за рубежом, на территории расположенных неподалеку Монголии и России у многих шэнэхэнцев имеются близкие родственники, с которыми можно вести бизнес на основе доверия, а владение бурятским языком гарантирует эффективность коммуникации там, где у китайцев или русских возникают проблемы, именно сохранность традиционной культуры, в том числе языка, и крепость семейных уз становятся конкурентным преимуществом.

Как правило, осуществление в Китае, в местах компактного проживания малых народов, политики развития приводит к тому, что включившиеся в борьбу за социальные и экономические привилегии коренные жители этих регионов начинают терять свою культуру и свой язык вследствие того, что они начинают встраиваться в образовательную систему государства. В прошлом, одной из причин сохранности культуры у коренных народов Китая, не исключая и шэнэхэнских бурят, являлось то, что в условиях невозможности выхода за пределы своей социо-культурной ниши у них просто не было потребности учить китайский язык. По мере того как такие возможности стали постепенно появляться в процессе экономического развития страны, процесс утери малыми народами Китая своих языковых компетенций резко интенсифицировался. При этом в среде бурят данный процесс не наблюдается, и степень владения бурятским языком продолжает оставаться очень высокой [ПМА]. Как представляется, это является прямым следствием того факта, что именно владение бурятским языком гарантирует им возможность получения образования на территории России, что в дальнейшем подразумевает и хорошие перспективы карьерного роста, причем как в Китае, так и в РФ. Как отмечает в своей статье Д.В. Цыбикдоржиев: «Тяга к образованию, давно став частью этнического самосознания, является одним из стимулов к возвращению в Россию для бурят КНР» (Цыбикдоржиев, 2009. С. 86). В результате, образовательные стратегии практикующих родной язык шэнэхэнцев оказываются эффективнее, чем стратегии их соседей по Внутренней Монголии. Для последних возможность обучения в России оказывается труднореализуемой, а единственным выходом является прилежное изучение китайского. В условиях КНР, это означает постепенную утрату родного языка.

Наконец, похвальная приверженность предметам традиционной материальной культуры в условиях рыночной экономики и наличие спроса на эти товары за рубежом также оказывается прибыльной. Расцвет уже упоминавшихся выше заведений общепита, основу ассортимента которых составляют ставшие легендарными в России «шэнэхэнские буузы», а также пошив традиционной бурятской одежды, которым с успехом занимаются у нас в стране шэнэхэнцы, дают основание утверждать, что следование традиции также может стать успешной экономической стратегией в случае, если традиционные навыки, сохранившиеся в одной стране, оказываются востребованными в другой. Следует особо подчеркнуть, что подобный бизнес, призванный удовлетворять потребности людей в предметах их собственной культуры, коренным образом отличается от производства сувенирной продукции, при котором производимые товары и услуги обладают лишь символическим смыслом. В последнем случае традиция выставляется на продажу, происходит подмена значения вещей, и на выходе рождается эрзац культуры, подменяющий ее истинный смысл. Именно этим можно объяснить то, что в то время как туризм повсеместно приводит к вырождению традиционной культуры, деловая активность шэнэхэнских бурят приводит к росту ее востребованности среди самих бурят и, таким образом, ее постоянному развитию.

Граница как способ сохранения самобытности

Следует подчеркнуть, что и в ситуации с развитием бизнеса на основе трансграничных семейных связей, и в случае с использованием бурятского языка в образовательных стратегиях шэнэхэнских бурят, и даже при открытии заведений общепита с ярко выраженным национальным колоритом, важным фактором, гарантирующим выживание и развитие бурятской культуры в условиях глобализации и гомогенизации, является наличие разности потенциалов по разные стороны государственной границы. Именно граница, а точнее вызванное ею разделение единого бурятского этноса, оказывается тем незаменимым ресурсом, что позволяет народной культуре выжить и развиваться, несмотря на давление со стороны государства. Граница помогла эмигрировавшим в начале XX века в Китай агинским бурятам сохранить свою культуру в относительной неприкосновенности в течение всего того времени, пока советское государство предпринимало попытки искоренить любые национальные и религиозные различия. Та же самая граница помогает шэнэхэнским бурятам в настоящее время, когда экономическая и социальная экспансия уже китайского государства ставит под угрозу существование самобытных культур малых народов этой страны. Двусмысленность положения шэнэхэнских бурят, при которой с политической точки зрения они являются подданными Китая, в то время как культурно их можно и сейчас относить к России, позволяет им умело балансировать меж двух государственных огней, используя присущую любому пограничью неопределенность для того, чтобы уберечь свою самобытность от внешнего вмешательства. Как оказывается, жизнь на *границе* может обеспечивать определенное материальное благополучие. Обеспечивать только в том случае, если живущие в приграничье люди в состоянии воспользоваться всеми теми преимуществами, что дает им существование в сумеречной контактной зоне на границе двух стран. М.Н. Балдано утверждает, что: «важный ресурс шэнэхэнцев – использование опыта жизни *в двух мирах*, китайском и российском» (Балдано, 2015. С. 293). Нам же, в свою очередь, представляется, что уникальность опыта бурят Шэнэхэна, которым не просто удалось избежать ассимиляции со стороны русских, китайцев или монголов, но и умело использовать свой несколько двусмысленный статус, состоит немного в ином. Ценным для нас является то, что их стратегия культурного выживания оказалась успешной потому, что им удалось в полной мере использовать то преимущество, что предоставило им существование «*между миров*».

В этой связи любые попытки лишить их привилегии обладания одновременно двумя родинами может привести к печальным последствиями для того самого созданного ими на территории Китая «заповедного уголка» бурятского мира. Лишившись своего статуса представителей прогресса в Китае или окончательно превратившись в хранителей бурятской старины в России, шэнэхэнцы рискуют потерять то самое главное, что создало их как особую этнокультурную группу и позволило оставаться неассимилированными в течение столь долгого времени, – границу. Границу, представляющую убежище в случае опасности и предоставляющую возможность самостоятельного развития в случае сильного давления извне. Другими словами, границу, позволяющую им быть одновременно и тут, и там, в то же самое время не принадлежа ни тому, ни другому.

Статья поступила 06.10.2017 г.

Article was received in October, 06, 2017

Библиографический список

Балдано М.Н. Процесс национального строительства в современной Бурятии: трансграничные вызовы – риски и возможности // Трансграничные вызовы национальному государству /науч. и лит. ред. С.А.Панарин. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 282–304.

Бороноева Д.Ц. Очерки истории и культуры бурят Внутренней Монголии КНР. Улан-Удэ : Изд-во Бурятско-

References

Baldano M.N. The Process of Nation-building in Modern Buryatia: transborder challenges – risks and opportunities. *Transgranichnye vyzovy natsional'nomu gosudarstvu* [Transborder Challenges to National State]. St. Petersburg.: Intersotsis Publ., 2015, pp. 282–304. (In Russian).

Boronoeva D.Ts. *Ocherki istorii i kul'tury buryat Vnutrennei Mongolii KNR* [Essays on History and Culture of the

го госуниверситета, 2000. 138 с.

Бороноева Д.Ц. Концепт «Родина» в идеологии и практике бурятских диаспор // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 319. № 6. С.186–190.

Цыбикдоржиев Д.В. Буряты КНР и Монголии как возможные участники программы возвращения соотечественников // Власть. 2009. № 3. С. 85–87.

«Шэнэхээн бууса» встречает гостей // Агинская правда. 2013. 17 сент.

Baldano M. People of the Border: The Destiny of the Shenehen Buryats // *Bille F., Delaplace G., Humphrey C. (eds.).* Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. p.183–198.

包路芳. 布里　特蒙古族及其研究概述. *Бао Лу-фан.* Булиятэ Мэнгуцзу цзи ци яньцзю гайшу [Бурят-монголы и краткое описание их исследования]. Цинхай миньцзу яньцзю. 2003. Т.14. № 2. С. 84–90. (на кит. яз.)

徐占江等主. 中国布里　特蒙古人. *Сюй Чжанц-зян и др. (ред.)* Чжунго Булиятэ Мэнгужэнь [Монгол-буряты Китая]. Хулунбуир: Нэймэнгу Чубаньшэ, 2009. 362 с. (на кит. яз.)

Источники

[ПМА] – полевые материалы автора. Эвенкийский автономный хошун, городской округ Хулун-буир, Автономный район Внутренняя Монголия, КНР; Агинский Бурятский округ, Забайкальский край, Россия. Январь – март 2017 г.

Buryats of PRC and Inner Mongolia]. Ulan-Ude: Buryatskogo gosuniversiteta Publ., 2000. 138 p.

Boronoeva D.Ts. The Concept of “Mortherland” in ideology and practices of Buryat diaspora groups. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk Polytechnic University], 2011, vol. 319, no. 6, pp. 186–190. (In Russian).

Tsybikdorzhiev D.V. Buryats of China and Mongolia as possible participants of compatriots repatriation program. *Vlast*' [Power], 2009, no. 3, pp. 85–87. (in Russian).

“Shenekheen buusa” vstrechaet gostei [“Shenekheen buusa” welcomes guests]. *Aginskaya Pravda*, 2013, 17 September. (In Rusian).

Baldano M. People of the Border: The Destiny of the Shenehen Buryats. *Bille F., Delaplace G., Humphrey C. (eds.).* Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. p. 183–198.

包路芳. 布里　特蒙古族及其研究概述. *Бао Лу-фан.* Булиятэ Мэнгуцзу цзи ци яньцзю гайшу [Бурят-монголы и краткое описание их исследования]. Цинхай миньцзу яньцзю, 2003. Vol.14, no. 2, pp. 84–90. (In Chinese).

徐占江等主. 中国布里　特蒙古人. *Сюй Чжанц-зян и др. (ред.)* Чжунго Булиятэ Мэнгужэнь [Монгол-буряты Китая]. Хулунбуир: Нэймэнгу Чубаньшэ, 2009. 362 p. (In Chinese).

Sources

Field Materials. Evenk autonomous banner, Hulunbuir city, Inner Mongolia Autonomous District, China; Agin-Buryat Okrug, Zabaykalsky Krai, Russia. January – March 2017.

Сведения об авторе

Максим Сергеевич Михалев,
кандидат юридических наук, докторант Центра азиатских и тихоокеанских исследований,
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинский проспект, д. 32а,
e-mail: maxmikhalev@yahoo.com

Information about the author

Maxim S. Mikhalev,
Candidate of Sciences (Jurisprudence), aspirant Doctor Degree in the Center for Asian and Pacific Studies,
Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
32a Leninskiy ave., Moscow 119991, Russian Federation,
e-mail: maxmikhalev@yahoo.com

Критерии авторства

М.С. Михалев выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись и документы к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Mikhalev M.S. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and documents for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47)
http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-121-126

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИЕРЕЯ ВЕНИАМИНА БАГРЯНСКОГО ВО ГЛАВЕ ИРКУТСКОЙ ЕПАРХИИ

© О.Е. Наумова
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Аннотация. Данная публикация посвящена пребыванию архиерея Вениамина Багрянского во главе Иркутской епархии с 1789 г. по 1814 г. В статье показаны основные направления деятельности Вениамина Багрянского по развитию Иркутской епархии, который особое внимание уделял вопросам духовного образования. Особенно большой вклад он внес в становление семинарской библиотеки и стал единственным иркутским архиереем, которому в семинарии установили памятник за его педагогическую работу.

Целью написания статьи является освещение деятельности Вениамина Багрянского по развитию миссионерской работы и строительству новых храмов на территории Иркутской епархии. В ней показан его вклад в освоение «Русской Америки» – Аляски и Алеутских островов в конце XVIII – начале XIX века, а также его участие в церковных реформах императора Павла Первого и в благотворительной деятельности. В статье рассмотрено взаимодействие архиерея с губернскими властями и его вклад в укрепление Иркутской губернии. Отмечены в ней и недостатки в управлении епархией.

Ключевые слова: архиерей, архимандрит, викариатство, епархия, епископ, миссионерство, монастырь, Русская православная церковь, семинария, храм.
Формат цитирования: Наумова О.Е. Деятельность архиерея Вениамина Багрянского во главе Иркутской епархии // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 121–126. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-121-126

ACTIVITY OF THE HIERARCH VENYAMIN BAGRYANSKY AT THE HEAD OF THE IRKUTSK DIOCESE

© O.E. Naumova
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation

Abstract. This publication is devoted to the stay of archierium Veniamin Bagryansky at the head of the Irkutsk diocese from 1789 to 1814. The article shows the main directions of Benjamin Bagryansky's activities in the development of the Irkutsk diocese, which paid special attention to the issues of spiritual education. He made a particularly large contribution to the establishment of the seminar library and became the only archpriest of Irkutsk, for whom was installed the monument in the seminary for his pedagogical work.

The purpose of writing the articles is to highlight the work of Veniamin Bagryansky on the development of missionary work and the construction of new churches on the territory of the Irkutsk diocese. It includes his contribution to the development of “Russian America” – Alaska and the Aleutian Islands in the late XVIII – early XIX century, as well as his participation in the church reforms of Emperor Paul the First and in charitable activities. The article discusses the interaction of the bishop with the provincial authorities and his contribution to strengthening the Irkutsk province. There are also shortcomings in the management of the diocese.

Keywords: hierarch, archimandrite, vicariate, diocese, bishop, missionary, monastery, Russian Orthodox Church, seminary, temple
For citation: Naumova O.E. Activity of the Hierarch Venyamin Bagryansky at the Head of the Irkutsk Diocese. Journal of Ancient Technology Laboratory. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 121–126. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-121-126

Вениамин Багрянский был посвящен в сан епископа и назначен главой Иркутской епархии 9 декабря 1789 г. из архимандритов Свияжского Богородицкого монастыря (Дурново, 1888. С. 63).

Архиерей Вениамин Багрянский
Hierarch Venyamin Bagryansky

Он получил образование в Славяно-греко-латинской духовной академии в Москве и в университете голландского города Лейдена, куда его послали в составе группы из четырех лучших студентов академии для изучения языков и философии. По возвращении из Голландии в 1772 г. он преподавал философию и богословие сначала в Новгородской, затем в Санкт-Петербургской семинариях, став, в конце концов, ректором последней (Ярославские епарх. вед. 1861. С. 554).

Прибыв в Иркутск в 1790 г., епископ Вениамин, будучи широкообразованным человеком, продолжил начатое Михаилом Миткевичем дело развития духовного образования в епархии. Он стал исполнять роль ректора семинарии и участвовал в учебном процессе. При Вениамине по указу императора Павла I 1797 г. денежное содержание Иркутской семинарии увеличили до 3000 рублей (Знаменский, 1880. С. 113).

Особую заботу Вениамин проявлял о комплектовании семинарской библиотеки. Уже усилиями первых иркутских епископов удалось собрать прекрасную епархиальную библиотеку (673 тома), включавшую в себя многие редкие и рукописные книги на разных языках (Иркутские епарх. вед. 1873. С. 436). Епископ Михаил передал ее семинарии. Вениамин Багрянский сумел значительно увеличить библиотечный фонд, как подчеркивал в своей статье Нил Исакович, «дорогими и полезными для духовного образования книгами» (Ярославские епарх. вед. 1861. С. 554), ставшими гордостью семинарской библиотеки.

Вклад Вениамина Багрянского в становление семинарии был столь значителен, что после смерти епископа преподаватели, студенты и выпускники семинарии на свои деньги заказали на Екатеринбургской гранильной фабрике мраморный памятник ему, который установили в семинарской библиотеке.

Для укрепления семинарии и более действенного руководства ею епископ счел необходимым сложить с себя ректорские обязанности и подобрать на этот пост подготовленного представителя духовенства. Он обратился в Синод с просьбой прислать в Иркутск монаха, знающего греческий язык (поскольку в семинарии не было преподавателя этого предмета) и назначить его одновременно настоятелем Иркутского Вознесенского монастыря и ректором семинарии, а для этого учредить в монастыре постоянное архимандритское настоятельство (Странник. 1877. № 9. С. 288). Ранее подобное предложение выдвигал Михаил Миткевич (Иркутские епарх. вед. 1873. С. 441). В 1798 г. Синод принял это предложение иркутского архиерея, а несколько позже, в 1802 г., Синод посвятил в сан архимандрита и назначил настоятелем Вознесенского монастыря и первым ректором Иркутской духовной семинарии Иакинфа Бичурина (Строев, 1877. С. 559), впоследствии блестящего исследователя Китая, положившего начало научному китаеведению в России.

Вениамину Багрянскому в качестве иркутского епископа пришлось принять участие в реформировании православной церкви, предпринятом императором Павлом I.

Во время своего короткого царствования Павел I попытался упорядочить деятельность церкви. Прежде всего, после губернской реформы 1796 г. и

передела губернских границ император потребовал привести границы епархий в соответствие с границами губерний, что и было оформлено указом Синода в сентябре 1797 г. Иркутская епархия охватила территорию одноименной губернии. В соответствии с губернским делением было образовано 36 епархий (4 епархии – I класса, 12 – II и 20 – III класса, в том числе и Иркутская) и 5 викариатств (Покровский, 1913. С. 873).

Ещё один указ Синода за 1797 г. отменял выборы приходского духовенства (Знаменский, 1873. С. 75), что отвечало представлениям церковных иерархов и самого царя – сторонника жесткой регламентации и централизации, о незаконности и вредности приходских выборов.

Ряд указов регламентировал хозяйственную жизнь церкви, ее благотворительную деятельность, функционирование духовных образовательных учреждений. Все они в той или иной степени затрагивали жизнь Иркутской епархии.

Вениамину Багрянскому в царствование Павла I удалось добиться изменения статуса Якутского Спасского монастыря. Как известно, по реформе 1764 г. этот монастырь не попал в классификацию. Софроний Кристалевский, учитывая его значение как форпоста православия на северо-востоке страны, решил оставить монастырь на содержании епархии, что, конечно же, являлось весьма обременительным для скудной епархиальной казны. В 1798 г. по ходатайству епископа Вениамина Якутский Спасский монастырь включили в классификацию (присвоили III класс), поставили на государственное содержание и, учитывая его важность, учредили архимандритское наместничество (Амвросий Орнатский, 1815. С. CXLX).

В это же время значительно увеличилась территория Иркутской епархии. В 1796 г. в ее состав включили «Русскую Америку» (Аляску и Алеутские острова). Освоение православной церковью «Русской Америки» началось параллельно с ее освоением российскими промышленниками. Уже в середине XVIII в. на некоторых островах Алеутского архипелага побывали миссионеры Камчатской православной миссии Иоасафа Хотунцевского. После того, как освоение Аляски приняло более систематический характер, Г.И. Шелихов обратился к петербургскому митрополиту Гавриилу с просьбой разрешить постройку церквей за счет его компании и послать туда священников. Синод в 1793 г., рассмотрев просьбу Г.И. Шелихова, принял решение отправить на Аляску специальную православную миссию во главе с иеромонахом Валаамского монастыря Иоасафом Болотовым, которого срочно возвели в сан архимандрита (Иркутские епарх. вед. 1895. С. 426–427). Император Павел I считал очень важной задачу быстрого распространения православного христианства среди коренного населения Русской Америки для закрепления этой территории в составе Российской империи. Поэтому по его приказу в 1796 г. было создано отдельное Кадьякское викариатство в составе Иркутской епархии (Дурново, 1888. С. 63). Фактически же викариатство создано не было. Архимандрита Иоасафа Болотова отозвали с Аляски в Иркутск для посвящения в сан викарного епископа Кадьякского и в апреле 1799 г. епископ Вениамин посвятил его в этот сан. Однако, возвращаясь назад, Болотов погиб в кораблекрушении. После его смерти викариатство в тот же год упразднили. Христианские храмы «Русской Америки» подчинили непосредственно иркутскому архиерею.

После административно-территориальной реорганизации епархий Русской православной церкви Синод в 1799 г. по требованию Павла I провел перепись епархиальных церквей в новых границах. По Иркутской епархии эта перепись содержит интересные данные о местонахождении храмов и их насыщенности. Из нее видно, что в Иркутске было 48 храмов, в Верхнеудинске – 3, в Баргузине – 16, в Селенгинске – 13, в Нерчинске – 27, в ведомстве Нерчинского сереброплавильного завода – 12, в Киренске – 10, в Балаганске – 1, в Нижнеудинске – 18, в Нижнекамчатске – 8, в Якутске – 6, в Охотске – 1, в Олекминске – 1, в Жиганске – 1, в Зашиверске – 1, в Гижигинске – 1, в северо-восточных уездах – 6, в монастырях – 9; всего 182 церкви (Покровский, 1913. Т. 2. С. 873).

На основании приведенных сведений можно сделать вывод о развитии епархии. Составители переписи объединили городские храмы с уездными и ведомственными. За семь десятилетий ее существования количество церквей увеличилось бо-

лее чем в четыре раза. Их активно продолжали строить и при Вениамине Багрянском. По неполным данным, во время его правления в епархии было построено более 20 церквей (РГИА. Ф. 796. Оп. 13. Систематическая опись к делам канцелярии Синода о постройке церквей), в том числе, например, три новых каменных церкви в Иркутске (Кладбищенская, Преображенская и Борисоглебская), каменный собор в Нерчинске, церковь на о. Кадьяк и др. (Странник. 1877. № 9. С. 283; ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 749). Строительству каменных храмов во многом способствовал указ Синода (1801 г.), запрещавший строить деревянные церкви на месте ранее сгоревших (Там же. Д. 729).

Вениамин Багрянский вообще проявил себя активным руководителем епархии. Он не только заботился о семинарии и поощрял строительство церквей. Вениамин занимался и вопросами миссионерства. В 1799 г. по его распоряжению иркутский протоиерей Григорий Слепцов направился в Якутию с поручением посетить все отдаленные районы этого региона (Добронравин, 1863. С. 224). На протяжении 15 лет, до самой смерти епископа, Слепцов занимался там миссионерской деятельностью, проповедуя православие местным народам и обращая их в православие. Таким образом, при Вениамине на территории епархии действовало сразу две миссии (Болотова и Слепцова).

Вениамин занимался и организацией благотворительности. В его управление в Иркутске стали работать специальные богадельни, созданные для престарелых священно- и церковнослужителей, их вдов и сирот. Несмотря на то, что указ Синода о призрении охватывал только городское и соборное духовенство, а также несмотря на ограниченные финансы, выделяемые на это Синодом (250 рублей в год), иркутский архиерей не оставил без призрения и сельское духовенство, а впоследствии распространил эту систему и на светских лиц разных сословий (в основном, вдов), о чем сообщают сохранившиеся в архиве документы. Например, в 1797 г. в женскую богадельню при Иркутской Богородицко-Владимирской церкви были определены: вдова канонира Селенгинской артиллерийской команды Дмитрия Михайлова, вдова капрала из Верхнеудинска Михаила Туткова, вдова крестьянина Федора Терентьева (ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 41. Л. 1, 2, 3).

В 1801 г. Вениамин Багрянский получил указ Синода, который предписал ему оказать помощь иркутским губернским властям, Он должен был помочь с комплектованием штата губернских чиновников (не хватало 70 человек). По его предложению Иркутская духовная консистория решила направить в губернский аппарат 25 семинаристов и 20 чел. из семей священников, остальных направить из Якутского, Нерчинского и Камчатского духовных управлений (Духовные управления были учреждены вместо заказов с аналогичными функциями) (Там же. Д. 65. Л. 2). При этом Вениамин высказал пожелание, чтобы место будущей службы соответствовало месту жительства. В своем ответе губернское правление согласилось распределять новых чиновников с учетом их желания (Там же. Л. 3).

Активно боролся Вениамин Багрянский с различными пороками и злоупотреблениями в среде епархиального духовенства. Так, только в 1796 г. он лишил духовного сана 5 чел. за пьянство, драки, кражи и другие неблаговидные поступки (ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 11, 38, 48, 52, 92).

Столь энергичная деятельность епископа не могла не породить недовольства у части священно- и церковнослужителей. Кроме того, своей торопливостью он сам мог дать повод для критики. Во всяком случае, в 1802 г. в Синод поступил донос от секретаря Иркутской духовной консистории Попова о беспорядках и упущениях в ее делах (Там же. Оп. 1. Д. 889. Л. 83).

Судя по всему, основания для такого заключения у Попова имелись. Сохранившиеся списки членов консистории за 1790–1802 гг. свидетельствуют, что этот центральный, по сути, руководящий орган епархии в это время практически не имел постоянного состава. Если ранее членство в консистории длилось нередко десятилетиями, что придавало стабильность ее деятельности, то, начиная с 1794 г., консисторию лихорадит. Ее состав изменяется ежегодно, и не было ни одного ее члена, кто сохранял бы свое место постоянно (Там же. Л. 81–82). Конечно же, непрерывные кадровые

перестановки не могли не породить нестабильности.

Похожая картина наблюдалась и с настоятелями епархиальных монастырей. Если при предыдущих епископах они менялись нечасто (в основном, после смерти предшественника, или изредка из-за злоупотреблений того или иного игумена), то за двадцатипятилетнее правление Вениамина в мужских монастырях они поменялись по пять раз (Строев, 1877. С. 559, 561, 562, 563, 567).

В результате жалобы Попова Синод издал указ об учреждении специальной комиссии по ее проверке. Причем проверка была поручена Иркутскому губернскому правлению, что усугубило ситуацию, поскольку у епископа непросто складывались отношения с иркутским гражданским губернатором Н.И. Трескиным, который все время пытался подчинить себе духовенство и ограничить его самостоятельность. В конфликте на стороне Н.И. Трескина принял участие и ректор семинарии Иакинф Бичурин (вызывавший недовольство Вениамина также своей самостоятельностью). Комиссия закончила свое расследование в 1804 г., отметив ряд нарушений и беспорядков в деятельности консистории, но повода для назначения нового епископа не нашла (ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 889). Однако этот конфликт, видимо, сказался на самочувствии Вениамина Багрянского.

Вообще, его двадцатипятилетнее правление как бы распадается на два периода. В первые годы он действует энергично, берется за самые разные дела, пытаясь улучшить положение епархии. После комиссии его поведение меняется, активность резко падает, видимо, происходит какой-то внутренний надлом. И практически до самой смерти 8 июня 1814 г. он уже мало чем проявляет себя.

Статья поступила 15.11.2017 г.

Article was received in November, 15, 2017

Библиографический список

Амвросий Орнатский. История российской иерархии. М., 1815. Т. 2. Ч. 1.

Добронравин К. Очерк истории русской церкви от начала христианства в России до настоящего времени. СПб., 1863. 430 с.

Дурново Н.Н. Девятисотлетие русской иерархии (988–1888). Епархии и архиереи. М., 1888.

Знаменский И. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880. 186 с.

Знаменский П. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873. 851 с.

Иркутские епархиальные ведомости, 1873. № 23.

Иркутские епархиальные ведомости, 1895. № 18.

Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и приделы. Казань, 1913. Т. 2. 966 с.

Странник. 1877. № 9.

Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877.

References

Amvrosii Ornatskii. *Istoriya rossiiskoi ierarkhii* [History of the Russian hierarchy]. Moscow, 1815. Vol. 2. Part 1.

Dobronravin K. Ocherk istorii russkoi tserkvi ot nachala khristianstva v Rossii do nastoyashchego vremeni [An outline of the history of the Russian Church from the beginning of Christianity in Russia to the present day]. St. Petersburg, 1863. 430 p.

Durnovo N.N. *Devyatisotletie russkoi ierarkhii (988–1888). Eparkhii i arkhierei* [The ninetieth century of the Russian hierarchy (988–1888). Dioceses and bishops]. Moscow, 1888.

Znamenskii I. *Polozhenie dukhovenstva v tsarstvovanie Ekateriny II i Pavla I* [The position of the clergy in the reign of Catherine II and Paul I]. Moscow, 1880. 186 p.

Znamenskii P. *Prikhodskoe dukhovenstvo v Rossii so vremeni reformy Petra* [Parish clergy in Russia since the time of Peter's reform]. Kazan', 1873. 851 p.

Irkutskie eparkhial'nye vedomosti [Irkutsk diocesan lists], 1873, no. 23. (In Russian).

Irkutskie eparkhial'nye vedomosti [Irkutsk diocesan lists], 1895, no. 18. (In Russian).

Pokrovskii I.M. *Russkie eparkhii v XVI–XIX vv., ikh otkrytie, sostav i pridely* [Russian dioceses in the 16th–19th centuries, their discovery, composition and chapels]. Kazan', 1913. Vol. 2. 966 p.

Strannik [Wanderer], 1877, no. 9. (In Russian).

Stroev P.M. *Spiski ierarkhov i nastoyatelei monastyrei rossiiskoi tserkvi* [Lists of hierarchs and abbots of Russian church monasteries]. St. Petersburg, 1877.

Ярославские епархиальные ведомости, 1861. № 51.

Yaroslavskie eparkhial'nye vedomosti [Yaroslavl diocesan lists], 1861, no. 51. (In Russian).

Сведения об авторе

Наумова Ольга Ефимовна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: histor@istu.edu

Information about the author

Olga E. Naumova,
Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: histor@istu.edu

Критерии авторства

О.Е. Наумова выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Naumova O.E. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and documents for publication, she owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 159.9:93/99
http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-127-133

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ ПОНЯТИЯ «ТЕРРОР» В 1794–1917 гг.

© К.А. Гуров, И.П. Серебренников
Иркутский государственный университет,
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1.

Аннотация. Статья посвящена трансформации смыслового наполнения термина «террор» на хронологическом отрезке от Великой Французской революции до начала XX в. Авторами проанализированы различные трактовки рассматриваемого термина, в том числе и рефлексивные. Рассмотрен процесс привнесения термина «террор» в контекст социально-политических отношений во время Великого террора во Франции. Среди существенных изменений термина отдельно выделена семантика оправдания террористических методов борьбы русских революционеров с самодержавной властью во второй половине XIX – начале XX в., даже в период отсутствия массового освободительного движения в стране. Освещены аспекты противоречивого отношения к теории и практике террора основных радикальных революционных партий и организаций начала XX в.: социалистов-революционеров, социал-демократов и анархистов. На основании данного анализа выделены основные вехи трансформации смыслового содержания термина «террор» в обозначенных временных рамках, сделан вывод об актуализации термина до революции в России 1917 г.

Ключевые слова: термин, террор, террористический акт, трансформация, информационный посыл, страх, ужас, идеология, дестабилизация, революция.
Формат цитирования: Гуров К.А., Серебренников И.П. Трансформация исторических смыслов понятия «террор» в 1794–1917 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 127–133. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-127-133

TRANSFORMATION OF THE HISTORICAL MEANINGS OF THE CONCEPT OF “TERROR” IN 1794–1917

© K.A. Gurov, I.P. Serebrennikov
Irkutsk State University,
1 Karl Marks Str., Irkutsk 664003, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the transformation of the semantic content of the term "terror" on a chronological segment from the Great French Revolution to the beginning of the 20th century. The authors analyzed various interpretations of the term under consideration, including reflexive ones. The process of bringing the term "terror" into the context of social and political relations during the Great Terror in France is considered. Among the significant changes of the term, the semantics of justifying the terrorist methods of struggle of Russian revolutionaries with autocratic power in the second half of the XIXth and the beginning of the XXth century, even in the absence of a mass liberation movement in the country, is separately singled out. The aspects of the contradictory attitude to the theory and practice of terror of the main radical revolutionary parties and organizations of the early twentieth century: socialist revolutionaries, social democrats and anarchists are covered. On the basis of this analysis, the main milestones of the transformation of the meaning of the term "terror" in the designated time frames were identified, and a conclusion was made about the actualization of the term before the revolution in Russia in 1917.

Keywords: term, terror, terrorist act, transformation, information message, fear, horror, ideology, destabilization, revolution
For citation: Gurov K.A., Serebrennikov I.P. Transformation of the Historical Meanings of the Concept of “Terror” in 1794–1917. Journal of Ancient Technology Laboratory. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 127–133. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-127-133

Считается, что термин «террор» вошёл в научный оборот во время Великой Французской революции (1789–1799 гг.), в определённый её период (5.09.1793 г. – 27.07.1794 г.), обусловленный массовыми казнями, и названый «Эпоха Террора» (la Terreur) (Люблинская, 1957. С. 150; Хоффман, 2003.). Выводы о возникновения термина именно в данный период обоснованы тем, что впервые столкнулись лексическое значение слова с социально-политическими явлениями. Несмотря на то, что политика удержания власти с помощью устрашения или упразднение политических соперников силовыми методами известна издревле, данные явления не были актуализированы совместно с

термином «terror», а носили свои личностные названия, что даёт право при рассмотрении террора как дефиниции не затрагивать периодизацию семантики термина ранее Великой Французской революции.

Хронологически первичным понимание содержания дефиниции «террор» следует считать трактовку М. Робеспьера. Конкретного толкования термина он не оставил, но в контексте его революционных публикаций и речей становится возможным вычленение сущностного содержания. Выступая в Конвенте 5 февраля 1794 г., он говорил: «Террор есть не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость, она, следовательно, является эманацией добродетели; он не столько частный принцип, как следствие общего принципа демократии, используемого при наиболее неотложных нуждах отечества» (Манфред, 1965. С. 122). Отсюда следует вывод, что террор, в его представлении, средство крайнее и вынужденное, обусловленное необходимостью сохранения республики в борьбе с врагами революции, как внутренними, так и внешними. Само содержание политики террора было закреплено в декрете Конвента и Комитета Общественного Спасения от 17 сентября 1793 г., носящего название «Декрет о подозрительных». Документ предусматривал систему карательных мер, которым будут подвергнуты «подозрительные», т. е. лица, которые «своим поведением или связями, речами или сочинениями проявили себя как сторонники тирании феодализма и враги свободы», лица, смещённые Конвентом или его комиссарами, бывшие дворяне, не доказавшие верности Республике, и лица, эмигрировавшие из Франции (Люблинская, 1957. С. 173). Другими словами – все, кто был готов представлять хотя бы косвенную опасность правлению якобинцев. Здесь уместно возвращение к буквальной трактовке термина «террор» – «страх и ужас» (Чудинов, 1894. С. 853), т. к. декрет, изданный Конвентом, направлен не столько на уничтожение контрреволюционных элементов, сколько на запугивание «недовольных революцией».

Великая Французская революция привнесла термин «террор», как сформировавшееся понятие с содержанием гораздо шире, чем изначальный лексический смысл. В трактовке термина закрепилось значение политики систематического насилия и устрашения, чего ранее не было в социально-политических процессах предыдущих периодов, так как только в данных хронологических рамках эта практика оформилась в понятие. Понимание революционного террора, как метода устранения противников в контексте революционной борьбы, сопровождающегося созданием атмосферы страха в обществе, стало базисным для всех будущих теорий террора.

Следующей существенной вехой трансформации термина «террор» можно обозначить период 1860–1880-х гг. в Российской империи. Социально-политические движения, оформившиеся в представленных хронологических и территориальных рамках, были построены на парадигме террора, оформившейся в эпоху Великого Террора во Франции, но имели свою уникальную особенность. Их уникальность заключалась в том, что идеологическое обоснование применения такого метода требовало наличия «революционной ситуации». Другими словами, необходимо было открытое, выраженное недовольство широких масс населения государственной властью, чего в обозначенный период не наблюдалось. Польское восстание 1863–1864 гг. не ставило своей целью свержение монархического строя, а являлось национально-освободительным движением, поэтому оно не могло создать «революционной ситуации» (Айрапетов, 2013. С. 9). При таких условиях идеологическое обоснование террора как метода, оторванного от революционного процесса, не могло являться смыслосодержащим, т. к. в контексте Великой Французской революции базис – именно в революционной борьбе.

Своё право на существование террор 1860–1880-х гг. нашел в создании картины перманентной борьбы – история представляется как постоянная борьба угнетаемых и угнетателей, а так же появляется теоретическое начало революционной борьбы. Это находит своё отражение в одном из первых идеологических трудов террористического направления – прокламации «Молодая Россия» П.Г. Заичневского: «Россия вступает в революционный период своего существования…мы издадим один

крик: «в топоры», и тогда…бей «императорскую партию», не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелиться выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и сёлам» (Будницкий, 1996. С. 28–31). На момент выхода прокламации в свет революционных событий в России не происходило, но с освещением «вступления в революционный период» методы террора стали актуальны, как и во время Великой Французской революции. К этому добавлялось наличие революционной героики, т. е. вознесения в культ деятелей борьбы против государственной системы. Образ декабристов, как жертв ужасного недопонимания государством общественных требований, превратился в мученический, якобинцы 1790-х гг. представлены как люди, стремящиеся к справедливости, и их методы уже не представлялись излишними. Более того, «…мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито Якобинцами в 90-х годах» (Там же. С. 30). Помимо этого, в представленный период активно культивировался образ жертвенности героя, где герой-террорист «отчищается от прежних грехов». Иначе говоря, «создается убеждение в его моральной неподсудности, что делает невозможной разрушительную для героики подполья мысль о том, что герой зачастую становится не только жертвой, но и убийцей. Для создателей мифа он всегда – агнец непорочный» (Горбунов, 2007. С. 11). Сама жертвенность террориста оправдывала его в глазах общественности, а государственную власть подчёркивала как палача и угнетателя. Примером может служить дело первой женщины-террористки Веры Засулич, которая покушалась на жизнь обер-полицмейстера Ф.Ф. Трепова с целью мести за несправедливое наказание А.С. Боголюбова. Приговором суда В. Засулич была оправдана, а в глазах общественности её образ стал героическим. А вот Ф. Трепов был осужден обществом, и в знак протеста вышел в отставку, т. к. считал, что суд и общественность поступили несправедливо (Борисова, 2015).

Двоякий взгляд на террор представил Лев Тихомиров – активный член народнического движения, сторонник террористических методов, в том числе и цареубийства. В 1881 г. после удачного покушения на Александра II Л. Тихомиров написал письмо Александру III, в котором ярко подчёркивалась приверженность автора к террору: «…Страшный взрыв, кровавая перетасовка, судорожное революционное потрясение всей России завершит этот процесс разрушения старого порядка» (Гинев, 1989. С. 331). Но в 1886 г. Л. Тихомиров резко изменил свой взгляд не только на террор, но и на революцию в целом, и стал ярым монархистом. Его переход из одного лагеря в другой революционные круги осудили, и к его критике террора, изложенной в одном из выпусков «Вестника Народной воли» 1886 г., отнеслись с осуждением (Смолин, 2004. С. 4)[1]. Вероятно, такая рефлексия революционной субкультуры была вызвана тем, что Л. Тихомиров, в отличие от В. Засулич, несмотря на активную пропагандистскую и подготовительную работу, был более теоретиком терроризма, а следовательно, не попал в пантеон «героев-мучеников».

В XIX в. рефлексия различных социальных групп и институтов на террор претерпела больше изменений, чем во время Великой Французской революции. Помимо восприятия террора в системе «свои-чужие» (т. к. антитеррористические действия государственной власти так же могли быть расценены как террор «сверху»), со стороны системы управления государством террор был воспринят как криминальное преступление, что дало террору новый окрас противозаконной деятельности. Кроме того, восприятие радикальными кругами методики террора в некоторых случаях получило негативный окрас, как средства изначально лишнего в революционной борьбе. Вследствие становления образа террориста-героя, в обществе возникала симпатия к революционному террору, что обусловило положительную оценку не только метода, но и мифологического образа. Но таковая оценка сохранялась до убийства Александра II, после которо-

[1] Смолин М.Б. Государственно-правовые идеи Л.А. Тихомирова : автореф. дис. … канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2004. 22 с.
Smolin M.B. State legal ideas of L.A. Tikhomirov: Cand. histor. sci. syn. diss. St. Petersburg, 2004. 22 p.

го произошел спад популярности революционной идеи, что обусловило дальнейший её кризис.

До начала XX в. практика террора находилась в глубоком кризисе, практически всеми социальными слоями российского общества террор осуждался, романтизирование героя-террориста позволяло сохранять миф о «справедливых террористах» до убийства Александра II, но после образ уже сохранял негативный ареол. Но, в то же время, в леворадикальных кругах сохранялось принятие террора, как единственного, действенного пути к разжиганию революционного настроения масс. Несмотря на то, что агитационная работа одинаково высоко ценилась всеми политическими направлениями, террору отводилась роль «вершения справедливости», но до 1900-х, по большей части теоретическая. Ведь всего за период с 1860-х по 1900 гг. в результате террористических актов пострадало не более 100 человек, а это не такой большой показатель, с учётом того, что террористическая практика считалась основным методом политической борьбы «снизу» (Гейфман, 1997. С. 4).

На новом этапе социальная база сторонников метода террора расширилась. Если террор середины XIX в. был представлен, в основном, классом интеллигенции, то к началу XX в., вследствие ускорившейся капиталистической трансформации, в качестве «ущемлённых» оказалось немало людей низких слоёв, которые легко подвергались идеологической обработке радикальных групп. Это и вызывало основные изменения характера террора, следовательно, и рефлексию общественности, которая диктовала смысловое содержание термина.

Изменилась и цель информационного посыла в самом террористическом акте. Если в народовольческом движении информационный посыл терактом (ведь одна из основных функций террора – передача информационного посыла «страха и ужаса» какому-либо адресату) был направлен в сторону властных кругов, то в начале XX в. основным адресатом стало население Российской империи в целом. Широкой общественности от разных террористических организаций с различной идеологической направленностью передавался информационный посыл двух типов содержания. Первый заключал в себе призыв для революционного подъема, так как он изобличал власть, как слабую и неспособную на самозащиту, а, следовательно, и неспособную сопротивляться волнениям народных масс. Своего рода агитационный приём. Второй посыл общественности обвинял власть, показывал, что государство не может никого защитить, не только себя, но и всё население, что в напряженной обстановке в стране виноваты исключительно правящие круги. Трансформация террора с приобретением последнего посыла впоследствии станет основной смыслосодержащей информационной направленностью последующих видов терроризма, в том числе и современных.

С ростом радикальных групп увеличивалось количество программных трактовок террора, и поэтому градация его принятия была от крайне отвергающей, до единственно-возможной методики. Рассмотреть смысловое содержание термина в представленном контексте удобнее всего будет с трёх позиций: позиции социал-демократов, идеологии эсеров и анархистов. РСДРП, будучи внутренне разделена на два лагеря, – большевистский и меньшевистский, была едина в своей критике индивидуального террора эсеров, поскольку, в соответствии с теорией марксизма, развитие истории происходит через классовую борьбу, основным движущим элементом которой является возмущение народных масс, а не отдельных террористических групп. Но в то же время большевики, являясь более революционно настроенными, предполагали применение террора: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это – одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях», – писал В.И. Ленин в 1901 г. (Ленин, 1967. Т. 5. С. 7). Позднее, во время революционных событий 1905–1907 гг. В.И. Ленин призывал в интересах «революционной целесообразности» вести «партизанскую борьбу», которая по своему содержанию и состояла из террористических актов (Серебренников, 2002. С. 36)[2]. Сторонники меньшевистского лагеря

[2] Серебренников И.П. Революционный террор в Восточной Сибири (1900 – февраль 1917 гг.) : монография. Иркутск : Изд-

отвергали террор как метод борьбы с самодержавием, несмотря на то, что Г.В. Плеханов в некоторые моменты предполагал использование данного метода, основное их течение не выходило из русла противления террору, заданного Ю. Мартовым (Там же. С. 37).

Партия социалистов-революционеров, считавшая себя приемниками «Народной воли», принимала террор как один из основных методов, так как в соответствии с их идеологией развитие истории должно проходить не только через борьбу народных масс, обусловленную экономическим развитием, но ещё и при помощи борьбы личности в истории (Памятная книжка соціалиста-революціонера, 1911. С. 1–2). Эсеры подчёркивали, что их террор являлся сугубо политическим, и направлен только против государственной власти, другими словами, в обывателях они не видели мишеней. Также террор не являлся самоцелью, он был всего лишь одним из методов борьбы с государственной властью и «революционизирования народных масс».

Информационный посыл, вызываемый самим террористическим актом, имел несколько характеров. Во-первых, наведение «страха и ужаса» на властные структуры, во-вторых, как следствие первого, принудить их к уступкам, и в-третьих, – обезопасить самих террористов от правительственных репрессий (Аликина, 2013. С. 233). Но информационный посыл был направлен и в общество. Каждый террористический акт, каждый арест или казнь были агитацией за дело революции, способ распространения своих взглядов. (Будницкий, 1996. С. 201–202).

В идеологии анархизма всеми силами приветствовали террористическую тактику. Несмотря на то, что один из главных теоретиков анархизма П.А. Кропоткин не оставил прямых высказываний о терроре, ограничиваясь только замечаниями о том, что террор неизбежный спутник революции, поэтому его не стоит критиковать, анархистские течения и стали прародителями методики современного террора (Будницкий, 2000. С. 241). Ведь террор именно анархистского направления впервые поменял содержание информационного посыла террористического акта, направленного на широкие слои общества. Террор анархистов стал сеять страх и ужас уже не столько в умах властных кругов и правоохранительных органов, сколько в сердцах простых людей, порождая у последних чувства незащищенности. Рост анархического террора начался с 1905 г. всплеском не только политических убийств, но и провокационных террористических актов, таких как взрывы бомб в трамваях, парках, ресторанах, так же беспорядочной стрельбой в толпы людей, чтобы создать панику и давку. И всё это ради создания большего хаоса, способного уничтожить «старый мир» и стать силой для порождения нового. Сами анархисты называли эту методику «пропаганда действием», но в дальнейшем, из-за слабости идеологической аргументации необходимости случайных жертв, она приобрела название «безмотивный террор» (Randell D. Law, 2009. P. 90).

Базируясь на данном анализе можно сделать вывод, что термин «террор», зарождённый в античном мире, с момента введения его в оборот для обозначения политических действий за период революционных трансформаций на европейском континенте претерпевал существенные изменения своего смыслового содержания. Приобретя политическое направление информационного посыла акта свершения террора во время Великой Французской революции, сам термин стал означать не просто «страх и ужас» в своём изначальном лексическом значении, а адресную направленность данных состояний конкретной цели, выбранной террористами. Применяемый в политическом контексте, термин «террор» стал восприниматься как метод устранения политических противников, сопровождающийся атмосферой страха и ужаса. Тогда же термин приобрёл негативный окрас, как средство излишне жестокой политики государства, борющегося за сохранение своих ценностей и политических свобод. Позднее, во второй половине XIX в., термин «террор» был воспринят русским революционным сообществом, которое несколько

во Иркутутского государственного педагогического университета, 2002. 144 с.
Serebrennikov I.P. Revolutionary terror in Eastern Siberia (1900 – February 1917): a monograph. Irkutsk: Publishing house of the Irkutsk State Pedagogical University, 2002. 144 p.

изменило его сущность путём мифологизации революционных идеалов. Несмотря на то, что данный период не являлся революционным, термин оставался в контексте революции, т. к. теоретическое оправдание революционного метода вне революционных процессов выразилось в двух теоретических подходах. Первый содержал в себе представления о «перманентной революции», что доказывало актуальность террора на любом хронологическом отрезке. Второй был выражен обозначением отправной точки теоретического начала революции. В новом виде термин стал иметь значение как метод физического устранения представителей государственного аппарата, сопровождающийся жертвенностью субъекта террористического акта, и несущим информационный посыл политическим кругам, имеющий своей целью создать атмосферу страха и ужаса у адресата. Несмотря на то, что убийством Александра II террор на некоторое время дискредитировал себя как метод, смысловое содержание значения термина не изменялось до начала XX в. В начале столетия возникли новые типы представителей террористических движений. Что повлекло неизбежную трансформацию смыслового содержания термина «террор». Трансформация заключалась в том, что информационный посыл поменял вектор направления с «преимущественно власти» на «преимущественно народу», что превратило террор в средство массовой агитации, а так же в том, что возникла новая концепция «немотивированного террора», которая закрепилась в исторической памяти как способ не только политической, но и общественной дестабилизации.

Статья поступила 13.10.2017 г.

Article was received in October, 13, 2017

Библиографический список

Айрапетов О.Р. Царство польское в политике империи 1863–1864 гг. // Русский Сборник: исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2013. Т. XV. 536 с.

Аликина Ю.И. Социалисты-революционеры и террор // Вестник Красноярского педагогического университета. 2013. № 2 (24). С. 232–235.

Будницкий О.В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. 576 с.

Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2000. 399 с.

Борисова Т. «Необходимая оборона общества»: язык суда над Засулич // Новое литературное обозрение. 2015. № 5 (135) URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2015/5/11b.html (Дата обращения: 3.09.2017)

Гейфман А. Революционный террор в России 1894–1917. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 448 с.

Гинев В.Н., Цамутали А.Н. «Народная воля» и «Чёрный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. Л.: Лениздат, 1989. 415 с.

References

Airapetov O.R. The Kingdom of Poland in the Politics of the Empire in 1863–1864. *Russkii Sbornik: issledovaniya po istorii Rossii* [Russian Collection: Studies on the History of Russia]. Moscow: Modest Kolerov Publ., 2013, vol. XV, 536 p. (In Russian).

Alikina Yu.I. Socialist-Revolutionaries and Terror. *Vestnik Krasnoyarskogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University], 2013, no. 2 (24), pp. 232–235. (In Russian).

Budnitskii O.V. *Istoriya terrorizma v Rossii v dokumentakh, biografiyakh, issledovaniyakh* [The history of terrorism in Russia in documents, biographies, studies]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 1996. 576 p.

Budnitskii O.V. *Terrorizm v rossiiskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (second half of the XIX – early XX century.)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2000. 399 p.

Borisova T. “Necessary defense of society”: the language of the trial of Zasulich. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary observer], 2015, no. 5 (135). (In Russian). Available at: http://magazines.russ.ru/nlo/2015/5/11b.html (Accessed September, 3, 2017)

Geifman A. *Revolyutsionnyi terror v Rossii 1894–1917* [Revolutionary Terror in Russia 1894–1917]. Moscow: KRON-PRESS Publ., 1997. 448 p.

Ginev V.N., Tsamutali A.N. “*Narodnaya volya” i “Chernyi peredel”: Vospominaniya uchastnikov revolyutsionnogo dvizheniya v Peterburge v 1879–1882 gg.* [“Narodnaya Volya” and “Black redistribution”: Memoirs of participants in the revolutionary movement in St. Peters-

Горбунов Ю.С. Зарождение терроризма // История государства и права. 2007. № 17. С. 11–15.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 5. М.: Изд-во политической литературы, 1967. 550 с.

Люблинская А.Д. Прицнер Д.П., Кузьмин Ж.Н. Очерки истории Франции. Л.: 1957. 369 с.

Манфред А.З. Рогинская А.Е. Шуваева Ф.Б. Максимилиан Робеспьер: избранные произведения в трёх томах. Т. 3. Наука. М.: 1965. 318 с.

Памятная книжка соціалиста-революціонера. Выпуск 1. 1911. 82 с.

Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. URL: http://www.e-reading.by/chapter.php/1028295/3/Hoffman_Terrorizm_vzglyad_iznutri.html (Дата обращения: 26.08.2017)

Чудинов А.Н. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ в составъ русскаго языка. С-Петербург : издание книгопродавца В.И. Губинскаго, 1894. 989 с.

Randell D. Law Terrorism: a History Cambridge, Melden: Polity Press, 2009. 364 p.

burg in 1879–1882]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1989. 415 p.

Gorbunov Yu.S. The origin of terrorism. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2007, no. 17, pp. 11–15. (In Russian).

Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings]. Moscow: Politicheskoi literatury Publ., 1967. Vol. 5. 550 p.

Lyublinskaya A.D. Pritsner D.P., Kuz'min Zh.N. Ocherki istorii Frantsii [Essays on the history of France]. Leningrad, 1957. 369 p.

Manfred A.Z. Roginskaya A.E. Shuvaeva F.B. Maksimilian Robesp'er: izbrannye proizvedeniya v trekh tomakh [Maximilian Robespierre: selected works in three volumes]. Moscow: Nauka Publ., 1965, vol. 3. 318 p.

Pamyatnaya knizhka sotsialista-revolyutsionera [A Memorable Book of the Socialist-Revolutionary]. Iss. 1. 1911. 82 p.

Khoffman B. Terrorism – a view from within. (In Russian). Available at: http://www.e-reading.by/chapter.php/1028295/3/Hoffman_Terrorizm_vzglyad_iznutri.html (Accessed August, 26, 2017)

Chudinov A.N. *Slovar' inostrannykh" slov", voshedshikh" v sostav" russkago yazyka* [Dictionary of foreign words, included in the composition of the Russian language]. S-Peterburg: izdanie knigoprodavtsa V.I. Gubinskago Publ., 1894. 989 p.

Randell D. Law Terrorism: a History Cambridge, Melden: Polity Press, 2009. 364 p.

Сведения об авторах

Гуров Константин Александрович,
аспирант кафедры истории и методики,
Педагогический институт Иркутского государственного университета,
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1,
e-mail: love_family@bk.ru

Серебренников Игорь Петрович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и методики,
Педагогический институт Иркутского государственного университета,
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1,
e-mail: ipser73@yandex.ru

Information about the authors

Konstantin A. Gurov,
Graduate student of the Department of History and Methods,
Pedagogical Institute, Irkutsk State University,
1 Karl Marks Str., Irkutsk 664003, Russian Federation,
e-mail: love_family@bk.ru

Igor' P. Serebrennikov,
Candidate of Science (History), associate-professor of the Department of History and Methods,
Pedagogical Institute, Irkutsk State University,
1 Karl Marks Str., Irkutsk 664003, Russian Federation,
e-mail: ipser73@yandex.ru

Критерии авторства

К.А. Гуров, И.П. Серебренников выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за её оригинальность.

Attribution criteria

Gurov K.A. and Serebrennikov I.P. made research work, based on the obtained and generalized results, prepared the manuscript and documents for printing, have copyrights for the article and bear full responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 355.40 (47:51) (091)
http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-134-144

КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОСОБОГО ОТДЕЛА ИРКУТСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© Т.В. Федорова, А.В. Степанов
Иркутский государственный университет,
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1.

Аннотация. Решение главной задачи обеспечения системы безопасности Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. заключалось в защите базовых основ государственного устройства, охране приграничных территорий, а также в формировании стратегии борьбы с иностранными спецслужбами. Учитывая высокое значение Иркутской губернии как особого плацдарма в условиях взаимодействия со странами Дальневосточного региона, которые видели в Восточной Сибири фундамент для ведения боевых действий с центральной Россией, здесь были сформированы структуры противодействия военному шпионству, такие как подразделения Отдельного корпуса жандармов, губернские жандармские управления, а с 1911 г. особые контрразведывательные отделения.

В данной статье на основе архивных материалов анализируется роль особого отдела Иркутского губернского жандармского управления в деле борьбы со шпионажем на территории Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в., раскрываются методы и формы контрразведывательной работы.

Ключевые слова: контрразведка, шпионаж, агентурная сеть, надзор, губернское жандармское управление, отдельный корпус жандармов, особый отдел, система государственной безопасности, Первая мировая война, Иркутская губерния.

Формат цитирования: Федорова Т.В., Степанов А.В. Контрразведывательная деятельность особого отдела Иркутского губернского жандармского управления во второй половине XIX – начале XX века // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 134–144. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-134-144

COUNTERINTELLIGENCE ACTIVITIES OF THE DEPARTMENT OF THE IRKUTSK PROVINCIAL GENDARMERIE MANAGEMENT IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY

© T.V. Fedorova, A.V. Stepanov
Irkutsk State University,
1 Karl Marx Str., Irkutsk 664003, Russian Federation

Abstract. The solution of the main task of providing a security system of the Russian Empire in the second half of 19th – the beginning of the 20th century consisted in protection of main bases of state system, protection of border territories and in formation of strategy of fight against foreign intelligence agencies. Given the high importance of the Irkutsk province as a special springboard in the context of interaction with the countries of the Far Eastern region, who saw in Eastern Siberia the foundation for conducting military operations with central Russia, there were formed structures of counteraction to military espionage, such as units of the Independent corps of gendarmes, provincial gendarmerie departments, and since 1911 special counterintelligence departments.

In this article, on the basis of archival materials the role of special department of the Irkutsk provincial gendarme management in fight against espionage in the territory of Eastern Siberia in the second half of 19th – the beginning of the 20th century is analyzed, methods and forms of counterintelligence work are disclosed.

Keywords: counterintelligence, espionage, agent network, supervision, provincial gendarmerie Department, separate gendarmes corps, special Department, state security system, First World War, Irkutsk province

For citation: Fedorova T.V., Stepanov A.V. Counterintelligence Activities of the Department of the Irkutsk Provincial Gendarmerie Management in the Second Half of XIX – Early XX Century. Journal of Ancient Technology Laboratory. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 134–144. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-134-144

В начале XXI в. в России и на мировой арене начали происходить глобальные изменения, которые оказывают значительное влияние не только на политическое, экономическое и социальное развитие государств, принимающих в этих процессах непосредственное участие, но и втягивают в свою орбиту противоборствующие стороны различных спецслужб стран-участников. Рост терроризма, активизация не только в странах ближнего и дальнего зарубежья сепаратистских сил в лице усиливающейся оппозиции, рост протестного движения в обществе в целом свидетельствуют об определённом сходстве ситуации в дореволюционной и современной России. Действия организаций, стремящихся к насильственным изменениям порядка управления и основ государственного строя, представляют угрозу устойчивости государственной системы. Не меньшая опасность стабильности развития страны исходит и от действий иностранных спецслужб и организаций, направленных на нанесение ущерба Российской Федерации.

При анализе историографии деятельности органов контрразведки на территории Иркутской губернии было обнаружено, что период второй половины XIX – начала XX в., оказался наименее изученным. Имелся лишь ряд публикаций, но в целом, фундаментальных работ по исследованию системы создания и функционирования контрразведывательных отделений (КРО), их методов работы на территории Восточной Сибири крайне мало для всестороннего анализа проблемы. До 1917 г. работа российских КРО изучалась крайне редко, что, в свою очередь, было связано с особым режимом секретности их функционирования, а об их функционировании на территории Иркутской губернии не писалось вообще. Первые работы, касающиеся деятельности контрразведывательных отделений, вышли в период реформы этой службы с созданием в 1911 г. общероссийской сети контрразведки. Именно тогда и потребовалась теоретическая база для их функционирования. В результате была издана работа В.Н. Клембовского (Клембовский, 1911), раскрывающая основы борьбы с военным шпионажем, а в начале Первой мировой войны и А.С. Резанова (Резанов, 1914), основанная на противодействии немецким шпионам. Частично и достаточно поверхностно о представителях контрразведки писали исследователи структуры губернских жандармских управлений и департамента полиции, которые до указанной выше реформы занимались не только своими прямыми обязанностями по поимке уголовных и политических преступников, но и борьбой со шпионажем. К подобного рода исследованиям можно отнести труд М.К. Лемке (Лемке, 1920), рассматривающий этапы развития органов государственной безопасности в России. Но стоит отметить, что эти издания предназначались лишь для служебного пользования представителей органов государственной безопасности, и широкому кругу исследователей долгое время не были доступны.

Примечательно, что в советский период и сохраняющаяся долгое время сложилась своеобразная специфика, в которой процесс функционирования КРО не рассматривался, а лишь упоминался вскользь. Особенно слабо освещалась деятельность региональных контрразведывательных отделений, поскольку информация о сущности преобразований в этот период затенялась сведениями, связанными с революционными событиями. В этом ряду особенно выделяется издание, выпущенное под контролем разведуправления Штаба Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). Это вышедший в 20-е гг. двухтомный фундаментальный труд о деятельности агентурной разведки в царской России, представленный К.К. Звонаревым (Зайгэне), который был издан в 1929–1931 гг. «Для служебных целей» (Звонарев, 1929). В связи с созданием в советский период новых органов надзора вопросу контрразведывательной деятельности губернских жандармских управлений (ГЖУ) долгое время не уделялось должного внимания. И лишь со второй половины 70-х гг. появляется научная публикация Б.Н. Венедиктова (Венедиктов, 1976) по истории функционирования русской контрразведки в дореволюционный период, ценностью которой является то, что автор осветил нормативно-правовую базу функционирования КРО, а также раскрыл, хотя и кратко, их структуру.

Особый интерес исследователей к вопросам контрразведки начал возникать лишь с конца 90-х гг. XX в., что, в свою очередь, связано со сняти-

ем грифа секретности со многих архивных документов. В результате научному сообществу был представлен ряд исследований А.А. Здановича (Зданович, 2004) и Д.В. Максимова (Максимов, 2006), которые раскрывают эволюцию системы контрразведки как в дореволюционный, так и в советский периоды. Работа И.В. Деревянко (Деревянко, 2005) характеризует деятельность и структуру спецслужб дореволюционной России периода Русско-японской войны 1904–1905 гг. В ней автор, опираясь на многочисленные архивные документы, рассматривает вопросы функционирования и структурирования системы контрразведывательных подразделений. Региональная специфика исследования контрразведывательных отделений и их роль в политической системе государства отражена в трудах: Е.В. Добычиной (Добычина, 2000), А.Н. Качкина (Качкин, 2013), Н.С. Кирмель (Кирмель, 2001), Б.А. Старкова (Старков, 2006) и др. Функционирование КРО Иркутской губернии рассматривается в исследовании А.А. Иванова «Иркутские жандармы» (Иванов, 2009).

За последние годы количество работ и научных публикаций в этом направлении увеличивается по сравнению с советским периодом истории, вместе с тем на сегодняшний день вопрос контрразведывательной деятельности особого отдела Иркутского губернского жандармского управления во второй половине XIX – начале XX в. изучен неравномерно и, в целом, недостаточно.

Важное место в источниковой базе нашего исследования занимают материалы Государственного архива Иркутской области (ГАИО), фонды: 25 (Канцелярия Иркутского генерал-губернатора) и 600 (Иркутское губернское жандармское управление), которые содержат материалы переписки и ведения следственных дел о шпионаже граждан Китая, Японии, а также Америки, Германии и других государств как в пользу своих стран, так и в пользу Германии в период Первой мировой войны. В предложенной статье сделана попытка изучения деятельности российской контрразведки на территории Иркутской губернии на основании архивных сведений, впервые вводимых в научный оборот.

«Тайная деятельность государств друг против друга существовала всегда. Но только во второй половине XIX – начале XX в. спецслужбы получили окончательные и рельефные, четко очерченные структурно-организационные построения, утвердились и закрепили за собой место в политической системе государства, сложились и оформились общие закономерности их существования и развития» (Шаваев, 2003. С. 15).

Наибольшие потрясения в данный период выпали на долю спецслужб, российской контрразведки. Во второй половине XIX в. в связи с изменениями геополитической ситуации значительно возросла роль деятельности органов государственной безопасности в восточных районах империи. Российская контрразведка постепенно стала превращаться в самостоятельный вид государственной деятельности, потребовавший разработки и принятия комплекса организационных, правовых, финансовых и иных мер долгосрочного характера. Встала проблема подготовки и закрепления профессионально обученных кадров (Канунников, 1994. С. 33–34).

Иркутская губерния Российской империи по своему географическому и стратегическому положению довольно часто привлекала внимание иностранных спецслужб и, в первую очередь, таких государств как Япония и Китай, а после начала Первой мировой войны и Германии. Это было связано, во-первых, с близостью ее южных границ с Китайской империей (Монголия), во-вторых, с военно-стратегическим значением данной территории в отношении восточной политики Российской империи, а в-третьих, с 1914 г. именно Иркутская губерния стала плацдармом для ссылки большого количества германских, австро-венгерских военнопленных, а также военнопленных тех государств, которые являлись союзниками Германии в этой войне, которые вели активную подрывную деятельность в пользу противников России.

Следует отметить, что в экономическом и мобилизационном отношении Иркутская губерния представляла собой достаточно важную составляющую для укрепления позиций противника в случае ведения боевых действий на территории Восточной Сибири. Иркутским генерал-губернатором А.Н. Селивановым в 1908 г. в отчете на имя его императорского величества отмечается

особое значение Иркутского генерал-губернаторства как пограничного края. «С присоединением Забайкальской области к Иркутскому генерал-губернаторству, вверенный мне край соприкасается с Китаем почти на 3 тыс. верст. Замечающееся пробуждение Китая и энергичные меры китайского правительства к укреплению своего влияния в Монголии придают Иркутскому генерал-губернаторству, как сопредельному с Китаем краю и возможному в будущем театру военных действий, исключительно важное положение» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 12 доп. Д. 130. Л. 5).

Противостоять же подобной угрозе государственной безопасности страны должны были созданные в 1911 г. после проведенной реформы контрразведывательные отделения (КРО), а в дореформенный период особые отделы губернских жандармских управлений (ГЖУ). Иркутское ГЖУ, созданное еще в 30-х годах XIX в., практически весь период своего существования занималось контрразведывательной деятельностью. Это связано с тем, что в губернии наибольшую активность во второй половине XIX – начале XX в. получила японская шпионская агентурная сеть, которая усилила свою активность после Русско-японской войны. Об этой проблеме достаточно четко говорится в докладе начальника Иркутского ГЖУ директору Департамента полиции в апреле 1908 г., из которого следует что: «Вслед за прекращением военных действий на Дальнем Востоке стал замечаться наплыв в виде врачей, фотографов, прачечников в главных городах Приамурского и Иркутского генерал-губернаторств. По имеющимся данным, многие из японцев только прикрываются указанными профессиями, в действительности же занимаются систематической военной разведкой» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 142. Л. 31). Наибольший интерес среди представителей иностранных спецслужб вызывала Амурская, Сибирская, Китайско-Восточная железные дороги и их инфраструктура.

После проведения реформы в системе государственной безопасности Российской империи были созданы контрразведывательные отделения, в том числе и в Иркутской губернии. Штат КРО здесь формировался из офицеров отдельного корпуса жандармов на основе приказа по корпусу, в котором говорилось следующее: «Признано желательным, чтобы начальники контрразведывательных отделений преимущественно назначались из помощников начальников этих отделений, числящихся в отдельном корпусе жандармов; в случае неимения соответствующих кандидатов из числа последних, начальники контрразведывательных отделений избираются начальником Генерального Штаба из числа рекомендованных командиром отдельного корпуса жандармов офицеров этого корпуса» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 305. Л. 16–16 об.). В результате в 1911 г. шефом иркутской контрразведки стал жандармский ротмистр А.И. Куприянов, служивший прежде в районном охранном отделении.

Система работы Иркутского ГЖУ и контрразведывательного отделения непосредственно отражена в секретных донесениях, рапортах, докладах, секретных шифрованных телеграммах, а также журналах и материалах допросов граждан, подозреваемых и уличённых в шпионаже в пользу иностранных держав. Деятельность и методы работы Иркутских контрразведчиков как нельзя ярче отражены в материалах дел и секретной переписке.

Наибольшую активность здесь развернули агенты Китая и Японии, из которых последние имели не только в Сибири и на Дальнем Востоке, но и в центральной части Российской империи разветвленную агентурную сеть, в которую входили, кроме разведочных бюро, также дома терпимости, булочные, часовщики, доктора, фотографы, да и сами японские общины активно работали по сбору информации в пользу своей страны. В секретном донесении отдельного корпуса жандармов ротмистра Зелийского на имя Иркутского губернатора за № 5502 от 19 сентября 1913 г. сообщалось, что «15 сего сентября начальник Иннокентьевского отделения жандармского полицейского управления сибирской железной дороги арестовал по подозрению в военном шпионстве китайских подданных Ма-си-цзы и Цао-ти-чжана. В отобранных у китайца Ма-си-цзы вещах были обнаружены «фотографическая карточка, на которой он снят в форме китайского офицера и русско-китайский словарь военного характера» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 684. Л. 1–1 об.). У второго китайца при себе имелось

значительное количество писем на китайском языке.

Стоит отметить, что наибольшую бдительность в деле выявления угрозы государственной безопасности страны проявил отдельного корпуса жандармов ротмистр Попов, из секретного донесения которого начальнику Иркутского губернского жандармского управления от 1 октября 1913 г. за № 617 следует, что «30-го минувшего сентября на станции Иркутск были задержаны китаец Сунь-Лу, он же Чжан-Фынь-Сан, и ехавший вместе с последним в поезде № 5 неизвестный японец, которого находившиеся на станции чиновник для поручений Бибик и агенты наружного наблюдения признали за японца Миамура, проживавшего в г. Иркутске, проходившего по наблюдению под кличкой «Слепой» и, по агентурным сведениям, занимавшегося здесь военным шпионством» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 684. Л. 21). При задержании японец Миамура заявил, что он японский подданный Ямасита Катта, который имел при себе национальный паспорт за № 4059. «На японца Миамура в декабре месяце 1911 г. в отделении были получены агентурные сведения, указывающие на знакомство его с чинами военного ведомства, что в связи с указанием той же агентуры на обстановку жизни этого японца дало возможность заподозрить его в военном шпионстве» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 684. Л. 23–23 об.). В результате четкой и слаженной работы специалистов контрразведки удалось задержать и выслать из страны японских и китайских шпионов. Таким образом из секретных донесений контрразведчиков Особого отдела Иркутского ГЖУ Главное управление Генерального штаба, в частности отдел генерал-квартирмейстера получал полные сведения о действиях иностранных шпионов в регионе, статистические данные и характеристики сведений, которые стремилась получить тайная агентура зарубежных спецслужб, не только на прямую, но и посредством подкупа местного населения.

Эти донесения свидетельствуют о том, что были и такие представители среди не только гражданского, но и военного состава, которые шли против интересов собственного государства в угоду мимолетной наживы, при этом шпионя практически в самом военном штабе у командующего войсками Иркутского военного округа. И в деле борьбы со шпионажем проявил себя младший агент Иркутского КРО Уласовец. Из срочного, совершенно секретного донесения на имя начальника Иркутского губернского жандармского управления от 8 сентября 1913 г. № 570 следовало, что 14 июня 1913 г. младший агент отделения Уласовец, находясь в наблюдении на Тихвинской улице (ныне Сухе-Батора), около 1 часа дня обратил внимание на проживающего на той же улице неизвестного японца, который все время оглядывался по сторонам. «Через несколько минут со стороны Большой улицы (ныне Карла Маркса) появился рядовой местного стрелкового полка, который, подойдя к японцу и здороваясь с ним за руку, передал последнему во время рукопожатия небольшой клочок бумаги» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 683. Л. 1). Уласовец находился в наблюдении один и не имел возможности проследить за обоими подозреваемыми, стал наблюдать за рядовым, нагнав которого на Большой улице, вступил с ним в разговор, спросив, не может ли он указать место расквартирования одной из рот 26-го полка (рядовой имел на погонах цифру 26), где будто бы служит его знакомый. «Рядовой ответил, что 26-й полк находится в настоящее время в лагерях. На вопрос Уласовца, почему же он проживает в городе, тот ответил, что он служит в качестве казенной прислуги у командующего войсками Иркутского военного округа. Опасаясь дальнейшими расспросами вызвать подозрение, агент, простившись с нижним чином, отпустил его на большое расстояние и взял в наблюдение, после чего установил, что означенный рядовой зашел в ворота дома командующего войсками. О выше изложенном было тотчас же доложено командующему войсками и его высокопревосходительство приказал вести дальнейшее наблюдение за Кацаном (фамилия рядового по установке)» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 683. Л. 1 об.). Сразу установить личность японца агент Уласовец не смог, так как через 2 дня после указанного выше случая заболел брюшным тифом и около месяца пролежал в больнице. В июле месяце того же года ротмистром Поповым были получены сведения от заграничной агентуры, что в Харбинском японском консульстве имеется доклад о поездке командую-

щего войсками Иркутского военного округа в начале июня в Манчжурию, составленный бывшим секретарем Владивостокского японского консульства Хирото-Минорием. Материалом для доклада послужили сведения данные Хирото-Минорием служащим у командующего войсками. При проверке этих сведений выяснилось, что в первых числах июня в Иркутске действительно проживал указанный выше Хирото-Минорий в гостинице «Националь», откуда он выбыл 7 июня неизвестно куда. По сведениям местной агентуры, Хирото-Минорий в течение 10 дней проживал в японской прачечной Сираиси на Графо-Кутайсовой улице. В результате за рядовым Кацаном было установлено наружное наблюдение и дана кличка «Борода». Так же было замечено, что 20-го июня он около 12 часов дня зашел в прачечную Сираиси, имея в руках небольшой сверток, завернутый в газетную бумагу. Далее агентурным путем было установлено, что Кацан вошел в соглашение с японским правительством с целью сообщать последнему секретные сведения, какие он может получить, находясь на службе у командующего войсками (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 683. Л. 1 об., 2).

Из агентурных данных, полученных ротмистром Поповым, следует, что Кацан Тарас Васильевич – рядовой 26-го Сибирского стрелкового полка, служил в качестве казенной прислуги у командующего войсками. В результате 8-го сентября в 11 часов ночи во дворе дома, где находилась японская прачечная Сираиси (угол 4-й Солдатской (ныне улица Киевская) и Графо-Кутайсовой (ныне улица Дзержинского) была организована засада с целью ареста Кацана на месте преступления (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 683. Л. 1–2). По постановлению ротмистра Попова Кацан был задержан в вышеупомянутой прачечной, при чем «у него была обнаружена записка: «Разведческое отделение состоит в г. Иркутске около штаба округа» и далее перечислялись фамилии офицеров разведческого отделения, записка эта бала подписана Кацаном. По объяснению последнего, записку эту он хотел продать неизвестному японцу за 100 руб., желая лишь путем обмана получить деньги, почему и поместил в этой записке вымышленные фамилии господ офицеров» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 683. Л. 3). Из дальнейших материалов дела следовало, что Тарас Васильевич Кацан находился под арестом в Иркутской главной военной гауптвахте.

Следующий период развития организации контрразведки России и Сибири в том числе связан с Первой мировой войной. Начавшаяся война показала, что контрразведка мирного времени должна быть дополнена системой специальных мер и соответствующих подразделений на театре военных действий. Она высветила многие изъяны системы обеспечения безопасности, а также способствовала усилению шпионской деятельности, в том числе и на территории Иркутской губернии. Что, в свою очередь, потребовало от противодействующей ей КРО большей активизации работы в данном направлении. В результате в 1916 г. шефом иркутской контрразведки был назначен жандармский ротмистр Алексей Николаевич Луцкий (рис. 1), человек с неординарными способностями – участник Русско-японской войны, который некоторое время работал в русском посольстве в Японии и знал специфику сбора информации. Результат напрямую был виден в раскрытии дела о шпионской деятельности, о которой говорится в секретной шифрованной телеграмме, присланной из Ташкента в Иркутск, о передвижении американских подданных, заподозренных в шпионстве.

Телеграмма была получена и расшифрована 28 июля 1916 г. (входящий журнал № 13696, дело № 118, ч. 9) из нее следует: «Сегодня скорым выбыли Ташкента без наблюдения билетами до станции Манчжурия американские подданные Артур Бродлей и Александр Купер заподозренные шпионстве точка Приметы Бродлея тридцати лет выше среднего роста шатен лицо продолговатое глаза серые нос прямой тонкий носит усы бороду бреет одет серую мягкую шляпу темно-синий или белый костюм Купера 38 лет среднего роста сложения шатен лицо продолговатое глаза серые нос немного вздернут кверху бороду бреет усы подстригает носит очки черной оправе желтоватыми стеклами одет серую заклепку серый костюм» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 988. Л. 79). В результате слаженных действий контрразведчиков Ташкентского и Иркутского отделений удалось задержать и обезвредить военных шпионов.

В этот период проявились результаты агентурной работы отдельного корпуса жандармов во взаимодействии с гражданским и военным населением. Так из всеподданнейшей жалобы № 10 бывшего главного кондуктора пассажирских поездов Николаевской Варшавско-Венской и Балтийской линии Северо-Западной железной дороги Павла Дмитриевича Волкова, 46 лет, на имя императора Николая Александровича, полученной от 2 февраля 1917 г. по входящему журналу № 10545, следует, что на территории оружейного завода г. Черемхово работал немецкий шпион (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1062. Л. 1). В своей жалобе П.Д. Волков вскрывает шпионскую сеть на угольных копях и механическом заводе Щелкунова, о которой он подробно описывает, что на заводе Петра Карповича Щелкунова «изготавливаются снаряды каким-то немецким шпионом» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1062. Л. 2). Волков постарался устроиться на работу на завод Щелкунова, что ему и удалось сделать 21 числа марта 1916 г., куда он и был принят в качестве денного сторожа у ворот завода. 25 марта 1916 г. в день Благовещенья пресвятой Богородицы на заводе случился пожар, о котором Волков сообщил управляющему заводом инженеру механику Николаю Васильевичу Оксаментову. Пожар удалось устранить, но выяснилось то обстоятельство, что литейный мастер, которого весь завод Щелкунова считал немецким шпионом, Антон Иванович Овсяк, занимался порчей снарядов, которые поставлялись на театр боевых действий. Установив доверительные отношения с мастером, Волков выяснил, что основной целью шпиона являлись взрывы некоторых мостов в Забайкалье. И хотя задержать шпиона не удалось, так как «Овсяк уже уехал из Черемхово неизвестно куда…» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1062. Л. 2 об.). В данной ситуации наглядно видна бдительность, настойчивого жителя, патриота своей страны и как он сам указывает «Вашего императорского величества верноподданный крестьянин…Павел Дмитриевич Волков» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1062. Л. 2 об.).

Кроме того, внимательным в период Первой мировой войны должен был быть не только каждый житель губернии, но и каждый военный. Так проезжавший через г. Иркутск 4 мая 1916 г. штабс-капитан Капитон Владимирович Карпенко по заявлению на имя его высокоблагородия господина начальника Иркутского жандармского губернского управления пишет следующее: «Проездом через город Иркутск зашел на Большую улицу около магазина Ощепкова в лавочку, содержимую каким-то греком, почистить сапоги. Сидело несколько прапорщиков и один юнкер, дожидавшиеся очереди. И вот я слышал, как грек (их два – один худой с повязанными зубами), худой, у которого зубы повязаны, настойчиво расспрашивал: сколько войск переправлено через Иркутск во Францию; сколько учится в военных школах прапорщиков; сколько в сутки следует поездов со скарбом далее через Владивосток. Полагаю, что это место, куда повидимому много сходится юнкеров и прапорщиков, очень вредно, особенно принимая во внимание склонность греков к шпионажу. (В Чите за ними

Рис. 1. А.Н. Луцкий
Fig. 1. A.N. Lutsky

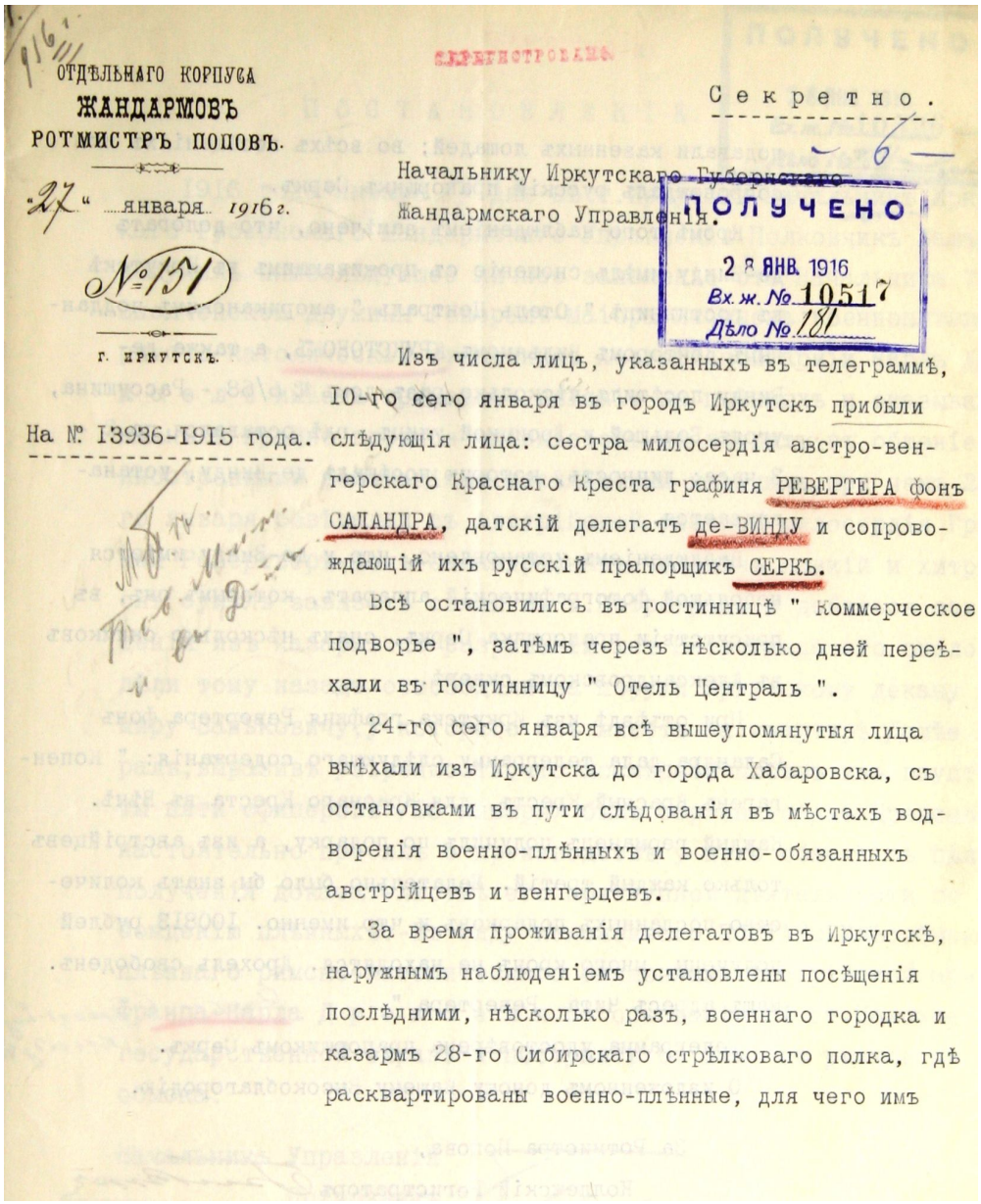
следят) я бы очень просил ваше высокоблагородие в интересах армии – закрывать такие лавочки или сделать внушение юнкерам и прапорщикам быть осторожными с греками» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 988. Л. 70–72). По донесению штабс-капитана Карпенко была проведена проверка.

Но и сами органы контрразведки не бездействовали. Выяснилось, что не гнушались шпионажем дипломаты и представители различных делегаций, в том числе и Красного Креста: американского, шведского, австрийского и датского, при этом также собирая информацию и способствуя побегам военнопленных. Из секретной телеграммы от 15 января 1916 г. следует, что делегация шведского общества Красного Креста в составе 24 человек «допущена посещению мест внутреннего водворения военнопленных для ознакомления с их нуждами и передаче доставленных из-за границы подарков. Сведениями Главного управления Генерального штаба делегация эта объезжая союзные армии старается выяснить для враждебных нам центральных держав способность к продолжительной борьбе наших боевых средств духа армии и народа и настроения…» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1030. Л. 3). А несколькими днями позже, секретным донесением отдельного корпуса жандармов ротмистра Попова на имя начальника Иркутского губернского жандармского управления от 27 января 1916 г. за № 151 сообщалось о подозрительных действиях сестры милосердия австро-венгерского Красного Креста графини Ревертеры фон Саландра, основной задачей которой являлось посещение в Иркутске военного городка и казарм 28-го Сибирского стрелкового полка (рис. 2) и донесение информации о результатах своей деятельности в Красный Крест Копенгагена (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1030. Л. 6–6 об.).

Подобные делегации находились как под гласным надзором, то есть с сопровождающими их офицерами, так и под негласным надзором агентов и филеров КРО. Особое внимание привлекла и миссия американского Красного Креста, прибывшая в конце декабря 1915 г., которая фактически была направлена Берлином, в составе делегации большинство медицинских сестер были немками. Иркутское ГЖУ потребовало сократить сроки пребывания делегации, при этом отслеживались и контакты членов миссии с военнопленными. В связи с тем, что, по мнению русского Генерального штаба, миссии вели шпионскую деятельность, под наблюдением КРО находились и члены делегаций. Интерес вызвал делегат датской миссии Отто Фогель, в ходе проверки выяснилось, что до войны он проживал в ст. Сретенской и работал пивоваром на заводе Шустова, в телеграмме подполковника Булахова отмечалось следующее: «…обращает внимания крайними симпатиями, оказанием различных услуг пленным офицерам» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1030. Л. 39), а учитывая его поездку заграницу, то получается буквально портрет шпиона. В результате О. Фогель был взят в оперативную обработку и под особый контроль.

В связи с историей о делегатах Красного Креста особенно показательно дело о деятельности американских сестер милосердия. Из переписки о военном шпионстве и доклада полковника Балабина от 5 февраля 1916 г. за № 39 следует: «… что подозреваемые в шпионстве в пользу Германии три американки Хейнцман, Мария Грахам и Екатерина Хетцер по имеющимся у меня сведениям, 25 или 26 января проехали через Иркутск в Китай, при чем имели при себе паспорта, визированные в городах Омск, Новониколаевск и Красноярск. За обратным въездом их в Россию наблюдение было своевременно установлено, но до настоящего времени сведений об их проезде не имеется» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 988. Л. 23). Следовательно, под предлогом обследования условий содержания военнопленных действовали многочисленные военные шпионы, в состав которых входили не только сестры милосердия, но и организованные группы и представители дипломатических миссий, поэтому перед Иркутским КРО стояла также задача выявления шпионской деятельности среди легальных представителей гуманитарных организаций.

Таким образом, можно сделать вывод, что контрразведывательные отделения Иркутской губернии, несмотря на ее удаленность от европейской России, являлись непосредственными участниками борьбы со шпионажем в мирное и военное время, а потому находились в самом центре внимания иностранных спецслужб. Разнообразие сис-



ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА
ЖАНДАРМОВЪ
РОТМИСТРЪ ПОПОВЪ.

"27" января 1916 г.

№151

г. Иркутскъ.

На № 13936-1915 года.

Секретно.

Начальнику Иркутскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія.

ПОЛУЧЕНО
28 ЯНВ. 1916
Вх. ж. № 10517
Дѣло № 181

Изъ числа лицъ, указанныхъ въ телеграммѣ, 10-го сего января въ городъ Иркутскъ прибыли слѣдующія лица: сестра милосердія австро-венгерскаго Краснаго Креста графиня РЕВЕРТЕРА фонъ САЛАНДРА, датскій делегатъ де-ВИНДУ и сопровождающій ихъ русскій прапорщикъ СЕРКЪ.

Всѣ остановились въ гостинницѣ " Коммерческое подворье ", затѣмъ черезъ нѣсколько дней переѣхали въ гостинницу " Отель Централь ".

24-го сего января всѣ вышеупомянутыя лица выѣхали изъ Иркутска до города Хабаровска, съ остановками въ пути слѣдованія въ мѣстахъ водворенія военно-плѣнныхъ и военно-обязанныхъ австрійцевъ и венгерцевъ.

За время проживанія делегатовъ въ Иркутскѣ, наружнымъ наблюденіемъ установлены посѣщенія послѣдними, нѣсколько разъ, военнаго городка и казармъ 28-го Сибирскаго стрѣлковаго полка, гдѣ расквартированы военно-плѣнные, для чего имъ

Рис. 2. Секретное донесение отдельного корпуса жандармов ротмистра Попова
Fig. 2. A secret report of the gendarmerie captain Popov

темы и методов работы контрразведывательных отделений Иркутской губернии были достаточно эффективны и плодотворны, о чем свидетельствуют многочисленные факты раскрытия дел и поимки шпионов. Во второй половине XIX – начале XX в. на территории Иркутской губернии контрразведывательной деятельностью занималось, прежде всего, губернское жандармское управление, а в последствии с 1911 г. созданное на базе отдельного корпуса жандармов контрразведывательное отделение. Следует также указать, что кадровый состав данных органов состоял из квалифицированных специалистов, использующих такие методы работы как вербовка агентов не только из среды местного, но и иностранного населения, ведение оперативных мероприятий и слежки, получение информации от наиболее бдительных граждан, анализ прессы и т. д. Подтверждение эффективности их деятельности – многочисленные примеры поимки шпионов, раскрытия агентурных сетей как в мирный, так и в военный период времени.

Статья поступила 04.09.2017 г.

Article was received in September, 04, 2017

Библиографический список

Венедиктов Б.Н. Органы русской военной контрразведки (1911–1917 гг.) // Труды ВШ КГБ СССР. М., 1976. № 18. С. 86–103.

Деревянко И.В. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. М.: Эксмо, Яуза, 2005. 416 с.

Добычина Е.В. Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895–1897 годах // Отечественная история. 2000. № 4. С. 161–170.

Звонарев К.К. Агентурная разведка. Т. 1. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. М., 1929.718 с.

Зданович А.А. Отечественная контрразведка 1914–1920. Организационное строительство. М.: Крафт+, 2004. 239 с.

Иванов А.А. Иркутские жандармы // Сайт «Сибирь и ссылка» [Электронный ресурс]. URL: http://sibir-ssylka.ucoz.com/index/stranica2/0-92 (Дата обращения 12.04.2015)

Канунников А. Военно-секретная полиция России // На боевом посту. 1994. № 4. С. 33–34.

Качкин А.Н. Борьба со шпионажем на Дальнем Востоке: Хабаровское контрразведывательное отделение и его руководители (1911–1917 гг.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 3. С. 167–174.

Кирмель Н.С. «...японские прачки и парикмахеры открыли... много магазинов с целью конспирации шпионской деятельности» // Военно-исторический журнал. 2001. № 3. С. 54–59.

Клембовский В.Н. Тайные разведки (военное шпионство). СПб.: Комиссионер военно-учебных заведений, 1911. 144 с.

Лемке М.К. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916 гг.). Пг., 1920. 860 с.

Максимов Д.В., Третьякав О.В. Становление органов контрразведки: 1918–1922 гг. // Вопросы гуманитарных наук. 2006. № 5. С. 20–21.

Резанов А.С. Немецкое шпионство. Пг.: Издание М.А. Суворина, 1914. 220 с.

Старков Б.А Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914. СПб., 2006. 306 с.

References

Venediktov B.N. The bodies of Russian military intelligence (1911–1917). *Trudy VSh KGB SSSR* [Proceedings of higher school of the KGB of the USSR]. Moscow, 1976, no. 18, pp. 86–103. (In Russian).

Derevyanko I.V. *Russkaya razvedka i kontrrazvedka v voine 1904–1905 gg.* [Russian intelligence and counterintelligence in the war of 1904–1905]. Moscow: Eksmo, Yauza Publ., 2005. 416 p.

Dobychina E.V. Russian agent intelligence in the Far East in 1895–1897. *Otechestvennaya istoriya* [National history], 2000, no. 4, pp. 161–170. (In Russian).

Zvonarev K.K. *Agenturnaya razvedka. T. 1. Russkaya agenturnaya razvedka vsekh vidov do i vo vremya voiny 1914–1918 gg.* [Human intelligence. Vol. 1. Russian human intelligence of all kinds before and during the war of 1914–1918]. Moscow: 1929. 718 p.

Zdanovich A.A. *Otechestvennaya kontrrazvedka 1914–1920. Organizatsionnoe stroitel'stvo* [Domestic counterintelligence 1914–1920. Organizational construction]. Moscow: Kraft+ Publ., 2004. 239 p.

Ivanov A.A. Irkutsk gendarmes. Available at: http://sibir-ssylka.ucoz.com/index/stranica2/0-92 (Accessed April 12, 2015)

Kanunnikov A. The military secret police of Russia. *Na boevom postu* [In the line of duty], 1994, no. 4. pp. 33–34. (In Russian).

Kachkin A.N. The fight against espionage in the Far East: the Khabarovsk counter-intelligence department and its leaders (1911–1917). *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and Human Sciences in the Far East], 2013, no. 3, pp. 167–174. (In Russian).

Kirmel' N.S. "...Japanese laundresses and barbers opened... a lot of shops to conspiracy espionage activities". *Voenno-istoricheskii zhurnal.* [Military history journal], 2001, no. 3, pp. 54–59. (In Russian).

Klembovskii V.N. *Tainye razvedki (voennoe shpionstvo)* [Secret intelligence service (military espionage)]. St. Petersburg: *Komissioner voenno-uchebnykh zavedenii* [The Commission of military education institutions], 1911, 144 p.

Lemke M.K. *250 dnei v tsarskoi stavke (25 sentyabrya 1915 – 2 iyulya 1916 gg.)* [250 days at the royal rate (September 25, 1915 – 2 July 1916)]. Petrograd, 1920. 860 p.

Maksimov D.V., Tret'yakav O.V. Formation of counterintelligence bodies: 1918–1922. *Voprosy gumanitarnykh nauk* [Questions of the humanities], 2006, no. 5. pp. 20–21. (In Russian).

Rezanov A.C. *Nemetskoe shpionstvo* [German spying]. Petrograd: Izdanie M.A. Suvorina, 1914. 220 p.

Starkov B.A *Okhotniki na shpionov. Kontrrazvedka Rossiiskoi imperii 1903–1914* [Spy hunters. Counterintelli-

Шаваев А.Г., Лекарев С.В. Разведка и контрразведка. Фрагменты мирового опыта истории и теории. М.: Издательская группа «БДЦ-пресс», 2003. 544 с.

gence of Russian Empire 1903–1914]. St. Petersburg, 2006. 306 p.

Shavaev A.G., Lekarev S.V. *Razvedka i kontrrazvedka. Fragmenty mirovogo opyta istorii i teorii* [Intelligence and counterintelligence. Fragments of the world experience the history and theory]. Moscow: Publishing group "BDC-press", 2003. 544 p.

Список сокращений

Государственный архив Иркутской области (ГАИО).

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

List of abbreviations

State archive of Irkutsk region (SAIR).

State Archive of the Russian Federation (SARF).

Сведения об авторах

Федорова Татьяна Владимировна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР,
Иркутский государственный университет,
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1,
e-mail: tamerlan689f17@yandex.ru
Степанов Александр Викторович,
магистрант,
кафедра философии и методологии науки,
Иркутский государственный университет,
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1,
e-mail: AVstepanovAV@yandex.ru

Information about the authors

Tatyana V. Fedorova,
Candidate of Sciences (History),
Associate Professor, Department of Oriental studies and regional studies, Asia-Pacific,
Irkutsk State University,
1 Karl Marx Str., Irkutsk 664003, Russian Federation,
e-mail: tamerlan689f17@yandex.ru
Alexander V. Stepanov,
undergraduate student,
Department of philosophy and methodology of science,
Irkutsk State University,
1 Karl Marx Str., Irkutsk 664003, Russian Federation,
e-mail: AVstepanovAV@yandex.ru

Критерии авторства

Т.В. Федорова, А.В. Степанов выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись и иллюстрации к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

T.V. Fedorova, A.V. Stepanov made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and illustrations for publication, they owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47) «1915»
http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-145-153

МАНЕВР РУССКИХ ВОЙСК ПРИ ЛИКВИДАЦИИ СВЕНЦЯНСКОГО ПРОРЫВА 1915 г.

© П.А. Новиков[a], А.Ю. Каркотко[b]
[a] Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, Иркутск, ул. Лермонтова 83.
[b] Вилейский краеведческий музей,
Республика Беларусь, 222410, Минская область, г. Вилейка, площадь Свободы, 1.

Аннотация. В статье рассматривается маневр русских войск, предпринятый в ответ на Свенцянский прорыв, осуществлявшийся германцами с 27 августа 1915 г. Эти продуманные действия лишь в современной отечественной историографии получили объективную оценку.

Командование русского Западного фронта в сжатые сроки осуществило эффективный контрманевр, перегруппировав сначала 4, а затем еще 6 армейских корпусов и 5 кавалерийских дивизий. Соединения перебрасывались преимущественно походным порядком в осеннюю распутицу. Русская пехота покрывала 30 км в сутки, кавалерия – 60–70, тогда как прорвавшиеся в русский тыл германцы по 15 км и 20–25 км соответственно. Русское командование хорошо организовало как марши войск, так и последующий их ввод в бой.

В заключение в качестве иллюстрации рассматриваются действия Сибирских армейских корпусов. Успех в ликвидации Свенцянского прорыва позволил русским войскам прекратить отступление, а стабилизировавшаяся в Западной Белоруссии линия фронта сохранялась по февраль 1918 г.

Ключевые слова: Свенцянский прорыв, Виленская операция, маневр, переброска, Первая мировая война, наступление, оборона, русская императорская армия, германские войска, генерал А.Е. Эверт, Сибирские армейские корпуса.
Формат цитирования: Новиков П.А., Каркотко А.Ю. Маневр русских войск при ликвидации Свенцянского прорыва 1915 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 145–153. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-145-153

MANEUVER OF RUSSIAN TROOPS AT THE ELIMINATION OF THE SVENTSYAN BREAK IN 1915

© P.A. Novikov[a], A.Yu. Karkotko[b]
[a] Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074 Russian Federation
[b] Vileika museum of local history,
Museum. 1, ploshad' Svobody, Vileika, Minsk region, 222410, Republic Belarus'

Abstract. The article examines the maneuver of the Russian troops, undertaken in response to the Sventsyan breakthrough, carried out by the Germans on August 27, 1915. These deliberate actions only in modern Russian historiography were objectively evaluated. The command of the Russian Western Front in a short time made an effective counter-maneuver, regrouping first 4, and then another 6 army corps and 5 cavalry divisions. The troops were shifted mainly in marching order into the autumn mudslide. The Russian infantry covered 30 km per day, the cavalry – 60-70, whereas the Germans, who broke into the Russian rear, 15 km and 20-25 km, respectively. The Russian command organized well both marches of troops, and their subsequent introduction into battle. In conclusion, the actions of the Siberian army corps are considered as an illustration. Success in the liquidation of the Sventsyan breakthrough allowed the Russian troops to cease their retreat, and the front line stabilized in Western Belorussia continued until February 1918.

Keywords: Sventsyan breakthrough, Vilna operation, maneuver, transfer, World War I, offensive, defense, Russian imperial army, German troops, General A.Ye. Evert, the Siberian army corps
For citation: Novikov P.A., Karkotko A.Yu. Maneuver of Russian Troops at the Elimination of the Sventsyan Break in 1915. Journal of Ancient Technology Laboratory. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 145–153. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-145-153

Первая мировая война 1914–1918 гг. была насыщена драматичными событиями. После того как преимущественно маневренная фаза этого противоборства сменилась в основном позиционной борьбой, исключительное значение приобрели многочисленные попытки прорыва неприятельского фронта. «Прорыв как способ наступательных действий, направленный на разрушение фронта подготовленной в инженерном отношении и занятой войсками обороны противника путем создания в нем бреши (брешей) для последующего маневра в глубину или в стороны флангов, стал применяться… в связи с образованием сплошных позиционных фронтов» (Радзиевский А.И., 1979. С. 3). Закономерно, что в летописи Первой мировой войны ключевое место заняли как состоявшиеся прорывы, так и масштабные неудачные попытки. В перечне успешных, достигнутых: Горлицкий прорыв германо-австрийских войск с 19 апреля[1] 1915 г., Брусиловский прорыв русского Юго-Западного фронта с 22 мая 1916 г. (4-я Галицийская битва), Калушский прорыв 8-й русской армии генерала Л.Г. Корнилова с 25 июня 1917 г., Тарнопольский прорыв германо-австрийских войск с 6 июля 1917 г. В географии недостигнутых русскими войсками прорывов: озеро Нарочь в марте 1916 г., город Барановичи и деревня Скробово в июне 1916 г. и т. д.

В данной статье нам бы хотелось рассмотреть весьма эффективный маневр русских войск, предпринятый ими для ликвидации Свенцянского прорыва, осуществлявшегося германцами с 27 августа 1915 г. В целом брешь во фронте была закрыта к 19 сентября 1915 г., но на отдельных участках ожесточенные бои продолжались и позднее. Ликвидация Свенцянского прорыва позволила русской армии прекратить отступление, а стабилизировавшаяся в Западной Белоруссии линия фронта в целом сохранялась по февраль 1918 г. Продуманные и успешные действия русского командования лишь в современной отечественной историографии получили высокую и аргументированную оценку (Олейников А.В., 2014. С. 358–361), преодолев преимущественно негативную предвзятость советских исследований к «бездарному и прогнившему царизму».

Свенцянский прорыв является завершающей частью Виленской операции[2] – наступательной для германских и оборонительной (но с рядом контрударов) для русских войск. Вильно – ныне г. Вильнюс, Ново-Свенцяны (ныне Швенчёнеляй в Литве) – станция на железной дороге Петроград (ныне Санкт-Петербург) – Варшава и начальный пункт узкоколейных в начале XX века железнодорожных веток на северо-запад на Поневеж и восток через Свенцяны (ныне Швенчёнис) на Глубокое. Свенцяны располагались в 14 км восточнее Ново-Свенцян.

В германском высшем командовании летом 1915 г. столкнулись два противоречивых мнения. Начальник полевого Генерального штаба генерал пехоты Э. фон Фалькенгайн считал необходимым атаковать русские войска ударом на юг через р. Нарев (Гофман М., 1925. С. 79–98). Главнокомандующий на Востоке генерал-фельдмаршал П. фон Гинденбург и начальник его штаба генерал-лейтенант Э. Людендорф предлагали взять крепость Ковно и наступать на юго-восток через среднее течение р. Неман на Вильно и Минск (Фалькенгайн Э., 1923. С. 102–145). Споры привели к принятию компромиссного решения о нанесении двух ударов, которые привели в июле 1915 г. к двум сражениям: Третьему Праснышскому и Шавельскому. Следствием стало распыление германских сил, медленное продвижение в обоих направлениях и дальнейшие споры об упущенных возможностях.

10–12 июля 1915 г. немецкие части форсировали Нарев, но затем были задержаны русскими контратаками. 20 июля русские войска получили приказ отойти за Вислу, 23 июля оставили Варшаву. К 25 июля они отступили на рубеж Осовец – Ломжа – Брок – Вегров – Любатов – Ковель, не позволив немцам прорваться в тыл. На следующий день немецкая осадная артиллерия начала обстрел крепости Ковно (ныне Каунас). С 3 августа измотанный русский гарнизон начал покидать Ковно, 4 августа

[1] Все даты приводятся по старому стилю.
All dates are given according to the old style.

[2] Также в русской историографии встречается название Вильно-Молодечненская оборонительная операция.
Also in Russian historiography there is the name of the Vilno-Molodechno defensive operation.

немцы форсировали Неман и 5 августа полностью овладели крепостью, пленив 20 000 человек и захватив от 450 до 1358 орудий.

Падение Ковно не позволило русским удержать рубеж по рекам Неман и Буг. 4 августа 1915 г. Северо-Западный фронт разделен на Западный и Северный. Главнокомандующим Западного фронта до 18 августа был генерал от инфантерии М.В. Алексеев, а с 23 августа – генерал от инфантерии А.Е. Эверт, ранее командовавший 4-й армией. Северный фронт 18 августа возглавил генерал от инфантерии Н.В. Рузский, ранее отказывавшийся принимать командование до сформирования штаба. Задача Западного фронта прикрыть пути на Москву, Северного – на Петроград.

6 августа капитулировал гарнизон русской крепости Новогеоргиевск (83 000 чел. при 1200 орудиях), что высвободило осаждавшие ее с 27 июля четыре германские дивизии, из которых три к 15 августа были переброшены в район Вильны.

Захватив Ковно, противник рассчитывал затем окружить оборонявшуюся в районе Вильны русскую 10-ю армию генерала от инфантерии Е.А. Радкевича. Главный удар наносили соединения 10-й германской армии генерал-полковника Г. фон Эйхгорна: слева 40-й резервный корпус генерала пехоты К. Лицмана наступал на Вильну. В центре 21-й армейский корпус генерал-лейтенанта О. фон Гутьера форсировал Неман у Прен, на правом фланге группа ландверных дивизий двигалась на Гродно. Наступлению 10-й армии немцев слева содействовала Неманская армия генерала пехоты О. фон Белова, справа – 8-я генерала артиллерии Ф. фон Шольца.

8 августа Алексеев приказал перебросить 5-й армейский корпус генерала от инфантерии П.С. Балуева с фронта у Белостока в район Ландварово – Вильна. 9–10 августа войска немецкой 10-й армии после упорного боя заняли Кошедары и продолжили медленно теснить русские части. 11 августа значительные германские силы развернулись на фронте Вепры – Жосли для глубокого обхода Вильны с севера, с рубежа Мейшаголы – Ширвинты – Вилькомир. С 14 августа 10-я немецкая армия за счет Неманской армии была усилена Гвардейским К. фон Плеттенберга и 3-м резервным корпусами генерал-лейтенанта А. фон Карловица, а также рядом частей. Эти подкрепления усиливали фланги 10-й германской армии, подвергавшиеся сильным русским контратакам. В ответ на натиск немцев севернее р. Вилия русское командование перебрасывает туда Гвардейский корпус генерала от инфантерии В.А. Олохова и 23-й армейский корпус генерал-лейтенанта Н.А. Третьякова, которые вместе с 5-м армейским корпусом составили группу генерала Олохова, без успеха контратаковавшую немцев до 18 августа.

15 августа Гинденбург отдал приказ о наступлении. 12-я генерала артиллерии М. фон Гальвица и 8-я армии должны были вплотную преследовать русские войска, 10-я армия – атаковать на фронте Ораны – Вильна, нанося главный удар на Вильну и севернее. Неманской армии предстояло прикрыть левое крыло 10-й от Западной Двины. Фалькенгайн одобрил операцию, но предупредил, что «в недалеком времени, безусловно, должна наступить необходимость взять из сферы северного (крыла Восточного) фронта 10–12 дивизий (в т. ч. две в начале сентября, а затем и остальные), чтобы применить их на других театрах» (Фалькенгайн, 1923. С. 128). До конца августа северо-западнее Вильны шли упорные фронтальные бои, в которых немцы не смогли сломить оборону 10-й русской армии.

23 августа 1915 г. Верховным главнокомандующим вместо великого князя Николая Николаевича стал император Николай II. С 18 августа начальником штаба Верховного Главнокомандующего стал М.В. Алексеев.

Немцы 19–26 августа провели перегруппировку и усиление 10-й армии. Ранее действовавший под Гродно 3-й резервный корпус (группа Карловица) сменил на Оранском направлении 21-й армейский корпус. Последний (группа Гутьера) развернулся на правом берегу Вилии против Мейшагольской укрепленной позиции русских, усилив уже действовавший там 6-й конный корпус генерал-лейтенанта О. фон Гарнье. В районе местечка Ширвинты развернулся 1-й армейский корпус генерала пехоты Й. фон Эбена. Утром 27 августа немцы возобновили наступление, начав Свенцянский прорыв. Правое крыло их 10-й армии теснило русские части к Оранам, ее центр атаковал 5-й Кав-

казский армейский корпус генерал-лейтенанта Н.М. Истомина и Гвардейский корпус из состава 10-й армии севернее р. Вилия, а левое крыло быстро двинулось в обход, стремясь выйти к Вилии восточнее Вильны. Прикрывая его фланг, правое крыло Неманской армии (группа Лауэнштейна из 4 пехотных и двух кавалерийских дивизий) теснило 3-й армейский корпус генерал-лейтенант В.А. Альфтана из состава 5-й армии генерала от кавалерии П.А. Плеве, стремясь захватить Двинск. На стыке 10-й и Неманской армий в районе Вилькомира к прорыву подготовилась группа Гарнье (1-я, 3-я, 4-я, 9-я кавалерийские дивизии). Таким образом, 10-я германская армия (17,5 пехотных и 4 кавалерийских дивизий) имела задачу – нанести удар севернее Вильны, овладеть г. Вильна, выбросив кавалерию в юго-восток в тыл русской 10-й армии. Из захваченного у пленного германского кавалериста (в начале сентября) приказа следовало, что генерал Гинденбург, требуя от своих войск трудов и энергии для решительных действий, обещал «четыре корпуса пленными и заключение мира» (Стратегический очерк войны, 1922. С. 117). Другие германские армии стремились сковать русские силы: 8-я германская армия из 8 пехотных дивизий с рубежа Друскеники – Мосты наступала на рубеж Вороново – Лида, нанося главный удар правым флангом вдоль железной дороги Мосты – Лида. 12-я армия из 9 пехотных дивизий наступала на фронт Лида – Барановичи, имея главные силы на р. Зельвянка.

В ходе ликвидации Свенцянского прорыва командование Западного фронта в сжатые сроки осуществило эффективный контрманевр, перегруппировав сначала 4, а затем еще 6 армейских корпусов и 5 кавалерийских дивизий (рис. 1). Соединения перебрасывались преимущественно походным порядком (в меньшей степени по железным дорогам) на сотни километров вдоль линии фронта к месту прорыва. Все это в условиях нарастающей осенней распутицы совершил личный состав русской армии, уже утомленный двухтрехмесячным отступлением. Русская пехота покрывала 30 км в сутки, кавалерия – 60–70, тогда как прорвавшаяся на оперативный простор, в русский тыл германская пехота проходила по 15 км в сутки, а кавалерия – 20–25. (Олейников А.В., 2014. С. 359). Все марши русским командованием были хорошо организованы, как и последующий ввод войск в бой. Масштабы русского маневра в Виленской операции 1915 г. превзошли перегруппировки Варшавско-Ивангородской операции сентября – октября 1914 г. К 19 сентября русские войска закрепились на линии Дрисвяты – Нарочь – Сморгонь – Пинск, не допустив запланированного немцами окружения (вспомним захваченный приказ). Немцам удалось продвинуться глубоко в русский тыл и их кавалерийские части достигли местечка Долгинова Вилейского уезда, где укрепились, но 14 сентября с боем были выбиты русскими войсками. Передовые конные разъезды германцев продвинулись еще дальше и сумели временно разрушить полотно железной дороги Минск – Орша у местечка Смолевичи (рис. 2).

Главная заслуга в переломе хода боевых действий принадлежит Верховному Главнокомандующему в лице царя Николая II, начальнику его штаба генералу М.В. Алексееву и особенно командующему Западным фронтом генералу А.Е. Эверту.

Н.Ф. Евсеев отмечал: «Командующие фронтами, кроме Эверта, тратили непомерно много времени на домогательства и вымогательства сил для своих фронтов…, причем их мотивы примерно одинаковы, мы назовем их местническими, центробежными, лишенными необходимого более широкого кругозора… Прямую противоположность выказал командующий Западным фронтом Эверт, широко смотревший на события, не суживавший свою деятельность разграничительными линиями фронтов, по-деловому организуя действия подчиненных ему армий в интересах двух фронтов. Эверт для Северного фронта сделал больше, нежели Рузский» (Евсеев Н.Ф., 1936. С. 232).

8 октября 1915 г. Эверт был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени по совокупности заслуг сразу за три сражения. В Высочайшем приказе его заслуги были описаны так *«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, в 7-й день Октября 1915 года, Всемилостивейше соизволил пожаловать: Орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 3-й степени. Главнокомандующему армиями Западного фронта, Генералу от Инфантерии Алексею Эверту за то, что: 1) в Мае месяце 1915 года,*

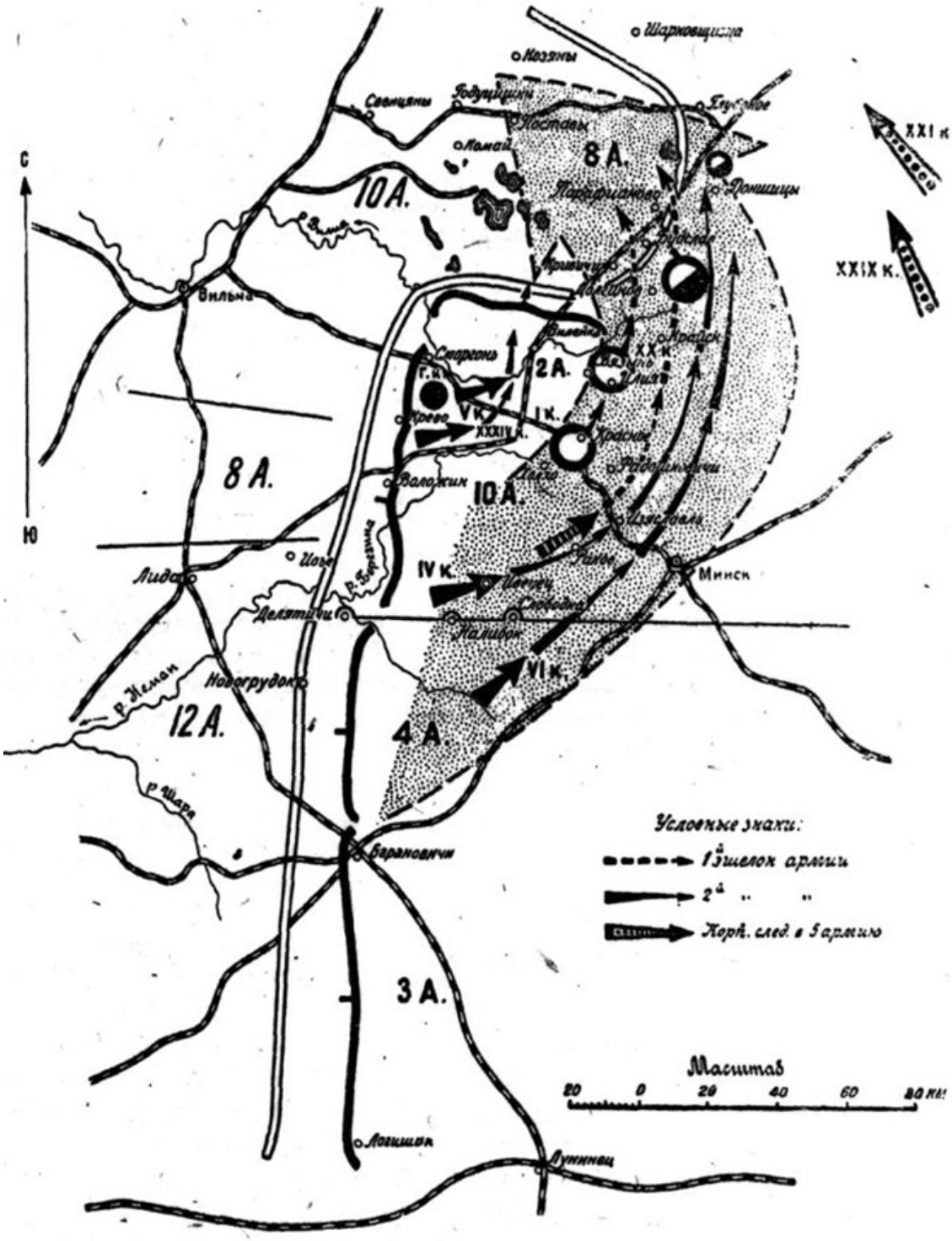


Рис. 1. Перегруппировка корпусов Западного фронта
Fig. 1. Rearrangement of the corpses of the Western Front

перейдя под гор. Опатовым с двумя корпусами в решительное наступление он не только отразил натиск противника на левом берегу р. Вислы, но и принудил его к отступлению, нанеся при этом полное поражение одному из австрийских корпусов; 2) что в Июне месяце 1915 года во время наступления австрийских войск на Люблинском направлении, сам перешел с двумя корпусами в наступление и нанес нескольким австрийским дивизиям поражение, последствием чего на две неде-

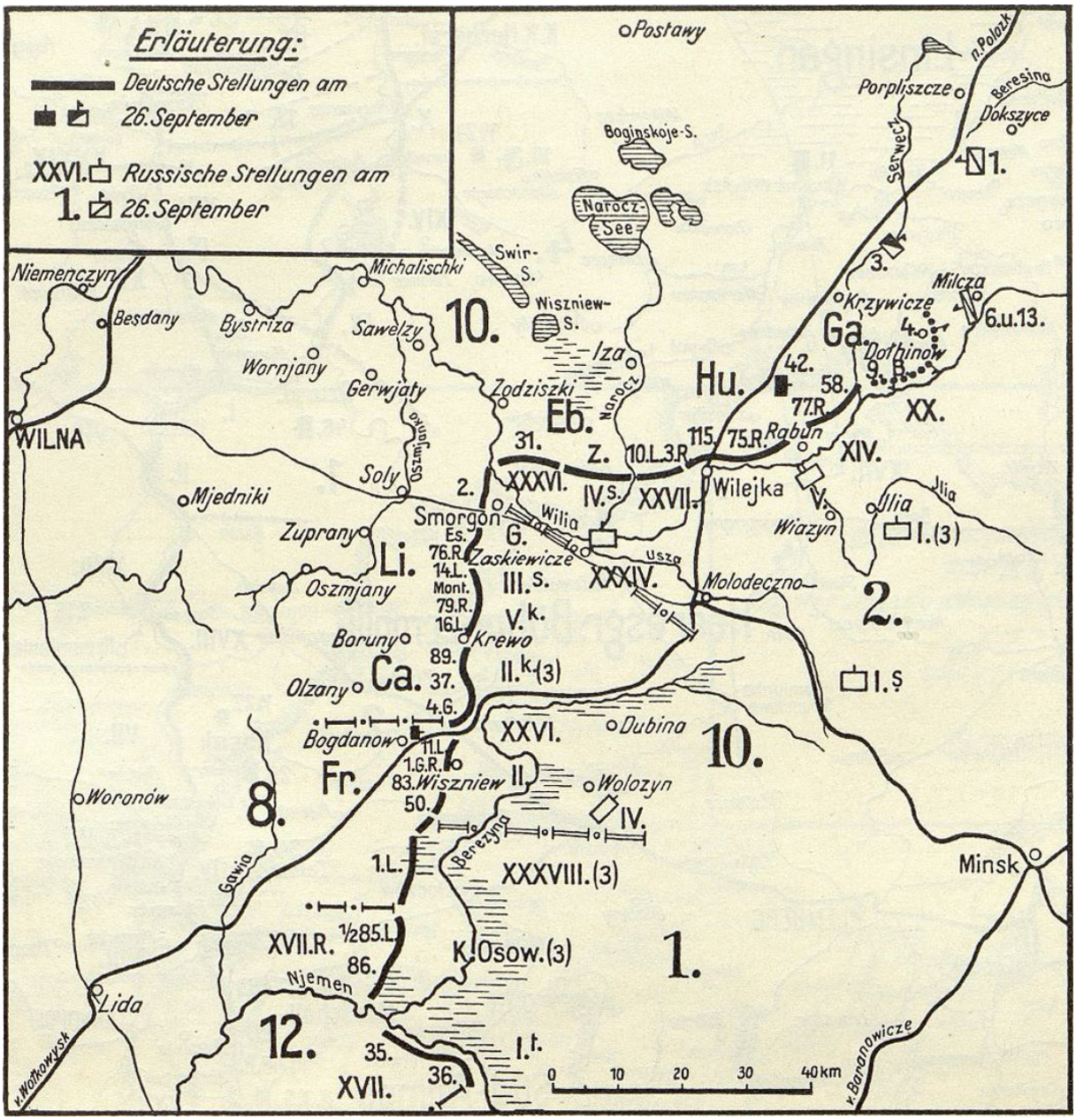


Рис. 2. «Сражение у Вильно» карта из немецкой книги «Великая война 1914–1918». Расположение сторон на 13 сентября 1915 г.

Fig. 2. "Battle of Vilna" map from the German book "The Great War of 1914–1918". Location of parties on September 13, 1915

ли было задержано наступление противника между р. Вислой и Бугом и 3) что в Сентябре месяце 1915 года, состоя уже в должности Главнокомандующего армиями Западного фронта, своим искусным выполнением маневра по противодействию неприятельскому прорыву между нашими двумя армиями, восстановил стратегическое положение на фронте между гор. Двинском и Сморгонью». 23 декабря 1915 г. Эверт после высочайшего смотра войск Западного фронта был пожалован званием генерал-адъютанта (Залесский К.А., 2015. С. 74–75).

Орден св. Георгия 4-й степени получил командир армейской группы генерал от инфантерии Василий Егорович Флуг: *«За то, что в период Виленской операции в сентябре 1915 года, когда противник задался целью разъединить войска Северного и Западного фронтов и врезался клином ме-*

жду 5-й и 10-й армиями, а конница его, направленная в район Молодечно, оперировала в тылу 10-й армии, и когда для противодействия замыслам неприятеля была выделена группа под его общим руководством, он не только удержал натиск противника, но переходя в наступление частями группы корпусов, приковал силы противника. Результатом проявленной им энергии, мужества и искусного руководства, замысел германцев был парализован и он, выдержав бой с превосходящим по силам противником, выручил своих от грозившей им опасности». Высочайший Приказ от 09.01.1916 г.

В заключение в качестве иллюстрации к вышесказанному рассмотрим боевую работу Сибирских армейских корпусов, привлекавшихся к ликвидации Свенцянского прорыва.

11 сентября Эверт приказал перебросить 1-й Сибирский корпус (1-я и 2-я Сибирские стрелковые дивизии) на усиление правого фланга 2-й армии. К 13 сентября соединение совершило марш из Ивенец через Раков в Радошковичи (Евсеев Н.Ф., 1936, С. 178, 181) Здесь корпус, временно подчиненный командующему 2-й армией генералу от инфантерии В.В. Смирнову, готовился к выдвижению в район станций Докшицы и Глубокое. Так планировалось обеспечить прикрытие Полоцкого направления. По данным 14 и 22 сентября 1-я Сибирская дивизия насчитывала 7629 бойцов, а 2-я Сибирская – 4777, корпусная конница – 821. Корпус сосредоточили у станции Парафианово (86 км северо-восточнее Молодечно) железной дороги Лида – Полоцк, а с 18 сентября он был включен в 1-ю армию генерала от кавалерии А.И. Литвинова.

С 4 часов утра 20 сентября 1-й Сибирский корпус, временно (до занятия фронта Годуцишки, озеро Швакшта) усиленный 18-й пехотной дивизией, наступал на фронте от господского двора Поставы до озера Мядзиол. Части 2-й Сибирской дивизии овладели фронтом Овлади, Ширки, но далее продвинуться не могли. Остальные части корпуса до ночи вели огневой бой. Таким образом, атаки сибирских стрелков в озерных дефиле как между озером Споры и Свито, так и между Споры и Загач успеха не имели (Евсеев Н.Ф., 1936. С. 190, 192).

С 9 часов утра 21 сентября дивизии 1-го Сибирского корпуса после короткого артиллерийского обстрела окопов противника пошли в наступление. Части 2-й Сибирской дивизии овладели окопами у господского двора Загач. Затем русская артиллерия из-за недостатка снарядов вначале ослабила, а затем прекратила огонь. Поэтому немцы отбили атаки полков 2-й Сибирской дивизии западнее господского двора Загач. 1-й и 3-й Сибирские стрелковые полки, атаковавшие озерное дефиле Споры и Свито, понеся тяжелые потери, успеха также не добились. «В большинстве полков 1-го Сибирского корпуса, до того достаточно полнокровных, осталось также по 300 штыков, снарядов не осталось вовсе, поэтому части отошли в исходное положение», чтобы спасти от огня уцелевших стрелков (Евсеев Н.Ф., 1936. С. 193). 23 сентября части корпуса вели огневой бой, а намеченное на 24 сентября Литвиновым наступление Эверт приказал отменить. На 25 сентября (после пополнений к 6 октября) 1-я Сибирская стрелковая дивизия насчитывала 6776 (7076) бойцов, а 2-я Сибирская стрелковая – 3906 (4197), корпусная конница – 821 (769). Таким образом, в атаках 1-й Сибирский корпус потерял убитыми и ранеными до 1800 человек.

8 августа 1915 г. 3-й Сибирский корпус (7-я и 8-я Сибирские стрелковые дивизии) оборонял Прены, затем отошел на восточный берег Немана. Затем бои шли к юго-западу от Вильно. По данным на 30 августа корпус насчитывал 19 777 пехотинцев и 1159 кавалеристов. На фронте в 22 км велись ночные отходы и дневные окопные работы под огнем. 24 августа 8-я Сибирская дивизия отведена в резерв 10-й армии в район Ландварово. 29 августа 7-я Сибирская дивизия перевезена на северо-восток, к станции Подбродзье (ныне Пабраде). К 30 августа корпус развернулся фронтом на север и северо-восток, загнув дугой правый фланг 10-й армии. В ночь 31 августа 7-я Сибирская дивизия наступала, к 9 часам авангардами достигла линии Концепты – Стакинцы. Основные ее силы растянулись на 68 км вдоль изгибов р. Вилии. 1–4 сентября шли упорные бои с подготовкой отхода на фронт Быстрица – Недзвятка (к востоку от Вильны). 5 и 6 сентября корпус отступал к железной дороге Вильно – Минск. К 7 сентября 7-я Сибирская диви-

зия насчитывала 6445 бойцов, а 8-я Сибирская – 7222. В этот же день отражены германские атаки на фольварк Олесин. Затем корпус снова отходил, днем 12 сентября оборонялся господский двор Мыссой (Мыса). В ночь на 13 сентября 7-я Сиб. дивизия выдвинута на смену 5-му Кавказскому корпусу, теснимому немцами у Крево. 3-му Сибирскому армейскому корпусу приказано упорно оборонять фронт Алешинки – Крево, создав эшелонированные позиции и выделив резервы. На 15 сентября полки корпуса насчитывали: 25-й Сибирский – 1557 чел., 26-й – 1004, 27-й – 1045, 28-й – 1431, 29-й – 1172, 30-й – 889, 31-й – 697, 32-й – 601, всего 8396 бойцов. 16 сентября взяты в плен 3 германских офицера и 135 солдат при 2 пулеметах у д. Суцков и по 1 немцу у Закревья и Закосья. Противник перешел к обороне, фронт стабилизировался. К 28 сентября в строю 7-й Сибирской дивизии насчитывалось 4675 бойцов, а 8-й Сибирской – 5574. Таким образом, за три недели боев выбыло из строя треть личного состава (Новиков П.А., 2014).

3 сентября авангарды 4-го Сибирского корпуса (9-я и 10-я Сибирские стрелковые дивизии) выдвинулись на северо-восток – на фронт Граужишки – Гольшаны против немецкой 1-й кавалерийской дивизии. Эта дивизия, глубоко обойдя позиции русской 10-й армии, наступала по ее тылам на юго-запад. К 7 (13) сентября 4-й Сибирский корпус насчитывал 8131 (7167) бойца и совместно с 36-м армейским корпусом и 13-й кавалерийской дивизией атаковал в восточном направлении, на Свенцяны. 8–10 сентября корпус наступал к северу от железной дороги Вильно – Минск в районе Сморгонь – Заскевичи, оттесняя пехотную дивизию Ценкера на север к озеру Нарочь.

Статья поступила 05.09.2017 г.

Article was received in September, 05, 2017

Библиографический список

Гофман М. Война упущенных возможностей. М.-Л., 1925. 203 с.

Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М.: Астрель; АСТ, 2003. 896 с.

Залесский К.А. Алексей Ермолаевич Эверт – забытый генерал забытой войны // Известия Лаборатории древних технологий, 2015, № 1 (14). С. 53–85.

Евсеев Н.Ф. Свенцянский прорыв 1915 г. М., 1936. 281 с.

Каркотко, А.Ю. На линии огня. Очевидцы о боях за Вилейку в сентябре 1915 года / сост. А.Ю. Каркотко, М.А. Российский. М.: Вече, 2015. 320 с.

Новиков П.А. Сибирские стрелки в ликвидации Свенцянского прорыва 1915 г. // Алтай и Первая мировая война: сб. материалов науч.-практич. конф., к 100-летию нач. Первой мировой войны / Упр. Алт. края по культуре и арх. делу Алт. гос. краевед. музей. Барнаул: Алт. дом печати, 2014. С. 107–115.

Олейников А.В. Виленская операция 1915 г. // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: В 3 т. / Отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2014. Т. 3. С. 348–362.

References

Gofman M. *Voina upushchennykh vozmozhnostei* [War of Lost Opportunities]. Moscow-Leningrad., 1925. 203 p.

Zalesskii K.A. *Kto byl kto v Pervoi mirovoi voine* [Who was who in the First World War]. Moscow: Astrel' Publ.; AST Publ., 2003. 896 p.

Zalesskii K.A. Alexey Ermolaevich Evert – Forgotten General of the Forgotten War. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2015, no. 1 (14), pp. 53–85. (In Russian).

Evseev N.F. *Sventsyanskii proryv 1915* g. [Sventsyan breakthrough in 1915]. Moscow, 1936. 281 p.

Karkotko, A.Yu. *Na linii ognya. Ochevidtsy o boyakh za Vileiku v sentyabre 1915 goda* [On the line of fire. Eyewitnesses about the battles for Vileika in September 1915]. Moscow: Veche Publ., 2015. 320 p.

Novikov P.A. Siberian arrows in the liquidation of the Sventsyan breakthrough in 1915. *Altai i Pervaya mirovaya voina: sb. materialov nauch.-praktich. konf., k 100-letiyu nach. Pervoi mirovoi voiny* [Altai and the First World War. Col. materials of scientific-practical. conf., to the 100th anniversary of the beginning of the World War I]. Upr. Alt. kraya po kul'ture i arkh. delu Alt. gos. kraeved. muzei. Barnaul: Alt. dom pechati Publ., 2014, pp. 107–115. (In Russian).

Oleinikov A.V. The Vilnius operation of 1915. *Rossiya v Pervoi mirovoi voine. 1914–1918: Entsiklopediya: v 3 t.* [Russia in the First World War. 1914–1918: Encyclopedia: In 3 volumes]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2014, vol. 3, pp. 348–362. (In Russian).

Радзиевский А.И. Прорыв: (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М.: Воениздат, 1979. 191 с.

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. : Ч. 4 / Сост. А. Незнамов. М. 1922. 133 с.

Фалькенгайн Э. Верховное командование 1914–1916 в его важнейших решениях. М., 1923. 279 с.

Radzievskii A.I. *Proryv: (Po opytu Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.)* [Breakthrough: (Based on the experience of the Great Patriotic War of 1941–1945)]. Moscow: Voenizdat Publ., 1979. 191 p.

Neznamov A. *Strategicheskii ocherk voiny 1914–1918 gg.* [Strategic outline of the war of 1914–1918]. Moscow, 1922. Part 4. 133 p.

Fal'kengain E. *Verkhovnoe komandovanie 1914–1916 v ego vazhneishikh resheniyakh* [The High Command of 1914–1916 in its most important decisions]. Moscow, 1923. 279 p.

Сведения об авторах

Новиков Павел Александрович,
доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: novikov710@yandex.ru

Каркотко Андрей Юрьевич,
магистр политических наук, научный сотрудник Государственного учреждения «Вилейский краеведческий музей»,
Республика Беларусь, 222410, Минская область, г. Вилейка, площадь Свободы, 1. Музей,
e-mail: karkotko@tut.by

Information about the authors

Pavel A. Novikov,
doctor of science, professor, Head of Chair of the History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: novikov710@yandex.ru

Andrey Yu. Karkotko,
master of political science, staff scientist of Vileika museum of local history,
Museum. 1, ploshad' Svobody, Vileika, Minsk region, 222410, Republic Belarus',
e-mail: karkotko@tut.by

Критерии авторства

П.А. Новиков и А.Ю. Каркотко выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение и написали рукопись, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Novikov P.A. and Karkotko A.Yu. carried out the research work, based on the obtained results, summarized and wrote the manuscript, have copyrights to the article and bear full responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47).084.3
http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-154-175

ПРАВДА И «КРИВДА» О КРАСНЫХ ОТРЯДАХ ИЗ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПЕРИОДА «ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ» В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (1917–1918 гг.)

© Г.И. Хипхенов
Российская Федерация, 664035, г. Иркутск, ул. Сурнова, 30/6, кв. 64.

Аннотация. В статье на основе большого объема не публиковавшихся ранее источников рассматриваются особенности организации советских вооруженных формирований Иркутской губернии в начальный период Гражданской войны (конец 1917 – лето 1918 г.). Дается характеристика лидерам большевиков и их союзников из левых социалистических партий, командирам советских отрядов. Впервые приводятся биографические данные о наиболее одиозных фигурах, таких как М.П. Янков и Е.С. Пережогин. Дана оценка места и роли в установлении Советской власти деструктивных социальных групп: анархистов, уголовных и военнопленных. Собраны сведения об имевших место убийствах, самосудах и фактах террора сторонниками советской власти по отношению к политическим противникам и случайным лицам.

Автор воздерживается от приверженности «красной» или «белой» стороне, считает важным уделять внимание личностям и по возможности детализировать описываемые события, что может способствовать повышению интереса к Истории и краеведению.

Ключевые слова: Гражданская война, Иркутская губерния, Центросибирь, вооруженные формирования, Красная гвардия, Красная армия, командиры, комиссары, декабрьские бои в Иркутске, большевики, анархисты, военнопленные, интернационалисты, уголовные.

Формат цитирования: Хипхенов Г.И. Правда и «кривда» о красных отрядах. Из военно-политической истории периода «первой Советской власти» в Восточной Сибири (1917–1918 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 154–175. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-154-175

TRUE AND “FALSEHOOD” ABOUT THE RED DETACHMENTS FROM THE MILITARY-POLITICAL HISTORY OF THE PERIOD OF THE “FIRST SOVIET POWER” IN EASTERN SIBERIA (1917–1918)

© G.I. Hipkhenov
64, 30/6 Surnova Str., Irkutsk 664035, Russian Federation

Abstract. In the article, on the basis of a large amount of unpublished sources, the features of the organization of Soviet armed units of the Irkutsk province in the initial period of the Civil War (late 1917 – summer 1918) are considered. Characteristics are given to the leaders of the Bolsheviks and their allies from the left socialist parties, commanders of the Soviet detachments. For the first time, biographical data of the most odious figures, such as M.P. Yankov and E.S. Perezhogin, are given. Author gets an assessment of the place and role of destructive social groups such as anarchists, criminal and prisoners of war in the establishment of Soviet power. Information was collected about the murders, lynchings and facts of terror committed by supporters of the Soviet government in relation to political opponents and casual persons.

The author refrains from adherence to the “red” or “white” side, considers the importance to pay attention to personalities and, if possible, to detail the described events, which can contribute to an increase of interest in History and local history.

Keywords: Civil war, Irkutsk province, Centrosibir, armed formations, Red Guard, Red Army, commanders, commissars, December fights in Irkutsk, Bolsheviks, Anarchists, prisoners of war, internationalists, criminals

For citation: Hipkhenov G.I. True and “Falsehood” about the Red Detachments. From the Military-Political History of the Period of the “First Soviet Power” in Eastern Siberia (1917–1918). Journal of Ancient Technology Laboratory. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 154–175. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-154-175

Несколько лет назад в журнале «Родина» была опубликована статья П.А. Новикова и А.М. Романова «Заготовка жёрнова на собственную шею» (Новиков, Романов 2011. С. 98–102). Авторы,

недвусмысленно выступая как приверженцы Белой идеи и Белого движения, в весьма тенденциозной форме освещают советское военное строительство в начальный период Гражданской войны в Восточной Сибири, дают характеристику красным командирам и принципам военной организации. Наряду с изложением действительно имевших место фактов, в целом они дают крайне негативные оценки и, на мой взгляд, излишне демонизируют образ первых советских вооруженных отрядов и их предводителей, краскомов и комиссаров.

Насколько мне известно, эта работа не получила гневных отповедей от исследователей и публицистов из «красного стана». Но представляется, что произошло это лишь в силу отсутствия среди таковых лиц, достаточно владеющих материалом, дабы аргументировано полемизировать с авторами статьи. Поскольку я некоторое время достаточно глубоко занимаюсь темой военно-политической истории Иркутской губернии в начальный период Гражданской войны, то счел своим долгом написать небольшую работу в качестве альтернативного взгляда на данный вопрос. Не будучи сторонником коммунистических идей, я постарался изложить объективный взгляд на события и личности, ставя во главу угла принципы истины, патриотизма и любви к истории. Лично для меня все участники событий с обеих сторон, красной и белой – это солдаты, наши соотечественники, деды и прадеды, оказавшиеся по разную сторону. У тех и других были свои герои и негодяи. Они сражались, жили и умирали за свои идеи и за своих близких. И наш общий долг не предать их забвению.

Данная статья задумывалась как рецензия на публикацию П.А. Новикова и А.М. Романова, но в итоге обрела форму самостоятельного очерка. Наряду с критикой я приведу ряд материалов, возможно, даже усугубляющих негативную оценку отдельных советских формирований и их командиров. Но эти факты имели место, и о них нужно говорить, в тоже время, не возводя их в аксиому, не забывая, что данные примеры были не правилом, а скорее исключением.

Я предвижу, что могу стать предметом критики из того же «красного» стана, который вроде бы взялся защищать. «Ну вот, опять выкопали всю грязь и мерзость! Почему вы не пишете о подвиге и добре, а снова очерняете память героев?!!» Наверное, потому, что те, кто 70 лет писал монументальную историю красных командиров и комиссаров, настолько их выбелили и героизировали, что они совершенно потеряли живую человеческую натуру и стали восприниматься как мифические создания. И когда эти мифы рухнули, создался эффект разорвавшейся бомбы. Ангелы вдруг оказались демонами. Все вдруг осознали, что жили в царстве лжи, и бросились неистово низвергать вчерашних идолов. Поэтому нам нужна честная, объективная история. И было в ней все, и нет в этом ничего страшного, ибо все наши герои – всего лишь люди, со своими слабостями и недостатками.

Кроме полемики я постарался, выражаясь литературным языком, расширить событийный ряд, ввести новых героев и детализировать уже известные эпизоды. В рамках же традиционной истории я буду счастлив случаем ввести в научный оборот новые источники и привлечь внимание читателей к прошлому родного края. Ведь история в тысячу раз богаче и интереснее любого выдуманного фантастического мира, нужно только ее познать в подробностях и мелочах.

…Ибо дьявол, как известно, кроется в деталях…

Первые комиссары и краскомы

Корни последующих проблем советского военного строительства в Восточной Сибири П.А. Новиков и А.М. Романов видят в ошибочном выборе командного состава, таких лиц как Алексей Зотов, Нестор Каландаришвили, Амзор Караев, Феодосий Лавров, Нина Лебедева, Ефрем Пережогин [1], Дмитрий Третьяков. Авторы считают, что «их поступки далеко превзошли последующие антидисциплинарные действия белых атаманов, позволяя усомниться в распространенном тезисе о большей ор-

[1] Настоящее имя **Ефим** Спиридонович Пережогин. Статистический листок на арестанта Иркутской губернской тюрьмы… (ГАИО. Р-157. Оп. 2. 1917 г. литера «П»).
His real name is Efim Spiridonovich Perezhogin. Statistical leaflet on the prisoner of the Irkutsk provincial prison … (GAIO, R-157, Op., 2. 1917, letter “P”).

ганизованности и дисциплинированности красных» (Новиков, 2011. С. 98).

Последний тезис скорее можно отнести к более позднему периоду гражданской войны, а в 1918 г. организация и дисциплина советских отрядов не выдерживает никакой критики и не претендует на более высокий уровень. Касательно же белых атаманов, если учитывать широко проводившиеся ими казни и репрессии, то красные краскомы и комиссары периода 1918 г. перед ними – сущие младенцы. Самосуды и казни по приговору ревтрибунала не носили массового характера, поэтому цифры пострадавших от красного террора в Восточной Сибири в 1918 г. (ниже коснемся их отдельно) несопоставимы с жертвами будущего большого террора, как белого, так и красного. Впоследствии сами большевики, вспоминая свои первые шаги, часто сетовали на свою беспечность, наивность и мягкотелость, стоившие им позже стольких жертв (Постышев, 1957. С. 11. Чужак-Насимович, 1927. С. 69). Действительно, поначалу им нередко приходилось учиться на своих ошибках. Секретные телеграммы П. Кларка и Г. Цветкова о необходимости отправки вооруженного отряда, переданные в конце декабря 1917 г. из Читы, оказались напечатаны в газетах и вызвали возмущение общественности и обвинения в развязывании Гражданской войны. В дальнейшем подобные послания в прессу уже не попадали. В январе 1918 г. в «Свободной Сибири» было напечатано воззвание есаула Г. Семенова с призывом к борьбе с Советской властью. Когда член следственной комиссии по делам печати И. Посталовский приходит в редакцию и смущенно просит сообщить имена членов редакционного коллектива и «кончить дело по-хорошему», то его фактически поднимают на смех. И только после этого следует закрытие газеты (Новая Сибирь. 1918. № 1). Также и вердикты Революционного трибунала до июньского мятежа носят довольно мягкий характер. Насколько удалось проследить автору, не было вынесено ни одного смертного приговора по политическим мотивам, зачастую все ограничивалось исправительными работами на небольшой срок (до 5 месяцев) или даже просто общественным порицанием. Большевики этого периода вовсе не были зверьми, алчущими крови. Напротив, некоторые их действия неуклюжи и порой вызывают улыбку. Впрочем, они быстро учились, и по мере возрастания сопротивления новой власти происходило дальнейшее ужесточение средств борьбы.

Октябрьскую революцию, или переворот, как ее называли и сами ее творцы, совершили большевики и их союзники из левых социалистических партий, совершили руками гарнизонных солдат. Не был исключением и Иркутск с его огромным гарнизоном из 4-х запасных полков, 2-х дружин пешего ополчения и 3-х – батарейного артиллерийского дивизиона. И когда в декабре 1917 г. Военно-революционный комитет (ВРК) решился покончить с двоевластием и установить власть Советов на деле, солдатами и немногочисленными красногвардейцами, которых поведут в бой с юнкерами и офицерами, должны были руководить люди с военным и командным опытом. Таковыми стали младшие офицеры, прапорщики, поручики, реже в чине капитана.

Одним из первых на сторону ВРК перешел поручик Валериан Дмитриевский (37 лет). За революционную деятельность в 1905–06 гг. он был приговорен к ссылке в Якутию, в 1914 г. мобилизован на фронт, с 18 октября 1917 г. – командир батальона 718-й пешей Астраханской дружины, а во время декабрьских боев – начальник Штаба ВРК. По воспоминаниям Б. Шумяцкого, «…он не был большевиком, наоборот, в прошлом был эсером, приговоренным царизмом за революционную работу к смертной казни, замененной ему каторгой. Он считал себя сочувствующим советской власти и сам предложил свои услуги. Это был еще молодой человек, лет тридцати, энергичный, но достаточно уже потрепанный каторгой и необычайно нервный, что позже не раз давало себя чувствовать во время подавления юнкерско-офицерского мятежа. Тем не менее Дмитриевский был необычайно сильным человеком, проведшим героически в невыразимо трудных условиях руководство борьбой…» (Шумяцкий, 1989. С. 326). В конце декабря 1917 г. – январе 1918 г. Дмитриевский – начальник охраны г. Иркутска. В иркутской прессе этого периода напечатан материал, обвиняющий Дмитриевского в бытность в ссылке в подаче прошения о помилова-

Рис. 1. Поручик В.И. Дмитриевский в действующей армии, предположительно первая половина 1917 г. Публикуется впервые. ГАНИИО. Ф393.5.459
Fig. 1. Lieutenant V.I. Dmitrievsky in the active army, presumably the first half of 1917. Published for the first time. GANIIO. F393.5.459

нии, и даже просьбе о приеме на службу в полицию, т. е. в ренегатстве (Свободная Сибирь. 1918. № 2). Как бы то ни было, в январе 1918 г. комиссаром охраны города Иркутска вместо Дмитриевского был назначен А.Зотов. В дальнейшем активной роли в советском строительстве В. Дмитриевский не играл. 23 мая 1918 г. Охранный отряд Центросибири пытался выбрать его своим начальником, но поскольку к этому времени выборность комсостава была отменена, Сибвоенкомат назначил на эту должность другого человека, отметив, что «в Военном комиссариате имеются сведения и отзывы, характеризующие гражданина Дмитриевского с отрицательной стороны» (Вечерние известия. 1918. № 66). После захвата Иркутска 11 июля 1918 г. войсками Сибирского временного правительства и чехословаками, Дмитриевский остался в городе, видимо, и не скрывался, был арестован и казнен 5 августа 1918 г. по приговору военно-полевого суда (Сибирь. 1918. № 20).

Советскими отрядами во время боев в Иркутске командовали младшие офицеры. Так начальником Иркутского гарнизона был подпоручик Иркутского артиллерийского дивизиона большевик из селенгинских казаков Борис Мельников (21 год). Прапорщик Д. Тананайко (20 лет) командовал солдатами 11-го запасного полка. По воле случая вознеслись на вершину истории прапорщики из Екатеринослава Сергей Блюменфельд (22 года) и Алексей Зотов (22 года), друзья детства, недавно прибывшие в Сибирь. Никому до этого неизвестные, они присоединились по дороге к роте 9-го запасного полка, прикомандированной на защиту Белого дома, и, оказавшись в осаде, стали героями его обороны. В ходе боев прославился приехавший из Красноярска левый эсер, по происхождению из молдавских дворян, прапорщик Сергей Лазо (23 года). Следует отметить, что Лазо прибыл в Иркутск не во главе отряда (как это укоренилось в историо-

Рис. 2. Прапорщик С.С. Блюменфельд. 1916 г. Студент Харьковского университета ГАНИИО. Фотофонд
Fig. 2. Ensign S.S. Blumenfeld. 1916. Student of Kharkov University. GANIIO. PhotoFund

графии), а в одиночку и по работе: «…5 декабря я уехал в Ачинск и Канск – уездные города Енисейской губернии, а оттуда по делам Исполнительного комитета в Иркутск. Я приехал туда 10 декабря в разгар боя революционных солдат с юнкерами…» (Лазо, 1959. С. 134). Со сводным отрядом из Канска прибыли прапорщик Роберт Эйдеман (22 года) и капитан Тор Стремберг. Кто из них был романтиком или фанатиком еще предстоит установить, но все они были отмечены советским руководством и занимали впоследствии ряд высоких постов.

Советская власть в Иркутске установилась в конце декабря 1917 года. Установилась, несмотря на то, что офицеры и юнкера фактически выиграли восьмидневные городские бои, и к завершению военных действий в плену в Военном училище оказалась большая часть советских комиссаров. Несмотря на то, что был заключен мир на условиях взаимных уступок и создания коалиционного правительства. Несмотря на то, что большая часть населения стотысячного города явно сочувствовала сторонникам прежней власти, власти Временного правительства. Но дух революции, дух свободы и ненависти к прошлому были настолько сильны, что тысяча отчаянных штыков, готовых драться дальше, готовых снова пролить свою и чужую кровь, заставила подчиниться себе десятки тысяч нерешительных.

Высшим органом власти в Иркутске и губернии был объявлен Комитет советских организаций. В него вошли большевики и их союзники: левые эсеры, меньшевики-интернационалисты и анархисты. Кто же были эти представители новой власти? Это были разные люди, но их можно разделить на несколько групп:

Во-первых, это «старые» большевики, всю жизнь посвятившие революционной борьбе, такие как Б. Шумяцкий (31 год), Я. Янсон (31 год), Н. Гаврилов (31 год), П. Постышев (30 лет), М. Трилиссер (34 года). Люди еще достаточно молодые и активные, вместе с тем с большим жизненным и революционным опытом, они энергично взялись за дело претворения декретов Совнаркома в сибирскую жизнь. Среди большевиков выделялся своей «умеренностью» старый партиец гласный Иркутской городской думы, военный доктор Н.А. Алексеев (44 года), лично знакомый с В.И. Лениным по работе в «Искре». Интересно, что после падения советской власти в Иркутске 11 июля 1918 г. доктор Алексеев не только не пытался скрываться, но и как ни в чем

Рис. 3. Я.Д. Янсон, председатель Иркутского Совета РД в 1917 г. Дата фотографии неизвестна ГАНИИО. Фотофонд
Fig. 3. J.D. Yanson, chairman of the Irkutsk Council of the RD in 1917. The date of the photo is unknown GANIIO. PhotoFund

Рис. 4. М.А. Трилиссер, член Иркутской ЧК в 1918 г. Фотография предположительно 1915 г. ГАНИИО. Фотофонд
Fig. 4. M.A. Trilisser, a member of the Irkutsk CheKa in 1918. The photograph is supposedly 1915 GANIIO. PhotoFund

не бывало, явился как гласный на заседания думы и писал в газеты о своем «большевизме, правого соглашательского толка». 16 июля он был все же арестован, но через несколько дней был выпущен по ходатайству гласных Добровольского и Казанского (Иркутские дни. 1918. № 24, 27). Все это не помешало Алексееву оставаться в фаворе и в советское время, он избежал репрессий и благополучно дожил до 98 лет.

За ними, а порой и впереди, шли молодые фанатики социалистических идей, несмотря на свой ничтожный по старым (и современным!) меркам возраст, занявшие высшие должности и посты, такие как командующий фронтом С. Лазо (23 года), нарком просвещения П. Парняков (22 года), нарком советского управления поэт Ф. Лыткин (20 лет). Интересно, что в отличие от вышеперечисленных старших товарищей, никто из них не пережил гражданской войны.

К ним же примыкали так называемые «большевики новой формации», доселе малоизвестные либо вовсе неизвестные, но с энтузиазмом принявшие идеи большевизма и ставшие ее яростными проводниками, такие как будущий комендант Иркутска (летом 1918 г.) А. Шевцов, первый председатель Иркутской ЧК И. Посталовский (26 лет), командующий войсками Иркутского ВО М. Рютин (27 лет). О Шевцове писали в прессе: «Но нам опасны те большевики, которые до революции к рабочему движению никакого отношения не имели. Вот, например, т. Шевцов. Он отбыл за что-то бессрочную каторгу, и я (Боровский), осужденный на семь лет каторги, никогда не слыхал, что он большевик» (Иркутская жизнь. 1918. № 4). Шевцова в первые ряды большевиков вынесла все та же героическая осада Белого дома: «Нелепый, искрящийся жизнерадостностью парень, отлично себя чувствующий в «числе драки». Без драки Шевцов – этот веселый верзила с длинными руками в коротких рукавах – весь как то вянул… Позднее, когда иркутские юнкера держали нас под обстрелом восемь суток в Белом доме, и мы уже доедали вторую лошадь, я спросил у Шевцова, бывшего у нас за повара: – Ну как дела? – Ух, важно! Как буржуй наелся!..» (Чужак-Насимович, 1927. С. 42).

Рис. 5. А. Шевцов. 1918 г. В июле 1918 г. – военный комендант г. Иркутск. Фотография 1917–18 гг. Публикуется впервые. ИОКМ. Фотофонд
Fig. 5. A. Shevtsov. 1918. In July 1918 – military commandant of Irkutsk. Photo of 1917–18. Published for the first time. IOKM. PhotoFund

Кроме них были еще и «люди момента», такие как прапорщики С. Блюменфельд и А. Зотов, «комиссар Слюдянки» К. Дашков,[2] и личности, окутанные тайным ореолом, как военный комиссар Т. Стремберг и контрразведчик А. Луцкий. Так, 10 лет спустя, Р. Эйдеман писал о Стремберге в декабре 1917 г.: «Во главе отряда был поставлен капитан С., именовавший себя большевиком, но человек для Канска новый, недавно прибывший с фронта. Личность С. осталась до сих пор не выясненной. Он выдавал себя за старого большевика,

[2] Дашков Константин Осипович (24 года в 1918 г.). Подхорунжий, из ставропольских казаков. Этапирован в октябре 1918 из Томска в Иркутскую тюрьму. 16 декабря 1918 г. при попытке бежать от сопровождающего его конвоя Дашков был убит (ГАИО. Р-157. Оп. 2. 1918. Литера «Д». Л. 10).
Dashkov Konstantin Osipovich (24 years in 1918). Podhorunzhiy, from the Stavropol Cossacks. Staged in October 1918 from Tomsk to the Irkutsk prison. On December 16, 1918, when an attempt was made to escape from his escort, Dashkov was killed (GAIO, R-157. Op. 2. 1918, Letter “D.” L. 10).

но документов, которые бы подтвердили его партийный стаж, у него не было. С. – по происхождению финн или швед. Человек малоразговорчивый. Он весьма неохотно делился с нами своими воспоминаниями о прежней революционной работе. Его скупость на слова мы объясняли чертами его характера. Уже впоследствии мне пришлось слышать о С. ряд нелестных отзывов. Говорили даже, что его прежняя служба каким-то образом связана с полицейщиной. Но должен со всем беспристрастием сказать, что в предоктябрьские и в октябрьские дни С. держал себя безукоризненно и был вне всяких сомнений…» (Эйдеман, 1927. С. 90).

Немало среди советского руководства оказалось, очевидно, и случайных людей. Несмотря на свою активную деятельность и занятие высоких постов, в последующей советской истории места им не отвелось. Таких людей было немало, упомянем лишь создателей Красной гвардии на Забайкальской железной дороге – члена Центросибири левого эсера Г. Цветкова и начальника Главного штаба Н.И. Арцыбашева. Несоветская пресса тех времен полна громких эпитетов в их адрес: «Они [советское руководство] создали штаб красной гвардии и поставили во главе его больного ненормального морфиниста Цветкова, а потом после крупного скандала, Цветкова заменил не менее известный в Иркутске рыцарь зеленого поля Арцыбашев…» (Свободный край. 1918. № 44). Под крупным скандалом подразумевается инцидент 20 января 1918 г., когда Г. Цветков после неудачной попытки установления Советской власти в Чите, вернулся в Иркутск и был задержан в пьяном виде с оружием в бильярдной Вимсона на углу Большой и Ивановской (Новая Сибирь. 1918. № 5). Спустя несколько дней он был исключен из состава Центросибири и более в исторических источниках не упоминается.

Вообще начальный период установления Советской власти создавал благоприятные условия

Рис. 6. Штаб Красной гвардии Забайкальской ЖД: М.В. Миронов, С.И. Винокуров, И.В. Трифонов, И.И. Арцыбашев. Фотография 1918 г. Публикуется впервые. ГАИО. Фотофонд
Fig. 6. Headquarters of the Red Guard of Trans-Baikal Railway: M.V. Mironov, S.I. Vinokourov, I.V. Trifonov, I.I. Artsybashev. Photo of 1918. Published for the first time. GAIO. PhotoFund

для деятельности всевозможных авантюристов и мошенников. Кроме откровенного проходимца командира эскадрона 1-го Иркутского кавдивизиона А. Караева, перешедшего после поражения советских войск на сторону атамана Семенова, следует упомянуть уроженца Балаганского уезда Иркутской губернии М.П. Янкова. Менее чем за год ему удалось проделать потрясающую карьеру от мелкого мошенника до военного комиссара Комитета Советских организаций и начальника гарнизона г. Читы. В 1913 г. он был осужден в Иркутске на 8 месяцев за изготовление подложных поручительств и получение по ним в магазинах различных товаров в кредит. Продолжал в том же духе в Верхнеудинске. Неожиданно М. Янков всплывает, уже являясь начальником милиции 5 участка Иркутского уезда. В августе 1917 г. он скрылся, захватив с собой 1860 р., отобранных у китайцев, и растратив 440 р. казенных денег (Прибайкальская жизнь. 1918. № 4). А в январе 1918 г. наш «герой» прибыл в Иркутск в качестве вахмистра и председателя полкового комитета 1-го Верхнеудинского казачьего полка. Именно во главе с Янковым утверждается в феврале 1918 г. Советская власть в Чите, а далее устанавливается диктаторский режим, получивший название «янковщина». В апреле 1918 г., обличенный в злоупотреблениях, М. Янков скрылся из Читы и снова всплыл лишь в июле, арестованный томским эсеровским отрядом у себя на родине в Балаганском уезде. Водворенный в иркутскую тюрьму, он закончил свою бурную жизнь, казненный в ночь на 3 августа 1918 г. вместе с И. Посталовским, О. Гроссом и другими (Сибирь. 1918 г. № 20).

Ну и наконец, едва ли не самая яркая фигура Иркутска 1918 г. на политической сцене. Ефим Спиридонович Пережогин (37 лет), уроженец Таганрогского уезда Донской области, солдат 9-го запасного полка, анархист, один из лидеров сентябрьского солдатского мятежа 1917 г. Как внешностью, так и поведением, он производил незабываемое впечатление на окружающих: «Пережегин – член Совдепа, анархист и один из их лидеров, саженного роста и широченный в плечах. Усы отпущены к низу, как у пьяницы, каковым, между прочим, он и был. Носил длинные волосы, какие обычно носили идеологи анархизма, мне кто-то говорил, что Пережегин отбывал тюремное заключение не за революционные дела, а за что-то другое…» (ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 853. Л. 48). Еще более сочное описание, относящееся к лету 1918 г., оставил М. Димов: «По улицам Читы, помню, ходил тогда анархист Пережогин. Человек примерно в сажень ростом, на голове седые кудрявые волосы, одет в белую брезентовую рубаху и шаровары защитного цвета, в необыкновенно высокие сапоги, за поясом револьвер, на ремне две бомбы, в руках дубинка метра в полтора длиной и трубка с чайный стакан с полуметровым чубуком. Этот великан расхаживал по Калининской с личной охраной и вел агитацию против Советов» (Партизаны. 1929. С. 60).

Арестованный в ходе солдатского мятежа, согласно приказу по войскам Иркутского ВО от 14 ноября 1917 г. и постановления Иркутского военно-окружного суда от 10 ноября 1917 г., Пережогин признан ненормальным в умственных способностях и подлежащим исследованию в Томской психиатрической больнице (Иркутские вести. 1918. № 2). Но благодаря революции Ефим Пережогин вместо психбольницы оказался в… составе героического гарнизона Белого дома! Прямых упоминаний в документах об этом нет, но ряд фактов позволяет это утверждать. В повести П.П. Петрова, лично участвовавшего в обороне Белого Дома, – «Кровь на мостовых» (1931) Пережогин – один из активных защитников оплота Советов. В более известном позднем романе «Половодье» автор, видимо, по политическим соображениям, убирает его из числа героев-защитников Белого Дома. Кроме П. Петрова, на подобный вывод наводит явная близость Пережогина с А. Зотовым. Все его последующие мандаты и удостоверения подписаны неизменно комиссаром охраны города А. Зотовым. Представляется, что только совместные пережитые испытания во время 8-ми суточной зимней осады заставили проникнуться молодого прапорщика уважением и доверием к харизматичному анархисту.

В январе – марте 1918 г. имя Ефима Пережогина то и дело мелькает в газетной хронике, он производит обыски и аресты, закрывает газеты, проверяет самоохрану. Но поскольку в ряде случа-

ев имели место злоупотребления и даже кража денег солдатами из его окружения, постепенно он теряет покровительство советского руководства. В июне 1918 г. Пережогин объявился с небольшим отрядом в Чите с требованием к местным властям дать ему неограниченное право проводить реквизиции и конфискации, а когда получил отказ, пытался арестовать военного комиссара, за что сам оказался в тюрьме (Советская власть. 1918. № 29). Вершиной же незаурядной биографии Пережогина стало ограбление Читинского государственного банка 26 августа 1918 г. Но здесь следует отметить, что в списке лиц, подлежащих розыску и аресту в связи с громким ограблением, фамилия Пережогина числится лишь под № 10, уступая первые позиции более известным советским деятелям, таким как П. Половников, Х. Гетоев и другие (Дальистпарт, 1924. С. 101–102). Спустя две недели Пережогин был убит в Благовещенске, не то интернационалистами, не то в ходе очередной попытки ограбления банка.

Таков общий портретный ряд наиболее известных личностей Иркутской губернии, выдвинувшихся на политическую арену благодаря революции. Биография каждого из них заслуживает пристального внимания историков и еще ждет своих исследователей. А напоследок упомянем особую категорию командиров, достойную персонажей И. Ильфа и Е. Петрова:

«…Я помню, какая же была растерянность в Иркутске. Еще до выступления чехов наш военный отдел не работал ни черта, и в нем открыто заседали в качестве работников какие-то типы с царскими орденами на лацканах… . Все бегали, все суетились, сталкивались лбами, как бараны, звенели шпоры и раздувались галифе, но толку, повторяю, не было ни на грош. Наш командир отряда Тиунов здесь тоже разрядился почем зря, где-то достал себе маузер с прикладом и походную сумку (но без карты) и носился как дурень с торбою, прельщая собою иркутских проституток, за что потом ему и другим пришлось расплачиваться в Березовском (В-Удинск) госпитале. Словом, это был самый из неудачных командиров, и я ни разу не видел его в боях, ибо он как-то «смывался», а его «примеру» следовал и его помощник Иовлев, и отряд наш барнаульский с громким лозунгом на красном знамени: «За власть труда умрем, но не сдадимся!» – начал разлагаться…» Из воспоминаний В. Кудряшова. 1-я Барнаульская маршевая рота Красной гвардии // Гражданская война в Сибири: Форум [Электронный ресурс]. URL: http://wap.siberia.forum24.ru (дата обращения 29.03.2017)[3].

Деструктивные элементы: анархисты, уголовные, военнопленные

Кроме ошибочного выбора командного состава одной из причин неудач военного строительства Центросибири П.А. Новиков и А.М. Романов видят в опоре Советов на некоторые узкие деструктивные группы (уголовные, анархисты, военнопленные). Но у большевиков в этот период не было широкой социальной опоры. В Сибири в отличие от центральной России было мало пролетариата, крестьяне почти полностью стояли за эсеров, поэтому им приходилось идти на сотрудничество с теми, кто был к этому готов. После всеобщей демобилизации остро встал вопрос о создании собственных вооруженных сил. В населенных пунктах, где имелось хоть небольшое количество пролетариата, создавались отряды красной гвардии из рабочих. В первую очередь, кроме Иркутска, это были уездные центры, железнодорожные станции и поселки, отдельные заводы, каменноугольные и золотодобывающие прииски. С большевиками сотрудничали левые эсеры, анархисты, меньшевики-интернационалисты. Наибольшим пугалом для общественности стали анархисты.

Идеи анархизма в 1917 г. получили широкое распространение в Сибири и в частности в Иркутской губернии. Их демагогические лозунги, отрицание всякой власти и требование всеобщей социализации пользовались особенной симпатией среди солдатских масс и рабочих горнорудной промышленности. На Черемховских угольных копях большой вклад в развитие анархических идей внесли анархисты-эмигранты из Америки, при-

[3] Речь идет о П.Ф. Тиунове, герое гражданской войны и почетном партизане из Барнаула.
We are talking about P.F. Tiunov, a hero of the Civil War and an honorary partisan from Barnaul.

бывшие сюда летом 1917 г. (Буйских, 1922. С. 41). О популярности партии анархистов свидетельствует тот факт, что на II Съезде Советов Сибири в феврале 1918 г. делегация от черемховских копей из 7 человек была полностью из анархистов (Подвиг Центросибири, 1986. С. 79–80). Известен целый ряд видных анархистов, принимавших активное участие в установлении советской власти в Иркутской губернии: И. Гейцман, С. Ильинский (уже в феврале 1918 г. зарегистрирован как большевик), П. Ерыгин, А. Буйских, Н. Каландаришвили, Ф. Грех, Е. Пережогин, В. Каминский и А. Караев. Две последние личности, приехавшие с отрядом в Иркутск в декабре 1917 г. из Красноярска, наиболее темные личности, имевшие за собой целый шлейф криминальной деятельности (в красноярской газете «Свободная Сибирь» за ноябрь – декабрь 1917 г. на эту тему печаталась серия статей В. Храмцова). Вполне вероятно, что принадлежность к партии анархистов была для них лишь удобной ширмой для осуществления своих преступных замыслов. Тем не менее в дальнейшем А. Караев возглавил 1-й эскадрон 1-го Иркутского кавалерийского дивизиона анархистов-интернационалистов (под командованием Н. Каландаришвили) и принял участие в гражданской войне. Личности В. Каминского посвящена публикация красноярского историка А.П. Дементьева (Дементьев А.П., Каминский В.К. [Эл. ресурс]. URL: http://zaimka.ru/dementjev-kaminskij). В ней В. Каминский предстает лишь как политическая фигура, незаслуженно облитая грязью в кадетской прессе.

И. Гейцман и П. Ерыгин занимали высокие должности в Центросибири, председатель Черемховского Совета А. Буйских пытался проводить социализацию черемховских угольных копей. Кроме Н. Каландаришвили и А. Караева, формированием отдельных анархистских вооруженных отрядов занимался известный в 1918 г. в Иркутске идеолог анархистов Ф. Грех: «Мною разрешено члену совета федерации групп анархистов Фоме Грех формировать отдельную интернациональную анархическую пехотную роту в городе Иркутске» – приказ по войскам Иркутского военного округа. Г. Иркутск, 11 марта 1918 г. за подписью ис. об. комиссара по военным делам округа Стремберга (Трудовой народ. 1918. № 3). Вообще роль в гражданской войне в Сибири анархистов, действительных и мнимых, еще предстоит установить. В советской историографии она замалчивалась, а участники советских отрядов в своих воспоминаниях также крайне редко признавались, что в 1918 году они были условно «не совсем большевиками». Напротив, все местные небольшевистские газеты за 1918 г. переполнены сообщениями о бурной деятельности «анархистских» отрядов, что, впрочем, не исключает, что в глазах обывателя любой недисциплинированный отряд виделся анархистским.

Рис. 7. Председатель Черемховского совдепа А. Буйских. Предположительно 1920-е годы Публикуется впервые. ИОКМ. Фотофонд
Fig. 7. Chairman of the Cheremkhovsky Soviet A. Buyskih. Presumably the 1920s. Published for the first time. IOKM. PhotoFund

Требует изучения и политическая принадлежность известных героев гражданской войны в Ленско-Витимском округе и Бодайбо А. Стояновича и Т. Алымова. Меньшевик И.А. Атлас в июле 1918 г. пишет о Бодайбо: «Но в последнее время среди заправил начали преобладать анархисты, к которым, между прочим, присоединился какой-то проходимец, Стоянович, именовавший себя то капита-

ном сербской армии, то профессором; он занял должность начальника красной гвардии, а когда в мае они объявили военное положение, то он же был назначен главнокомандующим…» (Иркутские дни. 1918. № 24). Подобные газетные статьи зачастую ненадежны, летом 1918 г. А. Стоянович проявил личное мужество в боях под Киренском и до конца остался верным идеям советской власти. Но был ли он «югославским коммунистом», как укоренилось в историографии, требует уточнения. Вообще тенденция к «обольшевичиванию» всех подряд красных командиров 1918 г. искажает истину, на самом деле они были представлены самой широкой политической палитрой. Не умаляя достоинства большевиков, мы должны, прежде всего, следовать принципам Истины. То же относится и к Т. Алымову, расстрелянному есаулом И. Красильниковым в с. Половинка на р. Лене. Кем же мог быть красный герой и мученик, как не большевиком? Однако на самом деле Т. Алымов до революции был членом Перовской группы анархистов под кличкой «Кропоткин» (История одной семьи. [Эл. ресурс]. URL: http://chulmanlib.ru/wp-content/uploads/2014/10/). Осужденный в Ташкенте в 1908 г. за организацию преступной анархистской группы, он был в 1910 г. направлен в ссылку в Якутию, где находился до 1916 г., когда перебрался в Бодайбо. Считал ли себя Алымов в 1918 г. большевиком – остается под большим вопросом…

Наиболее крупным центром формирования анархистских отрядов был город Черемхово. Правда, нередко их «анархистская» принадлежность была условной, анархистами могла быть часть командиров, а рядовой состав слабо разбирался в политике и вряд ли понимал принципиальное различие между большевиками, левыми эсерами или анархистами. Один из таких отрядов был направлен в марте – апреле 1918 г. на подавление контрреволюционного выступления в Троицкосавске:

«…Этот отряд именовал себя анархистским. На большом красном знамени отряда значились лозунги: «Мир хижинам, война дворцам!» и «Грабь награбленное!» С приходом отряда дружина самообороны ретировалась в Маймачен, за ней сбежала буржуазия и зажиточная часть населения. Советы снова взяли всю полноту власти в городе в свои руки. Черемховский отряд, оказав помощь Совету, разогнав белогвардейщину, возомнил, что он является решающей силой и перестал подчиняться Совету депутатов и штабу местной Красной Гвардии. В этом отряде, называвшем себя анархистским, имелись элементы с уголовным прошлым, и они при всяком удобном случае занимались мародерством, воровством, пьянствовали, бесчинствовали. На требование исполкома Совета навести в отряде порядок, командование анархистов арестовало членов исполкома и предъявило ультимативное требование о предоставлении контрибуции. Отряд занял почту и телеграф…» (Назимов, 1957. С. 169–170). На Троицкосавск была возложена контрибуция в 500 тыс. рублей, а в качестве гарантии уплаты взяты в заложники 18 купцов. Впоследствии один из командиров отряда Р. Кошкин на заседании Центросибири оправдывался: «…До последних дней все шло сравнительно благополучно. Особых трений между советом и отрядом не замечалось. Только в последние дни перед отъездом, когда черемховцы увидели, что уезжать приходится с пустыми руками, что «не с чем будет встретить Пасху», начали предъявлять требования об уплате им за все время командировки по тем ставкам, что они получали на месте в Черемхове. Когда им в этом было отказано, они решили действовать самостоятельно…» (Забайкальский рабочий. 1918. № 101). По прибытии отряда в Иркутск, он был разоружен и расформирован. Интересно свидетельство бойца отряда Попова о принципах командования и принятия решений: «…Около семафора нам было предложено сдать оружие. Наше командование выполнило волю отряда и это вполне понятно в то время – простое голосование и никаких гвоздей – не согласились на разоружение. Потом, когда пригрозили, что стоят орудия и пулеметы, что одно из двух, или держать бой или сдаваться, решили разоружиться…» (ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 404. Л. 11).

В отличие от Центральной России, в Сибири в 1918 г. большевикам не удалось обуздать анархистов и ликвидировать их самостоятельные вооруженные формирования. Эти отряды, оставаясь на платформе советской власти, обладали известной самостийностью и отличались низкой дисципли-

ной. Демагогические лозунги привлекали в их ряды наиболее деклассированные элементы. В Иркутске весной – летом 1918 г. сложился устойчивый конфликт между анархистами 1-го Кавалерийского дивизиона и городской милицией, в частности, со 2-м и 4-м комиссариатами. В апреле 1918 г. дошло до захвата и погрома анархистами-кавалеристами уголовно-розыскного бюро (Власть труда. 1918. № 79). Инцидент был исчерпан мирным путем, но решением общего собрания милиционеров уголовно-розыскное бюро было расформировано. 11 июля при отступлении советских отрядов произошел бой между анархистами и милиционерами 4-го комиссариата, в ходе которого были убиты два милиционера.

На Прибайкальском фронте отряды анархистов, по заверениям советских руководителей, приносили больше вреда, нежели пользы, и командование фронта было вынуждено увести их в глубокий тыл.

Следующая деструктивная группа, причем сильно преувеличенная, входившая в состав красногвардейских отрядов – уголовные. Говоря об уголовных, нередко действительно входивших в советские вооруженные формирования, нужно понимать, что речь идет об «уголовных» не по роду занятия, а по социальной принадлежности к бывшим уголовным каторжанам, т. е. о лицах, ранее отбывавших заключение по уголовным статьям. Как правило, они уже отбыли каторгу, или вышли по амнистии и работали на различных предприятиях и промыслах, прежде всего, угольных или золотых приисках, ничем кроме своего прошлого, не отличаясь от других рабочих. Именно о такого рода «уголовных» рассказывает в своих воспоминаниях об отступлении из Бодайбо председатель Бодайбинского Совдепа К.А. Мальцев: «…Были сначала со мной 3 красногвардейца, но один из них ушел, потому что он сомневался в том, куда мы идем, а остальные два охотно пошли со мной. Причем очень любопытно. Оба они были старые уголовники. Один из них отбыл 12 лет каторги, а другой 8 лет. Очень долгое время они работали без всяких паспортов на приисках. Оба они были на приисках, когда были ленские события. Я не могу сказать, чтобы они что-нибудь в политике понимали, задачи и цели нашей борьбы они понимали очень смутно, но они всей душой ненавидели всяких чиновников и особенно приставов и урядников. Их все время гоняли, и поэтому, когда мы бросили призыв – иди и сражайся с царским правительством и со всеми, кто хочет его защищать, то мы в их лице нашли чрезвычайно честных, преданных, героически настроенных товарищей…» (ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 403. Л. 20).

Много бывших уголовных было на Черемховских угольных копях. По свидетельству А. Буйских, один из них, тов. Михеев, машинист на электрической станции, одно время даже был председателем Совета, а летом 1918 г. погиб на ст. Байкал, командуя черемховским бронепоездом (Буйских, 1922. С. 99–101). Другой бывший уголовный тов. Кузнецов, столяр с Рассушинских копей, входивший в Совет, также погиб под Мурино, бросившись в воды Байкала, чтобы не попасть в плен к белым и чехам. В тоже время мы не можем отрицать, что в отдельных случаях в ряды советских отрядов вступали и вполне реальные уголовники, видевшие в этом удобное прикрытие для преступной деятельности. Известен ряд случаев, когда иркутские милиционеры, занимаясь своей работой по охране правопорядка и защите мирных граждан, сталкивались со своими бывшими подопечными уголовниками и даже сами подвергались преследованию с их стороны. Так, 24 апреля 1918 г. сотрудники уголовно-розыскного бюро преследовали и застрелили при задержании двух преступников, оказавшихся членами анархистского кавдивизиона, что привело на следующий день к погрому уголовно-розыскного бюро. Также 7 июля 1918 г. едва не был убит сотрудник уголовно-розыскного бюро Д. Мордков-Добрый, арестованный анархистами «как сыщик», при конвоировании в тюрьму его ранили из винтовки и избили прикладами (Свободный край. 1918. № 49). Также в Троицком заводе (Черемховский уезд) в составе отряда Красной гвардии в феврале 1918 г. было значительное количество уголовников, что подтверждает доклад специальной комиссии Центросибири: «Группа троицких красногвардейцев сложилась за малым исключением из людей преступного прошлого, из воров-рецидивистов, теперь заявляющими себя

перед крестьянами анархистами, поставившими своей целью введение коммунистического образа жизни в окрестности. Из этих бесповоротно испорченных людей организована Красная гвардия некими Юрласовым и Сухаревым, бывшими воротилами в декабре месяце в Троицком районном Совете, преступное прошлое которых свежо в памяти местных граждан. Многие из красногвардейцев прямо мстят крестьянам за жестокую расправу последних с ними за недавние кражи…» (Подвиг Центросибири, 1986. С. 179–180).

Подчеркнем, что подобные случаи были скорее исключением, а отнюдь не правилом, как иногда пытаются изобразить некоторые исследователи. Кроме того, когда мы говорим о маргинальности уголовных и анархистов, не стоит их излишне демонизировать. К примеру, как ни покажется странным, казаки, вчерашняя опора царизма, согласно показаниям иркутского казака есаула В. Кубинцева, также не блистали высоким моральным обликом: «…В казармах царило пьянство, буйство, побеги, продажа лошадей строевых, кража лошадей и седел в казачьих частях и друг у друга, прочего имущества. Считаю долгом оговориться, что преувеличения нет: в Иркутском войске преступность подавляющая. Есть семьи, где сыновья почти сплошь на каторге за грабежи и убийства. Комитет при дивизионе к данному моменту состоял из ополоумевших от ежедневных митингов людей. Председатель – бывший телеграфист Николай Богданов (революцию встретил на гауптвахте, болел сифилисом, лечил приемами денатурата)… Такова характеристика войскового правления – до рубки насмерть шашками друг друга…» (Новиков, Романов 2008. С. 53).

Теперь коснемся важного вопроса об участии в гражданской войне на советской стороне иностранцев. Речь идет о военнопленных, прежде всего, уроженцах Австро-Венгрии, в советской историографии их называли интернационалистами и воздавали им почести. Напротив, сторонники Белого движения и сейчас считают, что идея большевиков вооружить военнопленных и использовать их в борьбе со своими политическими врагами была в высшей степени аморальной и подлой. Действительно, русский офицер, герой войны, вернувшийся с германского фронта домой, и обнаруживший, что те, с кем он год назад сражался и кого он брал в плен, теперь вооруженные ходят по его родному городу и при случае могут арестовать и его самого, вызывает как минимум сочувствие…

Но большевики и их сторонники, руководствуясь идеей мировой революции, не были чересчур щепетильны в выборе средств для достижения своих целей, они делили мир не по национально-государственному признаку, а исключительно по классовому. И военнопленный, разделяющий их социалистические идеи, был им гораздо ближе, чем рядовой российский обыватель, с сомнением относящийся к смелым революционным преобразованиям.

В 1917 г. в лагерях от Урала до Приморья находились сотни тысяч военнопленных, подавляющее большинство которых составляли подданные Австро-Венгерской империи. Многие из них, обладая квалифицированными рабочими специальностями, трудились за пределами лагерей, общались с российским пролетариатом и были знакомы с революционными идеями. Революцию в России они приветствовали, поскольку видели в ней возможность к скорому заключению мира и возвращению на родину.

В Иркутске военнопленные уже в декабре 1917 г. приняли участие в боях на стороне ВРК (Ноябрьская революция… 1960. С. 462–463). В январе 1918 г. охрана военнопленных в Военном городке была поручена отряду из самих военнопленных, вооруженных для этого 120-ю трехлинейными винтовками (Новая Сибирь. 1918. № 8). Многие сибирские отряды, организованные по призыву Центросибири для отправки в Забайкалье против атамана Г. Семенова, частично состояли из интернационалистов, а в некоторых они преобладали. Имеющиеся данные об их численности противоречивы и требуют уточнения на основе привлечения новых источников. Надо также сказать, что далеко не все военнопленные взяли в руки оружие и приняли участие в Гражданской войне. Большая часть оставалась в лагерях, соблюдая нейтралитет и не желая вступать во внутри российский конфликт. Известны случаи и принудительной мобилизации, как это имело место 22 июля 1918 г. в Березовском лагере

(под Верхнеудинском) (Дело. 1918. № 1). Правда, желаемого результата это не дало:

«…Числа 19-го и 20-го у нас произошла мобилизация среди военнопленных, находившихся в Березовских лагерях. Мы их мобилизовали по-революционному, как говорит песня: «Или с нами, или против нас». Выставили два пулемета, выстроили всех военнопленных: мадьяр в одну сторону, чехов в другую сторону, немцев в третью сторону. Подошел к ним врач, спрашивает: «Чем болен? – Ничем. – Стрелять можешь? – Могу». Отсчитываем по сто человек и отправляем в вагон, где выдавали обмундирование. Таким образом мы собрали 2800 человек мадьяр… Мы погрузились в эшелоны на станции Мысовая. Мобилизованным выдали оружие. На собрании при мобилизации решили, чтобы дать им оружие сейчас же, а тов. Унгар командир роты и другие решили так, чтобы лишь на станции Мысовая было выдано оружие командиру роты, специально назначенному из Омского отряда… Когда мы прибыли на станцию Слюдянка[4] и разгрузились, оружие было выдано и тут же ночью двинулись в Байкальские горы, тянущиеся вдоль дороги, и около 36-го туннеля мы заняли сопку. Ночью по телефону звонил тов. Ковач и передал, что половина его роты сдалась в плен, и просит срочно выслать помощь. Мы сейчас же послали подкрепление, но было уже поздно, так как чехи уже успели занять большое пространство…» (ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 789. Л. 10–11).

В целом в Сибири, так называемые красные мадьяры стали надежной опорой Советов. Обладавшие военным опытом, более дисциплинированные, сплоченные, не имеющие «пути назад», они оказались одними из наиболее боеспособных советских формирований.

[4] Слюдянка была занята белочехами 20 июля. Если мобилизация согласно газетным данным произошла 22 июля, то дальнейшие события произошли восточнее Слюдянки.

Slyudyanka was occupied by the White Czechs on July 20. If the mobilization according to the newspaper data occurred on July 22, then further events occurred east of Slyudyanka.

Убийства, самосуды и террор

Говоря о гражданской войне, мы не можем обойти стороной один из ее самых щепетильных аспектов. Речь идет о расправах, убийствах и политическом терроре. Выше мы уже коснулись этого вопроса, говоря о первом опыте большевиков в борьбе с политической оппозицией. Наряду с относительно мягкими приговорами ревтрибунала, имели место эпизоды, так или иначе могущие попасть под определение убийств, самосудов и террора. Эти факты были, и нам нужно их озвучить, дабы избежать обвинений в их умалчивании. Более того, сравнительная редкость и исключительность подобных случаев лишь подтверждает общее правило, что в 1918 году красного террора как такового в Сибири не было. А все нижеприведенные факты не идут в сравнение даже с жертвами обыкновенного народного самосуда, процветавшего в это время не только в селах и деревнях, но и в городах. Пресса этого периода наполнена массой самых диких и жестоких самосудов над преступниками, ворами, конокрадами, а нередко и невинными людьми.

Итак, первые жертвы установления советской власти в Иркутске появились в ходе декабрьских боев 1917 г. Кстати имеющаяся тенденция в обвинении большевиков и их сторонников в больших жертвах среди мирного населения спорна, и вопрос «кто виноват?» остается актуальным. Скажем сразу, случаев грабежей, убийств безоружных, поджогов со стороны офицеров, юнкеров и казаков практически не зафиксировано, кроме единичных случаев. Так, например, жертвой самосуда стал дружинник пешего ополчения М.Д. Кривошеин, прибывший в Иркутск в качестве конвойного с двумя арестованными и задержанный юнкерами у Харлампиевской церкви. Юнкера не поверили его объяснениям, что участия в военных действиях он не принимает, и тяжело ранили его, вследствие чего пришлось ампутировать руку (Знамя революции. 1918. № 19). Обвинение в адрес противников советской власти уместно лишь одно, но весьма тяжелое. Несмотря на установление советской власти в Петрограде, Москве и большинстве других российских регионов, офицеры, юнкера, казаки и их идейные вдохновители эсеры, меньшевики и

кадеты, сочли возможным встать на путь вооруженного сопротивления, сочли возможным пролитие крови во имя сохранение старого миропорядка, жизненного уклада, чести мундира и личного достоинства. Если бы военно-учебные заведения и их сторонники (Военное училище, 1-я и 2-я школы прапорщиков, казачий дивизион) подчинились ВРК, самораспустились и сдали оружие, то не было бы вооруженной борьбы и напрасных жертв. Тем более что по факту все так и случилось, но ценой сотен жизней и разрушения города. Однако это уже скорее философский вопрос о праве самоопределения, о праве и форме борьбы за свои интересы и привилегии. Тогда и Гражданская война выглядит ненужной, раз победили в ней «красные», однако в ту пору, в декабре 1917 г. исход борьбы был не очевиден, и можем ли мы их судить? Так уж выходит, что большевики и их союзники из левых социалистических партий, с оглядкой на Совнарком посчитали себя вправе силой заставить своих оппонентов подчиниться, а юнкера, офицеры и казаки взяли на себя право силой же отстаивать свои интересы.

Во время декабрьских событий было немало случаев неумышленного убийства мирных граждан от огня артиллерии и случайных выстрелов. Подобные факты в силу их характера здесь не приводятся. Рассмотрим лишь случаи умышленного убийства безоружных граждан, их не так много. Самый известный и резонансный из них – убийство парламентера, видного меньшевика, гласного Городской думы Н.П. Патлых. Он был застрелен ночью 14 декабря солдатским патрулем во главе с членом комитета 718-й дружины ополчения Агафоновым, когда возвращался с переговоров. Вина Агафонова, несмотря на свидетельские показания другого парламентера Филиппова, также едва не убитого, так и не была доказана. Тем не менее Агафонов через газеты стал известен всей Сибири, и при падении советской власти летом 1918 г. он был захвачен в Туруханском крае: «Знаменитый наборщик Агафонов убийца Н.П. Патлых, когда был пойман, на коленях просил пощадить его жизнь» (Свободный край. 1918. № 44).

Не меньший резонанс имело жестокое убийство в ночь на 16 декабря мирового судьи К.М. Авдулина и его сестры Е.М. Авдулиной. Согласно докладу начальника милиции Рункевича преступление было совершено группой из 12 солдат (Сибирь. 1917. № 268). Личности убийц не были установлены, следовательно, это могли быть, как и реальные солдаты одного из запасных полков, так и уголовные преступники, переодетые в солдатскую форму, что часто последними практиковалось.

В этих первых боях только-только начинавшейся Гражданской войны стороны еще не ожесточились, не обезумели от крови, поэтому арестованных и пленных еще не расстреливали. Однако, если верить отдельным воспоминаниям, единичные случаи все же были. Так, по словам черемховского красногвардейца Попова, «…наши разведчики захватили первую группу офицеров, которые в Глазково были высланы в качестве разведки. Эта группа состояла из 3-х человек. После допроса офицеры были расстреляны при всех черемховцах…» (ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 404. Л. 6).

Последующие случаи убийств и самосудов со стороны красной гвардии имели место в ходе установления советской власти в уездах Иркутской губернии. Так, согласно газетному сообщению, 17 декабря 1917 г. в с. Тыреть Черемховского уезда было расстреляно 3 человека, причем решение было вынесено через собрание (Наша деревня. 1918. № 2). Другой характер имело убийство в январе 1918 г. в с. Тагна того же Черемховского уезда председателя волостной земской управы эсера К.А. Лебедева (Свободная Сибирь. 1918. № 11). Прибывшие красногвардейцы арестовали и отправили его под конвоем в Троицкий завод. В поздних воспоминаниях красногвардеец Иван Крутелев предельно откровенен: «Но у нас не было уверенности, что штаб Троицкого завода пустит Лебедева в расход. Тогда мною по поручению организации было сказано тов. Черкашину свезти Лебедева в штаб ельник, то есть довести до ельника и расстрелять. Так это распоряжение тов. Черкашин выполнил, и с этого времени в Тагнинской волости была создана Советская власть» (ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 54. Л. 5). Согласно заявлению гласного Душина, тогда же кроме Лебедева был убит И.И. Скоров и ранен штыком в живот Т. Звижев (Понедельник. 1918. № 9). Также согласно газетной заметке в

марте 1918 г. после крестьянского восстания на Троицком заводе было казнено 3 человека уже после заключения мира: прапорщик Савельев из Забалгая, солдат Зевельцев и крестьянин Замащиков, «к восстанию не причастный» (Друг народа 1918. № 13).

Следующая группа инцидентов с расправами, имевшими место над гражданскими лицами со стороны красногвардейцев и красноармейцев, относится к периоду начавшихся военных действий на открывшихся фронтах гражданской войны. Зачастую их жертвами становились служащие, железнодорожники, телеграфисты, в силу своей профессии оказавшиеся в роли виновных в ходе тех или иных событий.

Так при захвате станции Шарасун 5 марта 1918 г. сводным отрядом С. Лазо был убит железнодорожный служащий: «…Лавринович был посажен в теплушку вместе со взятыми в плен семеновцами. При переводе их из теплушки в санитарный вагон толпа красногвардейцев и казаков набросилась на арестованных и, несмотря на энергичные меры, принятые им, командующим Лазо, помощник начальник станции Лавринович был заколот штыками» (Друг народа. 1918. № 16).

31 марта 1918 г. на разъезде Тургутуй Забайкальской железной дороги интернационалистами 1-го Омского отряда был убит младший кондуктор Смирнов (или Миронов), ранены главный кондуктор Гладунов и младший кондуктор Трипуз, обвиненные в крушении поезда, во время которого было ранено 3 солдата и 8 лошадей (Друг народа. 1918. № 13). Факт крушения поезда подтверждается в воспоминаниях интернационалиста Ш. Кереши, однако о расправе над железнодоржниками он не упоминает (ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 566. Л. 36).

Во время наступления советских войск на Нижнеудинск (20–21 июня 1918 г.) в селе Шебарта было расстреляно шестеро местных жителей, в том числе священник Василий Петелин. Нужно сказать, что расправа была произведена не по лютой алчности большевистских комиссаров, а по просьбе группы местных крестьян (Нижнеудинские бюллетени. 1918. № 16). Гражданская война набирала силу, и стороны все более ожесточались. Барнаульские красногвардейцы без смущения привели приговор в исполнение: «Когда раздался залп, предатели упали, но продавец и земский начальник были живыми, потому что стреляли все в попа, их прикололи штыками» (Гражданская война в Сибири. Форум. 1-я Барнаульская маршевая рота Красной гвардии. [Эл. ресурс]. URL: http://wap.siberia.forum24.ru).

В с. Макарово (южнее Киренска) был убит начальник почты. Сводный советский отряд А. Рыдзинского, А. Стояновича, Т. Алымова в июле 1918 г. осадил Киренск. Город обороняли грузинская дружина Растомошвили, томский эсеровский отряд прапорщика Ликаонского и отряд, организованный местными офицерами. По воспоминаниям Я.С. Щербинина, отряд конницы во главе с Буйновым был направлен вверх по р. Лена в деревню Макарово с задачей занять телеграф и выяснить, идет ли к белым подкрепление. «Когда конница забрала телеграф, начальник телеграфа возможно с испугу бросился бежать и его красногвардейцы убили» (ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 403. Л. 12). Из захваченных лент была получена информация об отряде Красильникова, но предпринять никаких контрмер красные уже не успели.

Самым крупным актом красного «террора» стало подавление иркутского восстания 13–14 июня 1918 г. По официальным данным, по приговору военно-полевого суда было расстреляно 12 человек (Вечерние известия. 1918. № 81). Однако это не все. Судя по всему, эти 12 человек были расстреляны 15 июня в казармах 1-го Советского полка (бывшие казармы 12-го запасного полка) по приговору суда и здесь же захоронены. В прессе 1918 г. сообщается, что еще 4 человека было расстреляно мадьярами у Знаменского моста, и еще 4 трупа были найдены чехословаками 15 июля в Глазково во дворе казарм 9-го запасного полка (Иркутские дни. 1918. № 25). Сведения о личностях казненных впервые попытался собрать П.А. Новиков (Новиков, 2005. С. 62). Добавим к названным им пяти фамилиям еще две: 19-летние семинаристы Николай Черкашин и Никандр Косыгин. Во время восстания они принимали участие в нападении на 1-й Советский полк, были взяты в плен и расстреляны в числе других 15 июня (Свободный край. 1918. № 35,

№ 49). Всего было арестовано 163 человека, из них вскоре освободили 38, официально казнено 12 человек. Остальные при эвакуации советских организаций были перевезены в Читу и даже приняли участие в событиях 25–26 августа, организовав отряд подполковника Б.П. Иванова (Свободный край. 1918. № 56).

Таким образом, число жертв даже в 20 человек свидетельствует, что репрессивные меры со стороны советских властей не носили массового характера и совершенно поблекли перед последующими карательными акциями белых. Так, в июне 1918 г. были расстреляны члены Нижнеудинского совдепа (встречающаяся иногда цифра в 100 человек казненных в один день, очевидно, абсолютно завышена, речь может идти возможно о 10 или более казненных), в июле были расстреляны члены Верхоленского совдепа, 14 человек. Или, к примеру, в тот же месяц в Тункинской долине, когда казаки уничтожили красные отряды И. Захарова, И. Истомина, Бардаховича, то только из отряда Захарова было расстреляно 24 человека, преимущественно мадьяр (Костарев, 1959. С. 44). Взаимное ожесточение набирало обороты, и в дальнейшем число жертв с обеих сторон будет только нарастать.

Заключение

Итак, история советских вооруженных формирований периода «первой советской власти» в Сибири изучена слабо и о многих аспектах военного строительства, ее участниках, мы по существу ничего не знаем. Советская историография была искажена идеологией, многое было просто нельзя делать достоянием общественности. В результате мы получили героический эпос и глянцевые портреты рыцарей революции без страха и упрека при полном забвении неудобных личностей и событий. Такой подход к истории при молчаливом понимании народа, что кроме коммунистической версии событий, есть еще и иная, запрещенная, привел при смене политического строя к крушению официальной картины мироустройства и к кардинальному перевороту в системе понимания «добра и зла». Идеологи Белого движения, наоборот, возвеличили тех, кого было принято считать врагами народа, и очернили вчерашних героев. В результате истина так и осталась где-то посередине, поскольку картина мира в черно-белых тонах имеет мало общего с действительностью. Для восстановления исторической справедливости требуются новые глубокие, объективные исследования с привлечением неизвестных ранее источников, благо их много в архивах и библиотеках.

Касаясь военного строительства, нужно сказать, что большевики создавали командный состав методом проб и ошибок. Первыми командирами стали инициативные солдаты, председатели полковых комитетов, младшие офицеры, прапорщики, поручики. Уже вскоре часть из них отсеялась, не пройдя проверки на дисциплинированность, политические взгляды или порядочность. Отсеивался случайный элемент, авантюристы и мошенники.

Захватив власть руками солдат запасных полков, после демобилизации старой армии, Советы столкнулись с проблемой создания новой, Красной армии. В Сибири, с ее малочисленным пролетариатом, большевики испытывали острый недостаток в лояльном личном составе для создаваемых вооруженных сил. Поэтому имело место широкое привлечение узких деструктивных групп, особенно бывших иностранных военнопленных.

Нужно признать, что, несмотря на отдельные случаи самосудов и расстрелов, карательные меры советских органов власти в данный период носили довольно мягкий характер. Первый массовый расстрел (12–20 человек) имел место лишь после 5 месяцев советского правления в ответ на вооруженный мятеж.

Настоящим испытанием для молодой Красной армии стало начало крупномасштабной войны летом 1918 г. Отрезанная от центральной России, Советская власть в Сибири и на Дальнем Востоке три месяца вела ожесточенную борьбу с чехословацким корпусом и войсками Временного Сибирского правительства. Длительность и упорство этой борьбы свидетельствуют, что без вмешательства чехословаков, белогвардейские организации и эсеры, ставшие во главе местных боевых дружин, вероятно, не имели шансов самостоятельно свергнуть Советскую власть, поскольку основная масса гражданского населения, крестьяне, весьма ней-

трально относились к политическим движениям и во всякой власти видели притеснителя своих свобод.

Советские вооруженные формирования, не успев оформиться в единую сильную сбалансированную армию, потерпели жестокое поражение. Погибла значительная часть командного состава. Но оставшиеся в живых и на свободе, ушли в подполье, многие продолжили борьбу в партизанских отрядах, сохранив верность революционным идеям. Опыт поражения, анализ его причин, были использованы позднее, в финальном этапе Гражданской войны.

А дело установления Истины, восстановления из тьмы небытия каждого отряда, каждого бойца, еще впереди!

P.S. *В следующей статье автор планирует более подробно коснуться личности и деятельности двух наиболее ярких красных командиров 1918 г. в Восточной Сибири Ф. Лаврова и Н. Каландаришвили.*

Приложение

Первые комиссары и краскомы Иркутской губернии. История и судьбы
The first commissars and kraskomes of Irkutsk province. History and destinies

ФИО Name	Возраст (в 1917) Age (in 1917)	Партийность, звание и пр. Partyism, title, etc.	Должность Position	Дата смерти Date of death	Причина Cause
Шумяцкий Б.З. Shumyatskii B.Z.	31	Большевик Bolshevik	Председатель Центросибири Chairman of Centrosibir	1938	Расстрелян Shooted
Янсон Я.Д. Yanson Ya.D.	31	Большевик Bolshevik	Председатель Ирк. Совета РД Chairman of the Irkutsk Soviet of Worker deputies	1939	Расстрелян Shooted
Гаврилов Н.А. Gavrilov N.A.	31	Большевик Bolshevik	Губернский комиссар Provincial Commissar	1919	Казнен Executed
Постышев П.П. Postyshev P.P.	30	Большевик Bolshevik	Председатель Военно-рев. Трибунала Chairman of the Military Revolution. tribunal	1939	Расстрелян Shooted
Трилиссер М.А. Trilisser M.A.	34	Большевик Bolshevik	Член Центросибири, Сибвоенкомата, ЧК Member of Centrosibir, Sibvoencomate, CheKa	1940	Расстрелян Shooted
Рябиков В.В. Ryabikov V.V.	32	Большевик Bolshevik	Комиссар телеграфа (1917), транспорта и сообщений (1918) The commissar of the telegraph (1917), the transport and communications (1918)	1962	
Гершевич К.Н. Gershevich K.N.	38	Большевик Bolshevik	Председатель Зиминского Совета Chairman of the Zima's Soviet	1918	Казнен Executed
Парняков П.Ф. Parnyakov P.F.	22	Большевик Bolshevik	Комиссар народного просвещения Commissar of Public Education	1919	Казнен Executed
Лыткин Ф.М. Lytkin F.M.	20	Большевик, поэт Bolshevik, poet	Комиссар советского управления Commissar of the Soviet Administration	1918	Убит Killed

Славин Б.А. Slavin B.A.	29	Большевик Bolshevik	Комиссар финансов Commissar of Finance	1919	Казнен Executed
Клейман (Муллер) Л.Д. Kleiman (Muller) L.D.	30	Большевик Bolshevik	Член Центросибири 2-го состава, Член Военного трибунала Member of Centrosibir of the 2nd composition, Member of the Military Tribunal	1976	
Виленский-Сибиряков В.Д. Vilenskii-Sibiryakov V.D.	29	Меньшевик-интернационалист Menshevik-internationalist	Комиссар продовольствия и снабжения Commissar of Food and Supply	1942	Умер в лагере Died in the camp
Чужак-Насимович Н.Ф. Chuzhak-Nasimovich N.F.	41	Большевик Bolshevik	Комиссар печати и типографии Commissar of the Press and Printing	1937	?
Шумяцкий Я.Б. Shumyatskii Ya.B.	30	Большевик Bolshevik	Комиссар труда Commissar of Labor	1962	
Гейцман И.М. Geitsman I.M.	38	Анархист Anarchist	Комиссар иностранных дел Commissar for Foreign Affairs	1938	Расстрелян Shooted
Ерыгин П.В. Erygin P.V.	?	Анархист Anarchist	Член Центросибири Member of Centrosibir	?	
Дмитриевский В.И. Dmitirievskii V.I.	37	Поручик Lieutenant	Начальник штаба ВРК, Начальник охраны г. Иркутска Chief of Staff of the Military Revolutionary Committee, Head of Security, Irkutsk	1918, август August	Казнен Executed
Мельников Б.Н. Mel'nikov B.N.	22(26)	Большевик, прапорщик Bolshevik, Ensign	Член ВРК, командующий гарнизоном (1917) Председатель Троицкосавского Совета Member of the Revolutionary Military Committee, commander of the garrison (1917) Chairman of the Troitskosavsk Soviet	1938	Расстрелян Shooted
Лазо С.Г. Lazo S.G.	23	Левый эсер The Left SR	Командующий Забайкальским фронтом Commander of the Transbaikal Front	1920	Казнен Executed
Стремберг Т.М. Stremberg T.M.	?		Военный комиссар Military Commissar	?	
Рютин М.Н. Ryutin M.N.	27	Большевик Bolshevik	Командующий войсками Ирк. ВО Commander of the Irk. Military District	1937	Расстрелян Shooted
Посталовский И. Postalovskii I.	26	Большевик, солдат 9-го полка Bolshevik, Soldier of the 9th Regiment	Начальник милиции г. Иркутска, председатель Сиб. ЧК The chief of militia of Irkutsk, chairman Sib CheKa	1918	Казнен Executed
Шевцов И?А? Shevtsov I?A?	?	Большевик Bolshevik	Комендант Иркутска (июль 1918) Commandant of Irkutsk (July 1918)	1918	Убит Killed

Лебедев С.И. Lebedev S.I.	29	Большевик Bolshevik	Командир Красной гвардии Commander of the Red Guard	1919	Умер в тюрьме He died in prison
Блюменфельд С.С. Blyumenfel'd S.S.	23	Прапорщик Ensign	Член Сибвоенкомата и ЧК Member of Sibvoencomate and CheKa	1918	Умер в тюрьме He died in prison
Зотов А.Н. Zotov A.N.	23	Прапорщик Ensign	Комиссар охраны города Commissioner of city protection	1920	Умер от тифа He died of typhus
Башаев И.С. Bashaev I.S.	27	Большевик, матрос Bolshevik, sailor	Член Центросибири Member of Centrosibir	1961	
Тананайко Д.Т. Tananaiko D.T.	20	Левый эсер The Left SR	Прапорщик 11-го полка, работал в сов. организациях Ensign of the 11th Regiment, he worked at the Sov. organizations	?	
Аугул А.К. Augul A.K.	21	Солдат 12-го полка Soldier of the 12th Regiment	Комиссар Иркутской тюрьмы Commissar of the Irkutsk Prison	1918	Убит Killed
Янков М.П. Yankov M.P.	26		Военный комиссар, начальник гарнизона г. Читы Military commissar, chief of the garrison of Chita	1918	Казнен Executed
Цветков Г. Tsvetkov G.		Эсер-максималист SR the maximalist	Член Центросибири Member of Centrosibir		
Кларк П.И. Klark P.I.	53	Левый эсер The Left SR	Член Главного дорожного комитета ЗЖД Member of the Main Road Committee of the Transbaikalian Rail Ways	1940	

Анализ

В таблице приведены 32 видных участника установления Советской власти в Иркутской губернии. Руководители, комиссары, командиры отрядов и подразделений.

Возраст: 20–25 лет – 8 человек (25 %), 26–30 лет – 10 человек (ок. 33 %), 31–35 – 5 человек (16%), 36–40 лет – 3 человека, старше 40 лет – 3 человека. Таким образом, самые активные участники революционных событий – люди 25–30 лет, при широкой поддержке молодежи 20–25 лет, вся верхушка – большевики 30–35 лет, люди старше 35 лет встречались значительно реже.

В руководство Советов и комиссариатов попали «старые» большевики и молодые идейны «неофиты». Установление Советской власти производилось преимущественно руками солдат запасных полков под командой прапорщиков и поручиков, разделявших левые социалистические взгляды.

О судьбах. Непосредственно во время боевых действий погиб только один – комиссар иркутской тюрьмы Аугул А., 14 июня 1918 г. во время белогвардейского восстания. Всего двое из списка убиты во время преследования в якутской тайге в 1918 г. 11 человек (33 %) арестованы, из них 8 казнены, 3 умерли в тюремных больницах. 7 человек расстреляны в ходе репрессий в 1937–38 гг.,

и один умер в лагере (25 %). Всего 4 человека благополучно все пережили и умерли в преклонных годах. Еще о 4-х фигурантах нет сведений.

Воистину, Революция «пожрала своих детей»!

Статья поступила 29.09.2017 г.

Article was received in September, 29, 2017

Библиографический список

Буйских А. Революционные очерки. Новониколаевск, 1922. 143 с.

Вечерние известия. Иркутск, 1918. № 66. 28 мая; № 81. 16 июня.

Власть труда. Иркутск, 1918. № 79. 28 апреля.

Дальистпарт: сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке. Чита; Владивосток, 1923. Кн. 2.

Дело. Иркутск, 1918. № 1. 6 августа.

Дементьев А.П. В.К. Каминский – лидер красноярских анархистов [Электронный ресурс] // Сибирская Заимка. URL: http://zaimka.ru/dementjev-kaminskij (Дата обращения 12.06.2017)

Друг народа. Иркутск, 1918. № 13. 3 апреля; № 16. 6 апреля.

Забайкальский рабочий. Чита, 1918. № 101. 10 июня.

Знамя революции, Томск. 1918. № 19.

Из воспоминаний В. Кудряшова. 1-я Барнаульская маршевая рота Красной гвардии // Гражданская война в Сибири: Форум [Электронный ресурс]. URL: http://wap.siberia.forum24.ru (Дата обращения 29.03.2017)

Иркутская жизнь, 1918. № 4. 9 января.

Иркутские вести. 1918. № 2. 25 января.

Иркутские дни. 1918. № 24, 27.

История одной семьи [Электронный ресурс]. URL: http://chulmanlib.ru/wp-content/uploads/2014/10/ (дата обращения 21.12.2016)

Костарев С.П. Исторические памятники Бурятии. Улан-Удэ, 1959. 99 с.

Лазо С. Дневники и письма. Владивосток, 1959. 178 с.

Назимов Л.Т. Троицкосавский Совет // Партизаны Прибайкалья. Улан-Удэ, 1957. 266 с.

Наша деревня. Иркутск, 1918. № 2.

Нижнеудинские бюллетени. Нижнеудинск, 1918. № 16. 27 августа.

Новая Сибирь. Иркутск, 1918. № 1; № 5. 27 января; № 8. 31 января.

Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. 415 с.

References

Buiskikh A. *Revolyutsionnye ocherki* [Revolutionary essays]. Novonikolaevsk, 1922. 143 p.

Vechernie izvestiya [Evening News]. Irkutsk, 1918. No. 66. 28 May; № 81. 16 June.

Vlast' truda [The Power of Labor]. Irkutsk, 1918. No. 79. 28 April.

Dal'istpart: sbornik materialov po istorii revolyutsionnogo dvizheniya na Dal'nem Vo-stoke. [Dalistpart: a collection of materials on the history of the revolutionary movement in the Far East]. Chita; Vladivostok, 1923. Book 2.

Delo [Business]. Irkutsk, 1918. No. 1. 6 August.

Dement'ev A.P. *V.K. Kaminskii – lider krasnoyarskikh anarkhistov* [V.C. Kaminsky – the leader of the Krasnoyarsk anarchists]. *Sibirskaya Zaimka* [Siberian Zaimka]. Available at: http://zaimka.ru/dementjev-kaminskij (Accessed June, 12, 2017)

Drug naroda [Friend of the People]. Irkutsk, 1918. No. 13. 3 April; No. 16. 6 April.

Zabaikal'skii rabochii [The Transbaikalian worker]. Chita, 1918. No. 101. 10 June.

Znamya revolyutsii [Banner of the Revolution]. Tomsk, 1918. No. 19.

From the memoirs of V. Kudryashov. 1st Barnaul marching company of the Red Guard. *Grazhdanskaya voina v Sibiri* [Civil War in Siberia]. Available at: http://wap.siberia.forum24.ru (Accessed March, 29, 2017)

Irkutskaya zhizn' [Irkutsk Life]. 1918. No. 4. 9 January.

Irkutskie vesti [Irkutsk News]. 1918. No. 2. 25 January.

Irkutskie dni [Irkutsk days]. 1918. No. 24, 27.

The history of one family. Available at: http://chulmanlib.ru/wp-content/uploads/2014/10/ (Accessed 21 December 2016).

Kostarev S.P. *Istoricheskie pamyatniki Buryatii* [Historical monuments of Buryatia]. Ulan-Ude, 1959. 99 p.

Lazo S. Dnevniki i pis'ma [Diaries and letters]. Vladivostok, 1959. 178 p.

Nazimov L.T. Troitskosavsky Soviet. *Partizany Pribaikal'ya* [Partisans of the Cis-Baikal region]. Ulan-Ude, 1957. 266 p.

Nasha derevnya [Our village]. Irkutsk, 1918. No. 2.

Nizhneudinskie byulleteni [Nizhneudinsk bulletins]. Nizhneudinsk, 1918. No. 16. 27 August.

Novaya Sibir' [New Siberia]. Irkutsk, 1918. No. 1, No 5. 27 January, № 8. 31 January.

Novikov P.A. *Grazhdanskaya voina v Vostochnoi Sibiri* [Civil War in the Eastern Siberia]. Moscow, 2005. 415 p.

Новиков П., Романов А. Иркутское казачество в 1917–20 годах // Земля Иркутская. 2008. № 5. С. 42–61.

Новиков П., Романов А. Заготовка жёрнова на собственную шею // Родина. 2011. № 2. С. 98–102.

Ноябрьская революция в Германии. М., 1960. 515 с.

Партизаны. Чита, 1929. 206 с.

Подвиг Центрсибири. Иркутск, 1986. 480 с.

Понедельник. Иркутск, 1918. № 9.

Прибайкальская жизнь. Верхнеудинск, 1918. № 4. 24 мая.

Постышев П. Гражданская война на востоке Сибири 1917–22 гг. М., 1957. 62 с.

Свободная Сибирь. Иркутск, 1918. № 2, 11.

Свободный край. Иркутск, 1918. № 32, 35, 44, 49, 56.

Сибирь. Иркутск, 1917. № 268; 1918. № 20. 6 августа.

Советская власть. Чита, 1918. № 29. 20 июня.

Трудовой народ. Иркутск, 1918. № 3. 1 апреля.

Чужак-Насимович Н. Погибшие на Олекме // Центросибирцы. М.; Л. 1927. 158 с.

Чужак-Насимович Н. Разрушение иллюзий // Каторга и ссылка. 1927. № 7. С. 68–71.

Шумяцкий Б. Сибирь на путях к Октябрю. Иркутск, 1989. 413 с.

Эйдеман Р. Уличные бои во время восстания // Сибирские огни. 1927. № 6. С. 85–98.

Novikov P., Romanov A. Irkutsk Cossacks in 1917–20. *Zemlya Irkutskaya* [Land of Irkutsk], 2008, no. 5, pp. 42–61. (In Russian).

Novikov P., Romanov A. Harvesting a millstone on your own neck. Rodina [Homeland], 2011, no. 2, pp. 98–102. (In Russian).

Noyabr'skaya revolyutsiya v Germanii [The November Revolution in Germany]. Moscow, 1960. 515 p.

Partizany [Partisans]. Chita, 1929. 206 p.

Podvig Tsentrsibiri [The feat of Centrosibir]. Irkutsk, 1986. 480 p.

Ponedel'nik [Monday]. Irkutsk, 1918. No. 9.

Pribaikal'skaya zhizn' [The Baikal life]. Verkhneudinsk, 1918. No. 4. 24 May.

Postyshev P. *Grazhdanskaya voina na vostoke Sibiri 1917–22 gg*. [Civil war in the east of Siberia in 1917–22]. Moscow, 1957. 62 p.

Svobodnaya Sibir'[Free Siberia]. Irkutsk, 1918. No. 2, 11.

Svobodnyi krai [Free region]. Irkutsk, 1918. No. 32, 35, 44, 49, 56.

Sibir' [Siberia]. Irkutsk, 1917. No. 268; 1918. No. 20. 6 August.

Sovetskaya vlast' [Soviet Power]. Chita, 1918. No. 29. 20 June.

Trudovoi narod [Labor People]. Irkutsk, 1918. No. 3. 1 April.

Chuzhak-Nasimovich N. Killed in Olekma. *Tsentrosibirtsy* [Centrosiberians]. Moscow-Leningrad, 1927, 158 p. (In Russian).

Chuzhak-Nasimovich N. Destruction of illusions. *Katorga i ssylka* [Katorga and exile], 1927, no. 7. pp. 68–71. (In Russian).

Shumyatskii B. *Sibir' na putyakh k Oktyabryu* [Siberia on the way to October]. Irkutsk, 1989. 413 p.

Eideman R. Street fighting during the uprising. *Sibirskie ogni* [Siberian lights], 1927, no. 6, pp. 85–98. (In Russian).

Сведения об авторе

Хипхенов Геннадий Исакович,
выпускник истфака ИГУ, независимый исследователь.
Российская Федерация, 664035, г. Иркутск, ул. Сурнова, 30/6, кв. 64,
e-mail: halifat76@mail.ru

Information about the author

Gennadii I. Hipkhenov,
Alumnus of the Faculty of History, Irkutsk State University, Independent researcher,
64, 30/6 Surnova Str., Irkutsk 664035, Russian Federation,
e-mail: halifat76@mail.ru

Критерии авторства

Г.И. Хипхенов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Hipkenov G.I. made research work, based on the obtained results carried out a generalization, prepared the manuscript for printing, has copyright for the article and bears full responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(57)
http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-176-184

ОТДЕЛЕНИЕ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (1920–1923 гг.): МУЗЕЙНЫЙ АСПЕКТ

© А.С. Вдовин, И.Е. Бобрик
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Российская Федерация, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89.

Аннотация. На основе центральных и региональных архивов представляется попытка анализа государственно-конфессиональных отношений в регионе сквозь призму музейных и культурно-исторических аспектов. Дается характеристика деятельности Енисейской губернской комиссии по делам музеев, которая пыталась выработать план охраны памятников и перехода церковного имущества в государственную собственность, выделяются первые мероприятия местных музеев по сохранению церковной старины. Анализируются проблемы сохранения православного наследия в условиях трансформации государственно-церковных отношений. Отмечается роль научной интеллигенции в сохранении этого наследия. Описывается механизм постановки церковных памятников на учет музея. Раскрывается тезис о том, что в 1922 г., с началом изъятия церковных ценностей, созданная ранее система приоритета охраны церковной старины была разрушена, а многие, учтенные музеем в 1920 г. предметы, в 1922 г. изымались для «помощи голодающим». В региональной историографии деятельность Енисейской губернской комиссии по делам музеев упускалась из виду, поэтому работа восполняет имеющийся историографический пробел.

Ключевые слова: музей, отделение церкви от государства, реквизиция, Енисейская губерния, церковная старина, Сибирь, Русская православная церковь, церковные ценности, религия в СССР, музейное строительство, охрана памятников, культурное наследие.
Формат цитирования: Вдовин А.С., Бобрик И.Е. Отделение церкви от государства в Енисейской губернии (1920–1923 гг.): музейный аспект // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 176–184. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-176-184

THE SEPARATION OF CHURCH AND STATE IN THE YENISEY PROVINCE (1920–1923): THE MUSEUM ASPECT

© A.S. Vdovin, I.E. Bobrik
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev,
89 Ada Levedeva Str., Krasnoyarsk 660049, Russian Federation,

Abstract. On the basis of central and regional archives, an attempt is made to analyze state and confessional relations in the region through the prism of museum and cultural and historical aspects. The characteristics of the activities of the Yenisei Provincial Commission for Museum Affairs are given she tried to develop a plan for the protection of cultural heritage and the nationalization of church property; the first events of local museums for the preservation of church antiquity are highlighted. In the article problems of conservation and using of Orthodox heritage in conditions of transformation of state and church relationships in 1920-1923 on the territory of Yenisei province are analyzed. The paper is described the mechanism of setting the church antiquity on the museum registration. The role of the scientific intellectuals in preserving this heritage is noted. The thesis is opened that in 1922, with the beginning of the seizure of church values, the system of the priority of the protection of the church antiquity was destroyed, and many objects, considered by the museum in 1920, were requisition in 1922 for «helping the starving peoples». Regional researchers weren't exploring the activities of the Yenisei Provincial Commission for Museum. This topic was missed, it is so the article fill the historiographical gap that exists.

Keywords: museum, separation of church and state, requisition, Yenisei province, church antiquity, Siberia, Russian Orthodox Church, church values, religion in the USSR, museum development, protection of monuments, cultural heritage
For citation: Vdovin A.S., Bobrik I.E. The Separation of Church and State in the Yenisey Province (1920–1923): the Museum Aspect. Journal of Ancient Technology Laboratory. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 176–184. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-176-184

В последнее время проблемы государственно-конфессиональных отношений получают все большее обсуждение как в обществе, так и в исторической науке. Это связано и с общим подъемом религиозности в стране, в связи с чем наблюдается значительный интерес к историко-церковной тематике и с наступившими в 1990-х гг. изменениями в методологических подходах, что позволило расширить источниковую базу и дало толчок к появлению новых исследований.

Отдельный аспект этой проблемы – сохранение и утрата культурного наследия религиозных организаций в условиях атеистического курса Советского государства, заинтересовал исследователей именно с конца 1980-х гг., хотя обращение к данной проблематике отмечалось в конце 1920 – начале 1930-х гг. Так, еще В.И. Ленин, главный идеолог большевизма, характеризовал культурное наследие религиозных организаций как «национальную культуру» – культуру «помещиков, попов, буржуазии» (Ленин, 1973. Т. 24. С. 121). Известный «пропагандист атеизма» Б.П. Кандидов в 1920–1930-е гг., указывал на классовое значение культовых памятников (Кандидов, 1931. С. 4), а церковные реликвии им воспринимались как средство «рекламы, наживы и обмана» (Кандидов, 1929. С. 186). В целом, советская историография мало интересовалась ролью музеев в сохранении культурного наследия религиозных организаций, уделяя внимание лишь атеистической пропаганде уцелевшего наследия. Характерная работа в этом русле была написана в 1980 г., посвященная использованию культового искусства в деле «атеистического воспитания трудящихся» и раскрывающая тезис о «социальном вреде религии в отношении к культурному наследию народа» (Мараш, 1980. С. 11).

С 1990-х гг. появляется широкий спектр работ, связанных с утратой культурного наследия Русской православной церкви. Особо стоит отметить исследования О.Ю. Васильевой, П.В. Кнышевского (Васильева, Кнышевский, 1994), Н.А. Кривовой (Кривова, 1997), О.И. Сгибневой (Сгибнева, 1999), М.Е. Каулен (Каулен, 2001), В.Ф. Козлова (Козлов, 2012) и др. Сужая проблематику до отдельных локальных сюжетов сохранения и утраты культурного наследия религиозных организаций, деятельности местных музеев, количество специальных исследований уменьшается. В Сибири такие исследования проводились на материалах Байкальской Сибири (Цыремпилова, 2008) и Западной Сибири (Красильникова, 2015). На материалах Приенисейской Сибири подобные исследования с недавнего времени разрабатываются авторами статьи (Бобрик, 2016; Бобрик, Вдовин, 2017).

Изучению антирелигиозной политики в Приенисейской Сибири в 1920-е гг. посвящен ряд работ, в числе которых можно выделить исследования А.П. Доброновской (Дворецкой), описывающие религиозную жизнь Приенисейской Сибири (Дворецкая, 2015), Г.В. Малашина (Малашин, 2011), Г. Фаста (Фаст, 1994), связанные с духовными процессами и отражением гонений на судьбе Енисейской епархии, и др. Вместе с тем музейные аспекты советской антирелигиозной политики в региональной историографии рассмотрены в меньшей степени. Так, Н.Н. Исаева описала церковное серебро в музейных собраниях Красноярского края, дошедшее до наших дней (Исаева, 2014).

Иными словами, при всех имеющихся исследованиях, связанных с религиозной жизнью Приенисейской Сибири и отделением церкви от государства, мероприятия по охране культового наследия региона представлены наименьшим образом. Зачастую, региональными исследователями деятельность Енисейской губернской комиссии по делам музеев упускалась из виду, поэтому необходимо восполнить имеющийся историографический пробел.

Целью настоящего исследования является анализ деятельности Енисейской губернской комиссии по делам музеев, отдельных научных работников, верующих Енисейской губернии по сохранению культурного наследия религиозных организаций в период возобновления декрета об отделении церкви от государства (1920–1923 гг.).

Как известно, с января 1920 г. на территории Сибири началась работа по отделению церкви от государства, в это же время в Енисейской губернии была создана ликвидационная комиссия при отделе юстиции, а с 8 марта – Енисейская губернская комиссия по делам музеев (Енгубкомиссия по делам музеев). В газете «Красноярский рабочий» от-

мечалось, что возникновение комиссии связано с необходимостью «определения художественной, исторической и археологической ценности предметов культа, передаваемых верующим» (Красноярский рабочий. 1920. № 175. 11 августа).

В состав Комиссии вошли представители от Енгубкома, Губернской ЧК, Отдела Юстиции (В.А. Итин), Рабоче-крестьянской инспекции и научной интеллигенции (А.Я. Тугаринов, В.И. Медяков и др.). Комиссия была организована по типу «приемочных» комиссий, предусмотренных первой инструкцией Наркомпроса. Председателем был избран заведующий Общим Подотделом Юстиции В.А. Итин.

На первых заседаниях Комиссия пыталась выработать план охраны памятников и перехода церковного имущества в государственную собственность. Директор Красноярского музея А.Я. Тугаринов предлагал привлечь как можно больше экспертов, чтобы устранить «возможность какого-то ни было хищения или потери имущества, имеющего историческую или археологическую ценность» Цит. по: Малашин, 2011. С. 311. Позднее Комиссия установила два места, где могут находиться памятники церковной старины: под охраной общины и в Красноярском музее (Религия и общество…, 2011. С. 37).

План перехода церковного имущества все же был выработан, религиозное имущество определялось согласно следующим положениям:

– ценный предмет подлежал либо музеефикации, либо оставлялся в храме с постановкой на учет музея;

– все религиозное имущество разделялось на две категории: первая (безусловная ценность) и вторая (вероятная ценность);

– при описи имущества следовало описывать, в первую очередь, храмы первой категории, уделяя особое внимание рукописям и старинным иконам (Красноярский рабочий. 1920. № 175. 11 августа). Относительно храмов первой категории также оговаривалось, что их передача в распоряжение религиозных общин не допускалась до приезда эксперта (Религия и общество…, 2011. С. 37).

В течение весны – лета 1920 г. Енгубкомиссия по делам музеев произвела осмотр всех церквей г. Красноярска и некоторой части Красноярского уезда, после чего планировалось организовать экспедиции на север Енисейской губернии. Неизменными экспертами в поиске памятников церковной старины в Красноярске и Красноярском уезде были В.И. Медяков и П.П. Беркутов.

Механизм постановки церковных памятников на учет музея можно проследить на примере Красноярского Воскресенского собора. 18 мая 1920 г. комиссия произвела осмотр в Воскресенском соборе г. Красноярска, в результате которого на учет было взято 32 предмета, из которых 15 изъяли для музея, остальные 17 (ряд икон, изображения на главном куполе, священные сосуды и др.) оставались в храме (Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-794. Оп. 1. Д. 1. Л. 9). Между комиссией и приходским советом заключался договор об оставлении предметов, при этом выдавалась инструкция о сбережении икон и иной старины. На тот момент в храме оставалась особо чтимая в городе старинная икона Преображения Господня, уцелевшая при пожаре 1773 г., изъятая в 1922 г., ныне хранящаяся в Красноярском краевом краеведческом музее (КККМ), правда, уже без серебряного оклада (Исаева, 2014. С. 4).

Нередко выносились и неудовлетворительные решения. Эксперты церковной живописи в домовой церкви Духовной семинарии заключили: «Портретная живопись ликов святых неудовлетворительная, изображения экспрессивны, не закончены, руки прорисованы слабо. Изображения обычные…. Первая часть храма не заслуживает внимания (боковая ниша алтаря от печи для отопления до черты с изображениями святых с двух сторон). Остальное – ценное» (ГАКК. Ф. Р-794. Оп. 1. Д. 1. Л. 2).

В большей части храмов изымались иконы, а сами церковные здания не признавались ценными. При этом художественная ценность предметов была различная: «за вырисовку и драпировку», «за выписку фигур», за «старорусский стиль», за изображения «васнецовского типа», за «медальерный характер», за интересную трактовку сюжета и пр. (ГАКК. Ф. Р-794. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–4; ГАКК. Ф. Р-794. Оп. 1. Д. 2. Л. 8).

Комиссия по экспертизе церковной старины в протоколах нередко отмечала состояние изымаемых художественных памятников: «Ряд изображений находится в кладовке в полном пренебрежении и заброшенности среди мусора и пыльных кладовых» (ГАКК. Ф. Р-794. Оп. 1. Д. 1. Л. 7).

В периодической печати того времени отмечалось, что «верующие и служители культа с большой охотой удовлетворяли требования комиссии», хотя иногда «деятельность комиссии вызывала массу толков, но благодаря проявленному такту не сопровождалась эксцессами» (Холина, 2009. С. 33).

Результаты экспертизы церквей г. Красноярска, по мнению Комиссии, оказались не столь утешительными: около половины всех церквей не были признаны ценными ни в историческом, ни в художественном, ни в археологическом значении. Воскресенский собор г. Красноярска, с точки зрения выявленных предметов старины, стал местом наибольшего скопления реликвий, значительная часть таких предметов оказалась под охраной верующих в храме и по-прежнему входила в богослужебный обиход.

В Красноярске кроме православных церквей экспертизе подверглись: польский костел, немецкая кирха, баптистский молитвенный дом, еврейская синагога, старообрядческий и мусульманский молитвенные дома. Среди названных религиозных учреждений были изъяты две иконы из старообрядческого молитвенного дома и скульптурное распятие Христа в лютеранской кирхе. В остальных случаях эксперты не нашли ничего ценного в историко-художественном значении (ГАКК. Ф. Р-794. Оп. 1. Д. 1).

В 1920 г. экспедицией А.А. Савельева, заведующего Отделом Русского быта Государственного музея Приенисейского края, была пополнена коллекция церковного серебра в музее Приенисейского края. Вероятно, он и был отправлен в качестве эксперта на территорию севера Енисейской губернии для обозрения церквей. Насколько можно судить из дошедших до наших дней предметов церковной старины, А.А. Савельев осмотрел в г. Енисейске Спасский монастырь, Богоявленский собор, Христорождественскую церковь. Из экспедиции Савельева в Красноярском краевом музее хранится ряд предметов: венец из оклада иконы Казанской Божией Матери, митра, оклады икон Знаменской Божией Матери, Княгини Ольги и Христа Вседержителя (Исаева, 2014. С. 98, 119, 149).

О приезде А.А. Савельева в Енисейск спустя пять лет отозвался церковный староста Богоявленского собора, бывший енисейский нотариус М.А. Ставровский. В своем письме, адресованном брату, Н.А. Ставровскому, Михаил Александрович весьма негативно вспоминает приезд Савельева:

«Летом [1920 г.] от музея был командирован Савельев, взять из церквей Старые вещи. Сейчас я, как староста Собора, расследовал, что этот Савельев был на дому у нашего батюшки, который согласно мандату изъявил согласие выдать кое-что из старых вещей. Нашего батюшку посадили в тюрьму, и вот Савельев забирается в Собор и вместе с нашим трапезником отобрал для себя кое-какие ризы и т. д. Трапезник говорил, чтобы послали за мной, Савельев заявил, что батюшка и староста знают. В настоящее время Ликвидационная Комиссия просит по описям старым сдать церковное имущество Советской власти. Стали искать – описей нет. Нашли опись Савельева, в которой сказано, что все церковные описи он также забрал, а также опись Крестовоздв[иженской] кладбищенской церкви. Тогда ликвидационная Комиссия сказала нам, что затребует от Вас описи и конечно удивляется, зачем их забрал Савельев, так как они необходимы для церкви. Я очен[ь] удивился поступком Савельева, он не имел право без представления от прихожан самолично брать церковные вещи: рясы, некоторые взятые им, на шелковой материи, которые ради ея подкладки ни под каким видом я ему бы не отдал. В других же церквях он совсем не был и пострадал один Собор. Савельев был у меня в Отделе и говорил, что он может взять из церквей только те вещи, которые не нужны, а шелковая подкладка пригодилась бы» (Научный архив КККМ. Оп. 1. Д. 596. Л. 3–4 об.). Впрочем, А.А. Савельев даже среди своих музейных коллег считался «не столько полезным, сколько вредным», поскольку всяческими способами пополнял свои книжные коллекции (Яворский, 2011. С. 293).

В конце июня 1920 г. археолог Н.К. Ауэрбах, посетив с. Монастырское, в своем дневнике сделал ряд интересных примечаний о церковной старине: «[Церковь] по ряду икон весьма оригинальных. Особенно занимательна икона Божьей матери с младенцем и Анны пророчицы / одна композиция / с такими легкомысленными лицами, что невольно вспомнилась итальянская школа… все иконы [Василия Мангазейского] надо-бы срисовать…. Осматривал старую церковь, предназначенную под слом. В церкви мерзость и запустение» (Ауэрбах, 1920).

26 марта 1921 г. заведующий Енисейским музеем М.С. Тюнин и его помощник М.Л. Плотников составили «Список памятников искусства и старины в пределах г. Енисейска, его уезда и Туруханского края», включающий церкви г. Енисейска, часовни Туруханского края, ценные исторические архивы. Надо сказать, что 15 церквей Енисейского уезда не были поставлены на регистрацию сотрудниками музея, и экспертизы в данной местности не проводились, однако, зная об их исторической ценности, считалось необходимым провести необходимые экспертизы. В отчете Сибирскому отделу народного образования отмечалось, что «сотрудники Енисейского научного музея до настоящего времени не имеют возможности в связи с недавним их назначением произвести исследования и регистрацию памятников в Енисейском уезде, как и в Туруханском крае, поэтому воспользовались рукописью М.Л. Плотникова «Енисейский Север», который производил свои работы летом 1920 г.» (Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 379. Л. 3–3 об.).

В список вошли, помимо Енисейска, и самые отдаленные части Туруханского края: «Гольчиха… Имеется небольшая часовенка, совершенно разрушенная и заколоченная. В часовенке в беспорядке валяются иконы и книги, возможно, что среди коих находятся интересные вещи, как памятники старины… Толстый мыс… В селении, основанном, видимо, в начале или середине XVIII ст. имеется часовня, которая построена в конце 1897 г.» (ГАНО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 379. Л. 2). Сотрудники Енисейского музея выделили церкви Енисейска, сел Дудинки, Верхнеинбатского, Назимово, Ворогово и некоторых других, где отмечали ценность храмовой постройки в историческом отношении, серебряные и медные оклады икон, недрагоценные причастные приборы, Евангелия, или «стильные напрестольные подсвечники в форме двух перевившихся змей» медной работы начала XVIII в., и также целый «деревянный амбарчик», где «много икон старинного письма даже XVI ст[олетия]» (ГАНО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 379. Л. 3). Говоря об Енисейске, эксперты справедливо отмечали всестороннюю ценность енисейских церковных памятников как в историческом, архитектурном, так и в художественном значении.

С дальнейшим ухудшением социально-экономической ситуации менялась и политика в отношении религиозных организаций. И если в середине 1920 г. писалось о том, что народ стремится «сдать в музей свои религиозные предрассудки» (Красноярский рабочий, 1920. № 175. 11 августа), то к 1922 г. все чаще стала звучать идея об изъятии всяких ценностей из церквей на помощь голодающим.

Еще 27 декабря 1921 г. был принят декрет ВЦИК «О ценностях, находящихся в церквах и монастырях» (Собрание узаконений…, 1922. № 19. Ст. 215). Однако с ноября того же года по всей стране стала разворачиваться шестимесячная секретная кампания по учету, изъятию и сосредоточению экспроприированных ценностей с их дальнейшей распродажей заграницей (Кривова, 1997. С. 34–36). Работы по учету церковных ценностей из закрытых храмов и тех ценностей, которые взяты на музейное хранение, были проведены довольно быстро и успешно, поэтому постепенно велась подготовка к изъятию из действующих храмов, в связи с чем и был принят новый декрет. В нем говорилось о неслыханном количестве историко-художественных и материальных ценностей, находящихся в церквях. Все ценности были распределены на три группы: «имущество, имеющее историко-художественное значение», которое должно было передаваться в ведение Музейного отдела, имущество «материальной ценности», определяемое в Гохран, «обиходное» имущество, остающееся в церквях и монастырях (Собрание узаконений…, 1922. № 19. Ст. 215).

В 1922 г. в Енисейской губернии прошло изъятие церковных ценностей. 26 апреля 1922 г. на заседании Енисейской губернской комиссии по изъятию церковных ценностей было принято решение о проведении первого изъятия в губернии, как и предписывалось Центром, с самых богатых храмов. Необходимо было провести первое изъятие в православной церкви в полном составе, пригласив экспертов по оценке имущества и представителя от музея.

При этом интересна классификация всех церковных ценностей, представленных комиссией:

– украшающие святыни храмов и легко удаляемые;

– украшающие храм, но встречающиеся в других обиходах;

– в церковном обиходе заменяемые другими менее ценными предметами;

– являющиеся частью здания или его украшением, удаление коего может приостановить на время службу;

– являющиеся, без сомнения, культовой святыней, часто отсутствующей в другом храме;

– являющиеся украшением святынь, удаление коих приводит эти святыни в другой образ и лишает возможности верующих ими пользоваться (ГАКК. Р-1303. Оп. 1. Д. 84. Л. 59).

В Красноярске в ходе кампании было изъято 79 п. церковного серебра, свыше 2000 различных церковных предметов, из которых для музея было изъято менее полусотни (ГАКК. Ф. Р-1134. Оп. 1. Д. 127. Л. 63, 66). Всего по Енисейской губернии было изъято 257 п. церковного серебра (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1065. Оп. 4. Д. 61), из них 7 п. оставлено для музея, или 130 предметов (ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 348. Л. 101). Большая часть отобранных музеем памятников происходила из Енисейска.

Стоит отметить, что уже в ходе кампании верующие с. Монастырского обратились в Русское географическое общество с просьбой об охране памятников церковной старины.

Секретарь верующих Е.Е. Мосиенко в заявлении писал: «В виду отсутствия представителя научного Российского Географического Общества и полагая, что охрана памятников лежит на обществе, имеющем большие заслуги в исследовательском отношении, я уверен, что Комитет, пользующийся широкой популярностью и уважаемый за свою работу, обратит должное внимание на вышеизложенное заявление» (ГАКК. Ф. Р-794. Оп. 1. Д. 4. Л. 49). В заявлении отмечались, по мнению верующих, наиболее ценные реликвии: Евангелие 1730 г. с медальонами Василия Мангазейского, два серебряных сосуда 1740–1750 гг., серебряная риза иконы Василия Мангазейского, Евангелие времен Екатерины в серебряном окладе. Позднее эти предметы поступят в Музей Приенисейского края. Все изъятые церковные ценности были отосланы в музей в апреле 1923 г. после того, как процесс передачи церковных ценностей был согласован с Москвой.

Таким образом, в 1920–1921 гг., в период возобновления декрета об отделении церкви от государства в Сибири спешка при национализации церковного имущества, нехватка экспертов при выявлении ценных в культурном отношении памятников ставили под угрозу сохранение религиозной старины. С другой стороны, сотрудники музеев и научная интеллигенция, осматривая ветхие и полуразрушенные часовни, находили старинные иконы, книги, а порой и ценные исторические архивы. Поэтому при назревшей «спешности дел» Енисейская губернская комиссия по делам музеев стремилась выработать четкий конструктивный план по изъятию имущества религиозных организаций в целях наиболее правильного учета предметов старины и недопущения кражи.

Кроме того, в 1920–1921 гг. культурное наследие религиозных организаций в большинстве случаев оставалось под охраной общины верующих, при соблюдении особой инструкции об охране предметов старины, что будет упразднено только к началу проведения изъятия церковных ценностей.

В 1922 г. с началом изъятия церковных ценностей созданная ранее система приоритета охраны церковной старины непосредственно верующими была разрушена, а многие, учтенные в 1920 г. предметы для музея, в 1922 г. изымались уже на переплавку. Изъятие церковных ценностей существенно ударило по культурному наследию религиозных организаций. Выработанная планомерная

стратегия реквизиции религиозного имущества в 1922 г. трансформировалась в поспешное изъятие, однако некоторую часть церковных памятников удалось спасти, сохранив до настоящего времени.

Статья поступила 04.09.2017 г.

Article was received in September, 04, 2017

Библиографический список

Ауэрбах Н.К. Дневник 1920 г. // Архив семьи Ауэрбах.

Бобрик И.Е. Государство, церковь и культурное наследие Красноярского края в XX – начале XXI вв.: ретроспективный анализ // Сохранение и рациональное использование культурного наследия в сфере туризма: материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 16–17 ноября 2016 г. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2016. С. 60–69.

Бобрик И.Е., Вдовин А.С. Культурное наследие религиозных организаций Енисейского Севера в условиях отделения церкви от государства (1920–1923) // Русский Север-2017: проблемы изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия: сборник материалов межрегиональной научной конференции МБУК «Тотемское музейное объединение», Тотьма, 23–26 февраля 2017 г. Тотьма – Вологда: ООО ЦКИ «Пава», 2017. С. 15–20.

Васильева О.Ю., Кнышевский П.В. Красные конкистадоры. М.: Соратник, 1994. 270 с.

Государство и церковь // Красноярский рабочий. 1920. № 175. 11 августа.

Дворецкая А.П. Религиозная жизнь Приенисейского региона в первой трети XX в. (1900–1930-е гг.). Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015. 188 с.

Исаева Н.Н. Русское церковное серебро конца XVII – начала XX в. в музейных собраниях Красноярского края: сводный каталог. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2014. 340 с.

Кандидов Б.П. Монастыри-музеи и антирелигиозная пропаганда. М.: Безбожник, 1929. 228 с.

Кандидов Б.П. Кого спасал храм Христа Спасителя. М.: Московский рабочий, 1931. 72 с.

Каулен М.Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри в

References

Auerbakh N. K. Diary of 1920. *Arkhiv sem'i Auerbakh* [Archives of the Auerbach family]. (In Russian, unpublished).

Bobrik I.Ye. State, church and cultural heritage of the Krasnoyarsk region in the XX – beginning XXI centuries: a retrospective analysis] *Sokhraneniye i ratsional'noye ispol'zovaniye kul'turnogo naslediya v sfere turizma: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Preservation and rational use of cultural heritage in tourism: proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Ufa, 16–17 November 2017]. Ufa, UGNTU Publ., 2016. pp. 60–69 (In Russian).

Bobrik I.Ye., Vdovin A. S. Cultural heritage of religious organizations of the Yenisei North in the conditions of separation of church and state (1920–1923). *Russkiy Sever-2017: problemy izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul'turnogo i prirodnogo naslediya.* Sbornik materialov mezhregional'noi nauchnoi konferentsii MBUK «Totemskoe muzeinoe ob"edinenie», Tot'ma, 23–26 fevralya 2017 g. [Russian North-2017: problems of studying and preserving the historical, cultural and natural heritage. Collected materials of the international scientific conference of the MBUK "Tot'ma Museum Association", Tot'ma, February 23–26, 2017]. Tot'ma–Vologda: Pava Publ., 2017, pp. 15–20. (In Russian).

Vasil'yeva O.Yu., Knyshevskiy P.V. Krasnyye konkistadory [Red conquistadors]. Moscow: Soratnik Publ., 1994. 270 p.

State and church. Krasnoyarskiy rabochiy [Krasnoyarsk worker], 1920, no. 175, 11 August. (In Russian).

Dvoretskaya A.P. *Religioznaya zhizn' Priyeniseyskogo regiona v pervoy treti XX v. (1900–1930-e gg.)* [The religious life of the Yenisei Siberia region in the first third of the 20th century. (1900–1930-ies)]. Krasnoyarsk: Siberial Federal University, 2015. 188 p.

Isayeva N.N. *Russkoye tserkovnoye serebro kontsa XVII – nachala XX v. v muzeynykh sobraniyakh Krasnoyarskogo kraya. Svodnyy katalog* [Russian church silver of the end of the XVII – the beginning of the XX century in the museum collections of the Krasnoyarsk region. Consolidated catalog]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. V.P. Astaf'eva, 2014. 340 p.

Kandidov B.P. *Monastyri-muzei i antireligioznaya propaganda* [Monasteries-museums and anti-religious propaganda]. Moscow: Bezbozhnik Publ., 1929. 228 p.

Kandidov B.P. *Kogo spasal khram Khrista Spasitelya* [Who saved the Cathedral of Christ the Savior?] Moscow: Moskovskiy rabochiy Publ., 1931. 72 p.

Kaulen M.Ye. Muzei-khramy i muzei-monastyri v per-

первое десятилетие Советской власти. М.: Луч, 2001. 163 с.

Козлов В.Ф. К вопросу об изучении и издании документов о судьбах культурного наследия Русской православной церкви в 1918–1930-е гг. // Вестник РГГУ. 2012. № 6 (86). С. 127–135.

Красильникова Е.И. Деятельность музеев, направленная на охрану памятников в городах Западной Сибири (1920 – первая половина 1941 гг.) // Вопросы музеологии. 2015. № 1 (11). С. 65–75.

Кривова Н.А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: АИРО-XX. 1997. 248 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1973. Т. 24. 567 с.

Малашин Г.В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг. Красноярск: Восточная Сибирь, 2011. 480 с.

Мараш Я.Н. Использование памятников культового искусства в атеистической пропаганде. Минск: Полымя, 1980. 40 с.

Религия и общество в Приенисейской Сибири. 1920–1930-е годы. Красноярск: Поликор, 2011. 400 с.

Сгибнева О.И. Живая память России. Культурное наследие в системе взаимоотношений государства и русской православной церкви. М.: Агент, 1999. 205 с.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства, издаваемое Народным комиссариатом юстиции, 1922. № 19.

Фаст Г. Енисейск православный. Красноярск: Енисейский благовест, 1994. 239 с.

Холина М.В. Ломка большевиками РПЦ и православных традиций в Красноярском крае (1920–1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2009. № 21. С. 31–41.

Цыремпилова И.С. Проблемы сохранения и использования православного культурного наследия в контексте государственно-церковных взаимоотношений в 1920–1930-х гг. (на материалах Байкальского региона) // Власть. 2010. № 7. С. 144–149.

voye desyatiletiye Sovetskoy vlasti [Museums-churches and museum-monasteries in the first decade of Soviet regime]. Moscow: Luch Publ., 2001. 163 p.

Kozlov V.F. On the issue of studying and publishing documents on the fate of the cultural heritage of the Russian Orthodox Church in the 1918–1930's. Vestnik RGGU [RSUH/RGGU Bulletin], 2012, no. 6, pp. 127–135. (In Russian).

Krasil'nikova Ye.I. The activities of museums aimed at protecting monuments in the cities of Western Siberia (1920 – first half of 1941). Voprosy muzeologii [The Problems of Museology], 2015, no. 1 (11), pp. 65–75. (In Russian).

Krivova N.A. Vlast' i tserkov' v 1922–1925 gg. Politbyuro i GPU v bor'be za tserkovnyye tsennosti i politicheskoye podchineniye dukhovenstva [Governance and church in 1922–1925. The Politburo and the GPU in the struggle for church values and political subordination of the clergy]. Moscow: AIRO-KHKH Publ., 1997. 248 p.

Lenin V.I. *Polnoe sobraniye sochineniy. Izdaniye pyatoye.* [Complete Works in 55 volumes]. Vol. 24. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1973. 567 p.

Malashin G.V. *Krasnoyarskaya (Yeniseyskaya) yeparkhiya RPTS: 1861–2011 gg.* [Krasnoyarsk (Yenisei) diocese of the Russian Orthodox Church: 1861–2011]. Krasnoyarsk: Vostochnaya Sibir' Publ., 2011. 480 p.

Marash Ya.N. Ispol'zovaniye pamyatnikov kul'tovogo iskusstva v ateisticheskoy propaganda [Use of religious art monuments in atheistic propaganda]. Minsk: Polymya Publ., 1980. 40 p.

Religiya i obshchestvo v Priyeniseyskoy Sibiri. 1920–1930-ye gody [Religion and Society in Siberia in the basin of the Yenisei river. 1920–1930-ies.]. Krasnoyarsk: Polikor Publ., 2011. 400 p.

Sgibneva O.I. Zhivaya pamyat' Rossii. Kul'turnoye naslediye v sisteme vzaimootnosheniy gosudarstva i russkoy pravoslavnoy tserkvi [The living memory of Russia. Cultural heritage in the system of relations between the state and the Russian Orthodox Church]. Moscow: Agent Publ., 1999. 205 p.

Sobraniye uzakoneniy i rasporyazheniy Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva, izdavayemoye Narodnym komissariatom yustitsii [Collection of legalization and orders of the Workers 'and Peasants' Government]. 1922. № 19. Point 215. (In Russian).

Fast G. Yeniseysk pravoslavnyy [Eniseysk Orthodox]. Krasnoyarsk: Yeniseyskiy blagovest Publ., 1994. 239 p.

Kholina M.V. Breaking the Bolsheviks of the Orthodox traditions in the Krasnoyarsk region (1920–1930-ies.). *Novyy istoricheskiy vestnik* [The New Historical Bulletin], 2009, no. 21, pp. 31–41. (In Russian).

Tsyrempilova I.S. Problems of conservation and using of Orthodox heritage in context of state and church relationships in 1920–1930s (on the territory of Baikal region). *Vlast'* [Power], 2010, no. 7, pp. 144–149. (In Russian).

Яворский А.Л. Двадцать лет на Енисее. Об Аркадии Яковлевиче Тугаринове // Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается... Сборник научных статей. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2011. 384 с.

Yavorskiy A. L. Twenty years on the Yenisei. About Arkady Yakovlevich Tugarinov. *Arkadiyu Yakovlevichu Tugarinovu posvyashchayetsya... Sbornik nauchnykh statey* [Collection of scientific articles about Arkady Yakovlevich Tugarinov]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy krayevoy krayevedcheskiy muzey Publ., 2011. 384 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Вдовин Александр Сергеевич,
кандидат исторических наук, профессор кафедры музеологии и культурного наследия,
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Российская Федерация, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89,
e-mail: vdovin2002@bk.ru
Бобрик Илья Евгеньевич,
студент,
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Российская Федерация, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89,
e-mail: ilya.b97@mail.ru

Information about the authors

Alexander S. Vdovin,
Candidate of historical sciences, professor of the Chair of Museology and cultural heritage,
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev,
89 Ada Levedeva Str., Krasnoyarsk 660049, Russian Federation,
e-mail: vdovin2002@bk.ru
Ilya E. Bobrik,
Student,
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev,
89 Ada Levedeva Str., Krasnoyarsk 660049, Russian Federation,
e-mail: ilya.b97@mail.ru

Критерии авторства

А.С. Вдовин, И.Е. Бобрик выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Vdovin A.S., Bobrik I.E. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94 (39+314.7)
http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-185-191

КОРЕЙСКИЕ КОММУНИСТЫ В ИРКУТСКЕ (ВЕСНА, 1921 ГОД)

© Н.А. Скорикова
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Аннотация. Данная публикация посвящена одному из важнейших событий в истории корейского коммунистического движения – Учредительному Съезду Корейской коммунистической партии. В статье показано влияние революционных событий России на становление освободительного и революционного движение в Корее. Именно Сибирь стала площадкой для подготовки подпольной деятельности на оккупированной Японией территории Кореи и именно в Иркутске произошел окончательный раскол компартии Кореи на так называемые Иркутскую и Шанхайскую группы. Это внутрипартийное противостояние в дальнейшем негативно сказалось на освободительном движении Кореи.

Целью написания статьи является подробное освещение работы делегатов Учредительного съезда корейской коммунистической партии в Иркутске весной 1921 г., определение степени влияния на корейских коммунистов представителей Советской власти. Особую роль здесь сыграл Б.З. Шумяцкий, который, по всей видимости, не просто координировал деятельность съезда, но и влиял на принимаемые съездом решения.

Ключевые слова: коммунистическое движение, Советская власть, Коминтерн, Восточное бюро Коминтерна, Учредительный съезд корейской коммунистической партии, большевики, Б.З. Шумяцкий, Сибирь, Иркутск, Коммунистическая партия Кореи, Сиббюро ЦК РКП(б).

Формат цитирования: Скорикова Н.А. Корейские коммунисты в Иркутске (весна, 1921 год) // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 185–191. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-185-191

KOREAN COMMUNISTS IN IRKUTSK (SPRING, 1921)

© N.A. Skorikova
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation

Abstract. This publication is devoted to one of the most important events in the history of the Korean communist movement – the Constituent Congress of the Korean Communist Party. The article shows the influence of Russia's revolutionary events on the formation of the liberation and revolutionary movement in Korea. It was Siberia that became a platform for training underground activities in the territory of Korea occupied by Japan, and it was in Irkutsk that the Communist Party of Korea finally split into the so-called Irkutsk and Shanghai groups. This intraparty confrontation further adversely affected the liberation movement of Korea.

The purpose of the article is to provide a detailed coverage of the work of the delegates of the Constituent Congress of the Korean Communist Party in Irkutsk in the spring of 1921, the determination of the degree of influence on the Korean Communists by representatives of Soviet power. A special role here played B.Z. Shumyatsky, who, in all likelihood, not only coordinated the activities of the congress, but also influenced to the decisions taken by the congress.

Keywords: communist movement, Soviet power, Comintern, Eastern Bureau of the Comintern, Constituent Congress of the Korean Communist Party, Bolsheviks, B.Z. Shumyatsky, Siberia, Irkutsk, the Communist Party of Korea, the Sibbureau of the Central Committee of the RCP(B)

For citation: Skorikova N.A. Korean Communists in Irkutsk (Spring, 1921). Journal of Ancient Technology Laboratory. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 185–191. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-185-191

Осенью 1917 г. в России произошли события, повлиявшие на ход мировой истории. Лозунг большевиков о праве наций на самоопределение нашел отклик среди представителей разных народов, находящихся в зависимости от империалистических держав. Среди них – Корея, где активизировалось национально-освободительное движение, в авангарде которого были корейские коммунисты.

Это период, который связывает граждан Северной и Южной Кореи единой историей. Интересно, что в конце XX – начале XXI века интерес к коммунистическому движению в Корее, к взаимоотношениям корейских коммунистов с Советской Россией и СССР, вспыхнул с новой силой. Доказательством тому могут служить опубликованные в переводе на русский язык труды М.Н. Пака (Пак М.Н., 2003). С привлечением массива архивных документов им описана деятельность Иркутской и Шанхайской группы корейской компартии в статье «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на подъем национально-освободительного движения в Корее» (Пак М.Н., 2003. С. 772–779).

Безусловно, заслуживает внимания его однофамилец Борис Николаевич Пак, чья жизнь и научная деятельность неразрывно связаны с Иркутском. В центре его исследований были советско-корейские отношения на разных исторических этапах, а так же политика РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерна в отношении корейских социалистических и коммунистических организаций, действовавших как на территории СССР, так и на территории Китая (Пак Б.Д., 2006; 1990. С. 55–63; 2000. С. 95–112).

Несмотря на то, что предметом изучения для Сон Ж.Г. стала проблема депортации и репрессий, она также описывает взаимодействие корейских и советских коммунистических организаций и оценивает их «как подчинение иностранных компартий большевистской идеологии и оперативному контролю со стороны РКП(б) – ВКП(б)» (Сон Ж.Г., 2013).

Итак, под влиянием событий октября 1917 г. в России активизировалось социалистическое движение корейцев, в том числе под марксистскими лозунгами. В марте 1919 г. по Корее прокатилась волна демонстраций с требованием независимости от Японии, быстро перешедшая в вооруженную партизанскую борьбу. Японцы были вынуждены пойти на определенные уступки и отменить военные методы управления Кореей. Были введены корейские законосовещательные собрания, разрешено создание профсоюзов, ассоциаций, партий. Не сложившие же оружие корейские партизаны были вытеснены японскими войсками в российское Приморье. Последующая борьба корейских отрядов с японцами и белыми на стороне красных, а также служба корейцев в частях Красной и Народно-Революционных армий способствовали распространению идей большевизма в корейской среде.

Первой корейской партией на коммунистической платформе стала созданная в Шанхае 8 мая 1919 г. Корейская социалистическая партия. Ее предшественником можно считать созданный в апреле 1918 г. «Союз корейских социалистов». Возглавил новую партию Ли Дон Хви – будущий премьер министр Временного корейского правительства. Члены партии приняли решение о вступлении в Коминтерн. Посредником в этом выступала Советская Россия. Согласно решению корейских коммунистов, в Москву был направлен Пак Чин Сун.

Пытаясь воплотить в жизнь идею мировой революции, большевики всячески поддерживали интернациональные коммунистические организации. Так, 22 ноября 1919 г. в Москве начал работу Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока, а в мае – июне 1920 г. при Сиббюро ЦК РКП(б) был создан отдел нацменьшинств, задачей которого являлось объединение всех групп иностранных коммунистов в Сибири. В апреле 1920 г., когда в России еще шла Гражданская война, была образована корейская секция РКП(б) при Сибирском областном бюро РКП(б). В июне 1920 г. эта секция была переведена в Иркутск и далее подчинялась Восточной секции Сибирского бюро РКП(б). В июле 1920 г. в Иркутске состоялся Всероссийский съезд корейских коммунистических организаций.

Корейские секции были созданы также в Семипалатинске, в Верхнеудинске и ряде других губернских комитетов партии. В 16 корейских национальных парторганизациях насчитывалось 2305 членов и кандидатов (Тихонов, Кан Мангиль, 2011. С. 165). Такая поддержка со стороны России неслучайна: речь шла о предотвращении возможной экспансии со стороны Японии на Дальнем востоке.

В начале 1921 г. в Иркутске было создано Восточное бюро Коминтерна под руководством Бориса Захаровича Шумяцкого. В его состав вошли и представители Корейского национального совета.

К этому времени в среде корейских коммунистических организаций наметился разлад по организационным вопросам, отношениям с Коминтерном и корейскими националистами. Сформировались фракционные группы, особую роль среди которых играли так называемые Шанхайская и Иркутская группы. Главное расхождение касалось приоритетов: иркутская группа видела первоочередной задачу осуществления мировой пролетарской революции, а шанхайская группа во главу угла своей деятельности ставила национально-освободительное движение. Особенно ярко эти противоречия проявились весной 1921 г.

23 марта в газете «Власть труда» появилась заметка, начинавшаяся словами: «19 марта при большом стечении публики, с музыкой и почетными караулами были встречены на вокзале Иркутска прибывшие из разных мест Кореи, Китая, Дальнего Востока и Сибири 70 делегатов первого объединенного съезда корейской компартии. Вокзал был декорирован знаменами» (Власть труда. 1921, 23 марта).

4 мая 1921 г. в Иркутске торжественно открылся Учредительный Съезд Корейской коммунистической партии. На съезде присутствовало 85 делегатов от 26 организаций, а также множество гостей и публики. Стенограммы заседаний на 57 страницах были опубликованы в Иркутске в 1921 г. в № 2 журнала «Народы Дальнего Востока» (Народы Дальнего Востока. 1921. № 2).

Многое из данного номера вошло в сборник документальных материалов по истории Кореи «Корейцы в СССР. Материалы советской печати 1918–1937 гг.» (Корейцы в СССР…, 2004). Правда, в документе не указаны полные имена выступавших корейских делегатов. В протоколах их обозначили буквой, например, вместо Ли Шенга – товарищ Л., очевидно, в свете подготовки к подпольной борьбе с японскими оккупантами.

Первое заседание Учредительного съезда открыл председатель организационного бюро Ли Шенг. По сложившейся среди революционеров традиции, демонстрируя солидарность с международным коммунистическим движением, он предложил избрать почетными председателями съезда вождей международной и русской революции: В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева, К. Цеткин и Б.З. Шумяцкого. Затем он заявил, что японское владычество над Кореей привело корейские трудовые массы к сознанию необходимости совместной борьбы с мировым пролетариатом за свержение мирового капитализма.

Вторым на съезде выступил Борис Шумяцкий, огласив приветствие от имени 3-го Коммунистического Интернационала (Коминтерна). Он напомнил собравшимся о Циммервальдской сентября 1915 г. и Киентальской (Кинтальской) апреля 1916 г. конференциях. Названные по месту проведения в деревнях Швейцарии эти конференции собрали сначала 38, а затем 43 интернационалиста для выработки позиции по Первой мировой войне. Оратор особо выделил именно эту прошлую заслугу тех, кто избежал «всеобщего шовинистического разгула и предательства социалистов», кто не отказался от классовой борьбы и не стал защищать отечество. Также Шумяцкий подчеркнул качественное, а не количественное значение коммунистической партии, необходимость создать ее дисциплинированной, централизованной, с качественным классовым составом членов и их классовым сознанием. «3-й Коммунистический Интернационал требует от своих членов быть активными и непреклонными бойцами. В этом его отличие от желтого (2-го) интернационала, не предъявлявшего к своим членам никаких требований дисциплины, лишенного единства и строго последовательного плана действий… Да здравствует российский пролетариат, в гостеприимной стране которого создается в огне ваша корейская коммунистическая партия!» (Корейцы в СССР…, 2004. С. 52). Как показал последующий ход съезда, именно Б.З. Шумяцкий направлял корейских коммунистов.

С краткими приветствиями к делегатам обратились: Теарэ – представитель Союза коммунистической молодежи при секретариате Коминтерна, К.И. Грюнштейн – от Реввоенсовета 5-й Красной армии, Г.А. Ржанов – от Иркутского губернского комитета РКП(б), С. Буяннэмэх – от Монгольской Народно-революционной партии, И.Л. Магун – от Иркутского губернского комитета профессиональных союзов, Гостилин – от Мадьярской секции РКП(б), Скавроник – от Польской секции РКП(б),

М.М. Сахьянова – от Бурят-монгольской секции РКП(б), В.А. Строганов – от Иркутского губернского исполнительного комитета и ВЦИКа, Нестор Каландаришвили – от Советской Грузии, Джан – от Китайской коммунистической партии. Так Грюнштейн подчеркнул необходимость координации корейского движения с революционным движением японского рабочего класса, а также учета опыта Гражданской войны в России.

С ответной речью на корейском языке выступил представитель Сеульской коморганизации товарищ Ц.: «Я не нахожу слов отблагодарить представителей разных организаций. Невольно вкрадывается в душу сомнение: справимся ли мы с задачей построения корейской коммунистической партии? Но я верю, что русские товарищи придут к нам на помощь. В то время, как корейский пролетариат находится под пятой японского империализма, только русские братья-коммунисты подают ему руку помощи. Мы надеемся, что окончим эту борьбу победителями, свергнем японский империализм и освободим Корею. Надеюсь, что скоро мы такими же близкими друзьями встретимся в том городе, где находится в данное время 3-й Коммунистический Интернационал. Итак, мы, члены великой пролетарской семьи, поймем друг друга и скажем: Да здравствует братство народов!» (Корейцы в СССР…, 2004. С. 60).

В заключение дня открытия 4 мая съезд избрал 5 членов президиума: Ан Вен Чан, Ким Чер Хун, Цой Го Рэ, Ли Шенг и Ким До Хван и 4 секретарей: Хан Те Яме, Ким Афанасий, Ли Ен Ху и Цой Тхе Ер.

На первом заседании 5 мая с часовым докладом «Международное положение Кореи и наши очередные задачи» выступил Шумяцкий. Он в частности указал, что бесшабашная колониальная политика японского империализма раздробляет хозяйственные силы Кореи, нарочито создавая внутри ее элементы раздора и социального и национального конфликта. Это, по его мнению, вполне объясняет ненависть корейского крестьянина к японским империалистам и помещикам-плантаторам.

После выступления Шумяцкого последовал доклад мандатной комиссии.

На втором заседании 6 мая при обсуждении вопроса о 10 делегатах, представивших двойные мандаты, прения приняли обостренный хаотический характер с личными выпадами и бунтарско-анархическими сепаратными выступлениями отдельных лиц. Ввиду этого почетный председатель и уполномоченный Коминтерна Б.З. Шумяцкий разъяснил съезду от имени Коминтерна недопустимость выступлений отдельных делегатов с явным намерением дезорганизовать съезд.

Несмотря на такое «указание» Б.З. Шумяцкого прения по-прежнему носили беспорядочный характер. Наиболее резким было выступление делегата К., заявившего что «съезд проходит под известным давлением», намекая, безусловно, на чрезмерную роль Шумяцкого. Так как председательствующий не остановил оратора, Шумяцкий покинул зал заседаний. По его уходу собрание решило очиститься от бунтарских анархических элементов путем добровольной записи в особом списке делегатов, считающих для себя обязательным считаться с руководящей ролью Коминтерна, что особенно важно для создания единой партии. Таким образом 63 делегата решили раз и навсегда отделиться от группы оппортунистов и постановили в будущем безусловно подчиняться всем решениям и постановлениям ЦК коркомпартии, строго придерживаясь принципов демократического централизма.

На послеобеденном заседании 6 мая были исключены пятеро делегатов за антикоммунистическую работу, за восстановление делегатов против мандатной комиссии, за деятельность анархобунтарского характера. Реплика делегата К. о давлении на съезд получила следующую негативную оценку: «…обвиняя Коминтерн и исполнительные органы в том, что составляет сущность его задач, К. выявил свою антикоммунистическую сущность и мелкобуржуазную психологию, нанес оскорбление руководящему центру международного комдвижения... Принимая во внимание, что оскорбление это не было результатом мимолетного настроения делегата К., а являлось систематически проводимой им национал-шовинистической, антиинтернациональной, мелко-буржуазной, эсеровской точкой зрения на роль Коминтерна, а также принимая

во внимания, что никакими неоднократно уже принимаемыми мерами воздействия нельзя было переубедить делегата К., как чуждого комдвижению человека, – съезд единогласно постановляет исключить его из партии и донести об этом до сведения всех коморганизаций и организаций РКП, и переходит к очередным делам» (Народы Дальнего Востока, 1921. № 2. С. 33).

Восстановив «демократический централизм», Учредительный съезд 7 мая заслушал доклад Шумяцкого «Своевременно ли создание единой корейской компартии». Докладчик оценил вопрос как «не принципиальный, но предрешенный самой жизнью и развитием капитализма, как вопрос практический, и в большей мере тактический» (Корейцы в СССР…, 2004. С. 65).

Шумяцкий призывал к тому, чтобы каждый делегат решал эту задачу трезво, вдумчиво и беспристрастно и за себя лично и за членов пославшей его организации. В последовавших прениях по докладу приняло участие 3 оратора. Большинством голосов (против выступили четверо) создание компартии признано своевременным. Президиуму поручено составление акта вступления в 3-й Коминтернационал. Оглашаются проекты телеграмм: Вождю Мировой пролетарской революции товарищу Ленину, Коминтерн Зиновьеву, Исполкому Коминтерна Кларе Цеткин, ЦК РКП.

Съезд продолжил заседать 8 мая, заслушав доклад товарища Давыдовича «Национальная и колониальная политика Японии в Корее». Выступающий последовательно поведал о Корее под властью Маньчжурской династии, о русско-китайском соперничестве, о соперничестве России и Японии, о надеждах корейской буржуазии и интеллигенции на Америку во главе с президентом Вильсоном и Лигу наций. Затем товарищ Г. озвучил доклад «Коминтерн и задачи Коркомпартии».

Ключевые тезисы можно свести к следующим формулировкам:

на формировании Коркомпартии негативно могут сказаться следующие явления:

- Корея – крестьянская страна, а крестьянство всегда мелкобуржуазно;
- присутствие японцев в Корее, которые, естественно, зарождают во всех классах чувства шовинистически-националистические, религиозные предрассудки;
- в Корее нет оформленного крепкого рабочего класса, который сам определил бы ход общественного движения.

В связи с этим требуется доподлинная революционная работа, работа по выполнению всех приказов 3-го Коминтерна.

9 мая съезд заслушивал доклады с мест, от, как бы сейчас сказали, региональных партийных организаций. 11 мая товарищ Ч. сделал доклад на тему: «Японский пролетариат и корейская беднота». Затем последовали прения и принятия тезисов с поправкой. В тот же день был обнародован доклад «О советском строительстве в Корее» с последующими продолжительными прениями и принятием тезисов (исключение из власти нетрудящегося элемента, чужеземных колонизаторских и всех привилегированных элементов, а также организация власти бедноты на Советских началах) без всяких изменений. Заседания 12 мая были посвящены принятию Устава Коркомпартии из 59 пунктов. На вечернем заседании в тот же день заслушан доклад Военной секции, причем ввиду конспиративного характера военного вопроса» прения не открывались. Затем товарищ Ч. озвучил доклад Рабочей секции по разделам: Социальное положение рабочих, Рабочее законодательство, Экономическое положение, Рабочее движение.

Дальнейшая работа съезда проходила, на наш взгляд, исключительно формально. 13 мая 1921 г. слушали доклад, посвященный истории корейских коммунистических групп в России. 14 мая 1921 г. делегаты Учредительного съезда Коммунистической партии Кореи избрали Центральный комитет в составе: Нам Манчхун, Хан Мен Се, Те Хун, Чхве Горе, А.А. Ким и другие (первые два были делегированы и на 3-й конгресс Коминтерна). 15 мая 1921 г. состоялось торжественное закрытие Учредительного съезда Коммунистической партии Кореи. В заключение состоялся концерт, устроенный школьниками Иркутска для делегатов съезда.

Однако фракционная борьба корейских коммунистов, которая так ярко проявилась на иркутском съезде, с течением времени только усилилась. Уже через полтора месяца после Иркутского

съезда – 28 июня в г. Свободном в Приамурье часть корейских партизан отказалась подчиняться созданному большевиками Корейскому революционному военному совету во главе с Нестором Каландаришвили. Противостояние вылилось в вооруженный конфликт. Со стороны большевиков было принято решение о разоружении оппозиционеров. В результате этого погибло свыше 100 корейцев.

Осенью 1923 г. после роспуска всех фракционных групп Коминтерна была сделана очередная, к сожалению, неудачная попытка восстановления единства корейских коммунистов. При Дальневосточном отделе Коминтерна было создано Корейское бюро из представителей Шанхайской, Сеульской и Иркутской групп и одного представителя корейских коммунистов Японии. Главная задача – создание коммунистической партии на территории Кореи. Однако в феврале 1924 г. это бюро было распущено из-за фракционной борьбы.

Статья поступила 09.11.2017 г.

Article was received in November, 09, 2017

Библиографический список

Пак М.Н. История и историография Кореи. Избранные труды. М.: Вост. лит, 2003. (в пер.). 911 с.

Пак Б.Д. СССР, Коминтерн и корейское освободительное движение: 1918–1925 гг. Очерки, документы, материалы. М.: ИВ РАН, 2006. 415 с.

Пак Б.Д. Первые шаги Советской России в установлении связей с освободительной борьбой корейского народа // СССР и страны Востока. Межвузовский сб. науч. трудов. Иркутск, 1990. С. 55–63.

Пак Б.Д. Возникновение корейского коммунистического и социалистического движения в России // Вестник Междунар. центра азиатских исследований ИГПУ. Иркутск, 2000. Вып. 3. С. 95–112.

Пак Б.Д. Корейцы в Советской России (1917 – конец 30-х годов). М. – Иркутск – Спб.; Иркутск : ИГПИ, 1995. 259 с.

Пак М.Н. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на подъем национально-освободительного движения в Корее // История и историография Кореи. Избранные труды. 2015. С. 772–779.

Сон Ж.Г. Российские корейцы: всесилие власти и бесправие этнической общности. 1920–1930. М.: Гриф и К, 2013. 532 с.

Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: в 2 т. Т. 2: Двадцатый век. Корея: 1905–1945 гг. / В.М. Тихонов; ред., сост. хрон. табл., сост. указателя Т.М. Симбирцева // Труды Института восточных культур и античности: Сер. Orientalia et Classica. М.: Наталис, 2011. Вып. 41. 533 с.

Власть труда. 1921, 23 марта.

References

Pak M.N. *Istoriya i istoriografiya Korei. Izbrannye Trudy* [History and historiography of Korea. Selected Works]. Moscow: Vost. Lit Publ., 2003. 911 p.

Pak B.D. *SSSR, Komintern i koreiskoe osvoboditel'noe dvizhenie: 1918–1925 gg. Ocherki, dokumenty, materialy* [The USSR, the Comintern and the Korean Liberation Movement: 1918–1925. Essays, documents, materials]. Moscow: IV RAN Publ., 2006. 415 p.

Pak B.D. The First Steps of Soviet Russia in Establishing Relations with the Liberation Struggle of the Korean People. *SSSR i strany Vostoka. Mezhvuzovskii sb. nauch. trudov* [The USSR and the countries of the East. Intercollegiate collection. sci. works]. Irkutsk, 1990, pp. 55–63. (In Russian).

Pak B.D. The emergence of the Korean communist and socialist movement in Russia. *Vestnik Mezhdunar. tsentra aziatskikh issledovanii IGPU* [Bulletin of the Intern. Center for Asian Studies ISPU]. Irkutsk, 2000, iss. 3, pp. 95–112. (In Russian).

Pak B.D. *Koreitsy v Sovetskoi Rossii (1917 – konets 30-kh godov)* [Koreans in Soviet Russia (1917 – late 30's)]. Moscow – Irkutsk – St. Petersburg; Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut Publ., 1995. 259 p.

Pak M.N. The influence of the Great October Socialist Revolution on the rise of the national liberation movement in Korea. *Istoriya i istoriografiya Korei. Izbrannye trudy* [History and historiography of Korea. Selected Works], 2015, pp. 772–779. (In Russian).

Son Zh.G. *Rossiiskie koreitsy: vsesilie vlasti i bespravie etnicheskoi obshchnosti. 1920–1930* [Russian Koreans: the omnipotence of power and the lack of rights of the ethnic community. 1920–1930]. Moscow: Grif i K Publ., 2013. 532 p.

Tikhonov V.M., Kan Mangil'. History of Korea: in 2 vol. Vol. 2: Twentieth century. Korea: 1905–1945. *Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti: Ser. Orientalia et Classica* [Proceedings of the Institute of Oriental Cultures and Antiquity: Ser. Orientalia et Classica]. Moscow: Natalis Publ., 2011. Iss. 41. 533 p.

Vlast' truda [The power of labor], 1921, 23 March.

Народы Дальнего Востока. 1921. № 2.

Корейцы в СССР. Материалы советской печати 1918–1937 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. 344 с.

Narody Dal'nego Vostoka [Peoples of the Far East], 1921, no. 2.

Koreitsy v SSSR. Materialy sovetskoi pechati 1918–1937 gg. [Koreans in the USSR. Materials of the Soviet Press of 1918–1937]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2004. 344 p.

Сведения об авторе

Скорикова Наталья Александровна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83,
e-mail: histor@istu.edu

Information about the author

Natalia A. Skorikova,
Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation,
e-mail: histor@istu.edu

Критерии авторства

Н.А. Скорикова провела исследование. На основании полученных результатов провела обобщение и написала рукопись. Имеет на статью авторские права и несет ответственность за плагиат.

Attribution criteria

Skorikova N.A. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор Н.А. Скорикова заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 930.26
http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-192-198

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ КОМАНДНО-НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА В 1937–1938 гг. И УТОЧНЕННЫЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ МАСШТАБА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЧИСТКИ

© В.В. Горохов
Михайловская военная артиллерийская академия,
Российская Федерация, 195009, г. Санкт-Петербург, ул. Комсомола, 22.

Аннотация. Статья посвящена вопросам, связанным с политическими репрессиями командно-начальствующего состава флота в 1937–1938 гг. В ней раскрыты особенности процесса массовых политических репрессий командно-начальствующего состава на Черноморском флоте в период 1937–1938 гг. Проведен анализ по исследованию феномена политических репрессий командно-начальствующего состава на одном из важнейших оперативно-стратегических объединений ВМФ в преддверие Второй мировой войны и уточненные количественные и качественные показатели масштаба политических репрессий командно-начальствующего состава на Черноморском флоте. Отражен масштаб ущерба, нанесенного репрессиями корпусу командно-начальствующих кадров флота. Характеризуя тот период времени, сделан вывод о том, что представители высшего командного и политического состава флота не смогли препятствовать расширению политических репрессий среди командно-начальствующего состава. Пагубность последствий массовых политических репрессий сказалось на снижении боеспособности сил флота.

Ключевые слова: Черноморский флот, флагманы, политические репрессии, командный состав, Военный совет флота, политуправление флота, корабельный состав, военный трибунал, внесудебные органы, исправительно-трудовой лагерь, НКВД.

Формат цитирования: Горохов В.В. Особенности процесса политических репрессий командно-начальствующего состава Черноморского флота в 1937–1938 гг. и уточненные количественные и качественные показатели масштаба политической чистки // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 192–198. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-192-198

FEATURES OF PROCESS OF POLITICAL REPRESSIONS OF THE COMMAND PERSONNEL OF THE BLACK SEA FLEET IN 1937–1938 AND REFINED QUANTITATIVE AND QUALITATIVE INDICATORS OF SCALE OF POLITICAL CLEANING

© V.V. Gorokhov
Mikhailovskaya Artillery Military Academy,
22 Komsomol Str., St.-Petersburg 195009, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to issues related to political repressions command personnel of the fleet in 1937-1938. It describes the features of the process of mass political repressions of the command personnel on the Black Sea Fleet in the period of 1937-1938. The analysis of the phenomenon of political repressions of the command personnel on one of the most important operational-strategic associations of the Navy in the eve of the World War II and refined qualitative and quantitative indicators of the scale of political repressions command personnel on the Black Sea Fleet are done. The scale of the damage caused by the repression of the corps of command personnel of the fleet is reflected. Describing that period of time, it was concluded the representatives of the high command and the political composition of the fleet could not prevent the extension of political repression among command personnel. The harmfulness of the consequences of mass political repressions affected the reduction of the combat effectiveness of naval forces.

Keywords: Black Sea Fleet, flagships, political repression, command structure, Military Council of the Fleet, political Department of the Navy, ship structure, military tribunal, non-judicial authorities, corrective labor camp, NKVD

For citation: Gorokhov V.V. Features of Process of Political Repressions of the Command Personnel of the Black Sea Fleet in 1937–1938 and Refined Quantitative and Qualitative Indicators of Scale of Political Cleaning. Journal of Ancient Technology Laboratory. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 192–198. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-192-198

При проведении исследования феномена политических репрессий командно-начальствующего состава Черноморского флота (ЧФ) как одного из важнейших оперативно-стратегических объединений ВМФ в преддверие Второй мировой войны были выявлены особенности процесса массовых политических репрессией на ЧФ. Проделанный анализ позволил более объективно оценить масштабы потерь в ходе проведения политических репрессий и проанализировать влияние последствий политической чистки на состояние боеспособности сил флота.

Основная задача по проведению массовых политических репрессий на флоте была возложена на структуру органов НКВД. При этом в этот процесс были вовлечены органы военной юстиции, оказавшиеся неспособными противодействовать произволу органов НКВД, – политуправление ЧФ, Военный совет и командование. Командиры, политработники, которые пытались критически осмыслить происходящий процесс, не проявляли должной оперативности, стремились соблюдать букву закона, сами вскоре становились жертвами репрессий.

Широко эксплуатируемая теория военного заговора на флоте не нашла своего документального подтверждения.

В результате арестов и увольнений по политическим причинам, многие структурные единицы ЧФ оказались фактически обезглавленными, что крайне негативно отразилось на уровне боеспособности сил флота.

В ходе исследования выявлены специфические особенности процесса массовых политических репрессий командно-начальствующего состава Черноморского флота в 1937–1938 гг., к которым следует отнести:

1. Активное участие командования ЧФ (командующего ЧФ флагмана флота 2 ранга И.К. Кожанова, члена Военного совета ЧФ армейского комиссара 2 ранга Г.И. Гугина, начальника политуправления ЧФ дивизионного комиссара П.М. Фельдмана, военного прокурора бригвоенюриста ЧФ П.С. Войтеко и др.) на начальном этапе репрессий в мероприятиях политической чистки флота (аресты, увольнения по политическим мотивам).

2. Наряду с расширением репрессий по всем флотским структурам наблюдалось постепенное вертикальное охватывание командно-начальствующего состава более высокого уровня (первоначально подвергались аресту командиры среднего и старшего звена, затем их начальники). В результате те, кто недавно руководил флотскими структурами и пытался управлять процессом политической чистки, были постепенно поглощены репрессиями.

3. Репрессивный процесс на ЧФ протекал неравномерно. Можно выделить активные его фазы. Первая фаза – июнь – июль 1937 г., вторая фаза – июль – август 1938 г., когда количество арестов командно-начальствующего состава резко возрастало (рис. 1, 2).

Это связано, прежде всего, с изменениями внутри политической обстановки в СССР и с исполнительской деятельностью органов НКВД на местах.

4. На ЧФ основная масса уголовных дел за политические преступления (88 %) была рассмотрена органами военной юстиции (ВКВС, военными трибуналами), а не внесудебными органами («двойками», «тройками», ОСО), в отличии от других флотов, например, Северного флота, где доля осуждённых внесудебными органами достигла (74 %) (Мильбах В.С., Сапожников А.Г., Чураков Д.Р., 2014. С. 103–104).

5. Последствия репрессий заключаются, прежде всего, в снижении боеспособности сил флота, вызванного в значительной степени потерями в их управленческом звене. В 1939–1940 гг. было восстановлено на военной службе около 25 % уволенных по политическим мотивам. Однако к началу Великой Отечественной войны преодолеть создавшийся некомплект в командно-начальствующем составе флоту не удалось.

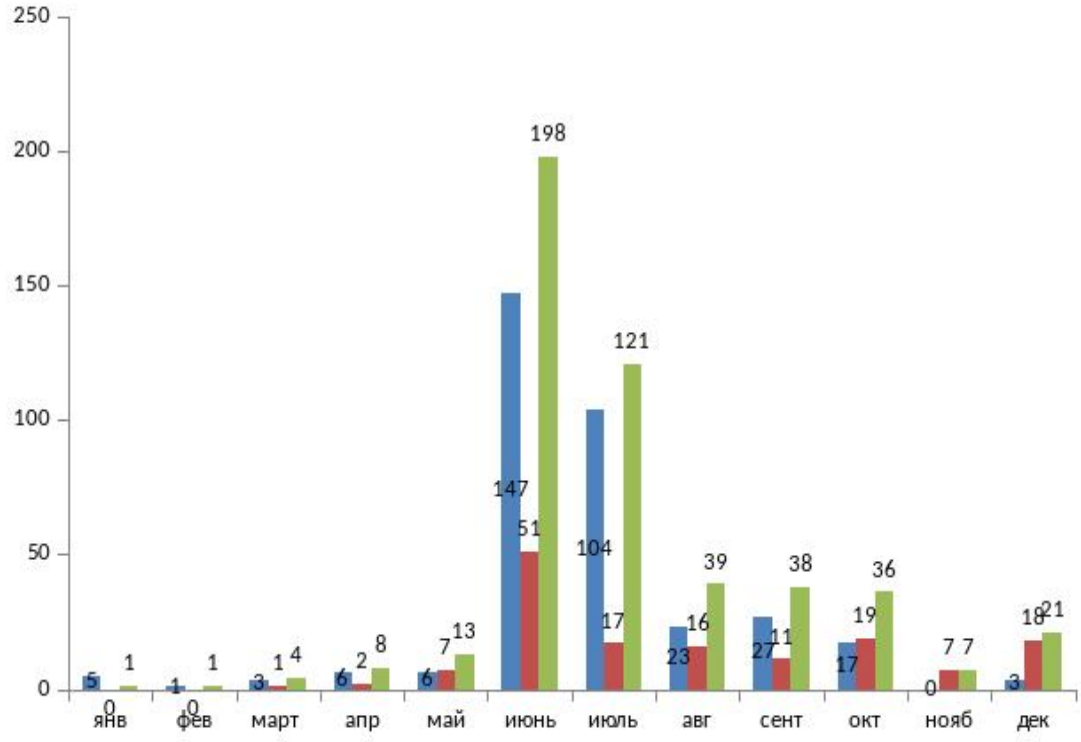


Рис. 1. Статистика количества командно-начальствующего состава ЧФ, подвергшегося репрессиям по месяцам 1937 года

Fig. 1. Statistics of the number of command personnel of the Black Sea Fleet, subjected to repression by the months of 1937

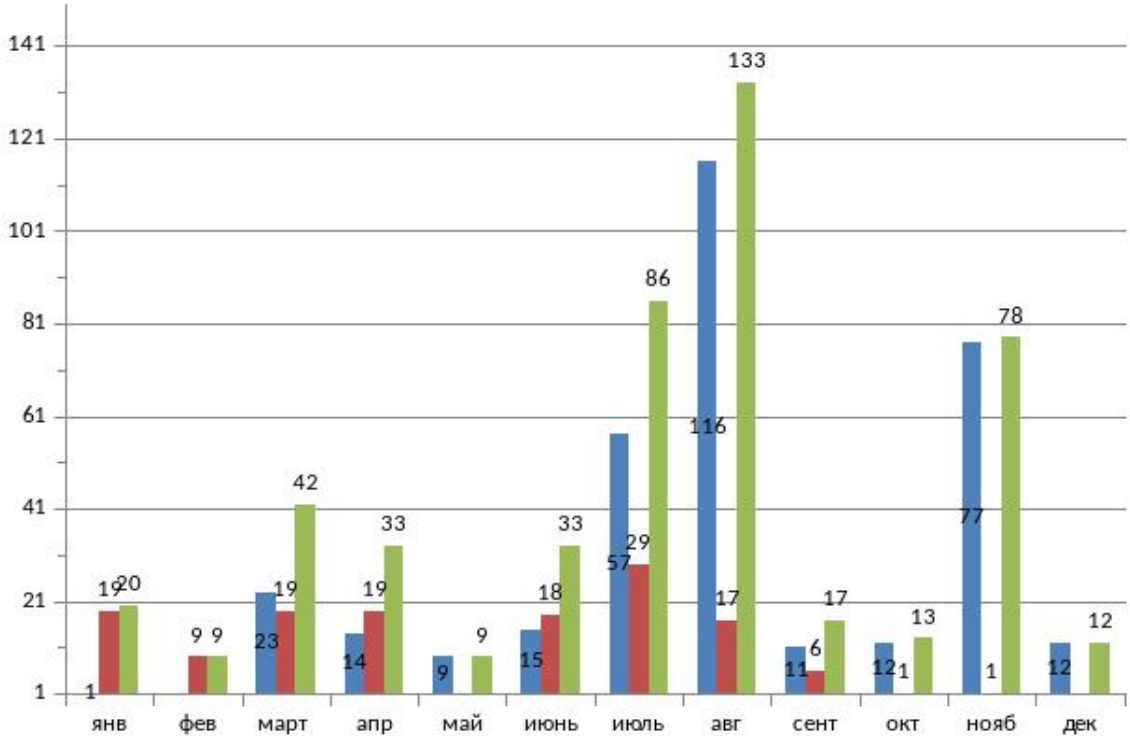


Рис. 2. Статистика количества командно-начальствующего состава ЧФ, подвергшегося репрессиям по месяцам 1938 года

Fig. 2. Statistics of the number of command personnel of the Black Sea Fleet, subjected to repression by the months of 1938

Анализ статистических данных, содержащихся в документах РГА ВМФ и АГВП, позволяет оценить численность репрессированного командно-начальствующего состава ЧФ в 1937–1938 гг. Всего уволено по политическим мотивам 1017 человек, или 28 % всего командно-начальствующего состава ЧФ, которые на какой-то срок (от нескольких месяцев и более) были потеряны для флотской службы. Из уволенных было арестовано не менее 323 человек, из них приговорен к различным срокам заключения в ИТЛ – 81 человек, приговорены к ВМН – 89 человек. Жертвами репрессий стали 99 командиров-черноморцев, в том числе 21 представитель высшего командно-начальствующего состава.

Из общего количества арестованных: были расстреляны – не менее 89 командиров (начальников), или 27 % арестованных; приговорены к различным срокам заключения в исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) – 81 командир (начальник), или 25 % арестованных; освобождены из ИТЛ после пересмотра дела, оправданы судом, освобождены в ходе следствия за отсутствием состава преступления – 15 командиров (начальников) или 4 % арестованных. Жертвами репрессий в том числе стал 21 представитель высшего командно-начальствующего состава.

Из 30 представителей высшего командно-начальствующего состава ЧФ были арестованы 26, при этом 18 из них были расстреляны в 1937–1938 гг., кроме того, три представителя «красного генералитета» предпочли покончить жизнь самоубийством, нежели быть обвиненными в контрреволюционных преступлениях. Таким образом, в 1937–1938 гг. на ЧФ были потеряны безвозвратно 21 и на длительный срок 8 командиров (начальников) высшего звена, т. е. почти весь высший состав Черноморского флота был ликвидирован. Существенные потери в ходе репрессий понесли: Военно-морское авиационное училище им. И.В. Сталина, в котором увольнениям и арестам подверглось 125 человек; Военно-морское артиллерийское училище им. ЛКСМУ – 31 человек; 1-я бригада подводных лодок (1 БПЛ) – арестован и осужден командир бригады флагман 2 ранга Г.В. Васильев, арестован и впоследствии расстрелян командир бригады капитан 2 ранга Н.К. Моралев, в том числе подверглись арестам и увольнениям еще 30 человек; 2-я бригада подводных лодок (2 БПЛ) арестованы и впоследствии расстреляны командир ЛК «Парижская коммуна» капитан 1 ранга А.Я. Пуга, командир КР «Коминтерн» капитан 2 ранга С.И. Кара, начальник политотдела бригады крейсеров бригадный комиссар М.М. Субоцкий, арестован и уволен 31 человек. Увольнения и аресты затронули весь корабельный состав и состав сил береговой обороны МСЧФ.

Общий ущерб Черноморского флота в результате увольнений по политическим мотивам и арестов сопоставим с выводом из строя четверти всего комсостава флота, что сопоставимо с потерей кадров для нескольких морских бригад.

Процесс политических репрессий командно-начальствующего состава ЧФ значительно обострил существующую кадровую проблему на флоте. В 1937–1938 гг. в результате арестов и увольнений по политическим мотивам командно-начальствующего состава ЧФ лишился 146 человек плавсостава, что сопоставимо с потерей командиров (начальников) для 14 эсминцев или 24 подводных лодок. В результате этого, как докладывал 20 ноября 1938 г. наркому обороны К.Е. Ворошилову нарком ВМФ командарм 1 ранга М.П. Фриновский: «….на ЧФ создался текущий некомплект в 116 человек командно-начальствующего состава» (РГА ВМФ. Ф. Р-2153. Оп. 1. Д. 1. Л. 70). Командование и кадровые органы флота пытались укомплектовывать внезапно ставшие вакантными должности имеющимся в наличии командно-начальствующим составом, а в некоторых случаях – младшим комсоставом и рядовым составом, что неизбежно вело к снижению эффективности управления соединениями, частями, кораблями и к снижению качества выполняемых задач.

Наряду с количественными показателями проведен анализ качественного состояния, и можно выделить следующее. Уровень управления флотскими структурами снизился. Значительные потери (более 30 %) понесли: отдел инженерных войск (ОИВ), гидрографический отдел (ГГО) и политуправление ЧФ. Так, отдел инженерных войск имел по списку 46 человек, из которых были уволены 16 (35 %). В ГГО по списку числилось 76 чело-

век, из них были уволены 25 человек (33 %). В политуправлении ЧФ по списку значилось 38 человек, были уволены 12 человек (32 %). Оценивая понесенные в ходе массовых репрессий потери в штабе и отделах ЧФ, необходимо отметить следующее: всего данные структуры насчитывали по списку 283 человек, из них в 1937–1938 гг. были уволены 94 человека (33,2 %). Таким образом, уровень потерь штаба флота, как органа управления, превысил допустимый уровень (30 %), при котором он может выполнять функции управления в полном объеме (Ваккаус М.Ф., 1995. № 1 С. 234).

Потеряв в ходе репрессий часть командиров, способных организовывать и эффективно проводить мероприятия боевой подготовки частей и кораблей, флот утратил позиции, которые были достигнуты в боевой учебе в дорепрессионный период, что сказалось на снижение уровня боевой подготовки сил флота.

Профессиональные качества вновь выдвинутых командиров кораблей и частей не позволяли безаварийно эксплуатировать вверенные им корабли. Начало 1939 г. было «ознаменовано» рядом аварий кораблей. Командующий ЧФ флагман 2 ранга И.С. Юмашев в докладе на заседании Военного совета 4 января 1939 г. подчеркнул: «Аварийность во флоте и авиации занимает значительное место и причинами этому являются либо недисциплинированность, либо прямое невыполнение существующих приказов и положений» (РГА ВМФ. Ф. Р-80. Оп. 6. Д. 23. Л. 2. Выписка из протокола № 6 заседания ГВС РКВМФ от 31.05.1939 г.). Случаи потери учебных торпед в ходе стрельб в 1939 г. приобрели характер устойчивой тенденции. В приказе № 0137 от 15 мая 1939 г. «Об итогах боевой подготовки Черноморского Флота за первый период» командованием флота была дана оценка частям по основным предметам боевой подготовки: в большинстве частей стрелковая, физическая, строевая и химическая подготовки личного состава были оценены «неудовлетворительно» (РГА ВМФ. Ф. Р-80. Оп. 6. Д. 18. Л. 349–356). Снижение уровня профессионализма военных моряков способствовало росту катастроф и аварий на ЧФ и наряду с невыполнением флотом огневых задач и высоким процентом (30 %) неудовлетворительных стрельб береговой артиллерией, отмечалась высокая аварийность на флоте. Несмотря на то, что уже началась Вторая мировая война, командование ЧФ во главе с флагманом 1 ранга Ф.С. Октябрьским не побоялось отразить столь удручающую картину с боевой подготовкой. Строчки приказа № 0340 от 17 октября 1939 г. «Об итогах боевой подготовки ЧФ за второй период 1939 г.» свидетельствуют о бессилии флотского командования восстановить уровень боевой подготовки, утраченный в 1937–1938 гг. В числе причин невыполнения плана боевой подготовки, наряду со стандартными (слабое руководство штабов, командиров и военкомов, слабая работа партийных и комсомольских организаций), прозвучало нечто новое: «Ясно также и то, что недостаточно подготовленные командиры не могут поднять на более высокую ступень БП и свой корабль, боевую часть или подразделение, плохо работая над повышением своего уровня» (РГА ВМФ. Ф. Р-80. Оп. 6. Д. 16. Л. 280–281).

Таким образом, потеряв в ходе репрессий часть командиров, способных организовывать и эффективно проводить мероприятия боевой подготовки частей и кораблей, флот утратил позиции, которые были достигнуты в боевой учебе в дорепрессионный период.

Снижение уровня дисциплины и организованности на Черноморском флоте в период массовых политических репрессий влекло за собой нарастание чрезвычайных происшествий. Дисциплина и организованность на ЧФ лучше не стали, наоборот – по ряду чрезвычайных происшествий или «отрицательных явлений» показатели ухудшились более чем в два раза. Количество летных происшествий (аварий, катастроф, поломок и пр.) по сравнению с 1936 г. (57), в 1937 г. (72), прирост составил 126 %. По сравнению с 1936 г. произошел рост на 1/3 числа самоубийств и покушений на самоубийство (в 1936 г. – 6 самоубийств и 6 покушений на самоубийство), (в 1937 г. – 9 самоубийств и 9 покушений на самоубийство) (РГА ВМФ. Ф. Р-886. Оп. 2. Д. 405. Л. 91–113).

Неисполнительность, безответственность и безразличие, распространившиеся в среде командно-начальствующего состава в период массовых политических репрессий на ЧФ создали благо-

приятные условия для роста травматизма среди личного состава и нарастающего количества аварий, катастроф и пожаров на объектах флота. Например, в 1937 г. пожаров зафиксировано не было, а в 1938 г. их было 7, в 1939 г. – 8. Как и на всем ВМФ, за 1938 г., по сравнению с 1937 г. отмечено, что количество крупных пожаров на флоте имело тенденцию к росту: в 1937 г. – 12, в 1938 г. – 57; т. е. увеличение почти в 5 раз (РГА ВМФ. Ф. Р-886. Оп. 2. Д. 405. Л. 23).

Примечательно, что в 1939 г. флотское командование не стремилось обвинить в авариях и катастрофах неких мифических вредителей и врагов, а делало правильные акценты на исправление воинской дисциплины и организованности, уровень которых значительно снизился в период массовых репрессий на ЧФ. Командующий ЧФ флагман 2 ранга И.С. Юмашев отмечал: «Дисциплина до сих пор значительно низка и не обеспечивает те требования Правительства, которые предъявлены нам в деле обеспечения боевой и политической подготовки» (РГА ВМФ. Ф. Р-80. Оп. 6. Д. 24. Л. 3).

Исправить ситуацию, сложившуюся с высокой аварийностью на флоте, в короткие сроки не удалось. Расхлябанность, пренебрежение к соблюдению требований приказов, директив и установленных норм настолько укоренились в сознании личного состава, что требовалось время для того, чтобы в сознании моряков произошли соответствующие изменения.

Определенным показателем состояния дисциплины и организованности на ЧФ являются сведения о судимости личного состава. По данным военного трибунала ВМФ, в 1938 г. было осуждено 169 военнослужащих, в 1939 г. – 225 военнослужащих (РГА ВМФ. Ф. Р-2153. Оп. 1. Д. 2. Л. 139). Причем на ЧФ наблюдался рост числа осужденных по общеуголовным статьям в 1,3 раза, в то время как на КБФ происходило обратное – снижение в 1,2 раза.

Таким образом, наблюдалось следующее: флот «очистился» от морально и политически чуждых, но дисциплина и организованность на ЧФ лучше не стали, наоборот – по ряду чрезвычайных происшествий или «отрицательных явлений» показатели ухудшились более чем в два раза. Таким образом, последствия массовых политических репрессий командно-начальствующего состава ЧФ отрицательно сказались на состоянии дисциплины и организованности на флоте и на снижение морально-боевых качеств личного состава.

В ходе нашего исследования выявлено неравномерное распределение репрессий по категориям командно-начальствующего состава ЧФ, что позволило определить, против кого было направлено их острие. Основную массу арестованных составляли лица в возрасте от 26 до 45 лет. Сильнее всего пострадал от репрессий старший и в особенности высший состав, именно те, кто командовал соединениями и частями, возглавлял управления и штабы соединений и частей, чьи знания и опыт были особенно необходимы в период активного развертывания вооруженных сил СССР накануне Второй мировой войны.

Статья поступила 30.10.2017 г.

Article was received in October, 30, 2017

Библиографический список

Ваккаус М.Ф. К вопросу об эффективности управления // Военная мысль. 1995. № 1. С. 234.

Мильбах В.С., Сапожников А.Г., Чураков Д.Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава 1937–1938 гг. Северный флот. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2014.

Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. Р-80. Оп. 6. Д. 16.; Оп. 6. Д. 18; Оп. 6. Д. 24.; Ф. Р-886. Оп. 2. Д. 405; Ф. Р-2153. Оп. 1. Д. 1; Оп. 1. Д. 2.

References

Vaccuous M. F. To the question about the effectiveness of management. *Voennaya mysl'* [Military thought], 1995, no. 1, p. 234. (In Russian).

Milbach V. S., Sapozhnikov, A. G., Churakov D. R. *Politicheskie repressii komandno-nachal'stvuyushchego sostava 1937–1938 gg. Severnyi* flot [Political repression of the command officers in 1937–1938 on the Northern fleet]. St. Petersburg: S.-Peterburgskogo universiteta Publ., 2014.

Russian State Archive of Navy fleet (RGA the Navy). F. R-80. Op. 6. D. 18; F. R-886. Op. 2. D. 405; F. R-2153. Op. 1. D. 1.; Op. 1. D. 2. (In Russian).

Сведения об авторе

Горохов Вячеслав Витальевич,
начальник кафедры физической подготовки,
Михайловская военная артиллерийская академия,
Российская Федерация, 195009, г. Санкт-Петербург, ул. Комсомола, 22,
e-mail: gorohov_babr@mail.ru

Information about the author

Vyacheslav V. Gorokhov,
head of the department of Physical Training
Mikhailovskaya Military Artillery Academy,
22 Komsomol Str., St.-Petersburg 195009, Russian Federation,
e-mail: gorohov_babr@mail.ru

Критерии авторства

В.В. Горохов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Gorokhov V.V. performed research work on the basis of the obtained results was carried generalization, prepared the manuscript for publication, the article has a copyright and is solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 94
http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-199-205

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОСОБОГО ОТДЕЛА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УРАЛЬСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В 1938 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ СПЕЦСООБЩЕНИЙ ОСОБОГО ОТДЕЛА)

© В.С. Мильбах, С.О. Фомичёв
Михайловская военная артиллерийская академия,
Российская Федерация, 195009, г. Санкт-Петербург, ул. Комсомола, 22.

Аннотация. Деятельность особого отдела Главного управления государственной безопасности (ОО ГУГБ) Уральского военного округа (УрВО) в процессе массовых политических репрессий командно-начальствующего состава 1937–1938 гг. характеризуется рядом особенностей. Прежде всего – это раннее начало арестов в среде высшего командного состава.

Проследить развитие репрессивного процесса на его начальной стадии позволяют документы органов НКВД (специальные сообщения, протоколы допросов). Анализ содержания данных документов позволяет более рельефно и качественно оценить происходящее в период большого террора в отдельно взятом военном округе. Так же документы служебной переписки органов НКВД с командованием военного округа свидетельствуют о том, что командующий и члены Военного совета УрВО пытались разобраться с каждым сообщением и принять объективное решение, однако существенно повлиять на процесс массового увольнениям по политическим мотивам командно-начальствующего состава они были не в состоянии.

В статье использовано большое количество материалов из Российского государственного архива (РГВА), большинство приведенных в данной публикации документов ранее не публиковались и вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: командно-начальствующий состав, массовые политические репрессии, Уральский военный округ, спецсообщение, протокол допроса, особый отдел, арест, расстрел.

Формат цитирования: Мильбах В.С., Фомичев С.О. Деятельность особого отдела Главного управления государственной безопасности Уральского военного округа в 1938 г. (по материалам спецсообщений особого отдела) // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 199–205. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-199-205

ACTIVITIES OF THE SPECIAL DEPARTMENT OF THE MAIN DIRECTORATE OF STATE SECURITY OF THE URAL MILITARY DISTRICT IN 1938 (ACCORDING TO SECRET REPORTS TO THE SPECIAL DEPARTMENT)

© V.S. Milbach, S.O. Fomichev
Mikhailovskaya artillery military Academy,
22 Komsomol Str., Saint-Petersburg 195009, Russian Federation

Abstract. Activities of the Special Department of the Main Directorate of State Security (SDMDSS) of the Ural military district (UMD) in the process of mass political repressions of the command personnel in 1937–1938 is characterized by several features. First of all, there are early arrests among senior officers.

The documents of the NKVD (special reports, interrogation reports) allow to trace the development of the repressive process at its initial stage. A content analysis of these documents allows to more clearly and accurately assess what was happened in the period of the great terror in a particular military district. Also, the documents of the official correspondence of the NKVD with the command of the military district show that the commander and members of the Military Council of the Urals Military District tried to deal with each message and make an objective decision, however, they could not significantly affect the process of mass dismissals of command personnel for political reasons.

The article used a large number of materials from the Russian State Archive (RGVA), the majority of given in this publication documents not previously been published and put into scientific circulation for the first time.

Keywords: command and commanding staff, mass political repression, the Ural Military District, special report, the transcript of the interrogation, the special unit, arrest, execution
For citation: Milbach V.S., Fomichev S.O. Activities of the special Department of the Main Directorate of State Security of the Ural Military District in 1938 (According to Secret Reports to the Special Department). *Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 199–205. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-199-205

Массовые политические репрессии охватили войска Уральского военного округа (УрВО) весной 1937 г., причем основной удар органами НКВД был нанесен по высшему командному составу этого территориального оперативно-стратегического объединения РККА. В 1937 г. по обвинению в совершении контрреволюционных преступлений органами НКВД были арестованы последовательно сменявшие друг друга командующие войсками комкоры: И.И. Гарькавый, Б.С. Горбачев и Я.П. Гайлит, заместитель командующего комкор М.И. Василенко, а также члены Военного совета УрВО корпусной комиссар Г.А. Зиновьев и дивизионный комиссар Г.А. Тарутинский (Черушев Н.С., Черушев Ю.Н., 2012. С. 32–37, 52–53, 65, 68, 71). Все они были расстреляны. В 1937 г. увольнениям по политическим мотивам подверглись не менее 400 командиров (начальников), проходивших службу в УрВО.

Документы служебной переписки особого отдела НКВД ГУГБ с командованием УрВО свидетельствуют о продолжавшихся репрессиях в этом военном округе и в 1938 г. Следует отметить, что в поле зрения органов НКВД находились различные вопросы жизни и деятельности войск. Например, 1 февраля 1938 г. заместитель начальника ОО ГУГБ НКВД УрВО сообщал командующему военным округом о том, что в неприкосновенном запасе 22-го отдельного саперного батальона хранятся мясные консервы, которые «к дальнейшему хранению признаны негодными и подлежат немедленной замене» (РГВА. Ф. 25892. Оп. 8. Д. 15. Л. 1).

Спецсообщение заместителя начальника ОО ГУГБ НКВД от 4 марта 1938 г. касалось состояния мобилизационной готовности Свердловского мобилизационного округа. Старший лейтенант ГБ С.И. Граховский сообщал командующему УрВО комкору Г.П. Сафронову: «Из 19 районных военных комиссаров исключено из ВКП(б) 5 человек за связь с врагами народа и моральное разложение» (РГВА. Ф. 25892. Оп. 8. Д. 15. Л. 4). Далее в спецсообщении отмечалось: «Изъято из аппарата Мобокруга и уволено из РККА среднего начсостава по компрометирующим материалам 7 чел. Уже арестовано и оформляется арест – 6 чел. Свердловское управление Моб. Округа до последнего времени возглавлял полковой комиссар НИКИФОРОВ, который 2 марта с. г. нами арестован. В 1937 году в Свердловской Области вскрыта мощная контрреволюционная право-троцкистская повстанческая организация» (РГВА. Ф. 25892. Оп. 8. Д. 15. Л. 5).

В спецсообщении о состоянии складов огнеприпасов Свердловского гарнизона содержится обстоятельный анализ недостатков в системе боевой готовности. Старший лейтенант ГБ Граховский сообщал: «В подавляющем большинстве частей гарнизона боеприпасы, осветительные и имитационные средства и ВВ размещены в неприспособленных и непригодных для хранения этого имущества помещениях» (РГВА. Ф. 25892. Оп. 8. Д. 15. Л. 67). Значительная часть спецсообщения была посвящена противопожарному состоянию военных объектов: «Особо неблагополучно с предупредительными мероприятиями в пожарном отношении в авиагарнизоне. Проверкой установлено: огнесклад и бомбохранилище находятся в непосредственной близости от водородохранилища, в 40 м от маслохранилища и 80 м от бензинохранилища, что создает прямую угрозу пожара (в ангарах промасленные тряпки, щепа, в ведрах керосин)…» (РГВА. Ф. 25892. Оп. 8. Д. 15. Л. 78). Отмечались и недостатки в караульной службе на объектах Свердловского гарнизона: «По тревоге в 126 артполку караул не знал где и в каком порядке строиться. Усиление на посты пошло с незаряженными винтовками» (РГВА. Ф. 25892. Оп. 8. Д. 15. Л. 75); «Причина неудовлетворительного несения караульной службы кроется в том, что подготовку караулов, как правило, проводят младшие командиры» (РГВА. Ф. 25892. Оп. 8. Д. 15. Л. 75).

В некоторых случаях особый отдел представлял развернутые спецсообщения по вопросам

службы войск. Так, спецсообщение от 5 мая 1938 г. представляло собой отчет о недостатках, вскрытых в период первомайских праздников: «По имеющимся в ОО данным, в дни празднования Первомайских торжеств по частям Свердловского гарнизона имели место следующие недочеты в несении караульной службы и состоянии воинской дисциплины». Далее следовали факты нарушения службы войск: в в/ч 5332 дежурный по части и его помощник были на дежурстве без оружия; в 245-м стрелковом полку заступающий 1-го мая в наряд капитан Ищенко был отпущен на охоту, «взамен него был назначен старший лейтенант Романчиков, находящийся под следствием за пьянство и утерю секретных документов»; в 4-м отдельном батальоне связи при проверке службы войск 30 апреля и 2 мая были обнаруженные спящие на посту часовые; 3 мая на посту склада № 188 обнаружен спящий часовой (РГВА. Ф. 25892. Оп. 8. Д. 15. Л. 99) и т. п.

Уделял внимание особый отдел НКВД и состоянию боевой учебы войск округа. Например, 14 апреля 1938 г. в спецсообщении командованию военным округом раскрывались недостатки в вопросах боевой подготовки и оперативного управления одного из соединений: «…в 7-й запасной Танковой бригаде неблагоприятно обстоит вопрос с оперативным руководством штаба бригады, состоянием тактической подготовки начсостава и штабной службы. Штаб бригады и штабы батальонов не укомплектованы подготовленным личным составом. Оперативная подготовка личного состава штаба находится на низком уровне. За весь зимний период не было проведено ни одного занятия со штабными командирами. <…> 19–20 марта 1938 г. комбриг СУХОВ на занятиях убедился, что начальник связи Васьковский и др. схему составлять не умеют. Командный состав не знает, с кем может иметь связь и на какой волне. Оперативные документы: совершенно не отработаны штабными командирами, не говоря уже о строевом комсоставе батальонов. Штаб бригады и батальонов не подготовлены на сегодняшний день и не могут осуществлять волю командира по выполнению его боевого приказа» (РГВА. Ф. 25892. Оп. 8. Д. 15. Л. 59–65). Значительный объем и обстоятельность содержания документа свидетельствовали о том, что в бригаде трудятся секретные сотрудники особого отдела и деятельность командира и штаба находится под их наблюдением.

Проявлял бдительность особый отдел НКВД, когда выявлялись факты очковтирательства в боевой подготовке частей. Так, в спецсообщении от 11 мая 1938 г. было отмечено: «Командир 126 артполка майор МИХАЙЛОВ продолжает заниматься очковтирательством. 1. В середине апреля месяца 1938 г. майор МИХАЙЛОВ издал приказ по части о предоставленных ему к 24 апреля 1938 г. к 16.00 сведений о выполнении планов боевой и политической подготовки полка за апрель месяц, включая сюда и последнюю пятидневку, согласно расчета часов по расписанию, что командирами подразделений и было выполнено. Фактически учебные часы последней пятидневки апреля ушли на различные хозяйственные работы в полку и на подготовку к параду. Между тем, в отчете полка, предоставленном в штаб округа, эти часы были отображены как использованные по назначению, т. е. на занятия по политической и боевой подготовке. Очковтирательство со стороны майора МИХАЙЛОВА имеет характер системы, о чем мы информировали Военный Совет УРАЛВО неоднократно (см. н./№№ 45566 от 19.5.37 г., 8409505 от 3.9.37 г., 47648 от 11.9.37 г.)» (РГВА. Ф. 25892. Оп. 8. Д. 15. Л. 166).

Значительное внимание уделял особый отдел состоянию организованности и воинской дисциплине войск. Некоторые спецсообщения касались конкретных воинских частей, например: «В ОО поступают данные, что в/ч 6572 за последнее время резко увеличились факты нарушения воинской дисциплины и случаев пьянства среди рядового и начальствующего состава. Командование и политорганы не принимают должных мер борьбы с аморальными проступками среди военнослужащих: старшина роты тяжелого оружия ШИЛОВ систематически занимается пьянством. Так, 13 января 1938 г., будучи в клубе обувщиков, напился до такого состояния, что не мог найти двери для выхода и стал лезть на стену, а потом устроил дебош; командир отделения ЗАХАРОВ, будучи в городском отпуску, напился пьяным и на 3 часа опоздал. В часть вернулся пьяным; командир отделения

ПЛЕШКОВ 17 января 1938 г. ушел в город в самовольную отлучку, напился пьяным и устроил в городе дебош… <…> Случаи пьянства и дебоши имеют место и среди командного и начальствующего состава: старший лейтенант ЧУПРУНОВ и старший лейтенант УТКИН систематически собираются друг у друга на квартирах и пьянствуют. В феврале пьянствовали у ЧУПРУНОВА и передрались, после чего 2 суток не могли выйти на занятия; лейтенант ЖИДЕЛЬ и делопроизводитель обозно-вещевого довольствия СМАГИН систематически пьянствуют у женщин легкого поведения, при чем 2 раза в здании штаба полка устраивали попойки. Всего за время с 1 января 1938 г. по 15 января 1938 г. в части имело место до 40 случаев пьянства, 37 случаев самовольных отлучек и опозданий из городского отпуска, 13 случаев сна на посту» (РГВА. Ф. 25892. Оп. 8. Д. 15. Л. 166).

Сведения особого отдела о состоянии дисциплины свидетельствовали, что командир этой части не являлся примером для подчиненных: «Установлены не единичные случаи пьянства и командира части майора ГВОЗДЕВА. <…> После перемещения в/ч из г. Кунгура в г. Киров пьянство и другие факты нарушений воинской дисциплины продолжают увеличиваться» (РГВА. Ф. 25892. Оп. 8. Д. 15. Л. 168, 169).

К весне 1938 г. в войсках округа значительно ухудшилось состояние дисциплины, широкое распространение получило пьянство. Спецсообщением от 7 мая 1938 г. заместитель начальника ОО НКВД доводил до командования УрВО: «В Особый Отдел Округа поступили данные, что за последнее время в частях 82-й стрелковой дивизии резко увеличились факты нарушений воинской дисциплины и случаи пьянства среди рядового и начальствующего состава. Пьянство в частях дивизии приняло массовый характер, что отражается на состоянии боевой и политической подготовки частей дивизии. С января месяца 1938 года по 24 апреля с. г. по дивизии установлено 180 нарушений воинской дисциплины, из них 125 случаев пьянства» (РГВА. Ф. 25892. Оп. 8. Д. 15. Л. 93).

Однако большинство спецсообщений особого отдела НКВД командованию войсками УрВО в 1938 г. были связаны с массовыми политическими репрессиями, проводимыми в войсках округа. В значительной части подобных спецсообщений доводилась информация компрометирующего характера о командирах (начальниках). Например, в спецсообщении старшего лейтенанта ГБ Граховского от 1 марта 1938 г. до командования войсками УрВО доводилось следующее: «В Кувшинском Райвоенкомате в должности производителя административно-хозяйственной части служит техник-интендант II ранга ЯНСИТОВ Янсиб Янситович, 1901 года рождения, <…> происходит из семьи муллы. Жена Янситова также является дочерью муллы. <…> считаю необходимым Янситова из РККА уволить» (РГВА. Ф. 25892. Оп. 8. Д. 15. Л. 53, 54).

В спецсообщении особого отдела от 2 апреля 1938 г. старший лейтенант ГБ Гроховский отмечал: «Старшим лекпомом и заведующим складом НЗ 245 стрелкового полка 82 стрелковой дивизии служит ЛОКТИН Иван Григорьевич, 1909 г. р., беспартийный <…> является сыном кулака (отец в 1937 г. арестован, находится в заключении). Прошу рассмотреть вопрос на предмет его увольнения из РККА» (РГВА. Ф. 25892. Оп. 8. Д. 15. Л. 49).

Спецсообщением от 3 апреля 1938 г. до комкора Г.П. Сафронова и дивизионного комиссара Т.Л. Николаева заместителем начальника ОО НКВД ГУГБ доводилось следующее: «В должности Начальника Окружного военного Госпиталя УрВО служит военврач II-го ранга ДОЛГОПЯТОВ. Долгопятов Василий Яковлевич, 1900 г. р., член ВКП(б), бывший австро-венгерский подданный, гражданство СССР не оформил, женат на дочери помещика <…>. В Польше проживают родители и родственники Долгопятова». Поскольку главной задачей политической чистки в армии являлось изъятие из управлений, штабов, соединений, частей, учреждений и военно-учебных заведений всех политически неблагонадежных, то спецсообщение заканчивалось следующим образом: «Считаю необходимым рассмотреть вопрос о возможности оставить Долгопятова в рядах РККА» (РГВА. Ф. 25892. Оп. 8. Д. 15. Л. 39).

Спецсообщением от 26 апреля 1938 г. до командования войсками УрВО доводилась следующая информация: «На КУКЗ Урал ВО в должности

преподавателя служит капитан ВИРЖИЧ Михаил Семенович, 1893 г. р., уроженец с. Бакшиты Ошмянского уезда Виленской губ. (Польша), по анкетным данным белорус, служащий, беспартийный. Все родные и родственники проживают в Польше. С родственниками поддерживает письменную связь. Офицер старой армии, последний чин – поручик. В РККА служит с 1919 г. По имеющимся данным в ОО ГУГБ НКВД УралВО ВИРЖИЧ поддерживал и поддерживает связь с бывшим офицерством. <…> ВИРЖИЧ имеет родного брата, Виржич Степана, проживаюшего в г. Саратове. В конце 1937 г. Виржич Степан арестован органами НКВД за шпионскую деятельность. <…> Сообщается на распоряжение. Со своей стороны ОО ГУГБ НКВД УралВО считает оставление ВИРЖИЧ в РККА невозможным» (РГВА. Ф. 25892. Оп. 8. Д. 15. Л. 89). На подобные спецсообщения командование военным округом не могло не реагировать, поэтому на бланке спецсообщения имеется помета: «Материал на увольнение отослан в Москву 3.5.1938 г. (Подпись) 5.5.38 г.».

В спецсообщении от 28 апреля 1938 г. было отмечено: «В штабе УралВО начальником 2-го отделения Ветотдела служит военврач 1 ранга КЕТОВ Николай Семенович, 1893 г. р., уроженец с. Петропавловка, Катайского р-на, Челябинской обл. По имеющимся данным в ОО ГУГБ НКВД УралВО сведениям КЕТОВ происходит из семьи кулака. С апреля 1919 г. по январь 1920 КЕТОВ служил в белой армии в гаубичном дивизионе ветфельдшером вместе с белыми из г. Кунгура отступал до г. Ачинска. <…> Считаю необходимым рассмотреть вопрос о возможности оставления Кетова на службе в рядах РККА» (РГВА. Ф. 25892. Оп. 8. Д. 15. Л. 111). На бланке спецсообщения имеется помета командующего: «Дать полную социальную характеристику на нач. 2 отд. Ветотдела Кетова». Резолюция комкора Г.П. Сафронова свидетельствовала, что он пытался разобраться в сложившейся ситуации и не спешил увольнять своих подчиненных по первому сигналу из НКВД.

Органы НКВД с размахом раскрывали троцкистские заговоры, контрреволюционные группы, шпионские организации и в других соединениях УрВО, например, в 65-й стрелковой дивизии. 18 марта 1938 г. был арестован помощник командира артиллерийского полка майор Я.Б. Марковский. После месяца обработки его в УНКВД, следователи установили: Марковский «достаточно изобличается в том, что с 1925 года является участником к-р. польской организации, ставящей своей задачей организованную борьбу с сов. властью, в своей практической деятельности проводил к-р националистическую работу и к-р вредительство в пищевом блоке 65 артполка». Для создания видимости националистической организации, сотрудниками НКВД были арестованы некоторые командиры польской национальности: начальник боепитания 65 ап интендант 3 ранга В.В. Домбровский, помощник командира батареи лейтенант Г.К. Граховский, помощник командира батальона старший лейтенант А.К. Зинкевич, командир взвода отдельного танкового батальона лейтенант В.К. Фриденберг[1].

Нельзя не отметить активную работу особых отделов НКВД по выявлению шпионов в частях УрВО. Ю.И. Котть был ценным работником радиоразведки: имел опыт агентурной работы, знал эстонский и финский языки. Однако в августе 1935 г. в результате кадровых перестановок был переведен служить в артиллерию УрВО. Начальник разведотдела ЛВО полковник Ю.И. Гродис (Юлий Иосифович Гродис в сентябре 1937 г. был арестован и 17 октября 1939 г. приговорен к 10 годам ИТЛ. Освобожден и реабилитирован в 1955 г. В 1956 г. награжден орденом Ленина) добивался у начальника 5-го отдела разведуправления РККА комбрига В.Г. Богового (Василий Григорьевич Боговой 29 мая 1937 г. Боговой был арестован органами НКВД СССР по обвинению в шпионаже и контрреволюционной деятельности, 26 октября 1937 г. ВКВС был приговорен к ВМН) откомандирования его обратно «на должность помощника начальника приемо-передающего пункта в г. Петрозаводск», мотивируя это следующим: «…у нас нет ни одного знающего финский язык оперативного работника и

[1] Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-65276. В 3-х томах: Т. 1. Л. 39, 73, 79, 89 (Справки на арест указанных лиц).
Archive of the UFSB for St. Petersburg and the Leningrad Region, D. P-65276. In 3 volumes: T. 1. P. 39, 73, 79, 89 (Information on the arrest of the mentioned persons).

то, что у нас большой некомплект» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-65323. Л. 22). После разгрома, устроенного НКВД разведывательному управлению РККА и разведотделам военных округов, дошла очередь и до капитана Котть.

Из справки на арест помощника начальника штаба в/ч 5302 капитана Ю.И. Котть, подготовленной особым отделом НКВД УрВО 29 июня 1938 г., было ясно, что он подозревается в шпионаже: «Работая в Кировском полку, КОТТЬ был связан с военнослужащими этого полка финнами – участниками контрреволюционной националистической группы <…>. Проявлял особый интерес к совершенно секретным данным о новых формированиях в гор. Кирове, их численности, дислокации и назначении. Муж сестры КОТТЬ, проживающий в г. Ленинграде, арестован НКВД как шпион» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-65323. Л. 2). 13 июля 1938 г. Ю.И. Котть был арестован. В постановлении об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения указано, что «КОТТЬ Юлиус Иванович, 1906 г. рождения, беспартийный, исключен из ВКП(б), по национальности эстонец, изобличается в том, что находясь на службе в РККА, занимался шпионажем в пользу одного из государств» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. Д. П-65323. Л. 3).

5 февраля 1940 г. Ю.И. Котть был осужден Особым Совещанием при НКВД СССР «как социально-опасный элемент». Шла советско-финляндская война, которая вместе с другими недостатками в подготовке Красной армии, обнажила слабость военной разведки, а в это время опытных специалистов-разведчиков продолжали хладнокровно искоренять органы НКВД, поскольку в ходе массовых политических репрессиях ими решались далекие от обороноспособности страны задачи.

Таким образом, деятельность особого отдела УГБ Уральского военного округа в 1938 г. осуществлялась в русле проводимой в стране и армии политики массовых политических репрессий. Основное внимание особых отделов было сосредоточено на выявлении в войсках военного округа политически неблагонадежных, особенно в среде командно-начальствующего состава. После волны репрессий 1937 г. компетентные органы продолжали выявлять в штабах и частях УрВО «заговорщиков», «шпионов» и «вредителей», что приводило к непрекращающимся арестам в среде командно-начальствующего состава. Документы служебной переписки органов НКВД с командованием военного округа свидетельствуют, что командующий и члены Военного совета УрВО пытались разобраться с каждым сообщением и принять объективное решение, однако существенно повлиять на процесс массового увольнения по политическим мотивам командно-начальствующего состава они были не в состоянии.

Статья поступила 04.09.2017 г.

Article was received in September, 04, 2017

Библиографический список

Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941: Биографический словарь. М.: Кучково поле; Мегаполис, 2012. С. 32–37, 52–53, 65, 68, 71.

References

Cherushev N.S., Cherushev Ju.N. *Rasstreljannaja jelita RKKA (komandarmy 1-go i 2-go rangov, komkory, komdivy i im ravnye): 1937–1941. Biograficheskij slovar'* [Shot the elite of the red army (the commanders of the 1st and 2nd grades, corps commanders, division commanders and equivalent): 1937–1941. A Biographical dictionary]. Moscow: Kuchkovo pole Publ.; a Metropolis Publ., 2012. Pp. 32–37, 52–53, 65, 68, 71. (In Russian)

Сведения об авторах

Мильбах Владимир Спартакович,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Михайловская военная артиллерийская академия,
Российская Федерация, 195009, г. Санкт-Петербург, ул. Комсомола, 22,

Information about the authors

Vladimir S. Milbach,
doctor of historical Sciences, Professor, head of chair of humanitarian and socio-economic disciplines,
Mikhailovskaya artillery military Academy,
22 Komsomol Str., Saint-Petersburg 195009, Russian Federation,
e-mail: v.milbach@yandex.ru

e-mail: v.milbach@yandex.ru
Фомичёв Сергей Олегович,
преподаватель,
Михайловская военная артиллерийская академия,
Российская Федерация, 195009, г. Санкт-Петербург, ул. Комсомола, 22,
e-mail: qwert.fso@yandex.ru

Критерии авторства

В.С. Мильбах, С.О. Фомичёв выполнили исследовательскую работу, на основе полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Sergey O. Fomichev,
teacher,
Mikhailovskaya artillery military Academy,
22 Komsomol Str., Saint-Petersburg 195009, Russian Federation,
e-mail: qwert.fso@yandex.ru

Attribution criteria

Mulbach V.S., Fomichev S.O. performed research work on the basis of the results of the conducted generalization, prepared the manuscript for publication, the article have the copyright and are responsible for plagiarism.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Оригинальная статья / Original article
УДК 929
http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-206-211

АРХЕОЛОГ, ИСТОРИК, МОНГОЛОВЕД…
(К юбилею Прокопия Батюровича Коновалова)

© Н.В. Именохоев
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Российская Федерация, Республика Бурятия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Аннотация. Статья посвящена биографии и научной деятельности археолога, историка, монголоведа Прокопия Батюровича Коновалова, основателя и первого руководителя тематической группы археологии Бурятии.

Ключевые слова: археология, история, монголоведение, Иркутский университет, А.П. Окладников, М.М. Герасимов, П.Б. Коновалов.
Формат цитирования: Именохоев Н.В. Археолог, историк, монголовед… (К юбилею Прокопия Батюровича Коновалова) // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 206–211. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-206-211

ARCHAEOLOGIST, HISTORIAN, MONGOLIST…
(On the Anniversary of Prokopy Baturovich Konovalov)

© N.V. Imenokhoev
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sahyanovoi Str., Ulan-Ude 670047, Republic of Buryatia, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the biography and scientific activity of the archaeologist, historian, researcher of the Mongolia Prokopy Baturovich Konovalov, the founder and the first head of the thematic group of archeology of Buryatia.

Keywords: Archeology, History, Mongolian Studies, Irkutsk University, A.P. Okladnikov, M.M. Gerasimov, P.B. Konovalov
For citation: Imenokhoev N.V. Archaeologist, Historian, Mongolist… (On the Anniversary of Prokopy Baturovich Konovalov). *Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 206–211. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-206-211

Одному из ведущих археологов – хунноведов России, доктору исторических наук, профессору, специалисту в области древней и средневековой истории и культуры народов Центральной Азии, Южной и Восточной Сибири исполняется 80 лет.

Основными направлениями его исследований были и остаются погребальные комплексы евразийских номадов – древних предков монгольских и тюркских народов, создателей ранней государственности и основ кочевой цивилизации Центральной Азии.

Прокопий Батюрович родился 2 декабря 1937 года в семье крестьянина-колхозника в с. Толодой Булусинского сельсовета Эхирит-Булагатского района Иркутской области. Отец юбиляра по родовой принадлежности происходил из

Рис. 1. П.Б. Коновалов на конференции, 1985 г.
Fig. 1. P.B. Konovalov at the conference, 1985

племени сэгээнуд и в конце 30-х годов как ударник коммунистического труда был делегирован на Сельскохозяйственную выставку в Москву. С началом Великой Отечественной войны он был призван в действующую армию и прошел дорогами войны Прибалтику, Белоруссию, Польшу; воевал на Дальнем Востоке и вернулся домой лишь весной 1946 года. Мать тяжело болела. Рано потеряв родителей, Прокопий воспитывался в семье старшего брата. В 1954 году получил среднее образование, закончив Булусинскую семилетнюю и Усть-Ордынскую среднюю школы. В том же году поступил в Иркутский государственный университет на историческое отделение историко-филологического факультета.

Интерес к истории привили у старшеклассника средней школы в краеведческом кружке при Усть-Ордынском окружном музее и в Ангарской археологической экспедиции. Экспедиция под руководством доктора исторических наук А.П. Окладникова работала на острове Лесном, в зоне водохранилищ каскада строящихся гидроэлектростанций на р. Ангаре. Это была первая встреча с полевой археологией. На формирование мировоззрения молодого человека в годы учёбы в университете огромное влияние оказали преподаватели и ученые – археологи-выпускники старой классической школы палеоэтнологов Иркутска, детища Б.Э. Петри. Ежегодно участвуя в раскопках палеолитической стоянки Мальта и многослойного поселения Усть-Белая в экспедиции под руководством антрополога и археолога М.М. Герасимова, студент Коновалов познает методику полевых исследований археологических памятников. На третьем курсе выступает с докладом на III Всесоюзной студенческой археологической конференции в Москве (МГУ). Учеба в университете завершилась дипломной работой по средневековью – «Материальная культура курыкан» под руководством П.П. Хороших.

После окончания университета непродолжительное время П.Б. Коновалов работал лаборантом Института геологии Восточно-Сибирского филиала АН СССР, а с 1960 г. по сегодняшний день – в Бурятском научном центре СО РАН, сначала в отделе истории и этнографии, затем в секторе зарубежного Востока, отделе истории, этнографии и археологии, секторе этнографии и археологии, ныне в отделе истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

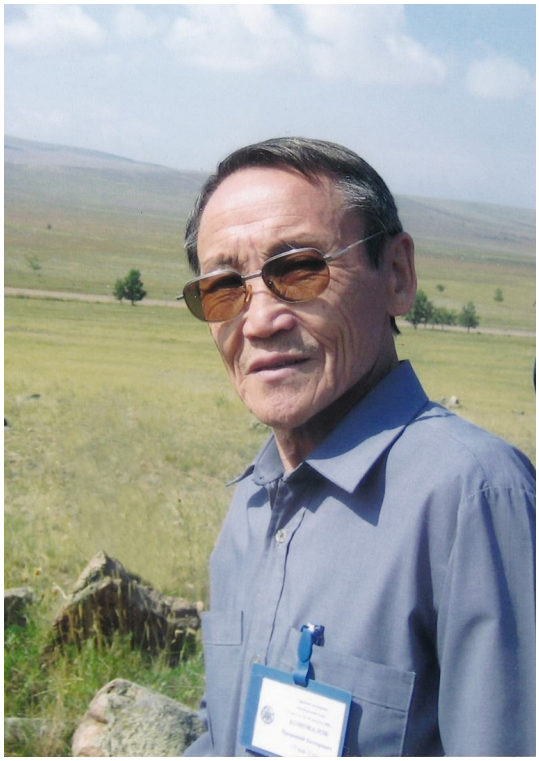


Рис. 2. П.Б. Коновалов на полевой экскурсии по археологическим объектам Бурятии, 2005 г.
Fig. 2. P.B. Konovalov on field excursion on archeological sites of Buryatia, 2005

В первые годы работы в Бурятии Прокопий Батюрович занимается поиском и исследованием памятников эпохи камня – наиболее близкой ему по знаниям тематикой. В начале 60-х годов П.Б. Коновалов поступает в аспирантуру в Сибирском отделении СО АН СССР. Руководитель аспиранта А.П. Окладников убеждает его заняться историей древних центральноазиатских племен с целью выяснения особенностей, специфики, этнических взаимоотношений и возникновения азиатского очага кочевой цивилизации и определяет тематику кандидатской диссертации – «Погребальные памятники хунну».

Материалы из раскопок хуннских курганов троицкосавского уездного врача-антрополога Ю.Д. Талько-Гринцевича, Г.П. Сосновского и А.П. Окладникова в Бурятии требовали нового ос-

Рис. 3. П.Б. Коновалов на раскопках хуннского городища Тэрэлжин Дэрэвэлжин. Монголия, 2007 г.
Fig. 3. P.B. Konovalov at the excavations of the Xiongnu fortifications Tarelzhin Daravalzhin. Mongolia, 2007

мысления и анализа. Перед молодым исследователем стояла сложная задача – переработать китайские письменные источники, изучить известную литературу, набрать за период учебы новый археологический материал.

Для пополнения вещественных источников новым материалом возникла необходимость проведения масштабных раскопочных работ, в ходе которых П.Б. Коновалов разработал и применил новую методику раскопок рядовых захоронений, отказавшись от метода раскопок «колодцем», применявшегося в конце XIX – первой половине XX столетия. Расчистка широкими площадями, когда раскоп значительно превышал по размерам контуры надмогильного сооружения и сопровождающих захоронения объектов, позволяла точной фиксации положения деталей погребальных надмогильных и внутримогильных сооружений и «географии» находок предметов материальной культуры. Этот метод был применен Прокопием Батюровичем при исследовании как рядовых захоронений, так и крупных «княжеских» курганов хунну.

В 1975 г. защитил диссертацию «Погребальные памятники хунну» на Диссертационном совете Института истории, филологии и философии СО РАН. Результаты исследований были опубликованы в монографии «Хунну в Забайкалье» (Коновалов, 1976). В середине 70-х Прокопий Батюрович впервые создает тематическую группу археологов БНЦ СО РАН, исследования которых охватывают широкий хронологический диапазон от палеолита до позднего средневековья. Руководство группой сочетается с активной исследовательской работой. Завершается исследование «княжеского» кургана в Ильмовой пади. Результаты исследования опубликованы в монографиях – «Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье, 2008); «The Burial Vault of a Xiongnu Prince at Sudzha (Ilmovaia pad Transbaikalia) (Boon: Rheinische Friedrich-Wilgelms – Universitat, 2008) (Коновалов, 2008).

В 1981–1991 гг. в составе Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции АН СССР и АН МНР руководит раскопками археологических памятников на территории Монголии со-

вместно с Д. Навааном, Д. Цэвээндоржем, Г. Санжмятавом, Д. Эрдэнэбаатаром.

В 2007–2009, 2012 гг. участвует в археологических экспедициях в Монголии по совместным Монголо-Российскому и Монголо-Американскому научным проектам, вместе с А. Очиром, С.В. Даниловым, Брайн Миллером, Ж. Баярсайханом, Ц. Эгиймой.

Огромный багаж знаний позволял ему совмещать деятельность ученого и педагога. С 1981 по 1991 гг. он читает общий курс археологии («Основы археологии» и «Археология СССР») для студентов-первокурсников исторического факультета в Бурятском государственном педагогическом институте имени Д. Банзарова. В 1992 г. на гуманитарном факультете Бурятского филиала Новосибирского государственного университета организует кафедру истории, археологии и этнографии. Одновременно исполняет обязанности заведующего и вводит дополнительно спецкурс лекций «История и археологические материалы Сибири», «Этногенез и культурогенез монголов», «История народов Центральной Азии и Дальнего Востока». Возглавляемая им кафедра восточного факультета выпустила специалистов историков-востоковедов (со знанием китайского, монгольского, японского и корейского языков), многие из которых прошли аспирантуру в Улан-Удэ, Новосибирске, Москве, Владивостоке и пополнили ряды научных сотрудников БНЦ, преподавательско-профессорский состав БГУ и других высших учебных заведений Бурятии.

Результаты многолетних исследований археологических памятников в хронологическом диапазоне от бронзового века до средневековья в Бурятии и Монголии обобщены в докторской диссертации на тему «Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье)», защищённой на Диссертационном совете Института монголоведении, буддологии и тибетологии СО РАН в 2000 г. (Монография по этой теме была издана несколько раньше – в 1999 г. (Коновалов, 1999).

Огромный опыт полевых исследований, большой творческий потенциал, необыкновенная трудоспособность помогали Прокопию Батюровичу выявлять интересные, малоисследованные проблемы в истории, этнологии, религоведении мон-

Рис. 4. П.Б. Коновалов на раскопках хуннского поселения Мангиртуй. Юг Бурятии, 2016 г.
Fig. 4. P.B. Konovalov at the excavations of the Xiongnu settlement of Mangirtui. South of Buryatia, 2016

Рис. 5. П.Б. Коновалов на раскопках хуннского поселения Мангиртуй. Юг Бурятии, 2016 г.
Fig. 5. P.B. Konovalov at the excavations of the Xiongnu settlement of Mangirtui. South of Buryatia, 2016

гольских народов и намечать пути их решения. Он – автор более 150 научных трудов, в числе которых 10 монографий. Под научной редакцией П.Б. Коновалова издано около 20 сборников статей и монографий разных авторов.

На протяжении своей долголетней научной деятельности он участвовал в международных, всесоюзных, всероссийских и региональных конференциях: в Улан-Баторе, Бишкеке, Алма-Ате, Киеве, Тулузе (Франция), Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Омске, Кемерово, Иркутске, Улан-Удэ, Чите, Владивостоке, Якутске.

За вклад в развитии науки в 1992 г. ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия», в 1999 г. удостоен звания «Заслуженный работник образования Республики Бурятия», в апреле 2017 г. он избран Почетным доктором Института истории и археологии Академии наук Монголии, а в 2012 г. награжден медалью «Хубилай хаан» АН Монголии.

П.Б. Коновалов – член Международной ассоциации монголоведов, Российской ассоциации востоковедов.

С 1982 г. является «Заслуженным ветераном Сибирского отделения АН СССР». С 1998 г. – «Ветеран труда». Имеет Почётные грамоты Президиума АН СССР (1974 г.), Президиума СО РАН (1982), Президиума Верховного Совета Бурятской АССР (1982), Республики Бурятия (1997), Народного Хурала РБ (2012) и другие награды и поощрения.

Прокопий Батюрович находится в самом расцвете творческих сил! От всей души поздравляем глубокоуважаемого Прокопия Батюровича, нашего коллегу, наставника и учителя, с юбилеем, желаем крепкого здоровья, успехов в реализации научных идей и дальнейшей плодотворной работы!

Рис. 6. П.Б. Коновалов на раскопках хуннского поселения Мангиртуй. Юг Бурятии, 2016 г.
Fig. 6. P.B. Konovalov at the excavations of the Xiongnu settlement of Mangirtui. South of Buryatia, 2016

Статья поступила 20.11.2017 г.

Article was received in November, 20, 2017

Библиографический список

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники) / П.Б. Коновалов; отв. ред. Е.М. Залкинд; АН СССР, Сиб. Отделение, Бурятский филиал, Институт общественных наук. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательствово, 1976. 221 с.

Коновалов П.Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье) / П.Б. Коновалов; отв. ред. В.И. Молодин; РАН, Сибирское отделение, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии. Улан-Удэ : Издательство Байкальского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (БНЦ СО РАН), 1999. 214 с.

Коновалов П.Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь. Забайкалье) / П.Б. Коновалов; отв. ред. С.В. Данилов; РАН, Сибирское отделе-ние, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии. Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 2008. 98 с.

Konovalov P.B. The Burial Vault of a Xiongnu Prince at Sudzha (Il`movaia pad', Transbaikalia) / P.B. Konovalov; Vor - und Fruhgeschichtliche Archaologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms – Universitat. Bonn, 2008. 60 p.

References

Konovalov P.B. *Khunnu v Zabaikal'e (pogrebal'nye pamyatniki)* [Xiongnu in Transbaikalia: (Burial sites)]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe Publ., 1976. 221 p.

Konovalov P.B. *Etnicheskie aspekty istorii Tsentral'noi Azii (drevnost' i srednevekov'e)* [Ethnic aspects of the history of Central Asia (antiquity and the Middle Ages)]. Ulan-Ude: Baikal'skogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk (BNTs SO RAN) Publ., 1999. 214 p.

Konovalov P.B. *Usypal'nitsa khunnskogo knyazya v Sudzhi (Il'movaya pad'. Zabaikal'e* [The tomb of the Xiongnu prince in Suji (Ilmovaya Pad, Transbaikalia)]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN Publ., 2008. 98 p.

Konovalov P.B. The Burial Vault of a Xiongnu Prince at Sudzha (Il`movaia pad', Transbaikalia) / P.B. Konovalov; Vor - und Fruhgeschichtliche Archaologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms – Universitat. Bonn, 2008. 60 p.

Сведения об авторе

Именохоев Николай Владимирович,
научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Российская Федерация, Республика Бурятия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6,
e-mail: yni@mail. ru

Information about the author

Nikolay V. Imenokhoyev,
scientific researcher,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science,
6 Sahyanovoi Str., Ulan-Ude 670047, Republic of Buryatia, Russian Federation,
e-mail: yni@mail. ru

Критерии авторства

Н.В. Именохоев подготовил рукопись к печати и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Imenokhoyev N.V. prepared the manuscript for publication and is solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к участию в нашем журнале в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает и развивает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи специалистов различных учреждений России, а также зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом не более 6000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. **Индекс УДК** в верхнем левом углу.

2.2. **Заголовок**, включающий: название статьи (должно быть информативным и, по возможности, кратким), набранное полужирными прописными буквами; инициалы и фамилии авторов.

2.3**. Аннотация**: должна быть информативной, содержать 1000 печатных знаков, с указанием ключевых слов (9–12).

2.4. **Английский перевод** названия статьи, фамилий и инициалов авторов, названия и адреса организации, аннотации, ключевых слов.

2.5***. Раздел* «БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК»**.

2.6. ***Раздел* «СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ»** оформляется в конце статьи в следующем виде:

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Фамилия Имя Отчество,

Степень, звание, должность,

Организация,

Почтовый адрес организации (страна, индекс, город, улица, здание),

e-mail

Information about the author
(англ.) Имя О. Фамилия,
(англ.) Степень, звание, должность,
(англ.) Организация,
(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город, индекс, страна),
e-mail

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, шрифт обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Poman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании ***таблиц*** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы. По окончании статьи помещается библиографический список в алфавитном порядке. Обязательно указание общего числа страниц издания или страничного интервала статей;

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены ***отдельными файлами***: иллюстрации – с расширениями *JPEG, *BMP, *TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии,
К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков
Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal “Journal of Ancient Technology Laboratory” is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.

Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research. The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.

ISSN 2415-8739

The Journal was founded in 2003

Founder: Irkutsk national research technical university

Journal’s headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols. The heading "Review" accepts articles with a volume of not more than 6000 symbols.

The manuscript should have the following order.

2.1. **UDC code** should be placed in the left upper corner.

2.2. **Heading** containing the title of the article typed in Times New Roman, semi-bold; author’s first name and family name; the name of the organization and its postal address; author’s e-mail.

2.3. **Abstract** should consist of 1000 symbols, and include 9–12 key words. The abstract should include the following aspects of the article contents: subject, topic, objective of the research; research methods; research results; results application; conclusion.

2.4. Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.

2.5. Section **«REFERENCES».**

2.6. **Information about authors** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address,

e-mail

3. Manuscript Format Guidelines

Page and paragraph settings: all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

Text settings: a Microsoft Word format, 1.5 line spacing using Times New Roman, 12 pt font size, a full justification. Please avoid using more than one word space.

Numbers should be typewritten in tables.

All *tables* should be in Microsoft Word. Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. 12. Fig. 14). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter. At the end of the article, the bibliographic list is placed in alphabetical order. It is mandatory to indicate the total number of pages of the publication or page interval of articles.

References to *archival* materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations – as *JPEG, *BMP, *TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 4 (25) 2017

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Выход в свет 25.12.17. Формат 60 x 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 27,5.
Тираж 500 экз. Заказ 256. Поз. плана 7н.

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83